

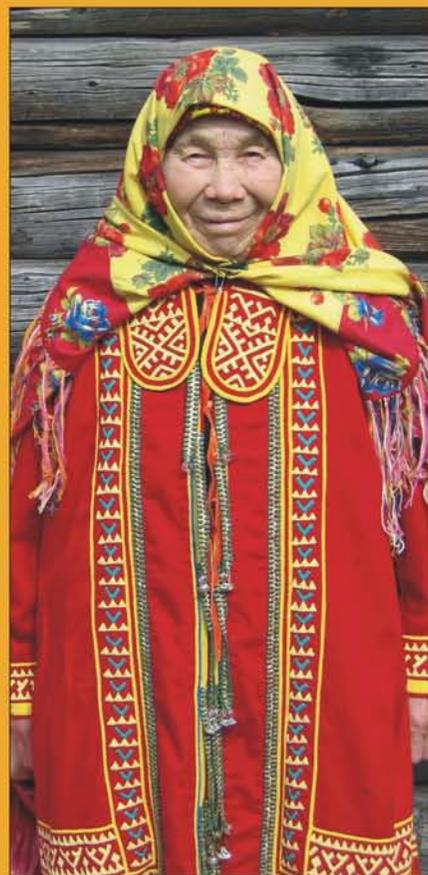

3 (38)

2017

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Электронный журнал

**№ 3 (38)
2017**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия);
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Московченко Д.В., д.г.н., ТюмНЦ СО РАН;
Томилев Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Валь Й., Dr. rer. nat., Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зиминова О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 40-63-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, 2017

Тюмень
Издательство ТюмНЦ СО РАН

FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
SIBERIAN BRANCH
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NORTH

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE JOURNAL

**№ 3 (38)
2017**

ISSN 2071-0437 (online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Moskovchenko D.V., Doctor of Geography, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera

Editorial staff:

Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Wahl J., Dr. rer. nat., Professor, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS;
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

Tyumen
Tyumen Scientific Centre SB RAS Publishing House

Содержание

Археология

Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения черкаскульской культуры в Нижнем Притоболье (по материалам поселения Хрипуновское 1)	5
Орфинская О.В., Толмачева Е.Г., Белова Г.А. Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат (Фаюм, Египет).....	16
Берлина С.В., Костомаров В.М., Рафикова Т.Н., Ткачев А.А., Новиков И.К. Поселение эпохи средневековья Исетское 2 в Приисетье	29
Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Особенности планиграфии и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв.	41
Виноградов Н.Б. О пользе изучения переписки археологов (письмо Н.Н. Бортвина К.В. Сальникову).....	51

Антропология

Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово XI)	60
Худавердян А.Ю., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений	73

Этнология

Богордаева А.А. Жертвенные платки манси (типология и функции)	100
Голева Т.Г. Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы	111
Волжанина Е.А. Демографический облик ненцев Ямала по материалам всероссийских переписей XXI в.	120
Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение	131
Киссер Т.С. Ракурсы этничности немцев Среднего Урала	143
Рязанова С.В., Логвинов Р.Н., Дроздов С.Т. Эволюция антропного мифа в мифологии США: причины, предпосылки, логика	152

Палеоэкология

Афонин А.С., Иванов С.Н., Рябогина Н.Е. Природное окружение населения Пришимья на рубеже бронзового и железного веков (по данным палеоботанических исследований городища Марай-1)	162
Рассадников А.Ю. Результаты археозоологических исследований на поселениях Большая Березовая-2, Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II в Южном Зауралье	176
Информация для авторов	186
Список сокращений	188

На передней стороне обложки: уральские немцы в национальных костюмах, Саратов, июль 2013 г. (фото Т.С. Киссер); деревянная мостовая на территории Тарского кремля, раскопки 2012 г. (фото С.Ф. Татаурова); Мерова А.С. в традиционном мансийском костюме, д. Хурумпауль Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2010 г. (фото А.А. Богордаевой).

Contents

Archaeology

Ilyushina V.V. Technology of pottery production among the Chercaskul culture population in the Lower Tobol basin (on the materials of the settlement of Khripunovskoye 1).....	5
Orfinskaya O.V., Tolmacheva E.G., Belova G.A. Late Antique textiles from the grave 213 (Deir al-Banat, Fayum, ARE).....	16
Berlina S.V., Kostomarov V.M., Rafikova T.N., Novikov I.K., Tkachev A.A. The medieval settlement of Isetskoie 2 in the Iset river basin	29
Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Specifics of planigraphy and improvement of a Siberian town in XVI–XVIII centuries	41
Vinogradov N.B. About the benefits of studying correspondence of archaeologists (a letter from N.N. Bortvin to K.V. Salnikov)	51

Anthropology

Solodovnikov K.N., Tur S.S. On anthropology of the Neolithic population of the Ob river basin near Barnaul (basing on the materials of the burial ground of Firsovo XI).....	60
Khudaverdyan A.Yu., Hakopyan N.G., Zhamkochyan A.S., Engibaryan A.A., Hoganesyan A.A. Anthropological characteristics of individuals of the IX–XI centuries from the monument of Dvin (Armenia) with growth disorders	73

Ethnology

Bogordayeva A.A. Mansi sacrificial kerchiefs (typology and functions)	100
Goleva T.G. Terminology and content of rituals of Komi-Permyak wedding.....	111
Volzhanina E.A. Socio-demographic aspects of the Yamal Nenets people according to All-Russian censuses of the 21 st century.....	120
Nanzatov B.Z., Sodnompilova M.M. Tunka Buryats in the 19 th century: ethnic composition and settlement.....	131
Kisser T.S. Aspects of ethnicity of the Germans in the Central Urals.....	143
Ryazanova S.V., Logvinov R.N., Drozdov S.T. Evolution of the anthropic myth in United States' mythology: reasons, prerequisites, logic	152

Palaeoecology

Afonin A.S., Ivanov S.N., Ryabogina N.E. Environmental conditions in the transition period between the Bronze and the Iron Age in the Ishim river basin, Western Siberia (according to the on-site paleobotanical data from the settlement of Marai 1).....	162
Rassadnikov A.Yu. Results of archaeozoological studies in the settlements of Bol'shaya Berezovaya-2, Malaya Berezovaya-4 and Aleksandro-Nevskoye-II in the Southern Trans-Urals.....	176
Memo to the authors	186
Abbreviations	188

АРХЕОЛОГИЯ

В.В. Илюшина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: vika_tika@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ У НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ХРИПУНОВСКОЕ 1)

Представлены результаты технико-технологического анализа керамического комплекса черкакульской культуры поселения Хрипуновское 1, расположенного в лесостепном Притоболье. Анализ проведен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства. Исследование выявило неоднородность традиций у черкакульских гончаров поселения Хрипуновское 1. Отмечено два вида исходного пластичного сырья — глины и илестые глины. Анализ формовочных масс показал разнообразие искусственных примесей. Доминировала традиция применения шамота с различными органическими примесями, но зафиксированы также тальк, кварцевая дресва, кальцинированная кость, дробленая раковина. Конструирование начинов сосудов производилось в соответствии с донно-емкостной программой. Сосуды изготавливались скульптурной лепкой на плоскости и с использованием формы-основы. Начины и полое тело сосудов конструировались с помощью лоскутов. Обработка поверхностей изделий осуществлялась способом простого заглаживания чаще всего твердыми инструментами, после чего производилось лощение стенок сосудов. Готовые изделия обжигались в очагах или кострищах. На основе полученных данных и сравнения их с информацией по другим территориям можно говорить, что группы черкакульского населения в Нижнем Притоболье появляются в результате их миграций, скорее всего, с территорий, приуроченных к Уральскому региону.

Ключевые слова: Нижнее Притоболье, поселение Хрипуновское 1, черкакульская культура, керамика, технико-технологический анализ, орнаментация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-005-015

История изучения древностей черкакульской культуры с момента первой характеристики керамического материала в работах К.В. Сальникова [1964, с. 11–14] насчитывает более полувека. Несмотря на это вопросы основы и территории ее происхождения не могут считаться разрешенными. На сегодняшний день памятники (поселения и могильники), содержащие черкакульские материалы, обнаружены на достаточно широкой территории с различными ландшафтными характеристиками.

Получены значительные коллекции керамики черкакульской культуры, морфологические особенности которой, а также некоторые наблюдения за визуально фиксируемыми примесями в формовочной массе, следами обработки поверхностей довольно полно отражены в целом ряде работ различных исследователей [Сальников, 1964, с. 11–14; Стоколос, 1972, с. 57–86; Хлобыстин, 1976, с. 14–20; Петрин и др., 1993, с. 159–163; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 22–31; Матвеев, 2007, с. 19–25; и др.]. В то же время специального изучения технологии производства черкакульской посуды не проводилось. Исключение составляет единственная работа В.И. Мухаметдинова, дающая представление об особенностях гончарного производства групп черкакульского населения, проживавших на территории Южного Зауралья [2014].

Целью настоящего исследования в первую очередь является введение в научный оборот нового источника историко-культурной информации, а именно данных о технологии изготовления керамики у населения черкакульской культуры поселения Хрипуновское 1, а также выявление специфики комплексов с территории Нижнего Притоболья относительно черкакульских древностей из сопредельных регионов.

Поселение Хрипуновское 1, расположенное в Исетском районе Тюменской области, исследовалось под руководством Ю.В. Костомаровой в 2008–2010 гг. [Костомарова и др., 2011]. В

результате работ на памятнике получен комплекс керамики, содержащий фрагменты не менее чем от 550 сосудов (по шейкам).

Технико-технологическому анализу подвергнуты верхние части 179 изделий. Аналитические исследования проводились в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11]. С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки каждого экземпляра были нагреты в муфельной печи до 850 °С.

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1–3). По изученному материалу выявлено, что гончарами черкаскульской культуры отбиралось два вида исходного пластичного сырья (далее ИПС) — природные ожелезненные глины и илистые глины.

В качестве естественных примесей природные глины (70 сосудов, или 39,1 %) содержат различное количество кварцевого песка прозрачного и полупрозрачного, окатанного и полуокатанного, размер частиц которого составляет в основном от менее 0,1 до 0,1–0,2 мм, встречаются включения размером от 0,4–0,8 до 1,0 мм, единично — от 1,0–1,5 до 2,0–3,5 мм. В сырье значительной части изделий зафиксированы окислы железа как в виде мягких, легко разрушающихся иголкой частиц рыжего, охристого и темно-коричневого цвета, округлой и аморфной формы, размером от 0,3–1,0 до 2,5 мм, единично — до 4,0–5,0 мм, так и в виде включений оолитового бурого железняка размером от 0,2–1,0 до 2,0 мм. В некоторых образцах зафиксированы обломки лимонита или гематита размером от 0,5–1,5 до 2,0–5,0 мм. Предположительно с сырьем связаны рыхлые светло-серые или светло-коричневые комочки аморфной или геометрической формы размером 0,2–2,5 мм, единично — до 6,0 мм. В единичных случаях отмечены пылевидные листочки слюды размером 0,1–0,2 мм.

По минералогическому составу илистые глины (109 сосудов, или 60,9 %) близки к природным глинам. Отличием этого вида сырья является присутствие остатков водной и околородной флоры и фауны. В изломах сосудов отмечаются отпечатки либо полуразрушенные включения раковин речных моллюсков размером от 0,2–0,5 до 3,0–7,0 мм (от единичных включений до 20–45 включений на 1 см²) (рис. 1, 1, 2). В изломах 10 сосудов обнаружены фрагменты чешуи или косточек рыб размером 0,5–5,0 мм (рис. 1, 5). Во всех сосудах зафиксированы отпечатки обрывков стеблей и листьев растений без следов деформации длиной от 2,0–3,0 до 5,0–10,0 мм (рис. 1, 2, 3), а также обуглившиеся семена растений размером до 1,0 мм (рис. 1, 4). В двух случаях отмечены единичные окатанные комочки сырья с включениями растительности размером 6,0–7,0 мм.

Отметим, что наличие двух видов ИПС, выявленных в процессе изучения коллекции, отражает развитие представлений черкаскульского населения об исходном сырье. Представления об ИПС являются субстратными навыками труда в гончарстве, т.е. наиболее устойчивыми и способными сохраняться без изменений в течение длительного периода времени, даже в условиях культурного смешения [Бобринский, 1978, с. 67–70].

В ИПС 14 сосудов, изготовленных из природных глин, и 5 сосудов, по фрагментам которых выявлены признаки использования илистых глин, обнаружены обломки минералов слабо- или неокатанных, полупрозрачных бесцветных, реже — молочного цвета размером от 0,1–0,3 до 0,4–2,5 мм, единично — до 5,0 мм (от нескольких до 10–15 включений размером 0,5–1,0 мм на 1 см²). Изучение образцов глин и илистых глин, отобранных в различных районах Тоболо-Ишимского междуречья, и сравнение особенностей песка в эталонах и фрагментах изученной керамики на данном этапе исследования позволяют предположить импортный характер этих сосудов.

Гончарами поселения использовалось ИПС различной степени запесоченности (табл. 1). Сырье слабой степени запесоченности характеризуется наличием частиц песка размером в основном $\leq 0,1$ мм и до 0,2 мм (не более 20–30 включений на 1 см²), в некоторых образцах также присутствуют фракция размером 0,3–0,5 мм (3–5 включений на 1 см²) и единичные песчинки размером до 2,0–3,0 мм. Среднезапесоченное ИПС содержит частицы песка размером до 0,1–0,2 мм (40–70 включений на 1 см²), выявлена фракция размером 0,3–0,5 мм (3–5 включений на 1 см²), встречаются включения до 1,0–3,0 мм. В сырье сильной степени запесоченности концентрация песка значительна, основной размер песчинок 0,1–0,2 мм (более 100 включений на 1 см²), часто фиксируется фракция размером 0,4–0,8 мм (5–15 включений на 1 см²), также встречаются включения размером 1,0–3,5 мм. Гончары поселка отдавали предпочтение слабозапесоченному, или «жирному», сырью.

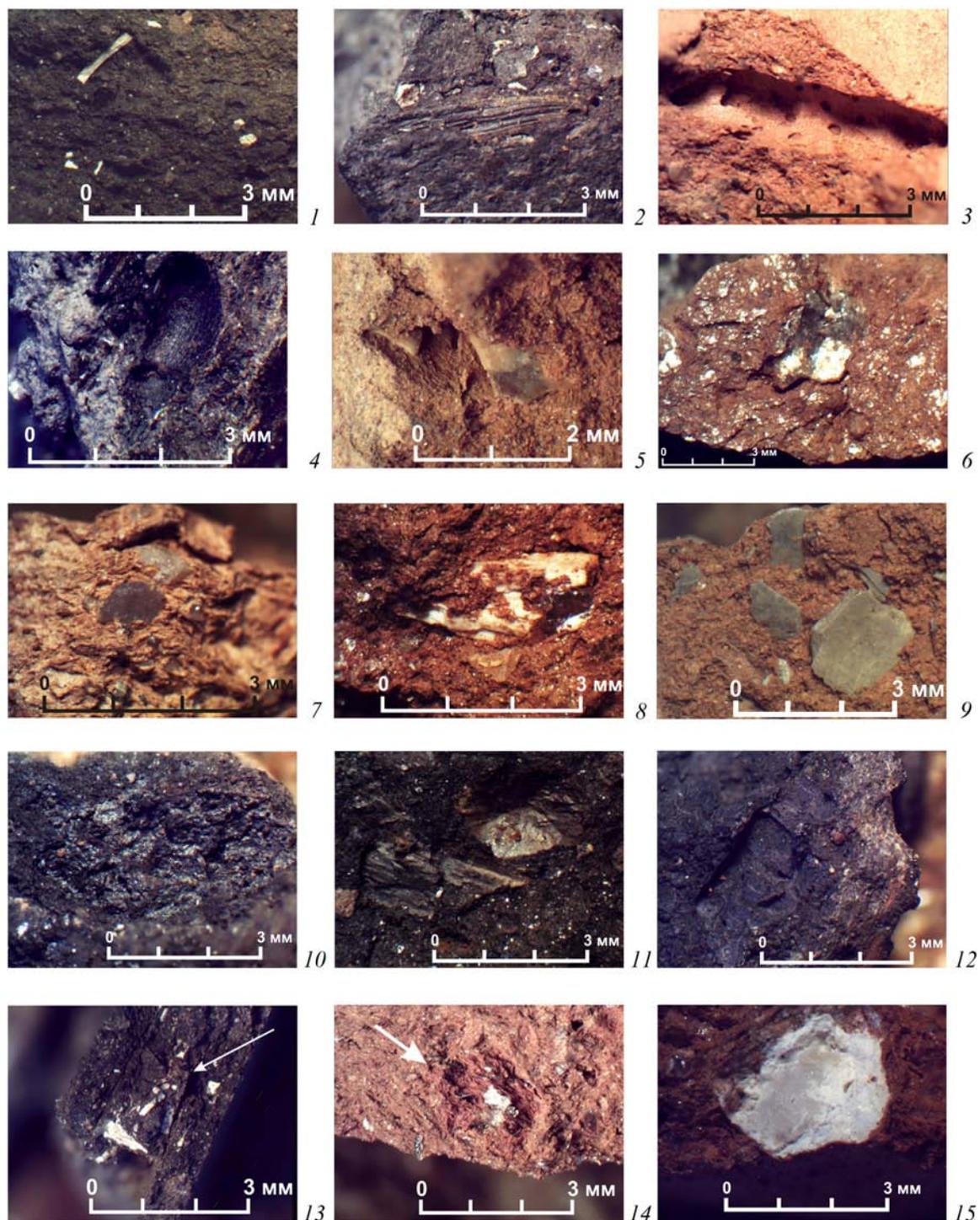

Рис. 1. Микроснимки естественных (1–5) и искусственных примесей (6–15) в исходном пластичном сырье и формовочных массах сосудов:

- 1 — обломки раковины речных моллюсков; 2 — отпечатки растительности и обломков раковин речных моллюсков; 3 — отпечаток растительности; 4 — отпечаток семени растения; 5 — обломки чешуи рыб; 6 — включения тальковой дресвы; 7 — включения кварцевой дресвы; 8 — включение кальцинированной кости; 9 — включения дробленой раковины речных моллюсков; 10 — следы органического раствора первой разновидности; 11, 12 — отпечатки органики (растительной?) в составе органического раствора второй разновидности; 13 — включение шамота с раковиной в составе; 14 — включение шамота, в состав которого входит тальк; 15 — включение шамота из нежелезненной глины, в состав которого входит кварцевая дресва.

Соотношение групп ИПС керамики

Основные группы ИПС	Природные глины	Илистые глины
Слабозапесоченное	37/20,7*	60/33,5
Среднезапесоченное	16/8,9	32/17,9
Сильнозапесоченное	17/9,5	17/9,5
Всего сосудов	70/39,1	109/60,9

* Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — % от общего количества сосудов

Отсутствие признаков предварительного высушивания и дробления говорит о том, что различные виды ИПС использовались в состоянии естественной влажности.

Составление формовочных масс (ступень 4). По исследованному материалу зафиксировано разнообразие использовавшихся гончарами минеральных, органоминеральных и органических искусственных примесей. Минеральные и органоминеральные добавки при их подготовке не подвергались калибровке — отмечается как пылевидная фракция, так и достаточно крупные включения примесей.

У большинства сосудов (171 экз.) в составе формовочных масс зафиксирован шамот в основном не крупнее 2,5–3,0 мм, при этом нередко размер включений достигает 4,0 мм, единично — 8,0 мм. Концентрация шамота в формовочной массе варьируется от единичных включений до 1:3, но чаще всего он добавлялся в пропорции 1:4/5 (120 сосудов, или 70,2 %), реже — 1:6 (30 сосудов, или 17,6 %), 1:3 (10 сосудов, или 5,8 %). Редки сосуды, в формовочных массах которых концентрация шамота составляет 1:7/8 (7 сосудов, или 4,1 %) либо встречаются лишь единичные включения (4 сосуда, или 2,3 %). При корреляции концентрации шамота в формовочных массах, видов ИПС и степени их запесоченности жестких закономерностей не выявлено.

В незначительной группе изделий в составе формовочной массы обнаружена дресва, представленная двумя основными разновидностями — тальком (нередко конгломератными включениями талька и кварца) и кварцем. При определении талька как искусственной примеси и его концентрации были использованы наблюдения по эталонным образцам. Тальк зафиксирован в изломах 27 сосудов, представлен включениями от менее 0,1 до 3,0–6,0 мм, единично — 10,0 мм (рис. 1, 6). Концентрация талька в формовочных массах различна и составляет 1:1/2 (4 сосуда, или 14,8 %), 1:3/4 (5 сосудов, или 18,5 %), 1:5/6 (8 сосудов, или 29,6 %), 1:7/8 (10 сосудов, или 37,1 %). Наиболее высокие показатели концентрации зафиксированы в рецептах, в которых отсутствуют другие минеральные примеси.

Кварцевая дресва представлена включениями полупрозрачного бесцветного минерала размером 0,5–2,0 мм, добавленного в концентрации 1:4 (рис. 1, 7).

Кальцинированная кость зафиксирована в составе формовочных масс 17 сосудов, представлена обломками молочно-белого, пепельно-серого, иногда темно-серого цвета размером 0,2–1,5 мм, редко — до 2,5–5,0 мм (рис. 2, 8). Эта добавка чаще всего фиксируется в виде единичных включений (10 сосудов, или 58,8 %) либо в незначительной концентрации — 1:6 (2 сосуда, или 11,8 %), 1:7 (2 сосуда, или 11,8 %) и 1:8 (3 сосуда, или 17,6 %).

Раковина речных моллюсков, предположительно улитки, выделенная в качестве искусственной примеси, дробилась в сыром состоянии и в изломах представлена остроугольными включениями, имеющими четкую геометрическую форму, молочно-белого или серого цвета, в некоторых случаях — с сохранившимся слоем перламутра [Салугина, 2016, с. 68–71] (рис. 1, 9). Преобладающий размер включений составляет 0,2–1,5 мм, реже — до 2,0 мм. Концентрация данного компонента незначительна — 1:7 [Петрова, 2016].

В качестве органических компонентов в подавляющем большинстве сосудов отмечены органические растворы. Анализ особенностей следов в изломах черкаскульской керамики позволяет предположить три их разновидности. Первый органический компонент фиксируется по присутствию в изломах аморфных пустот или удлиненных трещин размером 1,0–4,0 мм, поверхности которых, а также минеральные примеси и отдельные участки изломов покрыты маслянистыми бесцветными, серыми, углистыми пленками, коричневым налетом, иногда в сочетании с углистыми включениями (рис. 1, 10). Данные признаки указывают на наличие растворов, изготовленных, возможно, на основе веществ животного или растительного происхождения, скорее всего обладающих клеящими свойствами.

Другая разновидность фиксируется главным образом по наличию в изломах сосудов объемных пустот геометрической формы, внутри которых иногда отмечаются отпечатки растительных волокон, но чаще всего — ровные поверхности (рис. 1, 11–12). В единичных случаях внутри полостей наблюдаются остатки либо обуглившегося, либо рыхлого серо-коричневого органического вещества. Размер пустот варьируется от 0,5–1,5 до 3,0–5,0 мм. Иногда такие полости сочетаются со следами жидкой составляющей в виде разнообразных налетов и пленок. Определение природы органики, от которой могли образоваться эти пустоты, затруднительно и требует дополнительных исследований. Можно лишь отметить, что ее включения были достаточно твердыми и сохраняли форму при подготовке формовочной массы, но при этом легко выгорали при костровом обжиге, не оставляя практически никаких следов кроме полостей.

Третья разновидность органических растворов характеризуется незначительным количеством отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,5–2,0 мм, реже встречаются обрывки до 3,0–5,0 мм, сопровождающиеся пустотами размером 0,5–2,0 мм со сглаженными матовыми стенками и иногда с сероватыми, белесыми, серо-коричневыми рыхлыми налетами. По особенностям следов выгоревшей органики предполагаем наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных [Илюшина, 2016].

Кроме органических растворов гончарами использовался также навоз жвачных животных в состоянии естественной влажности. Данная примесь характеризуется достаточно большим количеством отпечатков деформированных обрывков стеблей и листьев растений размером от 0,5–2,0 до 5,0–7,0 мм часто в сочетании с пустотами размером 1,0–3,0 мм, покрытыми матовыми пленочками.

На основании сочетания различных видов добавок и видов ИПС удалось выделить 26 рецептов составления формовочных масс (табл. 2).

Таблица 2

Сочетание видов ИПС и компонентов формовочных масс керамики

Состав формовочных масс	Природные глины	Илистые глины
Ш	—	7/3,9
Ш + ОР1	10/5,6	73/40,8
Ш + ОР2	6/3,3	11/6,1
Ш + В	22/12,3	—
Ш + Н	4/2,2	—
Ш + К + ОР1	1/0,6	4/2,2
Ш + К + ОР2	1/0,6	4/2,2
Ш + К + В	2/1,1	—
Ш + К + Н	3/1,7	—
Ш + К	—	1/0,6
Т + В	6/3,3	—
Т + ОР	1/0,6	1/0,6
Ш + Т + ОР1	1/0,6	6/3,3
Ш + Т + ОР2	—	1/0,6
Ш + Т + Н	5/2,7	—
Ш + Т + В	5/2,7	—
Ш + Дкв. + ОР1	1/0,6	—
Ш + ДР	1/0,6	—
Ш + Т + К + ОР1	—	1/0,6
Ш + Т + К + В	1/0,6	—
Всего сосудов	70/39,1	109/60,9

Примечание: Ш — шамот; ОР1 — органический раствор первой разновидности; ОР2 — органический раствор второй разновидности; В — выжимка из навоза жвачных животных; Н — навоз жвачных животных; К — кальцинированная кость; Т — тальк; Дкв. — дресва кварцевая; ДР — дробленая раковина.

Как видно из табл. 2, с глинами сочетаются практически все составы формовочных масс, тогда как в илистых глинах отсутствуют такие составляющие, как навоз, выжимка из навоза, кварцевая дресва.

Технико-технологическому анализу подвергался также шамот как основной компонент формовочных масс, так как его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях гончарного производства. В составе шамота 36 изделий зафиксированы

остатки и пустоты от раковины речных моллюсков, которая, скорее всего, являлась естественной примесью, на основании чего можно предположить использование илестых глин для изготовления сосудов, пошедших на шамот (табл. 3) (рис. 1, 13). В двух сосудах представлены включения шамота из нежелезистой глины (рис. 1, 15). Корреляция видов ИПС, выделенных по изученным сосудам, и сырья, из которого были изготовлены раздробленные изделия, показала, что в большинстве случаев шамот, по которому зафиксировано использование илестых глин, содержится в сосудах, также изготовленных из илестых глин. В составе формовочной массы вышедшей из употребления посуды, использованной для изготовления шамота, имеется только шамот менее чем в трети изученных сосудов (53 сосуда, или 31 %). В формовочной массе 83 сосудов отмечен шамот с двумя составами: с шамотом и тальком (48,5 %). В изломах 31 сосуда в составе шамота обнаружен только тальк (18,1 %) (рис. 1, 14). В изломах фрагментов сосудов, в которых был зафиксирован шамот, полученный при дроблении керамики, изготовленной из нежелезистой глины, наблюдались включения кварцевой дресвы.

Таблица 3

Сочетание рецептов формовочных масс с шамотом и состава шамота в керамике

Состав формовочных масс	Состав шамота						Всего сосудов
	Шамот	Тальк	Шамот из нежелезистой глины	Шамот Тальк	Шамот Кость	Раковина в ИПС	
ИГ + Ш	2	1	—	4	—	4	7
ОГ + Ш + О	13	9	—	19	1	2	42
ИГ + Ш + О	30	7	—	46	1	23	84
ОГ + Ш + К + О	3	1	—	3	—	2	7
ИГ + Ш + К + О	2	1	—	5	—	2	8
ИГ + Ш + К	1	—	—	—	—	—	1
ОГ + Ш + Т + О	—	7	2	3	—	—	12
ИГ + Ш + Т + О	1	3	—	3	—	2	7
ОГ + Ш + Дкв. + О	—	1	—	—	—	—	1
ОГ + Ш + ДР	1	—	—	—	—	1	—
ОГ + Ш + Т + К + О	—	—	—	—	—	—	1
ИГ + Ш + Т + К + О	—	1	—	—	—	—	1
Всего сосудов	53/31	31/18,1	2/1,2	83/48,5	2/1,2	36/ 21	171/100

Таким образом, результаты технико-технологического анализа шамота свидетельствуют, что в гончарстве населения черкаскульской культуры навыки отбора в качестве ИПС глин и илестых глин были достаточно устойчивыми. При этом шамот из илестой глины зафиксирован и в составе формовочных масс сосудов, изготовленных из природных глин, и, наоборот, шамот из природных глин присутствует в большинстве сосудов, изготовленных из илестых глин. Данный факт может указывать на процессы смешения в среде черкаскульского населения и на определенную родственность производителей посуды. Корреляция информации о составе формовочной массы сосудов и шамота в них показывает, что, вероятно, на более раннем этапе развития в рамках этого коллектива были более распространены навыки применения талька.

Особенности конструирования начина и полого тела, формообразования сосудов (ступени 5–7) удалось проследить по изломам лишь четырех изделий (рис. 2, 1–3). Начины сосудов изготавливались в соответствии с донно-емкостной программой конструирования с помощью лоскутов, наращиваемых по траектории, близкой к спиралевидной. Особенности спаев между «строительными элементами» позволяют предполагать изготовление начинов в основном скульптурной лепкой на плоскости, и лишь в одном случае можно предположить применение формы-основы. *Полое тело* данных сосудов и еще 20 изделий также изготавливалось с помощью лоскутного спиралевидного налета (рис. 2, 1, 4–11). *Формообразование* сосудов осуществлялось в процессе конструирования путем выдавливания пальцами и, вероятно, с помощью форм-моделей. Отметим также, что сосуды, по фрагментам которых удалось проследить навыки гончаров на данных ступенях производства керамики, выполнены и из глины, и из илестой глины.

Среди способов механической обработки поверхностей (*ступень 8*) в ходе исследования выделено два — простое заглаживание и лощение. В большинстве случаев внешние поверхности сосудов подвергались сплошному лощению небольшими гальками по подсушенной основе (82 %), в результате чего следы предшествующего заглаживания практически уничтожались

(табл. 4). Лишь на незначительной части сосудов коллекции удалось зафиксировать использование при заглаживании инструментов как с мягкой, так и с твердой рабочей поверхностью.

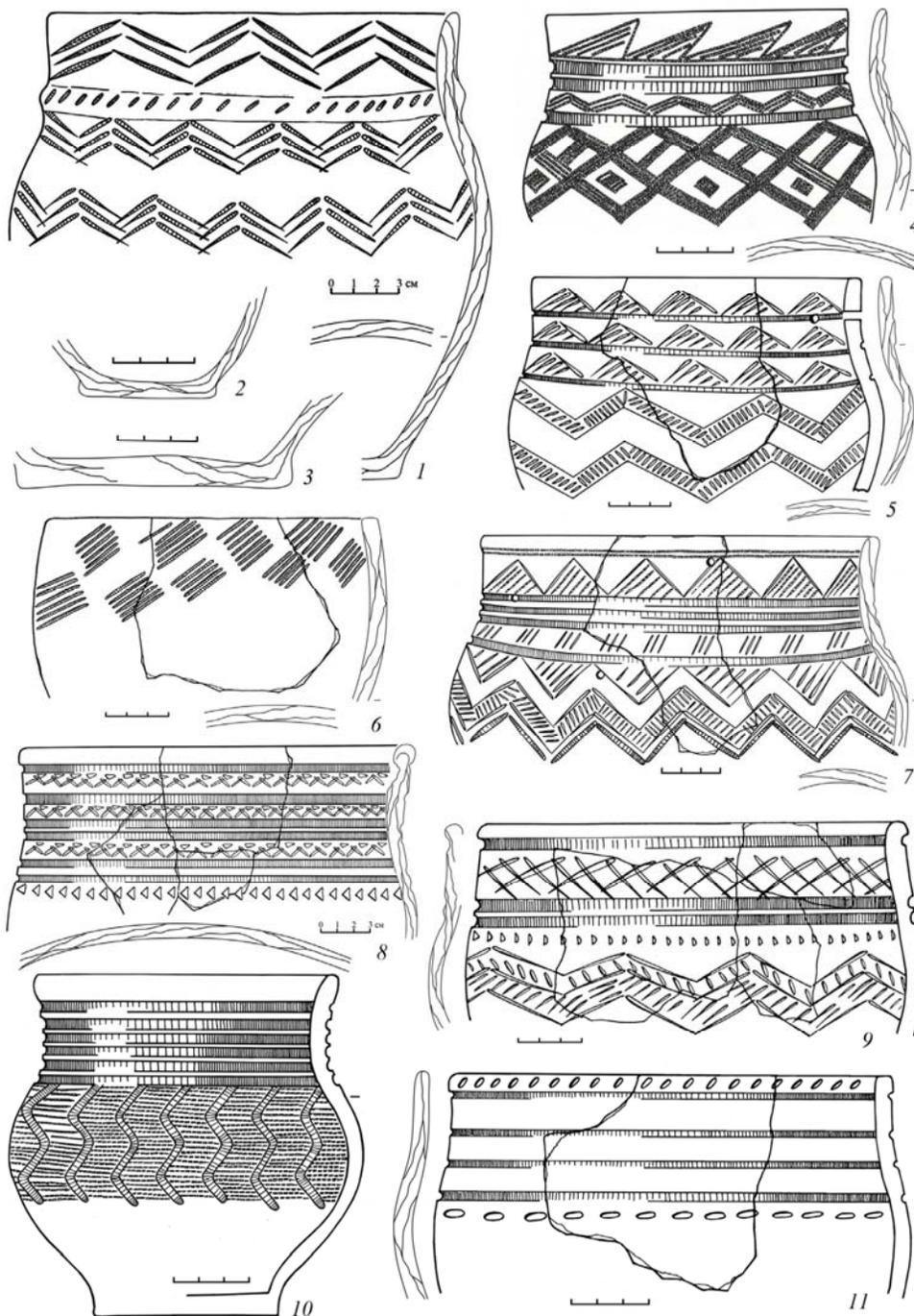

Рис. 2. Особенности конструирования сосудов черкаскульской культуры поселения Хрипуновское 1.

Внутренние стенки изделий несколько реже подвергались сплошному или локальному (на определенной части сосуда) лощению (41,9 %), поэтому удалось выявить, что при заглаживании чаще всего использовались деревянные или костяные шпатели, а также гребенчатый штамп. Количество сосудов, имеющих следы работы другими инструментами, весьма незначительно. При анализе отдельных частиц шамота, на которых сохранились участки поверхностей,

также часто фиксируются следы лощения, что позволяет считать устойчивым данный прием обработки у черкаскульских гончаров.

Корреляция способов обработки поверхностей сосудов и видов ИПС, из которых они были изготовлены, в целом не выявила закономерностей (табл. 4). Можно отметить лишь, что при заглаживании внутренней поверхности сосудов, изготовленных из илестых глин, чаще использовался гребенчатый штамп, и при этом ниже процент сосудов со следами лощения.

Таблица 4

Соотношение видов ИПС сосудов и способов обработки поверхностей изделий

Способы обработки поверхностей сосудов		Виды ИПС		Всего сосудов (179 сосудов)
		Природные глины (70 сосудов)	Илестые глины (109 сосудов)	
Внешняя поверхность	Ткань	2/2,8	1/0,9	3/1,7
	Пальцы	4/5,7	2/1,8	6/3,3
	Мягкий предмет	2/2,8	4/3,7	6/3,3
	Шпатель	4/5,7	8/7,3	12/6,7
	Штамп	1/1,4	3/2,7	4/2,2
	Щепа (?)	1/1,4	—	1/0,6
	Лощение	54/77,1	93/85,3	147/82
	Уплотнение	4/5,7	1/0,9	5/2,8
Внутренняя поверхность	Не ясно	4/5,7	5/4,6	9/5
	Ткань	4/5,7	7/6,4	11/6,1
	Пальцы	4/5,7	9/8,2	13/7,3
	Мягкий предмет	6/8,6	3/2,7	9/5
	Шпатель	13/18,6	25/22,9	38/21,2
	Штамп	3/4,3	26/23,8	29/16,2
	Галька	5/7,1	7/6,4	12/6,7
	Щепа (?)	1/1,4	1/0,9	2/1,1
	Твердый предмет	6/8,6	9/8,2	15/8,4
	Лощение	35/50	40/36,7	75/41,9
	Уплотнение	7/10	7/6,4	14/7,8
	Не ясно	5/7,1	4/3,7	9/5

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) осуществлялись смешанными способами, т.е. путем обжига высушенных изделий и введения органических компонентов в формовочную массу [Бобринский, 1999, с. 85–106].

Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов изученных фрагментов сосудов показывает, что они обжигались в условиях окислительной, полувосстановительной и восстановительной среды. Сосуды, имеющие двух- или трехслойную окрашенность изломов, испытывали непродолжительное действие температур каления, о чем свидетельствует ширина осветленных слоев, которая, как правило, составляет от 0,2–1,0 до 2,0 мм (74,3 %). Другая группа сосудов имеют в изломе сплошную темно-серую окрашенность (15,1 %) и зачастую пятнистые поверхности, что свидетельствует о полувосстановительном режиме их обжига без воздействия температуры каления. Окрашенность изломов 19 фрагментов (10,6 %), практически сплошь осветленных, может указывать на попадание изделий в огонь повторно, вероятнее всего, уже после их гибели. Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов позволяют говорить, что обжиг проводился в простых устройствах — кострищах или очагах чаще всего с кратковременным действием температур каления глины (не ниже 650 °С).

В данной работе не ставилась цель специального изучения *орнаментации изделий (12-я, необязательная ступень гончарного производства)*, основные характеристики которой (техника нанесения и основные элементы) приведены ранее в публикации материалов поселения [Костомарова и др., 2011, с. 11–20]. Отметим лишь, что в результате микроскопического анализа фрагментов в двух случаях выявлены следы вдавлений естественным орнаментиром, предположительно от *os penis* медведя [Калинина, 2009, с. 125, рис. 8а, 7].

Таким образом, исследование технологии изготовления керамики у черкаскульского населения свидетельствует, что на площади поселения проживало по крайней мере две группы гончаров, владеющих разными представлениями об ИПС, но более распространенным было использование илестых глин в качестве сырья для изготовления керамики (60,9 %). Анализ шамота, входящего в состав формовочных масс, показал, что сосуды, из которых впоследствии был

сделан шамот, также изготавливались из данных видов сырья, что указывает на устойчивость данных традиций.

Анализ формовочных масс изделий показал, что при составлении рецептов гончарами в основном применялся шамот в сочетании с различными органическими примесями (70,4 %). Остальные рецепты, с использованием талька, кварцевой дресвы, кальцинированной кости, дробленой раковины, фиксировались либо по единичным изделиям, либо по очень незначительным группам сосудов (от 0,5 до 6,7 %). Важно, однако, отметить, что в составе формовочной массы шамота только шамот содержится лишь в 31 % сосудов, в большинстве же случаев обнаружены тальк и шамот (48,5 %), реже — только тальк (18,1 %). Эти данные указывают, вероятно, на традиционное применение талька в более раннее время.

Полученные данные позволяют заключить, что конструирование начинов сосудов осуществлялось в соответствии с донно-емкостной программой способом скульптурной лепкой на плоскости или с использованием формы-основы. И начины, и полое тело сосудов изготавливались с помощью лоскутов, наращиваемых по траектории, близкой к спиралевидной. Формообразование изделий осуществлялось путем выдавливания пальцами и, возможно, с помощью формы-основы.

Традиционными способами обработки поверхностей сосудов были простое заглаживание чаще твердыми, реже — мягкими материалами и лощение, которое производилось после нанесения орнамента по подсушенной основе.

Готовые изделия обжигались в очагах или кострищах чаще всего при кратковременном действии температур каления.

В итоге подчеркнем, что исследование выявило неоднородность традиций, существовавших у черкаскульских гончаров поселка, как на уровне субстратных, так и на уровне приспособительных навыков труда, хотя данные по конструированию сосудов демонстрируют достаточно однородные традиции. Несмотря на разность в прошлом представлений об ИПС, можно предположить, что на этапе проживания на поселении формируется относительная культурная однородность: это демонстрируют данные о конструировании изделий. Наличие же большого количества рецептов составления формовочных масс свидетельствует как об иммиграционных процессах (например, наличие талька), так и об активных процессах смешения в среде обитателей поселения.

Сравнение полученной нами информации и данных по сопредельным территориям, в частности Среднему и Южному Зауралью, показывает определенную степень сходства технологии изготовления керамики у разных территориальных групп черкаскульского населения. Исследователи отмечают, что черкаскульская керамика в основном изготавливалась из глины с примесью талька, иногда песка, единично — шамота и раковины [Стоколос, 1972, с. 63, 72; Петрин и др., 1993, с. 159; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 30–31]. В результате технико-технологического анализа черкаскульской керамики с поселения Ново-Байрамгулово-1, расположенного в Южном Зауралье, установлено, что гончарами в качестве ИПС использовались глины, при составлении формовочных масс применялись шамот, тальк и органика (70 %), тальк и органика (30 %), начины конструировались в соответствии с донно-емкостной программой чаще всего способом скульптурной лепки на плоскости с помощью жгутового и лоскутного налета, как и при изготовлении полового тела сосудов [Мухаметдинов, 2014, с. 227].

Обобщение данных о керамическом производстве и сравнение их с информацией по сопредельным территориям позволяют предположить, что формирование гончарных традиций у черкаскульского населения, проживавшего в лесостепном Притоболье, происходило, скорее всего, на территориях, приуроченных к Южному Зауралью, а в Притоболье появление этих групп связано с миграционными процессами. Об этом, в частности, может свидетельствовать наличие талька как в составах формовочных масс сосудов, так и в составе шамота. Вероятно, в процессе адаптации черкаскульских групп к новым ландшафтным условиям, при отсутствии выходов горных пород, и, не исключено, во взаимодействии с местным пахомовским населением постепенно утрачивались некоторые навыки гончарного производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

В.В. Илюшина

Илюшина В.В. К проблеме идентификации органических растворов в древней керамике // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 78–81.

Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 272 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы: (Андроновидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Приоболья // ABORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 4–32.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // ABORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–41.

Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. Уфа: Изд-во Вост. эконом.-юр. гуманитар. академии, 2014. № 1 (69). С. 219–228.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев: (Черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 196 с.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 102 с.

Петрова Н.Ю. Оценка концентрации дробленой раковины моллюсков в формовочной массе глиняных сосудов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 65–67.

Салугина Н.П. Идентификация раковины в составе древней керамики: Критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 68–71.

Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 5–23.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 167 с.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с.

V.V. Ilyushina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: vika_tika@mail.ru

TECHNOLOGY OF POTTERY PRODUCTION AMONG THE CHERCASKUL CULTURE POPULATION IN THE LOWER TOBOL BASIN (ON THE MATERIALS OF THE SETTLEMENT OF KHRIPUNOVSKOYE 1)

The article presents the results of technical and technological analysis regarding a pottery complex of the Cherkaskul culture from the settlement of Khripunovskoye 1 located in the forest-steppe area of the Tobol River basin. The analysis is made within the framework of historical and cultural approach and the structure of the pottery industry, developed by A.A. Bobrinsky. The conducted research revealed heterogeneity of the traditions that existed among Cherkaskul potters of the settlement Khripunovskoye 1. The potters used two types of soft raw material: clays and silty clays. Analysis of the moulding masses showed a variety of artificial impurities, which were used by the potters. Chamotte used with various organic impurities was a dominant tradition, but also they used talc, crushed quartz, calcined bone, crushed river molluscan shells. The construction of «seed-bodies» of the vessels was manufactured in accordance with the bottom-capacitive program. The vessels were made by the method of sculptural modeling on a plane and with the help of a form-basis. The «seed-bodies» and the hollow bodies of the vessels were constructed using patches. The surface treatment of the ceramics was carried out mostly by a simple method of smoothing with hard tools, after which the walls of the vessels were polished. The vessels were fired in simple hearths. Basing on the data obtained and comparing them with information from other territories, it is possible to say that groups of the Cherkaskul population in the Lower Tobol region appeared as a result of their migrations, most likely from the territories associated with the Ural region.

Key words: Lower Tobol basin, the settlement of Khripunovskoye 1, the Cherkaskul culture, pottery, technical and technological analysis, ornamentation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-005-015

REFERENCES

Bobrinskii A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia* [The Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moskva: Nauka, 272 p.

Технология изготовления керамики у населения черкаскульской культуры в Нижнем Притоболье...

Bobrinskii A.A., 1999. Goncharnaia tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniia [Pottery technology as an object of historical and cultural studies]. *Aktual'nye problem izucheniia drevnego goncharstva*, Samara: Izd-vo SamGU, pp. 5–109.

Iliushina V.V., 2016. K probleme identifikatsii organicheskikh rastvorov v drevnei keramike [The problem of identification of organic solutions in the ancient ceramics revisited]. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–27 maia, Sankt-Peterburg*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 78–81.

Kalinina I.V. 2009. *Ocherki po istoricheskoi semantike* [Essays on the historical semantics], St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 272 p.

Khlobystin L.P., 1976. *Poselenie Lipovaia Kur'ia v luzhnom Zaural'e* [The settlement of Lipovaya Kurya in the Southern Trans-Urals], Leningrad: Nauka, 65 p.

Korochkova O.N., 2010. *Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu pozdnei bronzy: (Andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysht'sia)* [Interaction of cultures in the Late Bronze Age: (Andronoid antiquities of the Tobol and Irtysh basins)], Ekaterinburg: Urallurizdat, 104 p.

Kostomarov Iu.V., Kostomarov V.M., Zevaikina I.S., 2011. Rezultaty issledovaniia selishcha Khripunovskoe 1 novogo pamiatnika epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleznogo veka na territorii lesostepnogo Pritobol'ia [The results of a research at the settlement of Khripunovskoye 1, a new archeological monument of the Late Bronze Age and the Early Iron Age in the territory of the forest-steppe area of the Tobol River basin]. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik TiumGU*, Tiumen': Izd-vo TiumGU, pp. 4–32.

Matveev A.V., 2007. Cherkaskul'skaia kul'tura Zaural'ia [The Cherkaskul culture in the Trans-Urals]. *AB ORIGINE: Problemy genezisa kul'tur Sibiri*, Tiumen': Vektor Buk, pp. 4–41.

Mukhametdinov V.I., 2014. Tekhnologicheskie traditsii izgotovleniia keramiki na poselenii Novo-Bairamgulovo-1 [Technological Traditions of Making Ceramics in Novo-Bayramgulovo-1 Settlement]. *Vestnik Vostochnoi ekonomiko-iuridicheskoi akademii*, no. 1 (69), pp. 219–228.

Obydenov M.F., Shorin A.F., 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdнего bronzovogo veka drevnikh ural'tsev: (Cherkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury)* [Archaeological cultures of the Late Bronze Age of the ancient Ural people: (The Cherkaskul and Mezhovskaya cultures)], Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 196 p.

Petrin V.T., Nokhrina T.I., Shorin A.F., 1993. *Arkheologicheskie pamiatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokhi kamnia i bronzy)* [Archaeological monuments of the Argazin Reservoir (the Stone and Bronze Ages)], Novosibirsk: Nauka, 102 p.

Petrova N.Iu., 2016. Otsenka kontsentratsii droblenoii rakoviny molliuskov v formovochnoi masse glinianykh sosudov [Estimating the proportion of broken shell temper in pottery paste]. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–27 maia, Sankt-Peterburg*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 65–67.

Salugina N.P., 2016. Identifikatsiia rakoviny v sostave drevnei keramiki: kriterii razlicheniia estestvennogo ili iskusstvennogo kharaktera [Identification of shells in the composition of ancient ceramics: criteria for distinguishing its natural or artificial character]. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–27 maia, Sankt-Peterburg*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 65–67.

Sal'nikov K.V., 1964. Nekotorye voprosy istorii lesnogo Zaural'ia v epokhu bronzy [Some issues of the history of the forest Trans-Urals in the Bronze Age]. *Voprosy yarkheologii Urals*, no. 6, Sverdlovsk, pp. 5–23.

Stokolos V.S., 1972. *Kul'tura naseleniia bronzovogo veka luzhnogo Zaural'ia* [The Bronze Age population culture in the Southern Trans-Urals], Moscow: Nauka, 167 p.

О.В. Орфинская, Е.Г. Толмачева, Г.А. Белова

Центр египтологических исследований РАН
Ленинский просп., 29, Москва, 119071

E-mail: orfio@yandex.ru;

etolma@mail.ru;

galinabell@yahoo.com

ТЕКСТИЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЫ 213 НА ПАМЯТНИКЕ ДЕЙР АЛЬ-БАНАТ (ФАЮМ, ЕГИПЕТ)

Целью статьи является исследование египетского текстильного комплекса позднеантичного времени на примере материала одного из погребений фаюмского некрополя Дейр аль-Банат (Египет). Впервые вводимые в научный оборот текстильные находки позволяют как расширить наши знания о египетском погребальном обряде позднеантичного времени, роли и значении в нем разного рода тканей, так и сделать ряд важных выводов об уровне развития технологий египетского ткачества. В погребении был обнаружен следующий текстильный материал: четыре шерстяных и одна льняная туники, льняной шарф или полотенце, две подушки (одна под головой, другая в ногах). Под подушкой в головах лежало некое снятое с ткацкого станка незавершенное изделие. Погребенный был обернут 14 тканями — грубыми льняными пеленами, расположенными слоями. Исследование текстильного комплекса позднеантичного времени, происходящего из могилы 213/1, показало, что его образуют ткани разного функционального назначения: грубые погребальные пелены, интерьерный текстиль, одежды. Судя по текстильным находкам, в Египте IV–VII вв. одновременно существовало несколько типов станков, для производства различных тканей. Грубые погребальные пелены вырабатывались на вертикальном ткацком станке с двумя валами, где нити основы укреплялись непосредственно на валу. Ткани туник и более сложных предметов интерьерного текстиля ткались на станках предположительно с укреплением уже заправленных нитей основы (начальная кромки). Кроме станка для ткачества использовались различные текстильные приспособления. В погребальном обряде применялись как ткани, специально изготовленные для погребения (грубые погребальные пелены), так и текстильные изделия, использовавшиеся еще при жизни погребенного (одежда, интерьерный текстиль). Специальных погребальных одеяний не фиксируется. Большое количество тканей в погребальном обряде свидетельствует о довольно значительной роли ткачества и тканых изделий в экономике позднеантичного Египта. Отдельные предметы из захоронения могли быть произведены в небольших домашних мастерских, изготовление других требовало высоких профессиональных навыков.

Ключевые слова: Египет, археологический текстиль, Дейр аль-Банат, «коптские ткани», погребальный обряд.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-016-028

Изучение текстиля, найденного в результате археологических раскопок египетских некрополей позднеантичного времени, представляет немалый научный интерес. Жаркий и сухой климат наряду с особенностями песчаных почв являются важнейшими факторами, определяющими уникальную сохранность органических материалов в Египте. Именно поэтому «коптские ткани» со времени своего открытия в конце XIX в. привлекают особое внимание специалистов. Следует подчеркнуть, что сам термин «коптские ткани» в настоящее время практически не используется, поскольку априори указывает на этноконфессиональную принадлежность погребенных, которых далеко не всегда можно назвать христианами. Изучение египетского позднеантичного текстиля также существенно осложняется тем обстоятельством, что первые европейские исследователи этих тканей в конце XIX — начале XX в. были движимы прежде всего стремлением пополнить музейные коллекции и оправдать затраты многочисленных пайщиков, финансировавших экспедиции, и не придавали значение регистрации и описанию находок. В результате, будучи одним из самых часто встречающихся экспонатов египетских музейных коллекций, «коптские ткани» как массовый материал остаются малоизученными.

Целью нашей статьи является исследование египетского текстильного комплекса позднеантичного времени на примере материала одного из погребений фаюмского некрополя Дейр аль-Банат. Впервые вводимые в научный оборот находки позволяют как расширить наши знания о еги-

Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат...

петском погребальном обряде позднеантичного времени, роли и значении в нем разного рода тканей, так и сделать ряд важных выводов об уровне развития технологий египетского ткачества.

Некрополь Дейр аль-Банат расположен на юго-восточной оконечности Фаюмского оазиса, примерно в 2 км от коптского монастыря Архангела Габриэля (Наклун). Название памятника в переводе с арабского буквально означает «девичий монастырь», однако вопрос о том, располагался ли в действительности на этом месте в эпоху средневековья монастырь, остается открытым¹. Сам некрополь функционировал с конца Птолемеевского периода (I в. до н.э.) вплоть до арабского времени (X–XI вв.)².

Могила 213/1

Нетронутое захоронение 213, раскрытое в 2008 г. в юго-восточном секторе квадрата F17 южного некрополя,— одно из самых значительных для изучения текстильного материала. Могила 213 имела в плане форму прямоугольника со скругленными углами. Глубина могилы от современной дневной поверхности достигает 1,56 м. Северо-восточный угол могилы и ее западный торец были нарушены при выкапывании соседних могил.

Рис. 1. Могила 213.

Местонахождение могилы было, возможно, помечено некой плетеной конструкцией из пальмовых ветвей, которая была обнаружена в верхней, перекопанной части заполнения. В могиле было совершено два захоронения: взрослого мужчины и ребенка. Тела погребенных были положены одно на другое.

Тело взрослого мужчины располагалось на спине в вытянутом положении (рис. 1), головой на запад, руки вытянуты вдоль тела. В погребении был обнаружен следующий текстильный матери-

¹ Идея о том, что сырцовые постройки, располагающиеся в районе некрополя Дейр аль-Банат, относятся к монастырскому комплексу, принадлежит немецкому археологу П. Гроссману [Grossman, 1989, S. 1865]. Эта идентификация не бесспорна. Следует подчеркнуть, что на некрополе в приблизительно равной доле присутствуют женские и мужские захоронения, а также большое количество детских.

² Центр археологических исследований РАН проводит археологические раскопки на памятнике с 2003 г.

ал: четыре шерстяных и одна льняная туники, льняной шарф или полотенце, две подушки — одна под головой, другая в ногах. Под подушкой в головах найдено некое снятое с ткацкого станка незавершенное изделие. Погребенный был обернут 12 тканями — льняными пеленами, расположенными в три слоя. Каждый слой фиксировался обвязкой, выполненной льняной лентой³. Каркасная конструкция, на которой лежал погребенный, также была обернута двумя тканями (рис. 2).

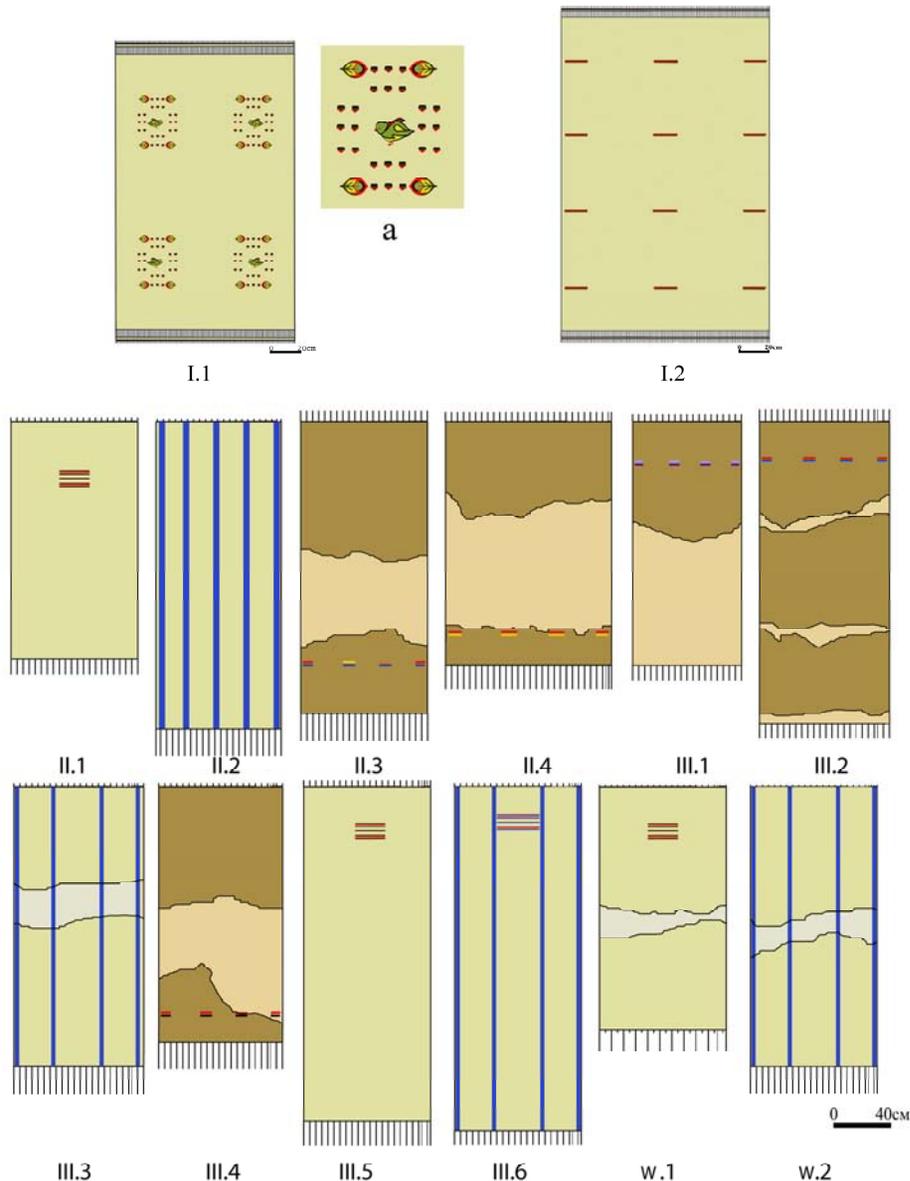

Рис. 2. Погребальные пелены из могилы 213/1:
Римские цифры — слой обертывания, арабские — порядковый номер ткани в слое;
W.1, W.2 — первая и вторая ткани каркаса.

В процессе изучения археологического текстиля была разработана классификация погребальных тканей позднеантичного — раннеисламского периодов (конец IV — IX в.) некрополя Дейр аль-Банат. В основу классификации положены критерии, основным из которых было при-

³ Вопросы текстильной терминологии, в частности определение «лента» или «тесьма», а также проблемы классификации текстильных находок некрополя Дейр аль-Банат были освещены О.В. Орфинской ранее [2015, 2016].

Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат...

нято качество ткани. В соответствии с этим все ткани, использовавшиеся для обертывания тел, делятся на две основные категории: ткани высокого и низкого качества⁴. Исследование погребальных пелен некрополя Дейр аль-Банат показало, что для тканей высокого качества характерны хорошо спряденные нити как основы, так и утка (рис. 3, а).

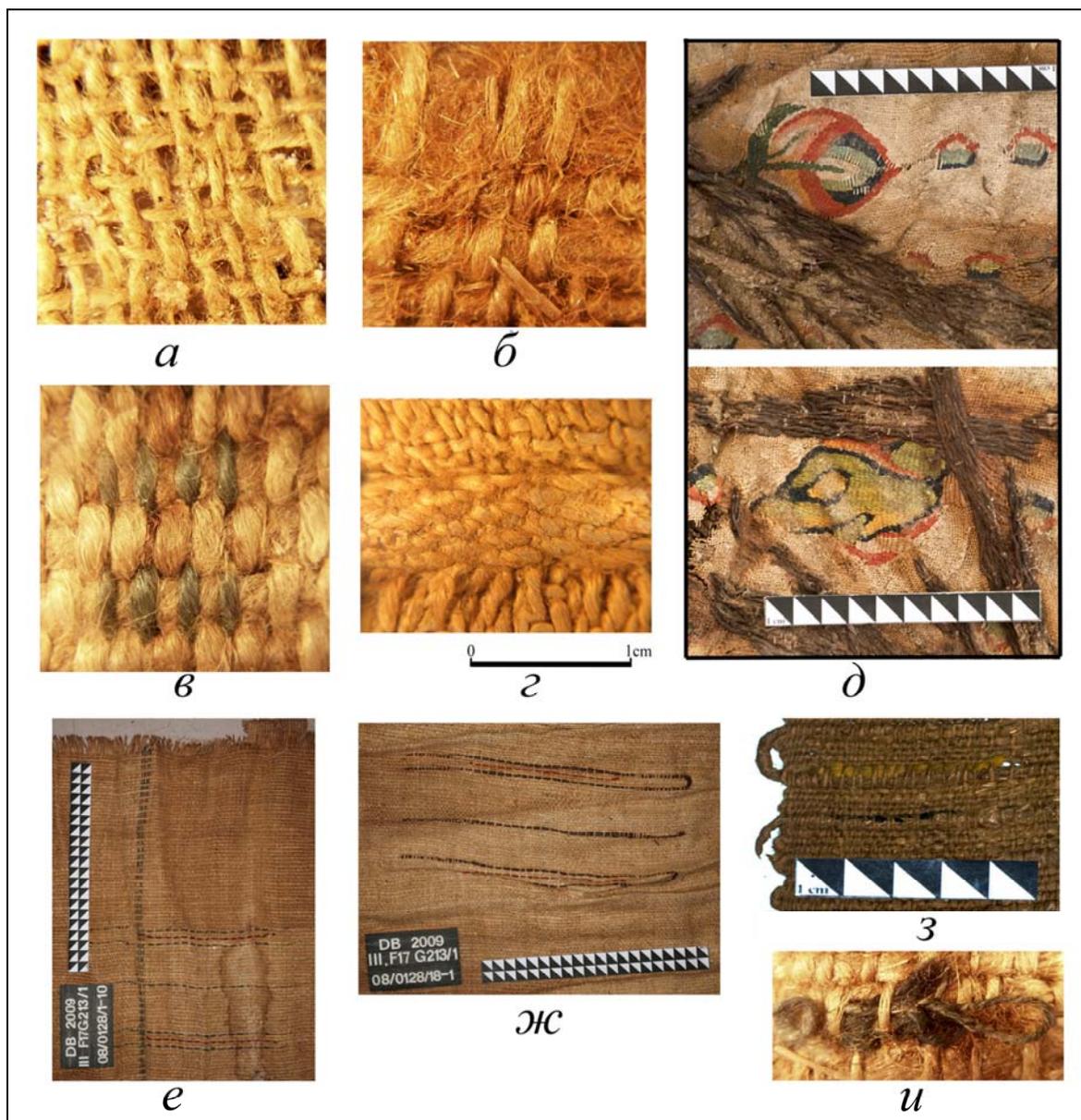

Рис. 3. Ткани из могилы 213/1:

а — микрофотография ткани высокого качества; б — микрофотография ткани низкого качества; в — микрофотография декора группы 2; г — отделка шва подушки; д — гобеленовые вставки ткани № 2008/0128/001/21; е — декор группы 3; ж — декор группы 1; з — декор и кромка группы 4; и — вводная нить утка в декоре группы 1.

Это нити диаметром 0,4–0,8 мм, сильной или средней крутки, с достаточно высокой плотностью ткачества (9–15/8–12 н/см²). Ткани этой группы не единообразны, часто украшены дополнительным, довольно сложным декором, выполненным в гобеленовой технике (рис. 3, д), и, видимо, относятся к категории вторично использованного в погребальных целях интерьерного текстиля — т.е. это завесы, покрывала, скатерти, занавески и т.п.

⁴ Подробнее критерии и признаки тканей различных категорий рассмотрены в публикации [Orfinskaya et al., 2015].

Отдельную категорию составляют ткани низкого качества, или грубые погребальные пелены. К ним относятся ткани с достаточно качественной круткой нитей основы и чаще всего плохо спряденными нитями утка, более толстыми в диаметре, без крутки или со слабой круткой, иногда изготовленными из вторичного сырья (рис. 3, б). Это льняные пелены, выполненные в технике полотняного переплетения с преобладанием нитей основы. Одна пелена составляет целый ткацкий кусок, т.е. размеры ткани изначально были сформированы в процессе ткачества. Длина 230–290 см, ширина 95–120 см. Общая плотность этих пелен довольно низкая (в среднем 6–8 нитей основы на 3–5 нитей утка на 1 см²). Диаметр нитей основы 0,5–1,5 мм, нитей утка — 1,5–2,5 мм. Отличительной чертой ткачества является наличие полос из толстых нитей утка⁵ и бахромы различной длины. Также для этих пелен характерен простейший декор, чаще всего выполненный из отдельных цветных шерстяных нитей (рис. 3, и).

Грубые погребальные пелены некрополя Дейр аль-Банат, представляя собой единую категорию объектов, делятся на несколько групп (рис. 2).

Группа 1 (№ 2008/0128/001/13, слой II, ткань 1; № 2008/0128/001/12, слой III, ткань 5; № 2008/0128/001/18, каркас, ткань 1) (рис. 3, ж)

Ткани данной группы относятся к числу самых многочисленных на некрополе. Для них характерны светлый цвет неокрашенных льняных волокон и наличие декора из трех полос цветных нитей утка (каждая полоса состоит из 1–2 цветных нитей вводного утка; в данном погребении фиксируются коричневые и красные нити). Условный прямоугольник декора (10–15×15–20 см) располагался ближе к краю ткацкого куска, имеющему короткую бахрому.

Группа 2 (№ 2008/0128/001/11, слой II, ткань 2; № 2008/0128/001/09, слой III, ткань 3; № 2008/0128/001/19, каркас, ткань 2)

Пелены этой группы немногочисленны на некрополе⁶ (около 10 % от всего числа грубых погребальных пелен). Это также пелены светлого цвета, но имеющие декор из нескольких (4–5) вертикальных синих полос (рис. 3, в). Декор также создается в процессе ткачества за счет заправки групп из 6–8 синих льняных нитей основы через примерно одинаковые промежутки базовой неокрашенной основы.

Группа 3 (№ 2008/0128/001/10, слой III, ткань 6)

Данная пелена — единственная находка такого рода на некрополе. Для нее характерно размещение декоративных элементов, присущих пеленам групп 1 и 2, т.е. декора, вписанного в прямоугольник, и вертикальных синих полос (рис. 3, е).

Группа 4 (№ 2008/0128/001/15, слой II, ткань 3; № 2008/0128/001/09, слой II, ткань 4; № 2008/0128/001/17, слой III, ткань 1; № 2008/0128/001/07, слой III, ткань 2; № 2008/0128/001/08, слой III, ткань 4)

Подобные пелены довольно часто встречаются на некрополе Дейр аль-Банат. Их отличительными чертами являются темный цвет льна и наличие рядов с толстыми нитями утка через четыре ряда с нитями утка обычной толщины (рис. 3, з). Характерный декор достигается за счет введения дополнительных цветных (желтые, красные, синие, оранжевые), чаще всего шерстяных нитей утка, образующих короткие (4–5 см длиной) полоски. Полоски расположены по условной горизонтальной оси ближе к краю с длинной бахромой.

В погребении 213 было также найдено две ткани высокого качества (рис. 2). Эти ткани относятся к двум верхним слоям.

Отличительной чертой внешней ткани первого слоя (№ 2008/0128/001/21) является декор из небольших гобеленовых вставок. Полная ширина ткани 122 см, реконструируемая длина 200 см. Характерными чертами ткачества является оформление краев ткани небольшой бахромой (не менее 3 см) и полосой мережки (5 см). Также на ткани присутствуют полосы толстых нитей утка.

Ткань украшена гобеленовыми вставками, организованными в композицию из четырех больших квадратов, размещенных по углам изделия. В центре каждого квадрата помещено изображение небольшой птицы с маленькой головкой и красной ленточкой на шее (рис. 2, а; 3, д). В литературе подобного рода птицы с красными ленточками чаще всего называются попугаями⁷. По углам квадрата помещены гобеленовые вставки в виде цветков. Рисунок вставок имеет

⁵ То есть один проброс утка составляет не одна нить, а несколько. Подобного рода технический прием ткачества не только выполняет декоративную функцию, но еще и укрепляет полотно.

⁶ Здесь и далее имеется в виду материалы изученных захоронений некрополя.

⁷ См., напр.: [Hoskins, 2003, p. 68–69].

Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат...

четко выраженное направление «верх-низ» и «лево-право». Это, вероятно, указывает на то, что данная ткань могла некогда являться завесой.

Данная ткань важна с точки зрения определения приблизительной датировки погребения, поскольку имеет ряд аналогов в музейных собраниях. Подобрать точный аналог описанной выше композиции нам не удалось, однако отдельные ее элементы, например изображения зеленой птицы внутри образованного цветами и «черточками» квадрата, довольно часто встречаются на позднеантичных тканях⁸.

Изучение аналогов в музейных коллекциях позволяет предположить наличие целой группы тканей приблизительно одинаковых размеров, использовавшихся в качестве погребальных пелен, в основе декоративного оформления которых лежит композиция из «четырех квадратов» с изображениями птиц или цветов⁹. Возникает вопрос, а не была ли эта группа пелен соткана специально для погребения? Действительно, ни одна из упомянутых выше тканей не имеет следов использования — залатанных или заштопанных участков. Однако, к сожалению, в отсутствие определенных свидетельств письменных источников¹⁰ любые заключения могут быть только гипотезами.

Вопрос о датировке пелены из Дейр аль-Баната достаточно сложен. В литературе высказываются разные предположения относительно датировок отдельных элементов композиции на гобеленовых вставках, таких как зеленые попугаи или условные цветочные бутоны¹¹. Опираясь на известные аналоги, предварительно датировем пелену № 2008/0128/001/21 V — началом VII в.

Вторая ткань первого слоя (№ 2008/0128/001/14) (рис. 2) имеет полную ширину 136 см, ее длина 200 см. В этой ткани декор из красных полос (длина полос 14–15 см) расположен по всему полотну. Мережка (4–5 см) и бахрома (3 см) одинаковые с двух сторон ткацкого куска. Как и в случае с тканью № 2008/0128/001/21, мы не имеем определенных свидетельств, подтверждающих ее функциональное назначение; неизвестно, была ли она соткана специально для погребальных целей или относится к числу вторично использованных интерьерных тканей. Последнее предположение, тем не менее, представляется наиболее вероятным.

Для фиксации каждого слоя использовали тканые ленты¹². На некрополе Дейр аль-Банат встречаются самые разнообразные варианты подобных изделий, однако в данном погребении зафиксированы ленты одного типа, состоящие из 5 нитей основы.

Результаты изучения пелен из погребения 213

Исследования свидетельствуют, что в погребении 1 могилы 213 для пеленания обряженного в одежды тела мужчины были использованы пелены двух основных категорий: I — ткани хорошего качества и II — грубые погребальные пелены. Находки тканей I категории достаточно редки на некрополе, причем в других погребениях, совершенных по аналогичному обряду, эти ткани отсутствуют в принципе или не выполняют функции лицевых пелен.

Различия между пеленами разного качества не ограничиваются декоративными характеристиками, они свидетельствуют о разных способах выработки и, вероятно, об использовании разных типов ткацкого станка. Например, все грубые погребальные пелены из данного погребения имеют различную длину бахромы на противоположных концах ткацкого куска. С одного края она колеблется от 1 до 11 см (средняя 4,6 см), с другого — от 12 до 24 см (средняя 19 см). Разница между длиной бахромы на противоположных концах составляет около 10 см. У одной ткани длинная бахрома имеет два уровня: четные нити — 18 см, а нечетные — 2 см. Можно предположить, что нити основы были замкнуты (четная переходила в нечетную), и в этих петлях находился некий вал, вероятно вал ткацкого станка. Если для ткачества использовали вертикальный ткацкий станок с рамой (наличие рамы подтверждает бахрома двух уровней), то высота

⁸ В качестве примера см.: [Stauffer, 1991, S. 136, Tf. VI, Kat. 51].

⁹ Напр., ткань из музея Ватикан, датированная V в. [Renner, 1982, S. 54, Kat. 15], погребальная пелена из коллекции монастыря Монсеррат в Испании, датированная радиоуглеродным методом IV–V вв. [Cabrera et al., 2009, p. 90–91, fig. 2–3], неопубликованная пелена N 173796 из Музея естественной истории им. Филда в Чикаго (IV–V вв.) (благодарим Э. Вильямса за доступ к документации и фотографиям) и др.

¹⁰ Письменные источники, связанные с позднеантичными погребальными обрядами, в частности с использованными в них пеленами, достаточно подробно исследуются в публикации А.А. Войтенко [2012, с. 44–47].

¹¹ Приведем лишь несколько аналогов. Зеленые попугаи: [Renner, 1982, S. 54–57] (V в.); Lafontaine-Dosogne, 1980, p. 14 (V–VI вв.); Цветы: [Renner, 1982, 59, Kat. 20 (VI — начало VII в.)]. Условные бутоны: [Личицкая, 2010, с. 140 (VI–VII вв.); Renner, 1982, S. 54 (V в.); Stauffer, 1991, S. 136 (VII в.)].

¹² Подробнее о лентах некрополя Дейр аль-Банат см.: [Орфинская, 2016].

станка должна быть не менее 3 м (самый большой кусок имеет длину 290 см). К сожалению, до сих пор при раскопках поселений в Египте находили лишь отдельные фрагменты ткацких станков, относящихся к позднеантичному времени. Нет ни одного изображения станка на папирусах или настенных росписях. Мы не имеем фактического материала, чтобы однозначно реконструировать данный ткацкий станок. Зная длину бахромы (длина петли $18 + 2 = 20$), можно лишь предположить, что диаметр одного из валов гипотетического станка был равен приблизительно 5–7 см. Ширина ткацкого станка такого типа была около 110 см.

Также следует подчеркнуть, что все грубые погребальные пелены некрополя Дейр аль-Банат обладают рядом сходных характеристик, что позволяет причислить их к одной категории. У нас нет свидетельств использования подобных тканей в быту. В отличие от других текстильных находок некрополя на них нет следов ремонта. Судя же по набору текстильных находок с поселений позднеантичного времени, тканей, аналогичных грубым погребальным пеленам, там не встречается.

Грубые погребальные пелены имеют целый набор характеристик (тип ткани и ее качество, использование дешевого сырья, часто вторичное использование цветных шерстяных нитей для декора), которые позволяют причислить их к массовой продукции. Более того, из подсчетов следует, что только для погребения в могиле 213 было использовано в целом около 25 м таких тканей шириной не менее 1 м. Такое количество тканей, скорее всего, надо было подготовить заранее. Можно предположить, что эта группа тканей заготавливалась впрок, а следовательно, изготовление определенных тканей для погребального обряда могло являться отдельным направлением производства. В этом производстве использовались льняное сырье низкого качества и отходы шерстяных цветных нитей. Для выработки этих тканей не требовалось высокого профессионализма ткачей. Наличие большого количества однотипных тканей низкого качества в одном погребении можно интерпретировать как иллюстрацию к тезису о том, что эти ткани производились специально для погребального обряда¹³.

Иные предметы интерьерного текстиля из погребения

Подушки (№ 2008/0128/001/03, 2008/0128/001/04)

Как уже отмечалось, в погребении были найдены две подушки, расположенные в ногах и под готовой погребенной. Предварительные результаты анализов позволяют предположить, что в качестве наполнителя использовались растения, относящиеся к семейству злаковых. По технике изготовления и выработке материала, из которого были пошиты подушки, они практически идентичны и отличаются главным образом степенью сохранности и цветом декоративных полос.

Размеры наиболее сохранившейся подушки 40×50 см. Для пошива использовали кусок льняной ткани с полной шириной 102–104 см, сложенный пополам. Шов проходит по трем сторонам наволочки и оформлен с использованием ленты, однако эта лента не была нашита отдельно, а ткалась непосредственно на наволочке в процессе оформления шва (рис. 3, *з*). Аналогичное оформление швов была зафиксировано на объектах, происходящих из западной провинции Римской империи [Foulkes, 2011, p. 41–47].

Ткань, из которой были пошиты подушки, выделяется из общей массы находок на некрополе своим переплетением, которое формируется на базе полотняного¹⁴. Ткани, выполненные в такой технике ткачества, редко встречаются в Египте. На некрополе Дейр аль-Банат было найдено только два объекта в такой технике. Аналоги на других египетских некрополях и в музейных коллекциях также немногочисленны [Fluck et al., 2000, p. 122–123, kat. № 76; Личицкая, 2010, с. 382, № 15; Huber, 2015, p. 16–17, fig. 7].

Анализ результатов исследования двух подушек показал, что они были изготовлены одинаковым способом, требовавшим определенного, довольно высокого уровня профессиональных навыков. Факты дают основание предположить, что наволочки были изготовлены в одном месте (возможно, небольшой мастерской) с использованием одинаковой системы декора швов. Наволочки, вероятно, служили долго: были небрежно зашиты грубой шерстяной нитью желтого цве-

¹³ Об использовании в погребальном обряде позднеантичного времени специально изготовленных для погребения тканей свидетельствуют и находки аналогичных изделий на других египетских некрополях. См, напр.: [Cortes, 2012; Godlewski, 2006, pp. 37–38; Griggs, 1990; Huber, 2015; Kajitani, 2006, p. 106; Letellier-Willemin, 2015, p. 27].

¹⁴ Для этого переплетения характерна картина, при которой на каждой второй нити основы переплетение меняется от 3:1:1:1 к 1:1:1:3, а на каждой третьей нити утка — от 3:1 к 1:3.

Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат...

та. Именно различия в качестве исполнения этих двух работ свидетельствуют, что они выполнялись разными «руками». И.Ф. Фихман отмечает высокую специализацию позднеантичного ремесленного производства, о которой свидетельствует зафиксированная в папирусах терминология, «дающая исключительно большое количество терминов для обозначения специальностей в рамках одной и той же отрасли ремесленного производства» [1965, с. 25]. Так, наряду с многочисленными прочими текстильными профессиями в папирусах упоминаются специальные ткачи, изготовители подушек [Там же, с. 27].

Ткань, покрывавшая лицо погребенного (№ 2008/0128/001/05)

Лицо погребенного было закрыто узкой прямоугольной полоской ткани длиной около 150 см, шириной 42 см. Эта ткань, видимо полотенец или шарф, также выполнена в технике полотняного переплетения и декорирована горизонтальными полосами, выполненными синими шерстяными нитями. Характерными чертами ткачества также являются полосы толстых нитей утка, бахромы и мережка.

Описание одежды

Непосредственно на теле погребенного была тонкая льняная туника с длинными рукавами, подол которой перекрывал колени. Поверх были надеты три шерстяные практически идентичные туники с длинными рукавами. Их длина от 112 до 122 см. Две нижние туники были надеты полностью, а рукава третьей располагались вдоль тела. Четвертая туника была разорвана на два куска и частично оборачивала погребенного.

Фрагменты льняной туники (№ 2008/0128/001/25)

Надетая непосредственно на тело льняная туника очень плохой сохранности. Реставраторам удалось сохранить два фрагмента стана и один фрагмент рукава туники.

Единственным декором туники являются полосы с толстыми нитями утка. Примечательна техника их исполнения: на данных участках основной уток заменяется дополнительным (сменным). Также следует отметить характерную деталь — базовая льняная ткань туники имеет темный цвет, а декоративные полосы выполнены значительно более светлыми нитями, возможно отбеленного льна. Можно предположить, что при ткачестве для базовой ткани и дополнительного утка использовали сырье разного качества.

Шерстяные туники (№ 2008/0128/001/A, 2008/0128/001/B, 2008/0128/001/C, 2008/0128/001/D)

Все четыре туники сотканы и пошиты по одинаковой схеме. Полностью отреставрирована одна из них (№ 2008/0128/001/B), поэтому именно ее описание мы приводим в наиболее полном виде (рис. 4).

Длина туники № 2008/0128/001/B в готовом виде 120 см, максимальная ширина по линии плеч 182 см; ширина стана по линии талии и подолу 95 см. Туника соткана по форме и сшита из трех частей: верхней, которая ткалась на станке единым ткацким куском и представляла собой часть стана с двумя рукавами, и двух кусков нижней части стана: передней и задней (рис. 4, а). Сохранились боковые кромки, а также начало и конец ткацкого куска.

Туника выполнена из ткани полотняного переплетения. Шерстяные нити основы и утка желтоватого цвета (эффект старения шерсти, а не результат окраски), толщина нитей 0,2–0,5 мм. Обращает на себя внимание неравномерная, в ряде случаев очень сильная, крутка нитей, создающая на полотне мелко-шероховатый, теневой эффект, или эффект крепа. Плотность ткани также неравномерная — от 12/15 до 16/20 н/см².

Ткани верхней и нижних частей стана соединялись по боковым кромкам «встык» желтой шерстяной нитью (рис. 4, б, в). Шов убран в складку, ширина которой от 2,5 см в центре до 4–5 см по бокам. Фиксируются два шва складки, один из которых формирует собственно складку, а второй укрепляет ее на стане. Горловина имеет щелевидную форму с подогнутыми краями, подшитыми темной льняной нитью. Рукава длинные, сужающиеся в сторону запястья. Под мышками оставлен незашитый участок около 10 см.

Декор туники представлен объемными полосами, идущими от крайних точек выреза горловины на грудь и спину (рис. 4, г). Полосы состоят из коротких «косичек»¹⁵, выполнявших также функции укрепления края горловины, переходящих в парные полосы с толстыми нитями утка, и

¹⁵ Тип декора, а также конструктивный элемент ткачества позднеантичных египетских туник. В «косичке» работают 4 нити утка (каждая состоит из 3 нитей); при переходе «косички» в полосы эти нити пробрасываются вместе с базовым утком; в «полукосичке» работает 2 нити (также из 3 каждая).

заканчиваются на лицевой стороне ткани кисточками длиной 4 см. Рядом с «косичками» проходят по 2 широкие полосы из толстых нитей утка. Аналогичные полосы расположены на рукавах. В месте перехода рукава в стан нити утка образуют «полукосички», служившие для укрепления конструкции туники (рис. 4, д).

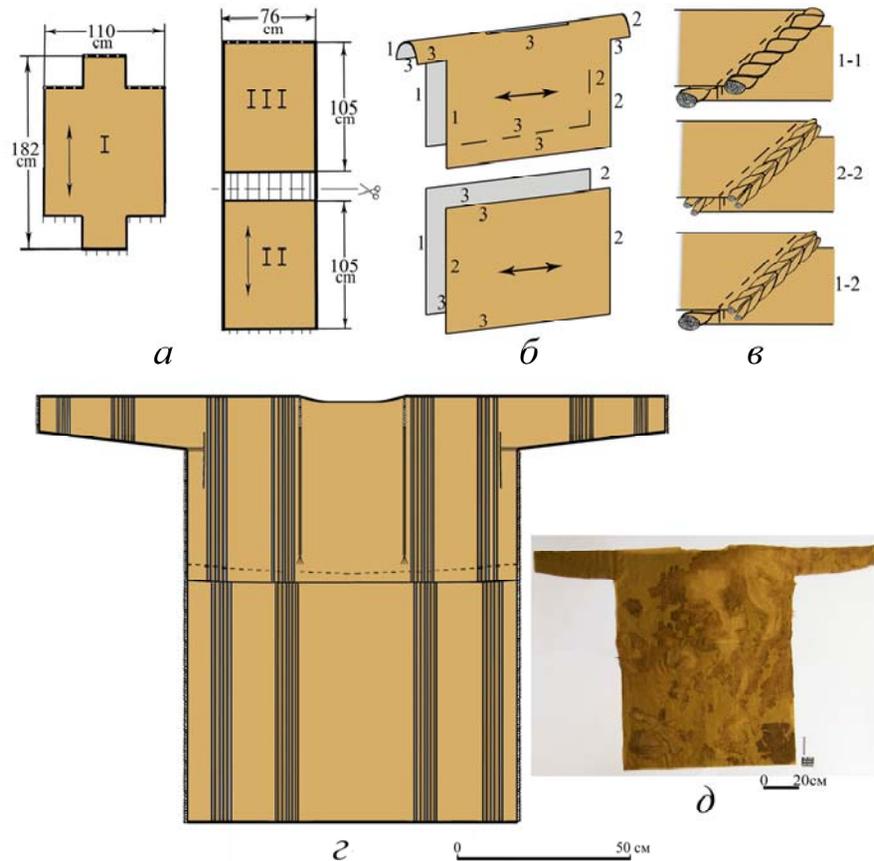

Рис. 4. Туника № 2008/0128/001/В (туника «В»):

а — расположение частей туники «В» на ткацком станке; *б* — конструкция туники «В»; *в* — соединительные швы; *г* — графическая реконструкция туники «В»; *д* — общий вид туники «В» после реставрации (реставрационная группа под руководством Н.П. Сеницыной).

Также важной является находка неоконченного тканого изделия № 2008/0128/001/24 (длина 200 см, ширина 20 см). Изделие имеет закрепленные нити основы (начальную кромку — «косичку»), небольшой затканый участок с двумя пурпурными полосами, ниточки в форме петель и нить, разделяющую четные и нечетные нити основы. Предварительные исследования показали, что данный объект представляет собой часть незавершенной туники (рукав)¹⁶.

Результаты исследования одежды

1. Все шерстяные туники из могилы 213/1 сшиты из шерстяной ткани полотняного переплетения с эффектом крепа. Для тканей применялись нити с одинаковыми характеристиками. Выработка ткани во всех образцах одинаковая, плотность в среднем соответствует 16/16 н/см. Кромки тканей усиленные по нитям основы, но число нитей в группах различное. Текстильные ошибки встречаются нечасто, в основном они расположены ближе к боковым кромкам.

2. В пошиве одежды также имеются сходные черты (рис. 4, б, в). Различия заключаются в соединении нижних частей рукавов: в трех случаях рукава сшивались по изнаночной стороне, в одном случае по лицу — «внахлест». Во всех случаях внутренний шов, соединяющий два куска ткани в районе талии, выполнен шерстяной нитью, а внешние швы — льняной. Все срезы (ре-

¹⁶ Данный объект представляет собой тему специального исследования.

Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат...

монт) ткани закрыты швом «через край» с двойным подгибом и сшиты льняной нитью. Льняной нитью пришита и заплатка в тунике «D». Можно предположить, что туники были сшиты шерстяной нитью, а подогнаны на хозяина и ремонтировались в процессе эксплуатации льняной.

3. Декор шерстяных туник не выделен дополнительным цветом и представлен узкими «косичками» или «полукосичками» (рис. 4, а). В двух туниках (№ 2008/0128/001/А, 2008/0128/001/В) кроме «косичек» присутствуют полосы-клявы, сформированные введением толстых нитей утка.

4. Особенности ткачества туники № 2008/0128/001/В, а также незавершенного изделия № 2008/0128/001/24 позволяют реконструировать процесс ткачества одежд позднеантичного времени. Нити основы для ткачества верха туники (или же туники целиком) заправлялись на вертикальный ткацкий станок с двумя валами в три этапа. Сперва натягивались нити основы для рукавов и центральной части туники — эту стадию и иллюстрирует наше незавершенное изделие. Две другие части, образующие стан туники, формировались отдельно¹⁷.

Ткачество трехчастных туник имело свои особенности, позволяющие реконструировать порядок расположения отдельных деталей таких туник на станке. Исследование туник показало, что ткацкий кусок всегда начинался с кромки, выполненной «косичкой», вероятно сформированной на дощечках. Конец ткацкого куска закрывался «шнуром». Два куска ткани в нижней части стана всех туник имеют одно начало и три конца. Это указывает на то, что два нижних куска туники размещались на станке один за другим, а затем разрезались. Именно при таком расположении ткацких кусков на станке нижние части туник будут иметь одно начало («косичка») и три конца (шнур) (рис. 4, б). Следовательно, на одном станке ткали сначала верхнюю часть стана, а затем, сняв ее, — две нижние части, одну за другой. Если предположить, что все туники ткали на одном станке, то высота его должна быть не менее 220 см (туника «D»).

5. Шерстяные туники из могилы 213 являются характерным примером египетского ткачества. Некоторые технические особенности их изготовления, например незашитый участок бокового шва в районе подмышек, присущи египетским шерстяным туникам, относящимся к довольно широкому хронологическому промежутку начиная с IV–V вв. [Letellier-Willemain, 2015, p. 36] и включая арабский период. Другие детали ткачества, такие как способ оформления начала и конца ткацкого куска, укрепление горловины и участка перехода рукава в стан «косичкой», сформированной дополнительными нитями утка, типичны для шерстяных туник VI–VII вв. [De Jonghe, Verheeken-Lammens, 1993, p. 46–47].

Основные выводы

1. Исследование текстильного комплекса позднеантичного времени, происходящего из могилы 213/1, показало, что его образуют ткани разного функционального назначения: грубые погребальные пелены, интерьерный текстиль, одежды.

2. Судя по текстильным находкам из могилы 213/1, в Египте IV–VII вв. одновременно существовало несколько типов станков, для производства различных тканей. Грубые погребальные пелены вырабатывались на вертикальном ткацком станке с двумя валами, с укреплением нитей основы непосредственно на валу. Высота такого станка составляла около 3 м, ширина 1,1 м. Ткани туник и более сложных предметов интерьерного текстиля ткались на станках предположительно с креплением уже заправленных нитей основы (начальной кромки). Кроме станка для ткачества использовались различные текстильные приспособления: начальная кромка, вероятно, формировалась с помощью дощечек, а шов на подушке и тесьма могли быть выполнены с помощью берда или аналогичного приспособления.

3. В погребальном обряде применялись как ткани, специально изготовленные для погребения (грубые погребальные пелены), так и текстильные изделия, использовавшиеся еще при жизни погребенного (одежда, интерьерный текстиль). Специальных погребальных одеяний не фиксируется. Предметы интерьерного текстиля и одежды, аналогичных тем, что встречаются в погребении, довольно редки для некрополя. Кроме того, обращает на себя внимание количество туник (5) и погребальных пелен (14) существенно большее, чем в других погребениях.

4. Использование большого количества тканей в погребальном обряде свидетельствует о довольно значительной роли ткачества и тканых изделий в экономике позднеантичного Египта. Однако социально-экономический контекст текстильных находок из могилы 213/1 все еще вызывает вопросы, требующие дополнительного изучения с учетом данных по всему некрополю.

¹⁷ Ср. процесс ткачества, описанный в публикации [De Jonghe, Verheeken-Lammens, 1993, p. 46].

Отдельные предметы из захоронения могли быть произведены в небольших домашних мастерских, изготовление других, например подушек, требовало высоких профессиональных навыков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Войтенко А.А.* Коптский погребальный ритуал IV–VII вв. по письменным источникам // *Aeternitas*: Сб. статей по греко-римскому и христианскому Египту. М.: ЦЕИ РАН, 2012. С. 38–70.
- Лечицкая О.В.* Коптские ткани. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2010. 416 с.
- Орфинская О.В.* Классификация текстиля для памятника Дейр аль-Банат // *И земля в ликовании...*: Сб. статей в честь Г.А. Беловой. М.: ЦЕИ РАН, 2015. С. 286–310.
- Орфинская О.В.* Лента, тесьма, бинт: К вопросу о текстильной терминологии // *Египет и сопредельные страны*. 2016. № 3. С. 1–25. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cesras.ru/egypt-and-neighbouring-countries>.
- Фихман И.Ф.* Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII вв. Л.: Наука, 1965. 308 с.
- Cabrera A., Turell L., Borrego P., Saladrigas S., Rodrigues L.* Late Roman and Byzantine textiles from Egypt: Some of furnishing textiles from Spanish public collections // *Clothing the house: Furnishing textiles of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries: Proceedings of the 5th conference of the research group «Textiles from the Nile Valley»*, Antwerp., 2007. Tiel: Lannoo, 2009. P. 88–99.
- Cortes E.* Recovering contexts: The Roman mummies excavated by the Metropolitan Museum of Art at Dahshur, Egypt // *Dressing the dead in Classical Antiquity*. Amberley publishing, 2012. P. 75–88.
- De Jonghe D., Verhecken-Lammens C.* Technological discussion // *Koptisch textiel uit Vlaamse privéverzamelingen. Coptic Textiles from Flemish Private Collections*. Pamzov, 1993. P. 31–52.
- Foulkes S.* Roman rigid heddles: A survey // *Archaeological Textiles Newsletter*. 2011. 52. P. 41–47.
- Godlewski W.* Al-Naqlūn: Links between archaeology and textiles // *Textiles in situ: Their find spots in Egypt and neighboring countries in the first millennium CE*. (Riggisberger Berichte 13). Abegg-Stiftung, 2006. P. 33–42.
- Griggs C.W.* Excavating a Christian Cemetery near Seila, in the Fayum region of Egypt // *Coptic studies: Acts of the Third International Congress of Coptic Studies, Warsaw, 20–25 August, 1984*. Warsaw, 1990. P. 145–150.
- Grossman P.* Neue frühchristliche Funde aus Ägypten // *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne*. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21–28 septembre 1986). Rome: École Française de Rome, 1989. Vol. II. S. 1843–1867.
- Hoskins N.* The Coptic tapestry albums and the archaeologist of Antinoé Albert Gayet. Washington: Univ. of Washington press, 2003. 159 p.
- Huber B.* Qarara: Une affaire de lindeux // *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries: Proceedings of the 8th conference of the research group «Textiles from the Nile Valley»*, Antwerp., 2013. Tiel: Lannoo, 2015. P. 12–25.
- Kajitani N.* Textiles and their Context in the Third- to Fourth-Century CE Cemetery of al-Bagawat // *Textiles in situ: Their find spots in Egypt and neighboring countries in the first millennium CE* (Riggisberger Berichte 13). Abegg-Stiftung, 2006. P. 95–112.
- Lafontaine-Dosogne J.* Textiles coptes, Musées royaux d'Art et d'Histoire. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1988. 35 p.
- Letellier-Willemin F.* The long- and narrow-sleeved tunic of the mummy W14 of el-Dier // *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries: Proceedings of the 8th conference of the research group «Textiles from the Nile Valley»*, Antwerp., 2013. Tiel: Lannoo, 2015. P. 26–37.
- Orfinskaya O., Belova G., Nauton M., Tolmacheva E.* Textiles from burial 213 in Deir el-Banat // *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries: Proceedings of the 8th conference of the research group «Textiles from the Nile Valley»*, Antwerp., 2013. Tiel: Lannoo, 2015. P. 38–47.
- Renner D.* Die Koptischen Textilien in den Vatikanischen Museen. Wiesbaden: Steiner Franz, 1982. 154 S.
- Stauffer A.* Textilien aus Ägypten aus der Sammlung Bouvier. Spätantike, koptische und frühislamische Gewebe. Fribourg; Wabern; Bern: Benteli, 1991. 231 S.

O.V. Orfinskaya, E.G. Tolmacheva G.A. Belova

Center for Egyptological studies of RAS
Leninskiy pr., 29, Moscow, 119071, Russian Federation
E-mail: orfio@yandex.ru;
etolma@mail.ru;
galinabell@yahoo.com

LATE ANTIQUE TEXTILES FROM THE GRAVE 213 (DEIR AL-BANAT, FAYUM, ARE)

This paper is aimed to study Egyptian textiles from the grave 213 dated to 5–7 AD that belongs to the Deir al-Banat necropolis (Fayum). These textile finds are published for the first time which would extend our know-

ledge on Egyptian Late Antique burial custom and would further enrich our understanding of the function that textiles had in Egyptian funeral practice. Moreover, the data from this burial would help us to study Egyptian weaving technologies of that time. The textile finds from the grave 213/1 are rather diverse. The male body from the grave was stretched out on its back with the head towards the west. It was dressed in three wool and one (closest to the body) linen tunics and wrapped in the fourth wool tunic. A rectangular linen cloth covered the face of the deceased. The head was resting on a pillow, under which an unfinished wool rectangular textile was found. A similar pillow was placed at the foot of the man. Fourteen textiles of different quality were used to wrap the body. Twelve of them were of a poor quality («wrappings» or «coarse funeral shrouds»). Two other textiles from the upper layer of the «wrappings» (probably, reused furnishing textiles) quite differed from the ordinary coarse shrouds. There are different groups of textiles: reused furnishing textiles, coarse funeral shrouds, tunics. Coarse shrouds with simple decorations were woven presumably on a vertical loom with two beams. This kind of loom was rather primitive and could have been used in small workshops specializing in production of large number of low quality textiles for burial needs. The woven-to-shape three-piece tunics and furnishings were not produced on the same loom as the coarse shrouds. Both one-piece and three-piece tunics have starting/finishing borders and were attached to a wooden bar or string but not simply looped around the beam. All these objects were rather heavy and demanded certain skills from a weaver. Besides large and complicated looms, Egyptian weavers could have probably used rather small and simple devices such as a band loom with a rigid heddle. Textiles of different functions were used in burial practice. Among them were both textiles specially intended for burial (coarse funeral shrouds) and reused lifetime items (tunics, furnishing textiles). From other archaeological sources, it is known that Egyptians of Late Antiquity did not have special garments for funeral. The economic context of the textiles from the grave 213 is rather unclear. Some of the objects could have been produced in small household workshops, the others demand professional skills.

Key words: Late Antique Egyptian textiles, burial custom, textile technologies, «Coptic textiles».

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-016-028

REFERENCES

- Cabrera A., Turell L., Borrego P., Saladrigas S., Rodríguez L., 2009. Late Roman and Byzantine textiles from Egypt: Some of furnishing textiles from Spanish public collections. *Clothing the house: Furnishing textiles of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries: Proceedings of the 5th conference of the research group «Textiles from the Nile Valley», Antwerp., 2007*, Tielt: Lannoo, pp. 88–99.
- Cortes E., 2012. Recovering contexts: The Roman mummies excavated by the Metropolitan Museum of Art at Dahshur, Egypt. *Dressing the dead in Classical Antiquity*, Stroud: Amberley publishing, pp. 75–88.
- De Jonghe D., Verhecken-Lammens C., 1993. Technological discussion. *Koptisch textiel uit Vlaamse privé-verzamelingen. Coptic textiles from Flemish private collections*, Zottengem: Pamzov, pp. 31–52.
- Fikhman I.F., 1965. *Egipet na rubezhe dvukh epokh: Remeslenniki i remeslennyi trud v IV — seredine VII v. [Egypt at the turn of the epochs: Craftsmen and their labor in the 4th — middle of 7th century]*, Leningrad: Nauka, 308 p.
- Foulkes S., 2011. Roman rigid heddles: A survey. *Archaeological Textiles Newsletter* 52, pp. 41–47.
- Godlewski W., 2006. Al-Naqlūn: Links between archaeology and textiles. *Textiles in situ: Their find spots in Egypt and neighboring countries in the first millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*, Riggisberg: Abegg-Stiftung, pp. 33–42.
- Griggs C.W., 1990. Excavating a Christian cemetery near Seila, in the Fayum region of Egypt. *Coptic studies: Acts of the Third International Congress of Coptic Studies, Warsaw, 20–25 August, 1984*, Warsaw, pp. 145–150.
- Grossman P., 1989. Neue frühchristliche Funde aus Ägypten. *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21–28 septembre 1986)*, vol. II, Rome: École Française de Rome, S. 1843–1867.
- Hoskins N., 2003. *The Coptic tapestry albums and the archaeologist of Antinoé Albert Gayet*, Washington: University of Washington press, 159 p.
- Huber B., 2015. Qarara: une affaire de linceuls. *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries: Proceedings of the 8th conference of the research group «Textiles from the Nile Valley», Antwerp., 2013*, Tielt: Lannoo, pp. 12–25.
- Kajitani N., 2006. Textiles and their context in the third- to fourth century CE Cemetery of al-Bagawat. *Textiles in situ: Their find spots in Egypt and neighboring countries in the first millennium CE. (Riggisberger Berichte 13)*, Riggisberg: Abegg-Stiftung, pp. 95–112.
- Lafontaine-Dosogne J., 1988. *Textiles coptes, Musées royaux d'Art et d'Histoire, Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire*, 35 p.
- Lechitskaya O.V., 2010. *Koptskie tkani [Coptic textiles]*, Moscow: GMI im. A.S. Pushkina, 416 p.
- Letellier-Willemin F., 2015. The long- and narrow-sleeved tunic of the mummy W14 of el-Dier. *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference: of the research group «Textiles from the Nile Valley», Antwerp., 2013*, Tielt: Lannoo, pp. 26–37.

Orfinskaya O.V., 2015. Klassifikatsiia tekstilia dlia pamiatnika Deir al'-Banat [The textile classification for the Deir al-Banat necropolis]. *And the Earth is Joyous... Studies in Honour of Galina A. Belova*, Moscow: CES RAS, pp. 286–310.

Orfinskaya O.V., 2016. Lenta, tes'ma, bint: K voprosu o tekstil'noi terminologii [Ribbon, tape, braid, bandage: Some particular questions of textile terminology]. *Egipet i sopredel'nye strany*, no. 3, pp. 1–25, available at: <http://cesras.ru/egypt-and-neighbouring-countries>.

Orfinskaya O., Belova G., Nauton M., Tolmacheva E., 2015. Textiles from burial 213 in Deir el-Banat. *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries: Proceedings of the 8th conference of the research group «Textiles from the Nile Valley», Antwerp., 2013*, Tiel: Lannoo, pp. 38–47.

Renner D., 1982. *Die koptischen Textilien in den vatikanischen Museen*, Wiesbaden: Steiner Franz, 154 S.

Stauffer A., 1991. *Textilien aus Ägypten aus der Sammlung Bouvier. Spätantike, koptische und frühislamische Gewebe*, Fribourg, Wabern, Bern: Benteli, 231 S.

Voitenko A.A., 2012. Koptskii pogrebal'nyi ritual IV–VII vv. po pis'mennym istochnikam [Coptic burial custom of the 4th–7th century in the written sources]. *Aeternitas: Sbornik statei po greko-rimskomu i khristianskomu Egiptu*, Moscow: TsEI RAN, pp. 38–70.

С.В. Берлина*, В.М. Костомаров*, Т.Н. Рафикова*
А.А. Ткачев*, И.К. Новиков**

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: svb82@mail.ru;
vkostomarov@yandex.ru;
tnrafikova@yandex.ru;
sever626@mail.ru

**Курганский государственный университет
ул. Гоголя, 25, Курган, 640669
E-mail: novikov2479@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИСЕТСКОЕ 2 В ПРИИСЕТЬЕ

Публикуются материалы раскопок неукрепленного поселения эпохи средневековья Исетское 2, расположенного в Нижнем Приисетье. Актуальность материалов связана с малой изученностью неукрепленных поселков бакальской культуры. Однослойность объекта обуславливает его ценность как источника для реконструкции домостроительных традиций и материальной культуры населения эпохи средневековья лесостепной зоны Зауралья. Представительная серия радиоуглеродных дат актуализирует проблему хронологии средневековых древностей Тоболо-Ишимья, указывая на функционирование бакальской культуры на протяжении раннего и развитого средневековья. Раскопами на поселении изучено 15 сооружений, выделено три типа построек: наземные со срубными либо легкими каркасными стенами и углубленные каркасно-столбовые строения. Жилища, возведенные в срубной технике, на памятнике бакальской культуры зафиксированы впервые. Среди построек отмечены как временные сезонные жилища, так и хозяйственные сооружения. Керамический материал поселения представлен сосудами бакальской культуры, зафиксированы отдельные фрагменты кушнареновской посуды, часто сопутствующей бакальским комплексам на территории Западной Сибири. В результате статистического анализа керамического материала и радиоуглеродного датирования можно говорить о функционировании поселка на протяжении длительного периода — III–XII вв. н.э. Бессистемное расположение построек, слабая насыщенность культурного слоя, отсутствие очагов внутри построек, характер инвентаря свидетельствуют о сезонном характере поселения.

Ключевые слова: средневековье, лесостепное Зауралье, бакальская культура, жилища, керамика, хронология.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-029-040

Постановка проблем

История средневековых культур лесостепной зоны Зауралья благодаря изысканиям последних двух десятилетий освещена достаточно хорошо. Раскопки и анализ материалов ряда городищ и могильников позволили исследовать основные аспекты материальной и духовной культуры бакальского и юдинского населения, этнокультурные процессы, протекавшие в регионе в раннее и развитое средневековье. Так, на основании материалов могильников Устюг-1, Ревда-5, Козловский и др. Н.П. Матвеева аргументировала высказанную ею ранее гипотезу о формировании бакальской культуры на саргатско-кашинской основе с участием карымского и приаральско-казахстанского суперстратов [2016]. О.Е. Пошехонова с соавт. [2016] в результате изучения антропологических материалов некрополя Устюг-1 подтвердили предположение о доминировании автохтонного компонента в формировании бакальского населения, указав, что основной составляющей являлся западно-сибирский низколицый монголоидный комплекс, а также отметили влияние южно-сибирского морфотипа в период развитого средневековья. Комплексный анализ средневековых материалов памятников бассейнов рек Туры, Исети и Тавды дал возможность Т.Н. Рафиковой уточнить хронологию юдинской культуры в рамках VII (конца VI) — XIII вв. и выделить ее ранний (молчановский, VII–IX вв.) этап [2015]. При изучении поселений лесного Зауралья (Пламя Сибири-6, 7, Антоново-1) А.В. Гордиенко придерживается разработанной В.Д. Викторовой [1969] схемы историко-культурного развития региона, рассматривая материалы молчановского типа памятников в рамках отдельной одноименной культуры (VI–IX вв.) [2016]. В итоге работ последних лет исследованы особенности ведения хозяйства [Рафикова,

Чичунова, 2012], фортификационное и жилищное зодчество средневекового населения [Рафикова и др., 2013; Матвеева, Рафикова, 2005; Рафикова, Берлина, 2011; Матвеева и др., 2013; Чичунова, 2011]. По данным химического анализа состава нагаров пищи с посуды ряда средневековых объектов Зауралья при соотнесении их с данными экспериментальных образцов, а также по макро- и микроэлементному составу костного вещества погребенных (мог. Устюг-1) реконструированы особенности питания бакальского и юдинского населения [Матвеева и др., 2006; 2008, с. 177–179; Матвеева, 2016, с. 192–195]. Анализ костных останков из раннесредневековых могильников позволил С.М. Слепченко и О.Е. Пошехоновой определить уровень здоровья средневекового человека как удовлетворительный, а по наличию и характеру травм исследователи сделали вывод о напряженной внутриплеменной обстановке и благоприятных внутригрупповых отношениях [2014].

Тем не менее ряд вопросов в средневековой археологии Зауралья остаются остро дискуссионными. Один из них — хронологическая позиция бакальской археологической культуры. Многослойность средневековых объектов, незначительная толщина культурных напластований, компрессия слоев либо смешение материала в результате хозяйственной деятельности поздних насельников затрудняют применение методов относительного и абсолютного датирования к материалам лесостепного Зауралья. Помимо хронологии в освещении нуждаются вопросы домостроительной традиции — практически все постройки, по которым описывается домостроительство, изучены на городищах. Особенности конструкции жилищ на неукрепленных поселках практически не исследованы. В связи с этим особую значимость имеют материалы Исетского 2 поселения, существовавшего в эпоху раннего и развитого средневековья, культурный слой которого оставлен носителями бакальской культуры.

Поселение Исетское 2 расположено в глубине второй надпойменной террасы правого берега р. Исети, в основном бору, южнее районного п. Исетское в Нижнем Приисетье (рис. 1, 1). Открыто В.Т. Петриным в 1973 г., осмотрено Г.И. Марковским в 2014 г. Поселение в плане имеет подпрямоугольную форму — около 330–300×150–140 м, вытянуто с юго-запада на северо-восток. Находится на второй надпойменной террасе, покрытой сосновым бором (рис. 1, 2). Рельеф местности дюнный, состоит из возвышений, перемежаемых понижениями. Вероятно, этим обусловлено расположение западин: они фиксировались на возвышенностях, группами. Площадь поселения около 46 тыс. м². Возможно, ранее оно было обширнее, а культурный слой частично уничтожен в результате постройки нефтепровода в 70-х гг. XX в., а также функционирования полевой дороги, идущей в пойменную часть Исети.

Раскопами в юго-западной части поселения было изучено 790 м², исследовано 15 сооружений эпохи средневековья, получены керамическая, палеозоологическая коллекции, серия радиоуглеродных дат. Характер жилищ и находок, насыщенность культурного слоя позволяют предположить, что поселение использовалось сезонно, но на протяжении длительного периода.

Сооружения

В результате раскопок были изучены остатки 15 сооружений (рис. 1, 3; 2, 1–5). Установлено, что постройки были практически не углублены в материк (за исключением жил. 6 и 5), котлованы образовались, скорее всего, из-за вмыывания в грунт органики с поверхности, где располагались собственно жилища. Говорить об этом позволяет и тот факт, что в предматериковом слое — светло-желтом практически не фиксировались находки — они отмечены только в отдельных ямах и понижениях.

Жилище 1 фиксировалось на фоне светло-желтой супеси в виде двух более темных пятен-каналов (одна канава прямая, вторая L-образная, ориентированы по линии СЗ–ЮВ), заполненных коричневой супесью. Они ограничивали площадку размерами 3,5×4,15 м. Кроме того, рядом с канавами отмечены ямы от столбов (№ 21, 22, 23, 25), заполненные в основном серой супесью с углем. За пределами постройки, в кв. П/19, расчищена яма № 24, размерами 68×82 см, верхним заполнением которой являлась черная углистая супесь. Возможно, в этом месте был очаг. После выборки слоя, ямок и канавок на фоне материка выявились две канавы, более широкие по очертаниям. Южная канава имела вид скобы с загибающимися вовнутрь краями. Размеры ее 1,3 (восточная скоба) — 3,4 (длинная сторона) — 0,8 (западная скоба) м. Размеры северной канавы 2,12×0,50–0,98 м. Глубина канав 7–10–12–21 см. Полагаем, стены постройки были срубными, отмеченные ямки — следы стоек-подпорок стен, так называемых стульев, или стоек конструкции кровли, элементов интерьера.

Поселение эпохи средневековья Исетское 2 в Приисетье

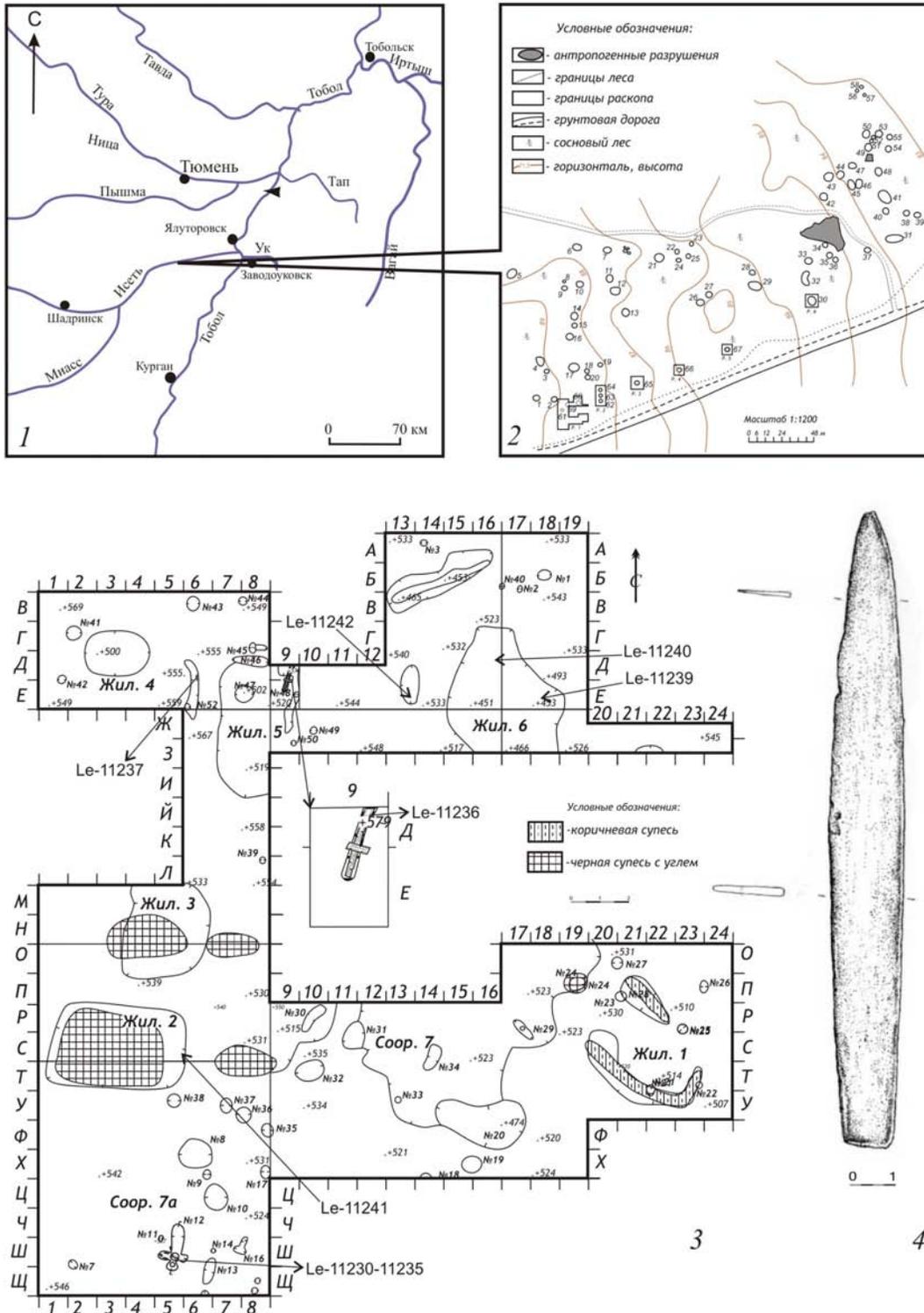

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения Исетское 2 (1), план памятника с указанием раскопов (2), план раскопа 1 (3), бронзовый нож из раскопа 2 (4).

Жилище 2 до раскопок представляло собой небольшую западину размерами 3х4 м, глубиной 13–23 см. Выявилось после снятия дерна в виде пятна черной супеси размерами 3,5х2,5 м, ориентированного по линии ЗСЗ–ВЮВ. На уровне материка обозначился котлован подпрямоугольной

формы, размерами 4,65×3,0 м, ориентированный практически по линии З–В. Глубина в материке составила 0,2–0,3 м в центре. Очага в постройке не зафиксировано, деталей конструкций в виде ямок, канавок не отмечено. Восточнее жилища на уровне первого горизонта обнаружилось пятно черной супеси овальной формы размерами 2,1×1,0 м. Возможно, оно конструктивно связано с сооружением 2, являлось следами пристроя, навеса около постройки (?). Высказать такое предположение позволяет наличие аналогичного пятна восточнее сооружения 3, что указывает на плановую мерность в строении жилищ и оформлении околожилищного пространства.

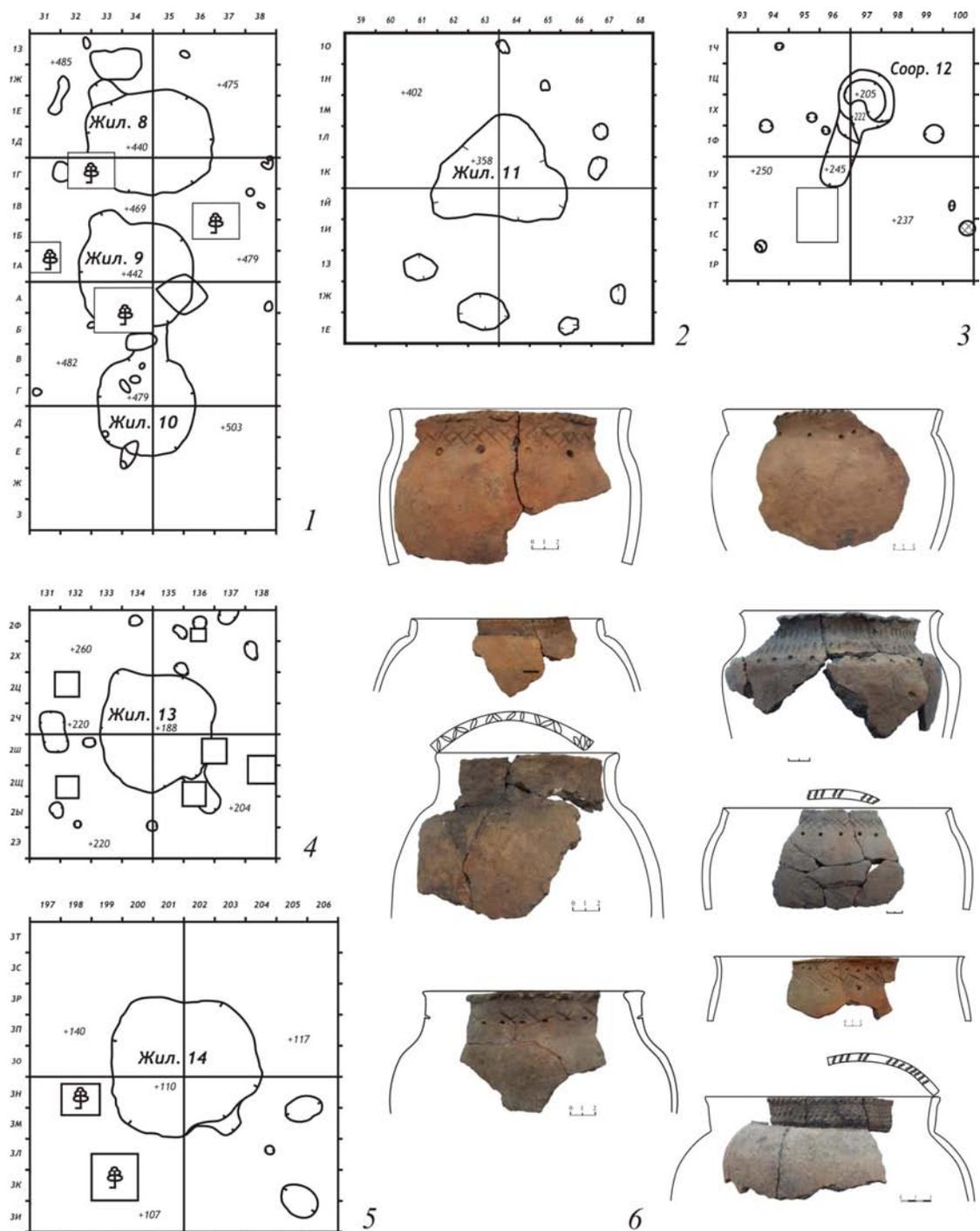

Рис. 2. План раскопов 2–6 с изученными жилищами (1–5) и керамика бакальской культуры из раскопа 1 (6).

Поселение эпохи средневековья Исетское 2 в Приисетье

Несколько севернее располагалось жилище 3. До раскопок представляло собой западину размерами 3,0×2,7 м, глубиной 5–10–12 см. Постройка также фиксировалась после первого горизонта в виде овального пятна черной супеси размерами 2,8×1,5 м. После третьего горизонта выявился котлован сооружения размерами 3,0×3,1 м. Стенки пологие, глубина котлована 0,2–0,25 м в центре. Очага и элементов конструкции не зафиксировано. Восточнее сооружения 3 также отмечено пятно черной супеси овальной формы, размерами 1,8×0,8 м (как и у соор. 2), что может быть связано с оформлением выхода или пристроя.

К жилищу 4 нами отнесены глубокая (возможно, хозяйственная) яма № 51 подпрямоугольной формы (размерами 2,25×1,55 м, глубиной 0,73–0,78 м) и ямки от столбов-стоек, расположенные за пределами ямы, которые могли ограничивать площадку трапециевидной формы размерами 4,0×3,7×2,0 м. Наличие ямок от столбов-стоек позволяет предполагать каркасно-столбовой характер строения.

Жилище 5 расположено в кв. Д–И/7–9. До раскопок фиксировалось как западина размерами 4,0×4,0 м, располагалось восточнее сооружения 4. При снятии первого горизонта на месте расположения жилища отмечались подтреугольное пятно черной углистой супеси размером около 1,0×1,0 м в кв. Ж/8 и овальное пятно коричневой супеси размером 1,5×0,6 м в кв. Е–Ж/9. Вероятно, пятна образовались вследствие разрушения и археологизации деревянных конструкций постройки. В кв. Д–Е/9 на фоне светло-желтой супеси фиксировались остатки конструкции — двух бревен, лежавших друг к другу под прямым углом. Толщина бревен от 8 до 12 см, длина 90 (лежавшего в направлении С–Ю) и 28 см (лежавшего перпендикулярно, в направлении 3–В). После снятия третьего горизонта на фоне светло-желтой супеси обнаружили канавки, заполненные серой супесью с вкраплениями угля, ориентированные в направлении 3–В, размеры их составляли 1,16–1,34 м в длину и 0,36 м в ширину. Полагаем, это следы раскатившихся бревен стены постройки, так как ниже канавки фиксировались в материке в других местах, однако параллельно прослеженным первоначально.

В кв. Д–Е/6 и 9 также отмечены две канавки, ориентированные по линии С–Ю. Размеры жилища составляли около 5,0–5,2×2,7–2,8 м. Возможно, постройка была больше — в широтном направлении до 4,0 м, если канава в кв. Д–Е/6 относилась к жилищу 5. Постройка была сооружена в срубной технике; об этом свидетельствуют не только канавки в материке, но и зафиксированный выше элемент обгоревшей стены с участком переруба с остатком. Вероятно, постройка сгорела, бревна стены раскатились, и от них остались канавки с углистой серой супесью, располагавшиеся «лесенкой» по направлению к центру котлована. Очаг в постройке не зафиксирован, хотя в центре и выявлена яма (№ 47), округлая в сечении.

Жилище 6 фиксировалось до раскопок как западина размерами 4,0×3,0 м, глубиной 0,35–0,55 м. При снятии первого горизонта в заполнении западины отмечена в основном светло-желтая супесь, в восточной части постройки — линза коричневой супеси размерами 2,6×1,0 м. Она же фиксировалась и ниже, после снятия второго горизонта, чуть крупнее; в других частях котлована также отмечена коричневая супесь, но менее интенсивной окраски. Вероятно, она маркирует обрушившиеся и разложившиеся остатки деревянных конструкций. Ниже, после снятия третьего горизонта, вдоль краев котлована внутри полуземлянки обнаружили линзы серой супеси с вкраплениями угольков.

Размеры постройки по контурам котлована составили 3,6–4,0×4,0 м (южная стенка не исследована, так как участок сильно зелесен). В данной постройке прослежен выход в виде выступа в котловане, размерами 1,0×1,3–1,4 м. Отмечены следы конструкции — пятна углистого грунта в привходовой части, возможно от деталей входа. Размеры постройки могли быть больше: на расстоянии 1,0–1,5 м от стен котлована наблюдается небольшое понижение в материковой поверхности (на 0,25 м). В 1,25 м к западу от котлована отмечен обгоревший фрагмент бревна, лежавший в направлении С3–ЮВ, размерами 20×12 см. В 1,5 м к С3 от входа зафиксирована канава длиной 4 м, шириной 0,5–0,7–1,0 м, глубиной 0,75 м. Возможно, канава выполняла дренажную функцию (на 10–15 см глубже уровня пола жилища), в ней найдены обломки сосудов, кости. За пределами котлована, севернее входа, прослежены три ямки от столбов — вероятно, деталей привходовой части постройки.

Сооружение 7 локализовано западнее жилища 1, четких очертаний не зафиксировано ни в поддном слое, ни на уровне материка. В целом отмечено понижение аморфной формы, размерами около 4–5×6 м, внутри понижения отмечены ряд ям (№ 20, 31, 33, 34, 29), керамика. Полагаем, какая-то постройка (7а) существовала юго-восточнее жилища 2: в этом месте зафик-

сированы две перекрещивающиеся канавки (№ 12) со следами сгоревшего дерева в слое серой супеси с угольками от основания венца сруба. При этом под перекрестьем фрагментов дерева отмечена ямка от столба, в которую были установлены две вертикальные стойки-подпорки в виде бревнышек толщиной 5–6 см. Северо-восточнее канавок фиксировался ряд ям диаметром 0,15–0,5 м, образующих подпрямоугольный контур около 5,0×3,0 м.

Жилища 8–10 находились к востоку от основной группы. Они располагались цепочкой по линии С–Ю, размеры их составляли 4,2×3,4; 3,7×3,4; 3,15×3,0 м соответственно. Форма в основном округлая, в северо-западной части фиксировался выход-выступ размером 1,0–1,25×0,75–1,25 м. Сооружение 10, возможно, соединялось коридором-переходом с сооружением 9. В котловане сооружения 10 и на межжилищном пространстве отмечены несколько ямок от столбов.

Жилище 11 располагалось в 20 м к востоку от основной группы, представляло собой западину диаметром 4–5 м, глубиной 0,10–0,12 м. В процессе раскопок установлено, что в центре западины имелось понижение подтреугольной формы, размерами 4,2 (по основанию) × 3,3 м, глубиной 0,2–0,5 м. За пределами углубления фиксировались ямы аморфной формы, размерами от 1,4–1,2×0,65–0,6 до 0,3–0,4 м. Они оконтуривали подпрямоугольную площадку размерами около 7,5×8,5 м — полагаем, маркировали границы постройки.

Сооружение 12 располагалось в 25 м северо-восточнее сооружения 11, представляло собой округлый котлован диаметром 2 м, глубиной до 0,35 м, с выступом в ЮЗ сторону размером 2,2×1 м. Вокруг углубления имелись столбовые ямки, расположенные бессистемно. Юго-восточнее углубления фиксировалось пятно прокала диаметром 0,5 м.

Жилища 13 и 14 располагались в 33 и 41 м от предыдущих соответственно. Округлой формы, размерами 4×4 и 4,2×4 м соответственно, с выходом-выступом (0,7–0,75×0,5–1,25 м) в ЮВ направлении. Вокруг котлованов также отмечены несколько ям различных размеров и конфигурации.

Реконструкция построек

Интересной особенностью построек является отсутствие в них очагов, зафиксированы провалы (очаги?) на межжилищном пространстве юго-восточнее жилища 2, сооружения 12, северо-западнее жилища 1. Полагаем, что сооружения 1–6, 8–11, 13, 14 являлись жилыми и носили сезонный характер. Часть (7, 7а, 12) могли использоваться в хозяйственных целях — для хранения инвентаря, снастей, запасов.

Из исследованных построек как минимум две (1 и 5) следует отнести к срубным (срубно-каркасным): о подобной технике возведения нижней части жилища свидетельствуют канавки более темного грунта по периметру построек и зафиксированные остатки сгоревших деревянных конструкций — угла сруба. Постройка 7а предположительно также была сооружена в срубной технике. Зафиксированный угол сруба, под которым отмечены подпорки-стойки в ямке, и наличие ямок по предполагаемому периметру постройки, оставшихся, по нашему мнению, от подпорок нижнего венца, свидетельствуют о срубном характере стен. Отсутствие столбовых ямок, подпрямоугольные очертания контуров построек позволяют предположить аналогичную технику строительства и сооружений 2, 3.

Остальные постройки (4, 7, 8–14) представляли собой легкие наземные каркасные сооружения с округлым или подпрямоугольным основанием, со стенами как из прислоненных к каркасу жердей, расколотых бревнышек, крытых корой, так и из собственно каркаса, крытого берестяными покрывками или шкурами животных. Исключение составляет жилище 6 — прямоугольное, с углубленным основанием, каркасно-столбовое. О такой конструкции свидетельствуют линзы углистой супеси у пола жилища, однако основной каркас располагался, вероятно, за пределами котлована, у его краев. В этом месте также зафиксировано понижение поверхности материка, большая часть следов конструкции, видимо, не сохранилась.

Таким образом, на поселении зафиксировано как минимум три типа построек: наземные со срубными стенами, наземные с легкими каркасными стенами и углубленные с каркасными стенами.

Жилища бакальской культуры (22 ед.) изучены на шести памятниках — Коловском, Усть-Утяжском, Усть-Терсюжском, Царевом городищах, Старо-Лыбаевском-1 и Зотинском-IV поселениях. Большая часть исследованных сооружений (18 ед.) располагались на многослойных объектах, и следы конструкций часто разрушены более поздним населением. Кроме того, практически все объекты исследованы на укрепленных поселениях [Рафикова, 2011]. На сегодняшний день известны 31 городище и 36 поселений [Рафикова, 2011], однако раскопками на неукреп-

Поселение эпохи средневековья Исетское 2 в Приисетье

ленных поселениях исследована одна постройка, на селище Старо-Лыбаевского городища [Овчинникова, 1988], и три — на Зотинском IV поселении [Борзунов, 1993].

В целом исследованные нами жилища схожи с постройками, изученными на Коловском, Усть-Терсюкском городищах, Зотинском-IV, Старо-Лыбаевском селищах, характеризующимися небольшой углубленностью, часто отсутствием или малым количеством следов конструкции. На Исетском 2 поселении преобладают (как и на других памятниках бакальской культуры) наземные сооружения облегченной конструкции, что может как быть частью домостроительной традиции населения эпохи средневековья, так и указывать на сезонное и/или хозяйственное их использование (постройки располагались на периферии поселения). Помимо наземных и углубленных каркасно-столбовых построек, впервые для памятников бакальской культуры зафиксированы жилища, возведенные в срубной технике.

Таким образом, впервые получены представительные данные о строительных традициях на однослойном неукрепленном поселении бакальской культуры. Анализируя материалы поселения, можно предположить, что доля срубных жилищ у бакальского населения была больше. Археологизация срубных объектов зачастую приводит к полному разрушению следов наземных и слабоуглубленных построек.

Керамика

Основную категорию находок составила керамика бакальской культуры. Практически все находки были сделаны на площади раскопа 1, в раскопах 2–5 зафиксировано по несколько фрагментов керамики. Статистически проанализировано 45 сосудов: 44 экз. — горшки, 1 экз. — чаша (табл. 1, 2). Учитывались такие параметры, как форма венчика, наличие дополнительных морфологических особенностей (карнизик), высота шейки, профиль и конфигурация горловины.

Среди бортиков наиболее распространены скошенные внутрь — 66,7 %, в меньшем количестве встречены плоские (15,6 %) и округлые (11,1 %) венчики. Заостренные и скошенные наружу венчики немногочисленны (4,4 и 2,2 % соответственно).

Из возможных дополнительных морфологических деталей (карнизики, воротнички, валики) отмечены только карнизики — в 11,1 % случаях. Воротнички и валики, встреченные в небольшом количестве на других бакальских памятниках региона, например Большом Бакальском и Усть-Утякском городищах, в коллекции не выявлены. Наряду с особенностями орнаментации и параметрами сосудов это косвенным образом может свидетельствовать о начале функционирования памятника не ранее второй половины I тыс.

Анализируя высоту шеек сосудов, отметим большую долю горшков с хорошо выраженной шейкой (от 2 см) — 61,4 %. Сосуды с горловиной высотой до 2 см встречены в 38,6 % случаях. В то же время необходимо подчеркнуть, что в коллекции вообще не зафиксированы горшки с высокой (более 3 см) шейкой. В.А. Могильников отмечал увеличение доли чаш и слабопрофилированных сосудов в более позднее время [1987, с. 181, 323, табл. LXXV]. В нашем случае чаша представлена единственным экземпляром, в выборке преобладают горшки с хорошо выраженной, но уже не высокой шейкой.

Шейка в профиле преимущественно наклонена внутрь — 45,4 %. По конфигурации преобладают прямые шейки (65,9 %), прогнутые горловины зафиксированы в 27,3 %, выгнутые — в 6,8 % случаях.

Орнамент нанесен преимущественно по венчику, срезу венчика, шейке и иногда плечикам; тулово, придонная часть и дно не украшались. Декор разрежен.

Орнаментация скудная. Всего отмечено девять элементов орнамента, при этом наиболее распространены только четыре. Доминируют ямки (71,1 %), нанесенные в зоне перехода от шейки к плечикам и наклонные резные насечки, выполненные по краю бортика (73,3 %). Также зафиксированы резная решетка (53,3 %) и горизонтальная прочерченная линия (17,8 %).

Как уже указывалось, в коллекции одна чаша. Она имеет скошенный внутрь венчик, декорирована наклонными резными линиями по бортику и резной решеткой.

Большой интерес представляет присутствие на одном из сосудов помимо резной решетки и наклонных резных линий отпечатков фигурного штампа, не свойственных бакальской керамике, но широко распространенных на сосудах кушаренковской культуры. Примечательно, что орнамент нанесен очень неряшливо, что в целом характерно для декора посуды бакальского населения. Таким образом, мы фиксируем случай взаимодействия населения двух культур.

Таблица 1

Параметры сосудов бакальской культуры Исетского-2 поселения

	Кол-во	%
Венчик		
скошен внутрь	30	66,7
скошен наружу	1	2,2
округлый	5	11,1
плоский	7	15,6
заостренный	2	4,4
Наличие дополнительных деталей карнизик	5	11,1
Всего сосудов	45	100
Высота шейки		
едва намечена (до 2 см)	17	38,6
хорошо выражена (от 2 см)	27	61,4
Профиль горловины		
наклонена внутрь	20	45,4
отогнута	12	27,3
вертикальная	12	27,3
Конфигурация шейки		
прогнутая	12	27,3
прямая	29	65,9
выгнутая	3	6,8
Всего горшков	44	100

Таблица 2

Характеристика основных элементов орнамента посуды поселения Исетское-2

	Кол-во	%
Ямки	32	71,1
Наклонные резные линии, нанесенные по бортику	33	73,3
Вертикальные резные линии	3	6,7
Вертикальные гребенчатые линии	1	2,2
Резная решетка	24	53,3
Горизонтальная прочерченная линия	8	17,8
Горизонтальная гребенчатая линия	1	2,2
Наклонные резные линии	4	8,9
Наклонные гребенчатые линии	1	2,2
По срезу		
наклонные резные	13	28,9
наклонные гребенчатые	1	2,2
вертикальные резные	1	2,2
резная решетка	5	11,1
резной зигзаг	1	2,2
Всего	45	100

Помимо керамики бакальской культуры при исследовании зафиксировано несколько фрагментов кушнаренковской керамики. Она сопутствует бакальской практически на всех памятниках. Керамика орнаментирована треугольным и трапециевидным штампами, горизонтальными прочерченными линиями. Основной ареал кушнаренковской культуры связан с Приуральем и Прикамьем, но ее формирование происходило на территории Среднего Прииртышья.

Инвентарь

В результате работ было зафиксировано 13 индивидуальных находок. Основная категория — керамические скребки, изготовленные на фрагментах сосудов, их насчитывается 8 экз. Данные орудия являются полифункциональными, могли использоваться при обработке шкур, дерева, в гончарном производстве [Чикунова, Скочина, 2009]. Кроме того, найдены два фрагмента шлака, фрагменты глиняных изделий. Одно — лепное изделие, представлено фрагментом размером 2,5×1,5 см, вылеплено небрежно, поверхность неровная, в центре углубление. Второй предмет — фрагмент глиняного цилиндрического изделия, немного усеченной формы, размерами 3,5×0,9–1,4 см, одна сторона закруглена, вторая имеет следы слома. Подобный полученному материал имел широкое распространение в эпоху средневековья и не позволяет датировать комплекс.

Поселение эпохи средневековья Исетское 2 в Приисетье

Отдельного внимания заслуживает нож, изготовленный из бронзы. Размеры его 13,5×1,6 см. Рукоять не сохранилась, лезвие длиной 7 см, острие скруглено, уступов при переходе к черешку не отмечено.

Хронология объекта

Особенности параметров сосудов и орнаментальных композиций бакальской керамики указывают на функционирование поселения в конце раннего средневековья (VII–IX вв.).

По данным радиоуглеродного анализа представляется сложная картина. В жилищах и на межжилищном пространстве были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования, всего получено 12 дат (рис. 3).

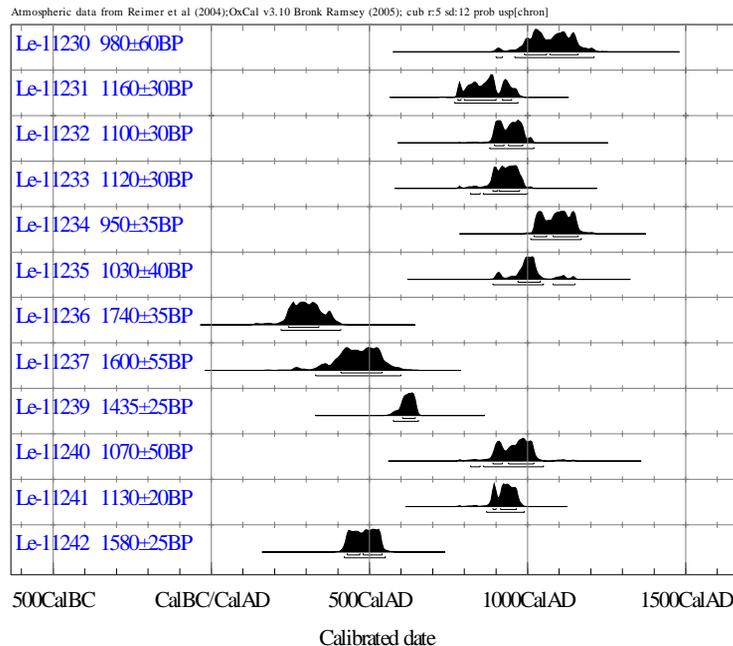

Рис. 3. График распределения калиброванных дат с поселения Исетское 2.

Шесть образцов из сооружения 7а (Le 11230-11235) указывают на функционирование постройки в конце раннего — развитом средневековье, в рамках IX–XII вв. н.э. Проба из жилища 5 (Le-11236-11237) датирует постройку в рамках III–VI вв. н.э. Из жилища 6 отобрано три образца, два (Le-11239, 11244) из которых укладываются в период V–VII вв. н.э., а один (Le-11240) — в IX–XI вв. н.э. Последний, вероятно, попал в западину позднее. Образец из жилища 2 (Le-11241) указывает на существование сооружения в IX–XI вв. н.э. Таким образом, полагаем, что поселение функционировало продолжительное время, постройки располагались бессистемно, на свободной площади, не перекрывая друг друга.

Выводы

Река и пойменные луга в окрестностях поселения обеспечивали условия для рыболовства и выпаса скота, а лес вдоль и в глубине террасы — широкие возможности для сбора дикоросов, что делало территорию привлекательной для функционирования сезонного поселка в течение длительного времени.

Раскопками на поселении установлено, что данная территория эксплуатировалась на протяжении III–XII вв. На площади поселка сооружались преимущественно легкие каркасные строения, иногда углубленные каркасные жилища, а также жилища в срубной технике. Отсутствие очагов внутри строений и наличие их следов за пределами жилищ позволяют предположить, что поселение функционировало в теплое время года. Малое количество костей животных и инвентаря также свидетельствует, на наш взгляд, о сезонном характере поселения и отсутствии большого объема производственной деятельности. Вероятно, население большой упор делало на присваивающие отрасли — охоту, рыболовство, собирательство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борзунов В.А.* Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 111–134.
- Викторова В.Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.
- Гордиенко А.В.* Среднее Зауралье в эпоху раннего средневековья. Тюмень: РИЦ ГКИК, 2016. 230 с.
- Матвеева Н.П., Пластеева Н.А., Чукунова И.Ю.* Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье // АВ ORIGINE: Археолого-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. Вып. 5. С. 34–64.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (Проблемы культуругенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Рафикова Т.Н.* Изучение пищи средневекового населения лесного Зауралья по нагарам на посуде // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. Вып. 7. С. 110–119. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н.* Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 105–116. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
- Овчинникова Б.Б.* Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 141–152.
- Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Слепцова А.В.* Краниология и одонтология раннесредневекового населения Притоболья по материалам могильника Устюг-11 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35) С. 110–122. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Рафикова Т.Н.* Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 24 с.
- Рафикова Т.Н.* Керамический комплекс костища Песьянка-1: (К проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 61–71. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Рафикова Т.Н., Берлина С.В.* Жилище бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 95–101.
- Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Рафикова Т.Н., Чукунова И.Ю.* Хозяйство средневекового населения лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 81–90. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Слепченко С.М., Пошехонова О.Е.* Патологические проявления на палеоантропологическом материале раннесредневекового могильника Устюг-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 58–66. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Чукунова И.Ю.* Функциональное назначение сооружений городища Черепаниха 2 // IX Зырянские чтения-2011: Материалы Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Курган, 2011. С. 30–32.
- Чукунова И.Ю., Скочина С.Н.* Керамические изделия поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 49–56. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

S.V. Berlina*, V.M. Kostomarov*, T.N. Rafikova*, I.K. Novikov, A.A. Tkachev***

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: svb82@mail.ru;
vkostomarov@yandex.ru;
tnrafikova@yandex.ru;
sever626@mail.ru

**Kurgan State University
Gogol st., 25, Kurgan, 640669, Russian Federation
E-mail: novikov2479@mail.ru

THE MEDIEVAL SETTLEMENT OF ISETSKOIE 2 IN THE ISET RIVER BASIN

The article deals with materials of excavations at Isetskoie 2, an unfortified settlement of the Middle Ages, located in the Lower Iset River basin. The published materials are important due to poor previous study of unforti-

fied settlements of the Bakal culture. The place is single-layered which makes it a valuable source for reconstructing house-building traditions and material culture of the Medieval population of the forest-steppe zone of the Trans-Urals. A representative series of radiocarbon dates allows us to refresh a problem of chronology of the Medieval antiquities of the Tobol-Ishim interfluvium, indicating that the Bakal culture functioned throughout the Early and High Middle Ages. Fifteen buildings were studied during excavations at the settlement, three types of buildings were distinguished: above-ground buildings with log-framed or light-framed walls and deepened framed and pillared buildings. Dwellings erected in log technique were found at a site of the Bakal culture for the first time. Among the buildings, both temporary seasonal dwellings and outbuildings are singled out. The ceramic material of the settlement is represented by vessels of the Bakal culture, separate fragments of Kushnarenkovo dishes which often accompany the Bakal complexes in the territory of Western Siberia, are found as well. Statistical analysis of the ceramic material and a series of radiocarbon dates indicate that the settlement functioned for a long period of time, in the III–XII centuries AD. A lack of system in arrangement of the buildings, weak saturation of the cultural layer, absence of fireplaces inside the buildings, characteristics of the inventory allow us to conclude that the settlement was seasonal.

Key words: Middle Ages, forest-steppe Trans-Urals, the Bakal culture, dwellings, ceramics, chronology.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-029-040

REFERENCES

- Borzunov V.A., 1993. Zotinskoe IV gorodishche na r. Bagariak [The hillfort of Zotinskoe IV at the Bagariak River] *Pamiatniki drevnei kul'tury Urala i Zapadnoi Sibiri*, Ekaterinburg: Nauka, pp. 111–134.
- Chikunova I.Iu., 2011. Funktsional'noe naznachenie sooruzhenii gorodishcha Cherepanikha 2 [Functional purpose of the buildings of the hillfort of Cherepanikha 2]. *IX Zyrianovskie chteniia-2011: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi kraevedcheskoi konferentsii*, Kurgan, pp. 30–32.
- Chikunova I.Iu., Skochina S.N., 2009. Keramicheskie izdeliia poseleniia Mullashinskie lury 7 [Ceramic artefacts from the settlement of Mullashinskie lury 7]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 10, pp. 49–56, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a10/49-56-chikunova.pdf.
- Gordienko A.V., 2016. *Srednee Zaural'e v epokhu rannego srednevekov'ia* [Middle Trans-Urals in the Early Middle Ages], Tiumen: RITs TGIK, 230 p.
- Matveeva N.P., 2016. *Zapadnaia Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniia narodov: (Problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamiatnikov)* [Western Siberia during the Great migration epoch: (Issues of cultural genesis according to data of funerary monuments)], Tiumen': Izd-vo TiumGU, 264 p.
- Matveeva N.P., Berlina S.V., Rafikova T.N., 2008. *Kolovskoe gorodishche* [The hillfort of Kolovskoie], Novosibirsk, Nauka, 240 p.
- Matveeva N.P., Larina N.S., Rafikova T.N., 2006. Izuchenie pishchi srednevekovogo naseleniia lesnogo Zaural'ia po nagaram na posude [Food study of Medieval population of the forest Trans-Urals by carbon deposits on dishes]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 7, pp. 110–119, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a7/C_110-119-Matveeva-Larina-Rafikova.pdf.
- Matveeva N.P., Plasteeva N.A., Chikunova I.Iu., 2013. Gorodishche Koniashino-2 v podtaezhnom Zaural'e [The hillfort of Koniashino-2 in the subtaiga zone of the Trans-Urals]. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik TiumGU*, no. 5, Tiumen': TiumGU, pp. 34–64.
- Matveeva N.P., Rafikova T.N., 2005. Novye dannye o iudinskoi kul'ture (po materialam Krivolukskogo gorodishcha) [New data on the Yudino culture (based on the materials from Krivaya Luka hillfort)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 6, pp. 105–116, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a6/105-116-matveeva.pdf.
- Mogil'nikov V.A., 1987. Ugry i samodiitsy Urala i Zapadnoi Sibiri [Ugric and Samoyedic people of the Urals and Western Siberia]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ia*, Moscow: Nauka, pp. 163–235.
- Ovchinnikova B.B., 1988. Staro-Lybaevskoe poselenie [The settlement of Staroie Lybaevo]. *Material'naia kul'tura drevnego naseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri*, Sverdlovsk: UrGU, pp. 141–152.
- Poshekhonova O.E., Zubova A.V., Sleptsova A.V., 2016. Kraniologiya i odontologiya rannesrednevekovogo naseleniia Pritobol'ia po materialam mogil'nika Ustiug-11 [Craniology and odontology of the early medieval population alongside the Tobol river, based on Ustyug-1 burial ground]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (35), pp. 110–122, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a35/110-122.pdf.
- Rafikova T.N., 2011. *Bakalskaia kul'tura lesostepnogo i podtaezhnogo Tobolo-Ishim'ia* [The Bakal culture of the forest-steppe and subtaiga zones in the Tobol-Ishim interfluvium]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk, Tiumen', 24 p.
- Rafikova T.N., 2015. Keramicheskii kompleks kostishcha Pes'ianka-1: (K probleme khronologii i periodizatsii iudinskoi kul'tury) [Ceramic complex of the bone bed of Pesianka-1: (On the problem of chronology and periodization of the Yudino culture)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (30), pp. 61–71, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a30/61-71.pdf.
- Rafikova T.N., Berlina S.V., 2011. Zhilishche bakal'skoi kul'tury Ust'-Tersiukskogo-1 gorodishcha [Bakal culture dwellings of the hillfort of Ust-Tersiuk-1]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 2 (46), pp. 95–101.
- Rafikova T.N., Berlina S.V., Kaidalov A.I., Sechko E.A., 2013. Fortifikatsii rannego i razvitogo srednevekov'ia lesostepnogo i podtaezhnogo Zaural'ia [Fortifications of the forest-steppe and subtaiga Trans-Urals in the Early

and High Middle Ages]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (23), pp. 42–51, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a23/42-51.pdf.

Rafikova T.N., Chikunova I.I., 2012. Khoziaistvo srednevekovogo naseleniia lesostepnogo i podtaezhnogo Zaural'ia [Economy of Medieval population of the forest-steppe and subtaiga zones of the Trans-Urals]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (19), pp. 81–90, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a19/81-90.pdf.

Slepchenko S.M., Poshekhonova O.E., 2014. Patologicheskie proiavleniia na paleoantropologicheskom materiale rannesrednevekovogo mogil'nika Ustiug-1 [Pathologic features of paleoanthropological material of the Early Medieval burial ground of Ustiug-1]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (27), pp. 58–66, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a27/87-95.pdf.

Viktorova V.D., 1969. *Naselenie epokhi zheleza lesnoi polosy Srednego Zaural'ia: (Opyt sistematzatsii arkheologicheskikh pamiatnikov)* [Iron Age population of the forest zone of the Middle Trans-Urals: (An effort of systematization of archaeological sites)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Sverdlovsk, 20 p.

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
просп. К. Маркса, 15/1, Омск, 644024
E-mail: tatsf2008@rambler.ru;
semchi957@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИГРАФИИ И БЛАГОУСТРОЙСТВА СИБИРСКОГО ГОРОДА В XVI–XVIII вв.¹

Цель работы — воссоздание истории территориального развития г. Тары от его основания до принятия единого городского плана в 1775 г. Изыскания позволили выделить принципы основания и развития сибирского русского города в конце XVII — XVIII в. Источниками для исследования послужили данные археологических раскопок (около 1500 м² культурного слоя мощностью 2 м и более), а также картографические материалы. В статье рассмотрены дороги, ведущие к Тарской крепости с разных сторон, места переходов через реки, окружавшие ее, состояние улиц, трансформация планиграфии крепости в конце XVIII в. Тарская крепость была поставлена с учетом использования естественных преград. Попастъ в город можно было лишь по трем дорогам, которые прикрывали башни крепости. Эти дороги, превратившиеся в улицы города, и сегодня используются для проезда чаще, чем другие, расположенные между ними.

Ключевые слова: археология русских Западной Сибири, Тарская крепость, пространственная археология, пути сообщения, планиграфия.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-041-050

В результате археологических раскопок первых русских городов Западной Сибири: Мангазеи, Тары, Тобольска, Томска и др. — получены многочисленные и разнообразные материалы, которые вкпе с письменными, картографическими, изобразительными и прочими источниками дают возможность достаточно полно охарактеризовать уровень экономического, социального, политического, торгового, культурного, военного развития русских сибиряков в конце XVI — XVIII в. и продемонстрировать его материальные свидетельства. Это серьезно расширяет наши представления об эпохе освоения Западной Сибири русскими и позволяет ставить новые вопросы: о процессах формирования и развития первых сибирских городов, об эволюции их архитектурного ансамбля, о трансформации антропогенной нагрузки и динамике экологии и т.д., которые необходимо решать комплексно.

Постановка проблемы

В 2007 г. сотрудники Омского филиала ИАЭТ СО РАН начали работы по исследованию Тарской крепости — ныне это г. Тара, районный центр Омской области, расположенный в 300 км севернее Омска. За годы раскопок под общим руководством С.Ф. Татаурова изучено несколько участков на территории крепости, условно названных «Воеводская усадьба», «Княжья башня», «Тобольские ворота». Кроме того, раскопы были заложены во дворе Спасского собора, на местах, где находились Никольский собор, Тихвинская церковь. Были предварительно обследованы участки на территории предприятий «Северные сети» и Тарского отделения «Почты России». Проведен сбор информации об исторических районах Тары и ее топонимике, а также работы в центральных и местных архивах.

Успехам работ способствовало то, что Тара, в силу особенностей своего исторического развития, является самым маленьким по размерам и числу жителей населенным пунктом среди первых сибирских городов. Ее обошли промышленное строительство и многоэтажная жилищная застройка, и поэтому она сохранила свой самобытный вид. Причем не только на поверхности, в «действующем» виде, но и под землей — в культурных слоях города. В ходе археологических исследований в историческом центре Тары было раскопано более 1500 м² площади города. Зафиксировано семь строительных горизонтов и около 20 деревянных объектов XVII–XIX вв. Хорошая сохранность древесины позволяет воссоздать как элементы домостроительства, так и особенности храмовых, фортификационных, административных, жилых и хозяйственных комплексов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 14-50-00036).

сов города. Среди находок особо отметим коллекции обуви, тканей, веревок, детских игрушек, туесов. Часть из них была использована при подготовке научных работ [Алисов и др., 2014; Алферов и др., 2014; Татаурова и др., 2014].

За годы работ постепенно накапливались сведения, несущие информацию о пространственной организации Тарской крепости и ее окрестностей. Это позволяет рассмотреть пути, подводящие непосредственно к воротам города, а также состояние и планиграфию его улиц и соотносить раскопанные сооружения с известными по письменным сведениям постройками. Кроме того, сведения о формировании исторических районов Тары, хотя и краткие, могут быть соотнесены с современной застройкой. Таким образом, совокупность археологических, письменных, картографических материалов и устных сведений дает возможность воссоздать основные черты первоначальной застройки города, выявить динамику изменений его планиграфии. Рассмотрение этого вопроса и будет целью данной работы.

Обсуждение

Полагаем, что первые русские города Западной Сибири сходны в следующем:

— первоначально они были построены как крепости, что обусловило особенности их планиграфии: тесную застройку внутри крепости и относительно свободную планировку в неукрепленной части;

— в какой-то степени сохранилась историческая часть городов: территория крепости в Таре, кремлей в Тобольске и Томске;

— сегодня места, где русские первопроходцы построили крепости, окружены историческими зданиями, как деревянными, так и каменными, преимущественно XIX — начала XX в. Это придает городам особый колорит и позволяет проследить становление и развитие планиграфии городов как минимум с XVIII в.

Наши выводы могут быть проверены на материалах городов Сибири.

Пути к Тарской крепости. В настоящее время не составляет труда доехать до Тары и добраться до любой ее точки, поскольку существует развитая сеть дорог и улиц с твердым покрытием и есть мосты через реки. Но не так было в первые века существования крепости. Она была построена в 1594 г. князем Андреем Елецким на мысовидном участке первой надпойменной террасы левого берега Иртыша. Под террасой протекала речка Аркарка, а далее к востоку простиралась иртышская пойма шириной около 3 км, пересеченная многочисленными логами и правыми притоками Аркарки. Передвижение на этом участке было затруднительно в весенне-летний период, хотя по одной из речных дюн была проложена дорога к Верхним юртам (ныне с. Екатерининское), что примерно в 10 км от Тары на левом берегу Иртыша.

С юга крепость ограничивал небольшой овраг — «буерак». Возможно, сейчас это безымянный подъем, начинающийся от ул. Омской и выводящий к КДЦ «Север». Предположим, что за годы существования Тары он был трансформирован, частично засыпан, стал более пологим. В 400 м южнее есть еще один «буерак» (в местной огласовке — «щель»), препятствующий подходу к крепости с юга. Но главным препятствием на пути с этой стороны была Аркарка с крутыми берегами, выходящая в пойму в 900 м южнее крепости. С западной стороны дорогу к крепости затрудняла речка, начинавшаяся в болоте к западу от крепости и впадающая в Аркарку в 500 м к юго-западу от места ее выхода в пойму. Она протекала по логу, который в середине XIX в. называли «Кладбищенский». С северной стороны естественных препятствий на пути к Таре не было. Итак, князь Елецкий построил крепость на месте, хорошо укрепленном самой природой и легкодоступном только с севера (рис. 1, 1). Отметим, что и в середине XVIII в. планировка города не изменилась, он лишь стал больше (рис. 1, 2).

Чтобы рассмотреть, как можно было преодолеть последнюю версту по пути к Таре, сначала изучим картографические данные. Сравнивая карту 1775 г. (рис. 1, 3) и план современной застройки Тары на общедоступных космических снимках (размещены на сервисах Wikimapia, Google Earth, Panoramio, «Яндекс-карты») (рис. 2), можно убедиться, что на протяжении последних двухсот с лишним лет планиграфия исторической части Тары не изменилась. Единственное существенное различие — разное направление указателя на север — можно объяснить ориентацией карт на географический или магнитный полюс. Магнитное наклонение в Таре составляет $+12,8^\circ$, что примерно соответствует углу между указателями на север на этих двух картах. Русло Аркарки также не изменилось, т.е. и надпойменная терраса не меняла очертаний. Поэтому предположим, что и основные современные транспортные артерии Тары сходны со старинными.

Особенности планировки и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв.

Итак, подъехать к воротам Тарской крепости с севера не составляло труда. Тракт из Тобольска, конечный участок которого — ул. Никольская (современная Советская), подходил прямо к крепостным воротам (рис. 2). Приехать в Тару с востока по пойме можно было в сухое время года или зимой. Но чтобы попасть на эту дорогу (сейчас ее называют «Старая Екатерининская»), нужно было в Екатериновке на пароме переправиться на левый берег Иртыша, проехать десяток километров по пойме до Крестьянского моста (небольшой мост через Аркарку, выводящий к ул. Нерпинской под горой и ведущий к пристани на Иртыше) и уже потом, по ул. Полицейской (современная 40 лет ВЛКСМ), подняться на террасу. Полагаем, что это была дорога местного значения.

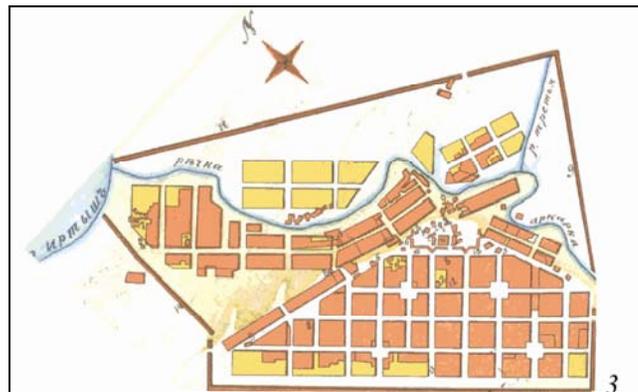
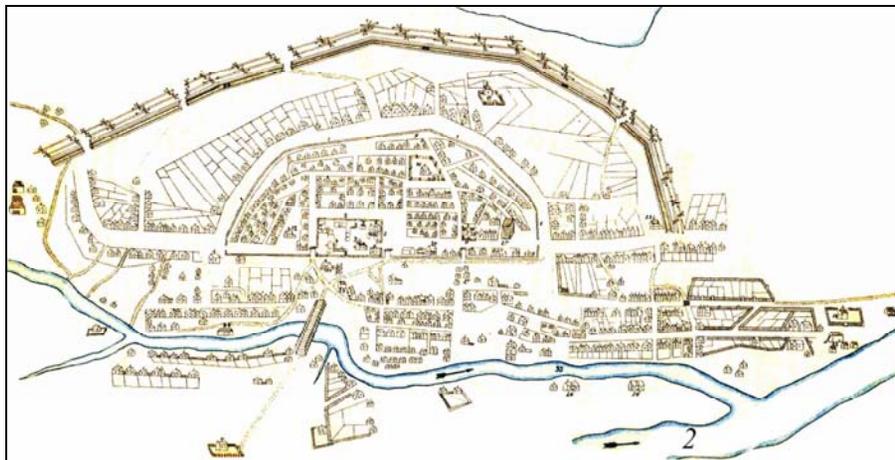

Рис. 1. Чертежи и планы г. Тары конца XVI — XVIII в.:
1 — чертеж С.У. Ремезова, около 1696 г. (по: [Ремезов, 1882, лист Г]); 2 — план 1747 г. (по: [Цветкова, 1994, цв. вклейка 3]); 3 — план 1747 г. (по: [БУ ИСА, д. 21498, л. 70–71]).

Рис. 2. Схема въездных дорог в старую Тару.

Чтобы прибыть в город с юга, необходимо было переправиться через Аркарку — главное препятствие. Судя по картам, переход через нее был возможен в двух местах (рис. 2). Первый — в месте выхода Аркарки в пойму, по небольшому мостику, который в наши дни заменен дамбой с трубами. Этот мост показан на карте 1861 г., и по нему можно было пройти от крепости к месту, которое планировалось отдать под строительство мечети, татарской слободы (район современного стадиона «Олимп») и татарского кладбища (близ средней общеобразовательной школы № 4). По каким-то причинам мечеть и слободу здесь не построили, а место, отведенное под кладбище, использовали. В наши дни это старое кладбище заброшено. Вообще, именно на этом участке Тары нет жилой застройки. Сейчас здесь располагается место отдыха горожан — Тарская роща, со стадионом и ледовой ареной. Иными словами, мостик, о котором идет речь, когда-то вел к пустому месту. Вряд ли его интенсивно использовали, к тому же на картах XVIII в. он отсутствует.

Второе место переправы через Аркарку — район улиц Кузнечной — 8 марта, там, где находился Калашников мост. Именно к этому месту, где впадала в Аркарку речка, текущая по Кладбищенскому логу (современное название — Овражек), подходила прямая дорога с юга (ныне это тракт Омск — Тара, переходящий в ул. Радищева). Здесь могло быть два перехода. Один — мост ниже устья речки — показан на карте 1861 г. Он вел на ул. Кузнечную, и близ него стояла полицейская будка. Второй переход располагался в районе Калашникова мостика, по которому можно было пройти к улицам 8 марта и 4-я линия, обогнув Тихвинское кладбище с запада — к ул. Пятницкой (современная Избышева) и по ней — к южной части крепости и спуску в подгорную часть Тары по буераку. Или же, преодолев половину версты к северу, пройти городскими улицами до ул. Полицейской, выйти к северной части крепости и спуску в подгорную часть Тары по ул. Успенской к ул. Нерпинской и Крестьянскому мостику. На обоих путях через речку, текущую по Кладбищенскому логу, были мостики. Всего мостов было четыре, это говорит о том, что жители Тары часто перебирались через речку.

Особенности планиграфии и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв.

Итак, построенная князем Елецким Тарская крепость была с запада хорошо защищена болотом, называвшимся Водяным (от него остались отдельные водоемы), и речкой, текущей по Кладбищенскому логу. С востока дорогу в крепость затрудняла иртышская пойма шириной около 3 км, с большим количеством логов, а также р. Аркарка с притоками. Чтобы попасть в Тару с юга, необходимо было перебраться через Аркарку, затем, обойдя Тихвинское кладбище с запада, по одной из двух улиц подойти к южной или северной части крепости (рис. 2). Отметим, что и в наши дни эти улицы используются для проезда чаще, чем другие, расположенные между ними. На обеих улицах находятся базары, а традиция устраивать торг возле ворот известна. Данные карт свидетельствуют, что в середине XIX в. появилось еще две переправы через Аркарку. С севера для проезда в Тару препятствий не было.

Улицы и дворы в Тарской крепости. Попав в Тару, путники стремились добраться до нужного им места: родного дома, постоянного двора, склада, казенного учреждения и т.п. Но удобство проезда по Таре регламентировалось шириной улиц и их состоянием. Рассмотрев чертежи и карты города, планиграфию строений на раскопанных участках, стратиграфию, можно сказать следующее.

На протяжении первых двух веков своего существования Тара была городом-крепостью, поэтому ее развитие происходило на ограниченной территории. В ходе исследований отмечена значительная теснота жилых и хозяйственных объектов: если в крепости зафиксирован усадебный характер застройки, то в острожной части города ее можно назвать дворовой. Междомового пространства практически не было, жилые и производственные (сапожные, гончарные, ткацкие мастерские) помещения были совмещены, а свободные площадки служили дворами сразу для нескольких хозяев. Вследствие этого в этой части города мы не зафиксировали заборов или заплотов как системы разграничения систем собственности или хозяйственной специфики территорий. Небольшие загородки и плетни использовались для содержания мелкого рогатого скота, свиней и птицы. Про такую застройку говорили: *«Бабы через улицу из окна в окно горшки хватом передают»*.

По сути дела, планировку Тары до 1709 г. можно называть не столько уличной, сколько проулочной. К сожалению, более ранних, чем рисунок-схема Тары С.У. Ремезова, выполненный в самом конце XVII в., планов города у нас нет (рис. 1, 1). Фактически единственной улицей была Трастовая (она не имела названия, но поскольку представляла собой часть Сибирского тракта, назовем ее так), которая проходила через западную часть острога и на выезде из города заканчивалась проездной Борисоглебской башней. От этой «улицы» шли проулки (тупики), которые служили для подвоза припасов (дров, сена, продовольствия, сырья для производств) и вывоза мусора и навоза. Проезжая часть этих проулков была в ужасном состоянии. В раскопе 2009 г. на месте такого проезда в горизонте конца XVII в. зафиксирован метровой толщины слой грязи с большим количеством веток, обрубков дерева, обрывков веревок. Такая ситуация сохранялась до середины XX в. Тарский историк А.А. Жиров писал: бывшая Мостовая улица получила такое название потому, что мостили ее листовыми плахами, иначе по улице не проехать. «Однажды бывший кучер райкома Георгий Васильевич Зыков свалился с мощеного настила и чуть не утопил лошадь и телегу». «Хорошо,— говорил,— что с собой была волосная веревка. Крепкая» [Жиров, 2008, с. 71]. Для перемещения жителей города вдоль проулков были проложены деревянные тротуары шириной около 1 м из 3–4 плах (рис. 3, 1).

Тарская крепость была отгорожена крепостной стеной и, по описанию 1701 г. дворянина Ивана Родионовича Кочанова, «соединялась с восточной стороны «через калитку» с острогом [Цветкова, 1994, с. 22]. Внутри крепости находились четыре усадьбы, зеленый погреб, ясачный, соляной и два хлебных государевых амбара, тюрьма, караульня и соборная церковь Успения Пречистой Богородицы [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 5. л. 317–319]. Расположение усадеб и зданий было соразмерно расположению крепостных стен и башен, поэтому, как и в острожной части, не имело плана. Плотность застройки в крепости была меньше, чем в остроге, существовали свободные площадки (возможно, для воинских смотров), между усадеб были проложены деревянные мостовые шириной 6–8 м (рис. 3, 2).

Теснота и хаотичность застройки острожной части города, дерево в качестве основного строительного материала делали город уязвимым перед лицом огненной стихии — пожаров. Тара горела фактически постоянно, но с определенной периодичностью пожары принимали вид бедствия — сгорала большая часть города или весь город, как, например, в 1624, 1669, 1709 гг. Воевода князь Мещерский описывал в послании в Москву пожар 1669 г.: город «згорел Божьей

волей», так как «дворы были тесны гораздо и улицы были узки». Во время этого пожара сгорели 360 дворов, приказная изба, воеводский дом и другие постройки [Цветкова, 1994, с. 22]. Следы пожаров обнаруживаются в ходе археологических раскопок — культурный слой состоит из угольно-зольных прослоек остатков сгоревших зданий. Через некоторое время пожарища разравнивались, засыпались мусором, суглинком и песком и на этом месте строились новые здания. Рубка велась непосредственно здесь же, и строительный мусор не убирался. Таким образом, при раскопках фиксировались не только сами конструкции, но и строительные отходы, которые позволяют более полно восстанавливать технологию строительства, определять набор использовавшихся плотниками инструментов и т.д. Вследствие этой практики быстро росли напластования культурного слоя, особенно в XVII — первой половине XVIII в. Сегодня толщина культурных остатков в центре города составляет в районе крепости 4–4,5 м, в районе острога — 2–2,5 м и на месте расположения крепостных и острожных стен — 0,8–1,2 м.

Рис. 3. Тарские тротуары и мостовые. Фото С.Ф. Татаурова:

1 — деревянный тротуар в острожной части города, раскопки 2009 г.; 2 — деревянная мостовая на территории Тарского кремля, раскопки 2012 г.

Не меньшим бедствием для населения Тары была вода: подгородную часть практически ежегодно затапливал Иртыш, а высокое расположение грунтовых вод приводило к периодическому заболачиванию участков города. Если с первой напастью справлялись, перетаскивая на время свой скарб и домашних животных на коренной берег Иртыша (татарам — основному населению этой части города было запрещено жить в остроге), то со второй жители боролись постоянно, прокладывая по городу водоотводные каналы и желоба, строя мостовые и тротуары. Вода также способствовала увеличению мощности культурного слоя. Повышенная влажность уменьшала время функционирования древесины — основного строительного материала Тары. По этой причине нижние венцы церквей, военно-административных зданий, домов и хозяйственных построек требовали периодического ремонта. Также практически ежегодно ремонтировалась фортификация крепости и острога. В архивах сохранились многочисленные свидетельства недовольства служилых людей города привлечением их к подобным работам. Например, во время сыска о злоупотреблениях тарских воевод 1637–1638 гг. служилые жаловались: «Всякие государевы изделия делаем, амбары, избы, и бани, и воеводские дворы ставим и починиваем, и бревна и тес, и всякий лес возим, и печи бьем, и изгороди около государевых полей гордим» [Никитин, 1988, с. 87].

Ситуация с пожарами и водными проблемами начинает меняться в первые десятилетия XVIII в. Город долго восстанавливался после спалившего его целиком пожара 1669 г., но стихийное бедствие 1709 г. вновь перечеркнуло старания тарчан. Между тем наступило время

Особенности планиграфии и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв.

Петровских реформ, в связи с которыми изменениям подверглась как фортификация Тарской крепости и острога, так и общая планиграфия Тары. Нетронутой осталась только подгородная часть, а верхний город начинают строить строго по прямоугольно-квартальной схеме. Это диктовалось как военными соображениями, так и противостихийными мероприятиями. В первую очередь была перестроена острожная часть. Острожные укрепления перенесли дальше от центра города и прикрыли сформировавшуюся с начала XVIII в. посадскую часть города. Прежде всего это было вызвано тем, что Спасский мужской монастырь с более чем 40 приписанными крестьянами тогда находился вне укреплений. В связи с перестройкой острога были обустроены выезды из города в сторону Томска и Тобольска, и Московско-Сибирский тракт стал проходить непосредственно через город. Острожную часть существенно «проредили», и на плане 1747 г. мы уже видим уличную застройку, которая шла параллельно бывшим укреплениям острога. После их срытия здесь образовалась самая широкая улица. Городская застройка существенно отодвинулась от стен Тарской крепости. Раскопки в этой части города позволяют утверждать, что с указанного времени эта территория уже не застраивалась, а после того, как крепостные сооружения были срыты, превратилась в Базарную площадь. Но все эти перемены не решили городских проблем — Тара продолжала гореть и утопать в грязи одновременно. Только с воцарением Екатерины II ситуация меняется заметно и застройка в центре города приобретает строгий, характерный для других городов Российской империи вид (рис. 1, 3).

Тара была втиснута в достаточно жесткие границы — «местное положение с окружностью 5 верст 100 сажень, в длину 2, в ширину 1 верста, фигуру продолговатый четверугольник, улицы прешперктивны... Город для удобства управления и охраны порядка стал делиться на части, количество которых определялось численностью жителей, часть же делилась на кварталы. Сей город разделен на 4 части, а именно: первой на бугру называемой Николаевской и большой перспективой улицам с протчими поперешными улицами ж, касаясь положением до гостиного двора. Второй на коноплянном бугру все селение от гостиного ж двора и тюремного острога. Третий под горой от мясных лавок над речкою Аркаркою и за крестьянским мостом под горою от Иртыша реки. Четвертой — приход Богородской церкви и по самой лежащей звоз от магистрата под гору и по улице до речки Аркарки» [Описание..., 1982, с. 66]. Широкие улицы и правильная застройка положили конец обширным пожарам, локализовали их пределами одного квартала. Прокопанные вдоль улиц канавы существенно осушили центральную часть города. Значительные усилия были предприняты по осушению находящихся в черте города болот — отводу из них воды в Аркарку и Иртыш.

Существенные ограничения коснулись и правил застройки города. В 1785 г. было принято Городовое положение, согласно которому предписывался план, «по каким фасадам в г. Таре и по каким улицам полагается строение домов... Деревянные дома по кварталам строить по фасадам на каменных жилых погребах, на каменных фундаментах и бескаменных фундаментах, кто какие пожелает, но чтоб всякое деревянное одно от другога не ближе было 5-ти сажень, не выше 6-ти аршин и не больше каждой деревянный корпус строить 12-ти сажень... кровли крыть тесом и гонтом и дранью, а соломою крыть недопускать. Магазины, анбары поблизости рек в нарочитом расстоянии от жила, кожевни и протчие заводы, скотские бойни по течению реки ниже города в таких местах, дабы от них в городе не происходило нечистоты и дурного воздуха, пивоварни при реке выше скотских боев и тех заводов, кузницы при въезде в город у больших дорог, и все сии строения строить в таком расстоянии от жила, чтоб не угрожали опасностию пожара» [Цветкова, 1994, с. 33].

Использование кирпича сначала для возведения храмов, а затем для административных зданий и магазинов стало еще одной преградой для пожаров. Но превалирование деревянной застройки до сих пор ежегодно несет много бедствий жителям города. Кирпич решил, хоть и не до конца, проблемы с водоотводом: сначала от храмов, а затем и от купеческих магазинов и особняков провели водоотводные желоба (многие были проложены по более древним подобным сооружениям). В ходе раскопок 2011 г. был исследован один из желобов для отвода воды от Успенского собора к коренному берегу Иртыша (рис. 4). В наши дни хорошо фиксируется в виде продольного углубления подземный искусственный водоток от Никольского собора к иртышской пойме. Удаление излишков воды позволило освоить территорию к западу и северу от острожной части города, вынести кузнечные мастерские из подгородной части на западную окраину (в район современной Кузнечной улицы) и таким образом отвести угрозу пожаров.

Благоустройство решило наконец проблемы чистоты города, в частности вывоза мусора. Культурный слой в Тарской крепости и остроге, относящийся к XVII–XVIII вв., содержит многочисленные следы заваливания навозом и мусором всех возможных оврагов и низменностей. В 2009 г. ходе раскопок территории, прилегающей к Никольскому собору, был зафиксирован овраг, полностью заваленный навозом: глубина напластований превысила 3,5 м. На месте Тарской крепости в культурном слое фиксируются прослойки навоза толщиной 0,5–0,7 м. Вместе с навозом в эти места сваливался и бытовой и промышленный мусор. С ослаблением напряженной военной ситуации основным местом для городских отходов стала р. Аркарка: на ее лед в зимнее время вывозился навоз — в весеннее половодье река уносила нечистоты в Иртыш.

Рис. 4. Деревянный желоб для отвода воды. Раскопки 2011 г. Фото С.С. Тихонова.

По Городовому положению в конце XVIII в. на территории города были построены деревянные урны для сбора мусора. Одно из таких сооружений исследовалось нами в 2013 г. Это деревянный ящик размерами 1,5×3 м, высотой 1 м (рис. 5). Он неоднократно чинился: в нижней части собран из плах и скреплен деревянными шипами, в средней части плахи были заменены досками и сбиты коваными гвоздями, а верх ящика скреплен уже современными гвоздями. Время его функционирования — конец XVIII — начало XX в. Ящик периодически освобождали от мусора и вывозили на городскую свалку. Последний раз мусор вывезли в 50-е гг. XX в. и затем засыпали, так как Базарную площадь переименовали в площадь Ленина и очистили от базарных рядов и других сооружений.

К концу XVIII в. в Таре по примеру других российских городов сложилась административно-хозяйственная система, благодаря которой город постепенно стал одним из самых благоустроенных и чистых в Сибири. Спустя полтора века после основания город справился с пожарами, неоднократно его опустошавшими. Мероприятия по осушению болот в черте города и сброс воды в р. Аркарку во многом решили проблему грязи на тарских улицах и подтопления погребов у населения. Создание мест сбора мусора и его вывоза способствовало преобразению облика Тары.

Рис. 5. Деревянный ящик для мусора. Раскопки 2013 г. Фото М.П. Черной.

Следует отметить тарское купечество, которое, помимо того что подвергалось обязательным сборам на нужды города, добровольно содействовало его обустройству. Наиболее известна история с особняком купца И.Я. Нерпина, построенным в подгородной части на непроездом и грязном месте: стараниями Ивана Яковлевича эта улица (сейчас Нерпинская) превратилась в одну из самых благоустроенных в городе.

Заключение

Изучив комплекс источников разного происхождения, мы пришли к следующим выводам:

- система дорог ведущих к Таре, начала складываться с момента основания крепости, и наиболее важными были дороги с севера и юга. Путь на запад затрудняло Водяное болото, при передвижении на восток необходимо было идти по пойме;
- правильная геометрическая планиграфия города начала складываться во второй половине XVIII в., однако с учетом уже имеющихся путей. В это же время исчезает беспорядочная застройка и начинается благоустройство улиц;
- работы по изучению пространственной организации первых русских городов перспективны и могут дать интересные результаты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- БУ Иса. Ф. 21498. Л. 70–71.
РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1. Д. 5. Л. 317–319.

Литература

- Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. 332 с.
Алферов С.А., Алферова О.Ю., Кудряшова Е.И., Татауров С.Ф. Храмы в крепостных стенах. Омск: Наука, 2014. 230 с.
Жиров А.А. Если бы стены могли говорить...: Очерки и статьи. Омск: Полиграф, 2008. 284 с.
Никитин Н.И. Служилые люди Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
Описание Тобольского наместничества / Сост. А.Д. Колесников. Новосибирск: Наука, 1982. 321 с.
Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882. 50 с.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI — XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.

Цветкова Г. Город на речке Аркарке // Тарская мозаика. Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 6–45.

S.F. Tataurov, S.S. Tikhonov

Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
K. Marksa Ave., 15/1, Omsk, 644024, Russian Federation

E-mail: tatsf2008@rambler.ru;
semchi957@gmail.com

SPECIFICS OF PLANIGRAPHY AND IMPROVEMENT OF A SIBERIAN TOWN IN XVI–XVIII CENTURIES

The results of 2007–2016 archaeological excavations of Tara and historical materials on the town planigraphy in the period under consideration gave birth to this work. The study made it possible to reconstruct the history of the territorial development of the town from its foundation until the adoption of a unified urban plan in 1775. The survey allowed to identify the principles of foundation and development of a Siberian Russian city at the end of XVII–XVIII centuries. During the work, we tried to determine the importance of such factors as defenses, availability of transit routes, fire safety, etc. for the development. In the course of excavations at Tara fortress, archaeologists from the Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS excavated about 1500 m² of the cultural stratum with a capacity of 2 m and more. We received information about different aspects of the culture of Tara population at the end of the XVI–XVIII centuries, including about the fortress planigraphy and conditions of its streets. Furthermore, considering the geographical features of the location of Tara stronghold, the authors have studied the roads leading to it. The article presents the results of these works considering the roads leading to Tara fortress from different angles, transitions across the rivers that surrounded it, Tara streets, transformation of planigraphy of the fortress in the late XVIII century. Tara fortress was built with the use of natural barriers. From the West, it was well protected by a marsh and a river. From the East, the road to the castle was complicated by the Irtysh floodplain and the Arkarna River's tributaries. There were only three roads to get to the city, which were covered by the towers of the fortress. Nowadays, these roads turned into streets and are used to travel more often than others located between them. By the end of the XVIII century, Tara had gradually become one of the most comfortable and clean town in Siberia. The town dealt with fires, and arrangements for drainage of wetlands solved the problem of mud at Tara streets. In general, the system of roads leading to Tara started to develop since the fortress was established, correct geometric planigraphy of the town began to take shape in the second half of the eighteenth century, taking into account the existing road. At the same time, indiscriminate housing development disappeared and improvement of the streets began.

Key words: archaeology of Russian Western Siberia, Tara fortress, spatial archaeology, transport, planigraphy.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-041-050

REFERENCES

- Alisov D.A., Goncharov Iu.M., Ivonin A.R., Matveev A.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhonov S.S., Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N., 2014. *Tara v XVI–XIX vekakh — rossiiskaia krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the XVI–XIX centuries, a Russian fortress on the banks of the Irtysh River], Omsk: Amfora, 332 p.
- Alferov S.A., Alferova O.Iu., Kudriashova E.I., Tataurov S.F. 2014. *Khramy v krepostnykh stenakh* [Temples in the fortress walls], Omsk: Nauka, 230 p.
- Kolesnikov A.D., 1982, (ed.). *Opisanie Tobol'skogo namestnichestva* [Description of Tobolsk vicegerency], Novosibirsk: Nauka, 321 p.
- Nikitin N.I., 1988. *Sluzhilye liudi Zapadnoi Sibiri* [Servants of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka, 254 p.
- Remezov S.U., 1882. *Chertezhnaia kniga Sibiri* [A drawing book of Siberia], St. Petersburg, 50 p.
- Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S., 2014. *Adaptatsiia russkikh v Zapadnoi Sibiri v kontse XVI–XVIII veke (po materialam arkhologicheskikh issledovani)* [Adaptation of the Russians in Western Siberia in the late XVI — XVIII century (basing on an archaeological research)], Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 374 p.
- Tsvetkova G. 1994. *Gorod na rechke Arkarke* [A city on the Arkarka River]. *Tarskaia mozaika*, Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 6-45.
- Zhirov A.A. 2008. *Esli by steny mogli govorit'...: Ocherki i stat'i* [If the walls could speak...: Essays and articles], Omsk: Poligraf, 284 p.

Н.Б. Виноградов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

О ПОЛЬЗЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕПИСКИ АРХЕОЛОГОВ (ПИСЬМО Н.Н. БОРТВИНА К.В. САЛЬНИКОВУ)

Статья содержит анализ письма археолога Н.Н. Бортвина к археологу К.В. Сальникову. Его текст наполнен драгоценной информацией как по истории археологии на Урале и в Зауралье в 1920–1930-е гг., так и сведениями об известных памятниках археологии Южного Урала и Зауралья.

Ключевые слова: Южный Урал, Зауралье, история археологии, археологические памятники, музеи Урала.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-051-059

От старших поколений в науке нам остаются не только труды. Ткань научной жизни тех лет отражает и переписка археологов. Иногда она становится объектом изучения. Так, в руки автора, по счастью, и по желанию В.С. Стоколоса, получившего его, в свою очередь, из семьи К.В. Сальникова после его смерти, попало письмо известного уральского археолога Николая Николаевича Бортвина другому известному исследователю древней истории Южного Урала, Константину Владимировичу Сальникову (рис. 1–3).

Письмо датировано 9 июня 1939 г. Немного предыстории.

Николай Николаевич Бортвин (1892–1943). Не закончив курс историко-филологического факультета Петербургского университета по причине начавшейся в России революции, Н.Н. Бортвин начал свою научную деятельность в 1917 г. в Кургане [Маслюженко, Мягкая, 2016]. В 1920–1923 гг. он заведовал Курганским краеведческим музеем [Берс, 1953, с. 187]. Курганский период жизни Н.Н. Бортвина длился с 1917 по 1922 г. [Маслюженко, Мягкая, 2016, с. 122]. Им в это время был изучен ряд интересных памятников древней истории Южного Урала и Зауралья, таких как знаменитый «Саин» вал [Бортвин, 1926, с. 14] (в 1920 году при содействии геолога М.О. Клера) и курганы раннего железного века у д. Вагиной. Именно Н.Н. Бортвин ввел в научный оборот знаменитый среди археологов Верхне-Кизильский клад бронзовых предметов, обнаруженный предположительно в развалинах сгоревшего Мало-Кизильского селища бронзового века на р. Малый Кизил в окрестностях современного г. Магнитогорска [Bortvin, 1928; Епимахов, 2003, с. 96–102].

В Свердловске Н.Н. Бортвин служит сотрудником Свердловского областного краеведческого музея, где заведует археологическим отделом, а с 1940 г. преподает в Свердловском государственном университете. К этому периоду его жизни относится не только глубокое знакомство с уникальными археологическими фондами музея, но и обследование в 1940 г. места находки уникального собрания древних артефактов — клада на горе Азов в окрестностях г. Полевского [Бортвин, 1949]. Великая Отечественная война и связанные с ней бытовые тыловые тяготы поставили точку в научной карьере и жизни Н.Н. Бортвина. В 1943 г. в возрасте 51 года Николай Николаевич умирает в Свердловске... от дистрофии [Маслюженко, Мягкая, 2016, с. 122].

В 1933 г. на Южном Урале начинает свою научную деятельность выдающийся археолог — Константин Владимирович Сальников (1900–1966). Изучение древней истории края стало для него делом всей жизни. Тридцать лет полевых исследований увенчались научными достижениями, которые не смог до сих пор превзойти ни один из его последователей. Именно К.В. Сальников впервые в истории археологии Южного Урала на основе фрагментарных материалов попытался наполнить конкретным содержанием общую картину заключительных этапов каменного века в Зауралье. По итогам исследования поселения Бабарыкино II под Шадринском он выделил и охарактеризовал бабарыкинскую культуру, отнесенную им к раннему бронзовому веку [Сальников, 1962b]. Исследование К.В. Сальниковым Алакульского [1954b] и Федоровского [1940a] могильников, Замараевского поселения бронзового века позволили ему создать периодизацию и хронологию степной андроновской культуры Южного Урала бронзового века с такой степенью достоверности, что периодизация эта была взята на вооружение исследователями

бронзового века далеко за пределами Южного Урала (в Сибири и Казахстане) [Сальников, 1967]. К.В. Сальников был первооткрывателем и одним из первых исследователей абашевской культуры на Южном Урале [1950, 1954а]. Многолетнее изучение Гороховского городища («Чудаки») [Сальников, 1940b, 1947] и целого ряда погребальных памятников лесостепного Зауралья привело его к выделению лесостепной гороховской культуры раннего железного века. Работы К.В. Сальникова на I Даутовском (Иткульском I) городище на оз. Иткуль на севере Челябинской области завершились открытием им иткульской культуры раннего железного века [1961, 1962а]. Им же было положено начало осмыслению средневековых древностей Приисетья, где по результатам изучения Большого Бакальского городища у Шадринска К.В. Сальников выделяет бакальскую средневековую культуру [1956, 1961].

Рис. 1. Конверт письма Н.Н. Бортвина.

К.В. Сальникова с полным основанием можно назвать «отцом археологии Южного Урала» в ее научном понимании.

Вернемся к письму. Судя по началу текста письма — это первая попытка контакта двух ученых. Николай Николаевич проявляет живой интерес к научным изысканиям в области археологии Южного Урала, проводившимся в те годы под эгидой Челябинского областного краеведческого музея. Надо заметить, что до 1944 г. Челябинская область включала в себя и территорию нынешней Курганской области.

Николай Николаевич, соблюдая бюрократическую субординацию, прежде обратился к директору музея — Ивану Гавриловичу Горохову и получил, судя по всему, от него разрешение на установление контактов, а само исследуемое письмо представляет собой уже ответ на послание К.В. Сальникова, выполненное по просьбе И.Г. Горохова. В своем письме К.В. Сальников дал, вероятно, краткий обзор важнейших археологических исследований 1920–1930-х гг. на территории Южного Урала, причем не только собственных, и обратился к коллеге Н.Н. Бортвину с рядом животрепещущих вопросов. Выпускник МГУ, К.В. Сальников поддерживал оживленные контакты с археологами из Москвы, Ленинграда. Это чувствуется, когда Н.Н. Бортвин упоминает о совещании в Москве, участником которого, по его информации, был и К.В. Сальников. Причем речь шла о разработке некоего пятилетнего плана археологических исследований. Как удалось выяснить, имелась в виду Первая Всероссийская археологическая конференция му-

О пользе изучения переписки археологов (письмо Н.Н. Бортвина К.В. Сальникову)

зейных работников страны, которую в 1939 г. собрали ученики одного из патриархов отечественной археологии — В.А. Городцова [Первая Всероссийская археологическая конференция..., 1939]. И план пятилетний действительно был. В Челябинской области предполагалось исследовать 12 памятников древней истории [Там же, с. 55]. Что важно, за счет федерального финансирования. Великая Отечественная война планы археологов сильно изменила.

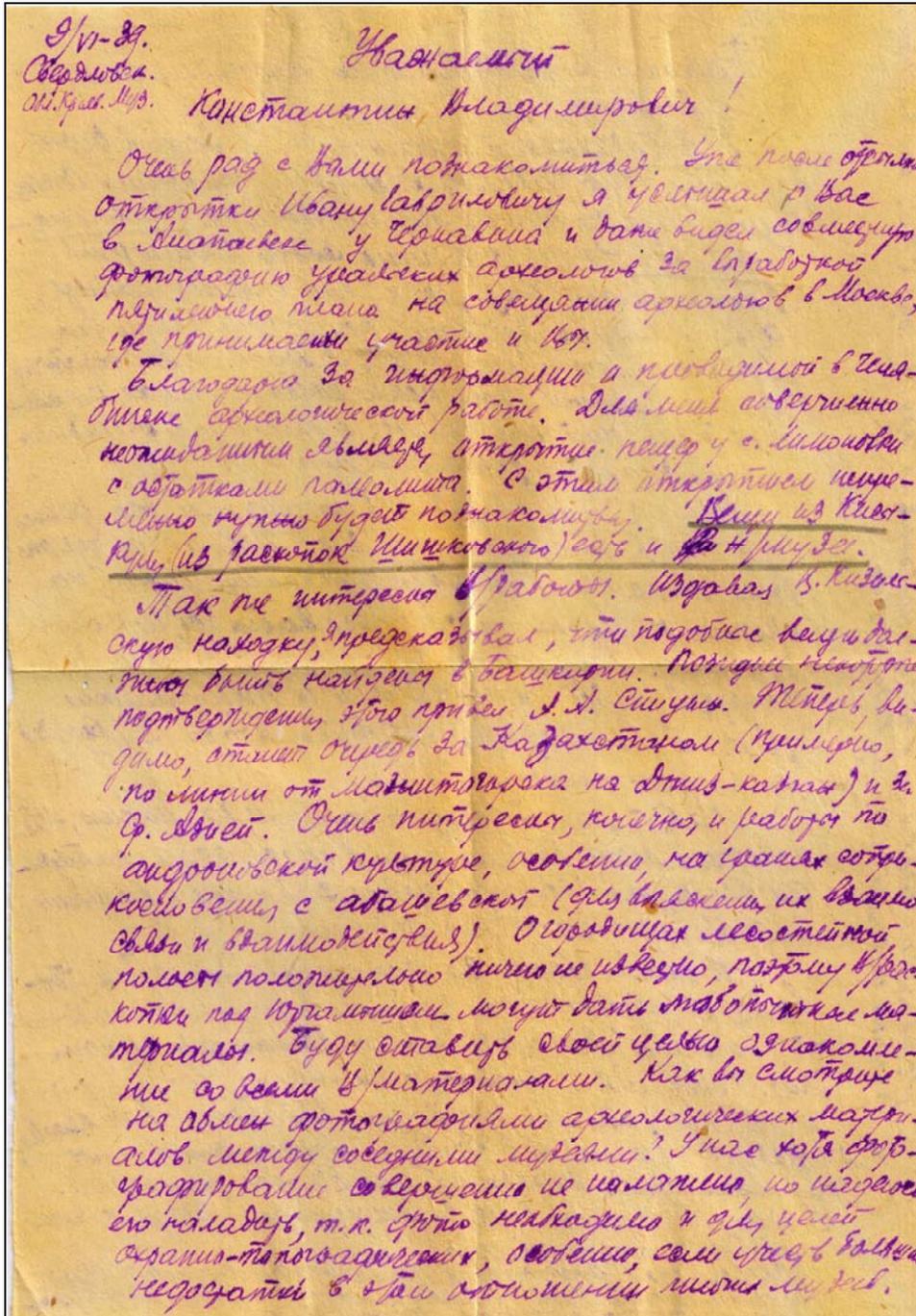

Рис. 2. Лицевая сторона письма Н.Н. Бортвина.

Оживленно комментирует Н.Н. Бортвин сообщение К.В. Сальникова о позднепалеолитических местонахождениях, обнаруженных С.Н. Бибиковым в пещерах в окрестностях г. Усть-Катав в 1937 г. [Бибиков, 1940].

О пользе изучения переписки археологов (письмо Н.Н. Бортвина К.В. Сальникову)

но, на городище раннего железного века «Чудаки» в окрестностях с. Горохово Юргамышского района.

Н.Н. Бортвин пишет: «Буду ставить своей целью ознакомиться со всеми Вашими материалами. Как Вы смотрите на обмен фотографиями археологических материалов между соседними музеями?».

Значительная часть письма связана с известным Верхне-Кизильским кладом [Bortvin, 1928]. Обнаруженный случайно в ходе земляных работ по сооружению плотины на р. Малый Кизыл, этот клад стал ярким событием в истории изучения древностей Южного Урала в первой половине XX в. Поскольку у К.В. Сальникова, вероятно, уже были планы исследования места находки клада, что вылилось в послевоенные годы в раскопки Мало-Кизильского селища, все связанное с кладом и обстоятельствами его обнаружения живо волновало исследователя. Автор письма пояснил, что лично он на место находки клада не выезжал и описал со слов находчиков детали открытия. Еще один вопрос, волновавший вступившего в права археолога Челябинской области К.В. Сальникова, — место хранения коллекций из раскопок Н.Н. Бортвина. Николай Николаевич указывает на фонды Курганского краеведческого музея, директором которого ему несколько лет довелось быть, и на иные хранилища — в частности, на Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде (бывшая Кунсткамера). Здесь же решается и вопрос о присылке К.В. Сальникову статьи Н.Н. Бортвина из справочного издания по Курганскому округу (Уральской области).

Текст письма Н.Н. Бортвина обнаруживает изолированность автора от профессионального сообщества. Он с интересом расспрашивает К.В. Сальникова о судьбе известных ему в прошлом археологов: известного исследователя палеолита П.П. Ефименко, знаменитого В.А. Гордцова и Н.А. Прокошева, о номенклатуре научно-исследовательских учреждений, связанных с археологией. Будучи стесненным в финансировании в рамках Свердловского музея, Н.Н. Бортвин спрашивается у К.В. Сальникова о финансировании археологии в Челябинске и степени поддержки научных исследований властями.

Представленный вниманию читателей источник информации по истории археологической науки на Урале как нельзя лучше иллюстрирует известный тезис о том, что любое свидетельство биения научной мысли должно быть учтено, проанализировано и введено в научный оборот.

Печатная версия письма Н.Н. Бортвина К.В. Сальникову

09.06.39

Свердловск

Обл[астной] Краев[едческий] Муз[ей]

Уважаемый Константин Владимирович!

Очень рад с Вами познакомиться. Уже после отсылки открытки Ивану Гавриловичу [Горохову]¹ я услышал о Вас в Алапаевске у Чернавина² и даже видел совместную фотографию уральских археологов за выработкой пятилетнего плана на совещании археологов в Москве³, где принимали участие и Вы.

Благодарю за информацию о проводимой в Челябинске археологической работе. Для меня совершенно неожиданным является открытие пещер у с. Лимоновки с остатками палеолита⁴. С

¹ См. подробнее о нем: *Иван Горохов* и его музей: Материалы к биографии основателя Челябинского краеведческого музея / Сост. Н.А. Антипин. Челябинск, 2010. 224 с.

² В списке участников Первой Всероссийской археологической конференции П.И. Чернавин и К.М. Андреева позиционированы как делегаты от средней школы г. Алапаевска Свердловской области [Первая Всероссийская археологическая конференция..., 1939, с. 67].

³ Первая Всероссийская археологическая конференция (музеев системы Наркомпроса РСФСР) состоялась в апреле 1939 г. и была посвящена проблеме состояния археологии в стране и задачам дальнейшей работы музеев. В ходе работы конференции был сформирован пятилетний план археологических работ музеев со списком памятников, которые планировалось исследовать, их исследователей, объемом финансирования, необходимым для выполнения этих работ [Первая Всероссийская археологическая конференция..., 1939, с. 5–62]. См.: *Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В.* Всероссийские археологические съезды от Пскова до Новосибирска // РА. 2008. № 4. С. 188–195.

⁴ Речь идет о палеолитических местонахождениях в окрестностях г. Усть-Катав, на р. Юрюзань, изученных в 1938–1939 гг. С.Н. Бибиковым. См.: *Бибиков С.Н.* Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю. Урал) // КСИИМК. 1940. Вып. 3. С. 35–39; Он же. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал) // МИА. 1941. № 2. 303 с.

этим открытием нужно будет непременно познакомиться. Вещи из Кысы-Куля (из раскопок К.А. Шишковского) есть и в [Свердловском] музее⁵.

Также интересны Ваши работы. Издавая В[ерхне-]Кизильскую находку [Bortvin, 1928], я предсказывал, что подобные вещи должны быть найдены в Башкирии. Позднее (?) некоторое подтверждение этого привел А.А. Спицын⁶. Теперь, видимо, станет очередь за Казахстаном (примерно по линии от Магнитогорска на Джиз-казган [Джезказган]) и за Ср[едней] Азией. Очень интересны, конечно, и работы по андроновской культуре⁷, особенно на гранях соприкосновения с абашевской (для выяснения их взаимосвязи и взаимодействия). О городищах лесостепной полосы положительно ничего не известно, поэтому Ваши раскопки под Юргамышом⁸ могут дать любопытные материалы. Буду ставить своей целью ознакомиться со всеми Вашими материалами. Как Вы смотрите на обмен фотографиями археологических материалов между соседними музеями? У нас хотя фотографирование совершенно не налажено, но надеюсь его наладить, т.к. фото необходимо и для целей охранно-топографических, особенно если учесть большие недостатки в этом отношении многих музеев.

(На обороте листа)

Перехожу к ответам на поставленные Вами вопросы.

В В.-Кизильской я сам не был. Вещи в музей доставил Ник[олай] Гавр[илович] Мухин (бывш. работник Сельхозбанка). Где он теперь, мне неизвестно. Находчик — Бутаков. На днях пошлю свою брошюрку в нескольких экземплярах⁹, т.к. они у меня, кажется, есть. Находка сделана при добыче земли для мельничной плотины. Очень любопытно (недостаточно ясное) указание, что кроме сохранившихся предметов были найдены камни с какими-то выбитыми на них знаками (или рисунками).

Вещи из моих сборов в б. Курганском окр[уге]¹⁰ должны быть все в Курганском музее. Некоторые черепки были мною переданы Свердловскому музею, но можно ли их найти среди запасов, не представляю. Результаты раскопок у д. Вагиной¹¹ хранятся в Музее антропологии и этнографии АН в Ленинграде. Оттиск статьи из «Кург[анском] Окр[уге]» [Бортвин, 1930] постараюсь послать.

Работать в Свердловском музее можно, хотя и не очень легко бывает достать требуемый материал быстро, т.к. склады теперь завалены и хранение запасов требует желать лучшего.

К стыду своему, за последние годы я так оторвался от центральных археологических организаций, что не знаю, одно и то же или нет Институт истории материальной культуры и Институт им. Марра, где работает т. [С.Н.] Бибииков, кто ими руководит. Где сейчас Ефименко П.П., В.А. Городцов, [Н.А.] Прокошев? Сообщите адреса институтов (или института). Москва на мой запрос умолчала¹². В сентябре думаю быть в Ленинграде. Тогда конечно многое будет восстановлено.

⁵ Краевед К.А. Шишковский в 1883 г. провел раскопки этой стоянки, доследованной затем К.В. Сальниковым в 1936 г. и отнесенной им к энеолиту. См.: *Шишковский К.А.* Заметка о доисторических древностях в Южном Урале // ЗУОЛЕ. Екатеринбург, 1884. Т. VII. Вып. 4. С. 188; *Берс Е.А.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959. С. 65–66.

⁶ Речь идет о статье А.А. Спицына. См.: *Спицын А.А.* Археологические заметки // ТСА РАНИОН. М., 1929. Т. 4. С. 485.

⁷ Речь идет о работах К.В. Сальникова на Алакульском и Федоровском могильниках во второй половине 1930-х гг. См.: *Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. № 24. 1954. С. 51–71; Он же. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // МИА. 1940а. № 1. С. 58–68.

⁸ Речь идет о раскопках Гороховского городища («Чудаки»). См.: *Сальников К.В.* Три года работы на городище Чудаки: (Раскопки Челябинского областного музея) // КСИИМК. 1940b. Вып. V. С. 69–71; Он же. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. // СА. 1947. Вып. IX. С. 221–238.

⁹ Речь идет об оттиске статьи Н.Н. Бортвина из «Eurasia Septentrionalis Antiqua», посвященной материалам Верхне-Кизильского клада. См.: Bortvin N.N. The Verkhny — Kizil find // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1928. № 3. P. 122–131.

¹⁰ Краткое упоминание найдем в: *Бортвин Н.Н.* Раскопки Уральской археологической экспедиции Академии наук в Курганском округе летом 1928 г. // Уральское краеведение. Изд. Уральского областного бюро краеведения. Свердловск, 1928. Вып. II. С. 231.

¹¹ *Бортвин Н.Н.* Раскопки Уральской археологической экспедиции Академии наук в Курганском округе летом 1928 г. // Уральское краеведение. Изд. Урал. обл. бюро краеведения. Свердловск, 1928. Вып. II. С. 231; Он же. Доисторическое прошлое Курганского округа // Курганский округ: Краевед. сб. Материалы по изучению Курганского округа Уральской области. Курган, 1930. Вып. 1. С. 3–17.

¹² Суть запроса осталась невыясненной.

О пользе изучения переписки археологов (письмо Н.Н. Бортвина К.В. Сальникову)

В Свердловске арх. работа пока будет ограничиваться разведками и привлечением работников. О находках сообщу непременно.

Готовый к услугам, Н. Бортвин

Не откажите сообщить и об ассигнованиях на арх[еологические] работы в Чел[ябинске] и отношении местных деятелей к этому виду работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Берс Е.М. О научном наследстве советских исследователей археологии Урала Н.Н. Бортвина, П.А. Дмитриева, Н.А. Прокошева, М.В. Талицкого, Д.Н. Эдинга, Е.П. Аликина, С.Н. Топоркова: (Хроника и библиография) // Учен. зап. Молотов. гос. ун-та им. А.М. Горького. 1953. Т. IX. Вып. 3. С. 187.

Берс Е.А. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959. 83 с.

Бибииков С.Н. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзань (Ю. Урал) // КСИИМК. 1940. Вып. 3. С. 35–39.

Бибииков С.Н. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал) // МИА. 1941. № 2. 303 с.

Бортвин Н.Н. Загадочный памятник древности // Уральская Новь. 1926. № 1. С. 14.

Бортвин Н.Н. Раскопки Уральской археологической экспедиции Академии наук в Курганском округе летом 1928 г. // Уральское краеведение. Изд. Урал. обл. бюро краеведения. Свердловск, 1928. Вып. II. С. 231.

Бортвин Н.Н. Доисторическое прошлое Курганского округа // Курганский округ: Краевед. сб. Материалы по изучению Курганского округа Уральской области. Курган, 1930. Вып. 1. С. 3–17.

Бортвин Н.Н. Находки на г. Азов на Урале // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 118–124.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды от Пскова до Новосибирска // РА. 2008. № 4. С. 188–195.

Епимахов А.В. Верхне-кизильский клад: Варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4. С. 96–102.

Иван Горохов и его музей: Материалы к биографии основателя Челябинского краеведческого музея / Сост. Н.А. Антипин. Челябинск, 2010. 224 с.

Маслюженко Д.Н., Мягкая Ю.В. Н.Н. Бортвин: Первый археолог советского времени в Кургане // Вестник ОмГУ. Сер. Ист. науки. Омск, 2016. № 2. С. 118–123.

Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 года) / Отв. ред. Г.Г. Бережной. М.: ГИМ, 1939. 70 с.

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // МИА. 1940а. № 1. С. 58–68.

Сальников К.В. Три года работы на городище Чудаки (раскопки Челябинского областного музея) // КСИИМК. 1940б. Вып. V. С. 69–71.

Сальников К.В. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. // СА. 1947. Вып. IX. С. 221–238.

Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Урал. археол. совещание: Докл. науч. конф. МолГУ. Молотов, 1948. Вып. 1–4. С. 21–26.

Сальников К.В. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 91–97.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 1951. № 21. С. 94–151.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1952. 116 с.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954а. Т. XXI. С. 52–94.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. 1954б. № 24. С. 51–71.

Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // СА. 1956. XXV. С. 189–214.

Сальников К.В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. 1961. № 2. С. 37–48.

Сальников К.В. Иткульская культура: (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краевед. зап. ЧелОКМ. Челябинск, 1962а. Вып. 1. С. 21–46.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1962б. Т. 1. С. 16–59.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

Спицын А.А. Археологические заметки // ТСА РАНИОН. М., 1929. Т. 4. С. 485.

Шишковский К.А. Заметка о доисторических древностях в Южном Урале // ЗУОЛЕ. Екатеринбург, 1884. Т. VII. Вып. 4. С. 188.

Bortvin N.N. The Verkhny-Kizil find // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1928. № 3. P. 122–131.

**ABOUT THE BENEFITS OF STUDYING CORRESPONDENCE OF ARCHAEOLOGISTS
(A LETTER FROM N.N. BORTVIN TO K.V. SALNIKOV)**

The paper contains the analysis of a letter of archeologist N.N. Bortvin to archaeologist K.V. Salnikov. The text is filled with precious information on the history of archaeology in the Urals and in the Trans-Urals in the 1920–1930th years, and information about known archaeological sites of the Southern Urals and Trans-Urals.

Key words: Southern Urals, Trans-Urals, history of Ural archaeology, archaeological sites, museums of the Urals.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-051-059

REFERENCES

- Berezhnoi G.G., 1939, (ed.). *Pervaia Vserossiiskaia arkheologicheskaiia konferentsiia (10–13 apreliia 1939 goda)* [The First All-Russian Archaeological Conference], Moscow: GIM, 70 p.
- Bers E.M., 1953. O nauchnom nasledstve sovetskikh issledovatelei arkheologii Urala N.N. Bortvina, P.A. Dmitrieva, N.A. Prokosheva, M.V. Talitskogo, D.N. Edinga, E.P. Alikina, S.N. Toporkova: (Khronika i bibliografiia) [On the scientific legacy of Soviet researchers in the archaeology of the Urals: N.N. Bortvin, P.A. Dmitriev, N.A. Prokoshev, M.V. Talitsky, D.N. Eding, E.P. Alikin, S.N. Toporkov: (Chronicle and bibliography)]. *Uchenye zapiski Molotovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo*, vol. 19 (3), Molotov: MolGU, p. 187.
- Bers E.A., 1959. *Katalog arkheologicheskikh kollektzii Sverdlovskogo kraevedcheskogo muzeia* [A catalog of the archaeological collections in the Sverdlovsk regional museum], Sverdlovsk, 83 p.
- Bibikov S.N., 1940. Peshchernye paleoliticheskie stoiniki basseina r. Iuriuzan' (Iu. Ural) [Cave Paleolithic sites of the Yuryuzan river (Southern Urals)]. *KSIIIMK*, 3, pp. 35–39.
- Bibikov S. N., 1941. Raskopki Ust'-Katavskoi kostenosnoi peshchery i arkheologicheskoe obsledovanie pravoberezh'ia r. Katav v raione poselka Ust'-Katav (Iuzhnyi Ural) [Excavations of Ust-Katavsky cave and an archaeological survey of the right bank of the Katav River in the area of the village of Ust-Katav (Southern Urals)]. *MIA*, no. 2, 303 p.
- Bortvin N.N., 1926. Zagadochnyi pamiatnik drevnosti [Mysterious antiquities]. *Ural'skaia Nov'*, no. 1, p. 14.
- Bortvin N.N., 1928. Raskopki Ural'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii Akademii nauk v Kurganskom okruge letom 1928 g. [Excavations of the Ural archaeological expedition of the Academy of Sciences in Kurgan District in the summer of 1928]. *Ural'skoe kraevedenie*, 2, Izdanie Ural'skogo oblastnogo biuro kraevedeniia, Sverdlovsk, p. 231.
- Bortvin N.N., 1928. The Verkhny-Kizil find. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, no. 3, Helsinki, pp. 122–131.
- Bortvin N.N., 1930. Doistoricheskoe proshloe Kurganskogo okruga [Prehistoric past of Kurgan region]. *Kurganskii okrug: Kraevedcheskii sbornik. Materialy po izucheniiu Kurganskogo okruga Ural'skoi oblasti*, 1, Kurgan, pp. 3–17.
- Bortvin N.N., 1949. Nakhodki na g. Azov na Urale [Finds on the mountain Azov in the Urals]. *KSIIIMK*, XXV, pp. 118–124.
- Epimakhov A.V., 2003. Verkhne-kizil'skii klad: Varianty ininterpretatsii [Verkhne-Kizil'sky treasure: Variants of interpretation]. *Arkheologija, etnografiia i antropologija Evrazii*, no. 4, pp. 96–102.
- Antipin N.A., 2010, (ed.). *Ivan Gorokhov i ego muzei: Materialy k biografii osnovatelja Cheliabinskogo kraevedcheskogo muzeia* [Ivan Gorokhov and his museum: Materials for the biography of the founder of the Chelyabinsk Museum of Local History], Cheliabinsk, 224 p.
- Masliuzhenko D.N., Miagkaia Iu.V., 2016. N.N. Bortvin: Pervyi arkheolog sovetskogo vremeni v Kurgane [N.N. Bortvin: The first archaeologist of the Soviet period in Kurgan]. *Vestnik Omskogo universiteta, Seriia Istoricheskie nauki*, no. 2, Omsk: Izd-vo OmGU, pp. 118–123.
- Sal'nikov K.V., 1940a. Andronovskii kurgannyi mogil'nik u s. Fedorovka Cheliabinskoi oblasti [An Andronovo burial mound near Fedorovka village of Chelyabinsk region]. *MIA*, no. 1, pp. 58–68.
- Sal'nikov K.V., 1940b. Tri goda raboty na gorodishche Chudaki: (Raskopki Cheliabinskogo oblastnogo muzeia) [Three years of work at the fortress of Chudaki: (Excavations by the Chelyabinsk Regional Museum)]. *KSIIIMK*, V, pp. 69–71.
- Sal'nikov K. V., 1947. Gorodishche «Chudaki» Cheliabinskoi oblasti po raskopkam 1937 g. [The ancient fortress of «Chudaki» in Chelyabinsk region according to 1937 excavations]. *SA*, IX, pp. 221–238.
- Sal'nikov K.V., 1948. K voprosu o stadiiakh v pamiatnikakh andronovskoi kul'tury Zaural'ia [The stages at the Andronovo culture sites of the Trans-Urals revisited]. *Pervoe Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Doklady nauchnoj konferentsii Molotovskogo gosudarstvennogo universiteta*, Molotov, 1–4, pp. 21–26.
- Sal'nikov K.V., 1950. Pamiatnik abashevskoi kul'tury bliz Magnitogorska [A site of the Abashevo culture near Magnitogorsk]. *KSIIIMK*, XXXV, pp. 91–97.

О пользе изучения переписки археологов (письмо Н.Н. Бортвина К.В. Сальникову)

- Sal'nikov K.V., 1951. Bronzovyi vek luzhnogo Zaural'ia [The Bronze Age of the South Trans-Urals]. *MIA*, no. 21, pp. 94–151.
- Sal'nikov K.V., 1952. *Drevneishie pamiatniki istorii Urala* [Ancient monuments of the Ural history], Sverdlovsk: Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 116 p.
- Sal'nikov K.V., 1954a. Abashevskaya kul'tura na luzhnom Urale [Abashevo culture in the Southern Urals]. *SA*, vol. XXI, pp. 52–94.
- Sal'nikov K.V., 1954b. Kurgany na ozere Alakul' [Burial mounds on the Alakul Lake]. *MIA*, no. 24, pp. 51–71.
- Sal'nikov K.V., 1956. Isetskie drevnie poseleniia (po materialam obsledovaniia srednego techeniia reki Iseti v 1940 godu) [Iset ancient settlements (based on a survey of the middle course of the Iset River in 1940)]. *SA*, XXV, pp. 189–214.
- Sal'nikov K.V., 1961. Opyt klassifikatsii keramiki lesostepnogo Zaural'ia [An attempt in classification of ceramics of the forest-steppe Trans-Urals]. *SA*, no. 2, pp. 37–48.
- Sal'nikov K.V., 1962a. Itkul'skaia kul'tura: (K voprosu o «Zaural'skom anan'ine») [The Itkul culture: (On the issue of "Trans-Ural Ananiin")]. *Kraevedcheskie zapiski Cheliabinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia*, 1, Cheliabinsk, pp. 21–46.
- Sal'nikov K.V., 1962b. Iuzhnyi Ural v epokhu neolita i rannei bronzy [Southern Urals in the Neolithic and Early Bronze Age]. *Arheologija i etnografiia Bashkirii*, vol. 1, Ufa: Bashkirskoe knizhnoje izdatel'stvo, pp. 16–59.
- Sal'nikov K.V., 1967. *Ocherki drevnei istorii luzhnogo Urala* [Essays on the ancient history of the Southern Urals], Moscow: Nauka, 1967, 407 p.
- Spitsyn A.A., 1929. Arkheologicheskie zametki [Archaeological notes]. *Trudy seksii arkheologii Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk*, vol. 4, Moscow, p. 485.
- Shishkovskii K.A., 1884. Zametka o doistoricheskikh drevnostiakh v luzhnom Urale [A note on prehistoric antiquities in the Southern Urals]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva liubitel'ei estestvoznaniia*, vol. VII, 4, Ekaterinburg, p. 188.
- Vdovin A.S., Kuz'minykh S.V., Serykh D.V., 2008. Vserossiiskie arkheologicheskie s"ezdy ot Pskova do Novosibirska [All-Russian archaeological congresses from Pskov to Novosibirsk]. *RA*, no. 4, pp. 188–195.

АНТРОПОЛОГИЯ

К.Н. Солодовников*, С.С. Тур**

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: solodk@list.ru

**Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: tur@email.asu.ru

К АНТРОПОЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО XI)¹

Исследованы краниологические материалы эпохи неолита из могильника Фирсово XI близ г. Барнаула. Серия насчитывает 7 мужских и 3 женских черепа разной степени сохранности и характеризуется промежуточным между европеоидами и монголоидами строением лицевого отдела, в ее составе присутствуют черепа с более европеоидным и более монголоидным обликом. По результатам межгруппового сравнения они в среднем морфологически сильно различаются с сериями афанасьевской культуры Горного Алтая. Серия Фирсово XI наиболее сходна с неолитическими группами северных предгорий Алтая, также проявляется сходство с синхронными сериями Новосибирско-Каменского Приобья, Кузнецкой котловины, Барабинской лесостепи, Омского Прииртышья, Северного Казахстана и лесостепного Зауралья. Выявляется сходство и с группами Циркумбайкальского региона как отражение расогенетических связей его населения с неолитическими популяциями предгорных районов Алтая. Мужская серия также очень сходна с серий неолита — раннего энеолита Волго-Уральского междуречья. Выдвигается гипотеза о существовании в добронзовую эпоху антропологической общности древнего населения равнинных лесостепных областей Евразии. В составе группы Фирсово XI ощущается присутствие и антропологического компонента, относящегося к южной евразийской антропологической формации.

Ключевые слова: неолит, Фирсово XI, палеоантропология, краниометрия, европеоиды, монголоиды, Западная Сибирь, лесостепь.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-060-072

Введение

Начало исследованию палеоантропологических материалов Верхнего Приобья эпохи неолита было положено В.П. Алексеевым, который описал фрагментарный череп мужчины из погребения на Чудацкой Горе и проанализировал краниометрические особенности черепов из могильника Ордынское I [1961]. Один из мужских черепов характеризовался как долихокраний европеоидный, с некоторой уплощенностью лицевого скелета, два других черепа — мужской и женский относились к грацильным мезо- или долихокранийным формам с лицом малых размеров, уплощенным горизонтальным профилем и прогнатным вертикальным. Появление данного типа трактовалось как результат влияния лесных монголоидов [Там же, с. 118–119].

Дальнейшее развитие представлений о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья связано с именем В.А. Дремова, исследовавшего черепа из могильников Усть-Иша и Иткуль/Большой Мыс. Серия характеризуется мезокрацией, невысоким сводом с наклонным лбом, крупными размерами лица и имеет промежуточный европеоидно-монголоидный облик [Дремов, 1980]. Близкие морфологические аналоги черепам Усть-Иши и Иткуля были найдены в краниологических материалах неолита и энеолита Байкальского региона, от которых верхнеобские черепа отличаются лишь большей долей европеоидного компонента. Происхождение антропологического типа неолитического населения Алтайского Приобья рассматривалось как результат смешения ги-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-01916).

потетичного европеоидного населения высоколицевого типа с пришлыми монголоидными группами из прибайкальского региона, также характеризующимися большой высотой лица [Дремов, 1980], либо, по другому мнению, с низколицым монголоидным компонентом [Дремов, 1986, с. 57].

Позднее В.А. Дремов расширил источниковую базу палеоантропологии неолита Верхнего Приобья, опубликовав измерения вновь поступивших черепов из могильников Ордынское Ie, Раздумье Ib и Крутиха V в Барнаульско-Новосибирском Приобье² [1985], а также Костенкова Избушка и Большой Мыс на оз. Иткуль [1997]. Северная приобская группа, как и серия Кузнецкой котловины выделяются присутствием монголоидного компонента низколицевого типа, отличного от прибайкальского. При этом в материалах из Ордынского и Раздумья был выделен тип, характеризующийся европеоидными особенностями в сочетании с ослаблением горизонтальной профилировки лица [Дремов, 1985]. Черепа подобного облика найдены и в могильниках Кузнецкого района [Дремов, 1997].

Т.А. Чикишева, исследовавшая краниологическую серую из неолитического могильника Солонцы V в предгорьях Алтая, отметила смешение двух антропологических компонентов [2005, с. 76]. Первый из них, монголоидный, тяготеет к неолитическому населению Прибайкалья, второй — мезобрахикранный, с широким, уплощенным лицом, хорошо моделированным переносьем и довольно большим углом выступления носа известен также в неолитических материалах из погребений в Каминной и Нижнетыткескенской пещерах в Горном Алтае, в могильниках Красноярко-Канской лесостепи и относится к особой южной евразийской антропологической формации [Чикишева, 2000, 2012]. При этом среднегрупповые антропологические показатели краниологической серии из могильника Солонцы V тяготеют к таковым черепов из Усть-Иши и Новосибирского Приобья [Чикишева, 2005; 2012, с. 47].

Таким образом, в Верхнем Приобье наиболее изученными в антропологическом отношении являются северные предгорья Алтайской горной системы на юге и более северные районы Новосибирско-Каменского Приобья. К территории собственно Барнаульского Приобья можно отнести лишь материалы с оз. Иткуль, могильники которого (Большой Мыс, Костенкова Избушка) отличаются и в культурном отношении от погребений кузнецко-алтайской неолитической культуры горных и предгорных районов Алтая и Кузнецкой котловины [Кунгурова, 2005; Марочкин, 2014]. Заполнить пробел в изучении антропологических особенностей неолитического населения территории Барнаульского Приобья могут изученные нами материалы из могильника Фирсово XI, который и типологически близок к могильникам оз. Иткуль [Кирюшин, 2002, с. 26–28; Марочкин, 2014], и с учетом радиоуглеродных датировок могильника Большой Мыс [Кунгурова, 2005, с. 57] может являться одним из наиболее древних исследованных неолитических некрополей Верхнего Приобья.

Материал и методика

Могильник Фирсово XI находится на правом коренном берегу р. Оби напротив г. Барнаула, исследовался Приобской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством А.Б. Шамшина в 1992–1996 гг. Помимо погребений раннего железного века было раскопано восемь могил эпохи неолита (энеолита) [Лыжникова, 1998]. В силу захоронения в песчаном грунте и значительной древности погребений сохранность костных материалов неудовлетворительная. Черепа взрослых индивидов были реставрированы с помощью воско-канифольной мастики. В ряде случаев допускалось восстановление отсутствующих элементов черепа. В частности, на черепах из могил 9; 14, ск. 1 и 17, отсутствующие носовые кости были реконструированы на основании морфологического строения лобных отростков верхнечелюстных костей и носолобного шва.

Пол и возраст индивидов определялся на основании стандартных остеологических методов [Алексеев, Дебец, 1964; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Измерения черепов выполнены по стандартной краниометрической методике [Алексеев, Дебец, 1964] и дополнены высотой поперечного изгиба лба [Гохман, 1961]. На основании индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преартикулярного фациоцеребрального указателя (ПФЦ) вычислялась условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) [Дебец, 1968]. Статистический анализ проводился с помощью программ STATISTICA 10.0. Для оценки межгруппового сходства и различий использовались расстояния D^2 Махаланобиса — Рао, которые вычислялись по программе Ю.К. Чистова (1994 г.).

² Точнее — в Новосибирско-Каменском Приобье, по нахождению могильников вдоль Оби между городами Новосибирском и Камнем-на-Оби.

**Антропологическая характеристика неолитического населения
Барнаульского Приобья по материалам могильника Фирсово XI**

Серия насчитывает 7 мужских и 3 женских черепа (рис. 1–5), измерительные и описательные характеристики которых представлены в табл. 1. Половая принадлежность скелета 2 из парного захоронения 14 неоспорна. По морфологическим признакам он характеризуется скорее как женский, однако набор погребального инвентаря в виде нашивок на одежду из резцов крупных млекопитающих может свидетельствовать в пользу его принадлежности к мужскому полу [Лыжникова, 1998, рис. 1, 1].

Рис. 1. Череп мужчины из могилы 9.

Рис. 2. Череп мужчины из могилы 14, скелет 1.

Рис. 3. Череп мужчины из могилы 15, скелет 3.

Рис. 4. Череп женщины из могилы 17.

К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья...

Рис. 5. Череп мужчины из могилы 18.

Таблица 1

Индивидуальные измерения и средние характеристики черепов из неолитических погребений могильника Фирсово XI

№	Могилы	Пол	Возраст	Признаки по Мартину и др.													
				1	1b	8	8:1	17	17:1	17:8	20	20:1	20:8	5	9	ВПИЛ	ЛПИЛ
1	Мог. 9	♂	40-50	180	175	140	77,8	129	71,7	92,1	111	61,7	79,3	97	87,9	16,5	138,8
3	Мог. 14, ск. 1	♂	20-30	181	177	139	76,8	133?	73,5?	95,7?	110	60,8	79,1	105?	90,0	16,4	140,0
2	Мог. 14, ск. 2	♀?	18-20?	185	181	136	73,5	127?	68,6?	93,4?	106	57,3	77,9	108??	—	—	—
4	Мог. 15, ск. 2	♂	45-55	199	197	143	71,9	—	—	—	125	62,8	87,4	—	98,4	20,0	135,8
5	Мог. 15, ск. 3	♂	55-65?	188	186	142	75,5	—	—	—	125	66,5	88,0	—	96,8	16,6	142,1
6	Мог. 16	♂	30-40?	181	171	147	81,2	—	—	—	111	61,3	75,5	—	89,5	14,4	144,3
7	Мог. 17	♀	45-55	175	173	143	81,7	129	73,7	90,2	111	63,4	77,6	97	97,2	20,9	133,5
8	Мог. 18	♂	35-45	203	197	151	74,4	138	68,0	91,4	122	60,1	80,8	115	106,8?	21,7	135,8?
9	Мог. 42, ск. 1	♂	45-55	182	179	145?	79,7?	127?	69,8?	87,6?	112?	61,5?	77,2?	97	90,0	16,0	140,9
10	Мог. 42, ск. 2	♀?	40-50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105,7	20,3?	138,5?
11	Мужчины сум.		X(n)	187,7(7)	183,1(7)	143,9(7)	76,8(7)	131,8(4)	70,8(4)	91,7(4)	116,6(7)	62,1(7)	81,0(7)	103,5(4)	94,2(7)	17,4(7)	139,7(7)
12			sd	9,5*	10,5	4,2	3,2	4,9	2,4	3,3	7,0**	2,1	4,9	8,5**	6,8*	2,5	3,2
13	Женщины сум.		X(n)	180,0(2)	177,0(2)	139,5(2)	77,6(2)	128,0(2)	71,2(2)	91,8(2)	108,5(2)	60,4(2)	77,8(2)	97,0(1)	101,5(2)	20,6(2)	136,0(2)

№	Признаки по Мартину и др.																	
	9:8	10	9:10	11	12	29	Sub.NB:	Sub.NB:	30	31	OS	23a	24	25	26	27	28	26:25
1	62,8	117?	75,1?	124	116	109	22,6	20,7	107	100	32,0	501	316	365	120	120	125	32,9
2	64,7	114	78,9	124	112	102	19,8	19,4	113	95	29,3	502	308	353	112	124	117	31,7
3	—	—	—	119?	108	105	19,7	18,8	109	95	29,0	—	299	353?	115	120?	118?	32,6
4	68,8	126?	78,1?	124?	108?	122	29,0	23,8	125	104	27,1	—	350?	403	140	140	123	34,7
5	68,2	—	—	125?	112	119	30,0	25,2	118	100	32,4	525?	355	392	137	130	125	34,9
6	60,9	—	—	127	111	112?	20,0	17,9?	107	91	23,7	497	320	—	—	119	109	—
7	68,0	114	85,3	129	113	114	24,0	21,1	104	93	27,5	498	317	357	126	115	116	35,3
8	70,7?	127?	84,1?	137	116	116	24,5	21,1	123	97	26,8	550?	350	383	129	135	119	33,7
9	62,1?	119?	75,6?	126	113	107?	25,0	23,4?	113?	98	32,0	512	—	373?	123?	128?	122	33,0?
10	—	—	—	—	114?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	65,5(7)	120,6(5)	78,4(5)	126,7(7)	112,6(7)	112,4(7)	24,4(7)	21,6(7)	115,1(7)	97,9(7)	29,0(7)	514,5(6)	333,2(6)	378,2(6)	126,8(6)	128,0(7)	120,0(7)	33,5(6)
12	3,8	5,7	3,6	4,7	2,8	7,0*	4,0**	2,6*	7,2	4,1	3,3	20,1	20,7**	18,2	10,6	7,7	5,7	1,2
13	68,0(1)	114,0(1)	85,3(1)	124,0(2)	111,7(3)	109,5(2)	21,9(2)	20,0(2)	106,5(2)	94,0(2)	28,3(2)	498,0(1)	308,0(2)	355,0(2)	120,5(2)	117,5(2)	117(2)	34,0(2)

№	Признаки по Мартину и др.																			
	27:25	28:25	28:27	7	16	32	GM/FH	33(1)	33(2)	33(4)	34	HP (1-6)	HD (1-3)	H3B (0-5)	CO (1-3)	Форма черепа	40	40:5	45	48
1	32,9	34,2	104,2	36,3	30,2	79	70	81	31	112	-10	5	3	3	3	Ovoid.	106?	109,3?	137	68?
2	35,1	33,1	94,4	34,0?	—	79	73	85	31	116	+2?	3	2	1	2	Ovoid.	105	100,0?	134?	72?
3	34,0?	33,4?	98,3?	36,6?	—	—	—	—	—	118	—	3	2	1	2	Ovoid.	—	—	131?	69?
4	34,7	30,5	87,9	—	—	—	—	—	—	120	—	4	3	3	3	Ellips.	—	—	134?	—
5	33,2	31,9	96,2	—	—	88?	81?	92?	22?	114?	—	3	3	1	3	Ellips.	—	—	134?	72?
6	—	—	91,6	—	—	—	—	—	—	126	—	5	3	3	3	Sphen.	—	—	134?	—
7	32,2	32,5	100,9	37,7	29,8	80	74	91	30	121	-9	3	2	1	2	Sphen.	97	100,0	141	72
8	35,2	31,1	88,1	41,3	30,7	81	75	92	29	121	+4?	5	3	3	3	Ellips.	114?	99,1?	147?	70?
9	34,3?	32,7	95,3?	33,8	32,4	82	74	88	24	112	-16	5	3	3	3	Sphen.	—	—	138?	—
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	1	—	—	—	—	—	—
11	34,2(6)	32,3(6)	94,0(7)	36,4(4)	31,1(3)	81,8(5)	74,6(5)	87,6(5)	27,4(5)	117,3(7)	-5,0(4)	4,3(7)	2,9(7)	2,4(7)	2,9(7)		108,3(3)	102,8(3)	136,9(7)	70,5(4)
12	1,0	1,4	5,6	3,5	1,2	3,7	4,0	4,7	4,2	5,3	9,6**						4,9	5,6	4,8	1,9
13	33,1(2)	33,0(2)	99,6(2)	37,2(2)	29,8(1)	80,0(1)	74,0(1)	91,0(1)	30,0(1)	119,5(2)	-9,0(1)	2,7(3)	2,0(3)	1,0(3)	2,0(2)		97,0(1)	100,0(1)	136,0(2)	70,5(2)

№	Признаки по Мартину и др.																			
	47	48:45	47:45	45:8	48:17	9:45	43	46	60	61	61:60	62	63	63:62	51	51a	52:51	52:51a	55	54
1	112	49,6?	81,0	97,9	52,7?	64,2	104?	100?	55?	61?	110,9?	—	37,4	—	41,5?	38,2?	73,5?	79,8?	49,8?	24,6
2	112	53,7?	83,6?	96,4?	54,1?	67,2?	106?	102	59	62	105,1	—	37,8	—	42,5	39,0	68,2	74,4	50,5	25,5
3	—	52,7?	—	96,3?	54,3?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51,5?	21,8?
4	—	—	—	93,7?	—	73,4?	106	—	—	63	—	—	39,0	—	—	—	—	—	—	—
5	—	53,7?	—	94,4?	—	72,2?	108	—	—	—	—	43,8?	—	—	42,4?	38,4?	78,1?	86,2?	53,1?	22,8?
6	—	—	—	91,2?	—	66,8?	102?	—	—	62	—	—	40,0?	—	—	—	—	—	—	22,6
7	117	51,1	83,0	98,6	55,8	68,9	112	103	53	—	—	42,0?	—	—	43,0	40,6	78,8	83,5	51,5	22,8
8	120	47,6?	81,6?	97,4?	50,7?	72,7?	122!	100?	—	64?	—	—	41,0?	—	46,8	43,0	66,2?	72,1?	50,0?	21,0?
9	—	—	—	95,2?	—	65,2?	104	—	—	—	—	—	—	—	41,5	39,0	68,7	73,1	—	—
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	114,7(3)	51,2(4)	82,1(3)	95,2(7)	52,5(3)	68,8(7)	107,4(7)	100,7(3)	57,0(2)	62,4(5)	108,0(2)	43,8(1)	39,0(5)	—	42,9(5)	39,5(5)	70,9(5)	77,1(5)	50,9(4)	23,3(5)
12	4,6	3,1	1,4	2,3	1,7	3,8	6,7**	1,2	—	1,1	—	—	1,5	—	2,2	2,0	4,8	5,9	1,5	1,8
13	117,0(1)	51,9(2)	83,0(1)	97,5(2)	55,1(2)	68,9(1)	112,0(1)	103,0(1)	53,0(1)	—	—	42,0(1)	—	—	43,0(1)	40,6(1)	78,8(1)	83,5(1)	51,5(2)	22,3(2)

№	Признаки по Мартину и др.																		
	54:55	НКГО	ПНО (1-5)	SC	SS	SS:SC	MC	MS	MS:MC	DC	DS	DS:DC	FC	Hz	Bz	lhz	43(1)	BH	77
1	49,4	fos.pr.	—	7,0	3,4?	48,6?	18,0	5,9?	32,8?	21,6?	10,9?	50,5?	2,8	11,8	55,3	21,3	96,0	13,7?	148,1?
2	50,5	fos.pr.	2	7,5	2,6?	34,7?	20,8	5,2?	25,0?	25,0	11,4?	45,6?	1,6	11,4	54,5	20,9	100,1	17,5	141,5
3	42,3?	fos.pr.?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	fos.pr.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	98,0	16,4?	143,0?
5	42,9?	infant.	—	8,0?	3,7	46,3?	22,4?	6,0	26,8?	25,4?	14,3	56,3?	4,8	11,0	55,0	20,0	99,5	15,0	146,4
6	—	fos.pr.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95,7	13,0?	149,6?
7	44,3	anth.	3?	8,0	3,3?	41,3?	18,2	6,3?	34,6?	21,0	14,9?	71,0?	5,0 ^{np}	13,4	54,3	24,7	101,2	17,2?	142,5?
8	42,0?	fos.pr.	—	—	—	22,5?	—	—	—	—	—	—	4,1 ^{np} ?	—	—	—	111,0	22,5?	135,9?
9	—	—	—	8,8?	2,4?	27,3?	17,5	4,3?	24,6?	21,4	10,5?	49,1?	4,7 ^{np}	10,0	49,7	20,1	96,8	15,6?	144,3?
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102,7	14,5?	148,5?
11	46,2(4)		2,0(1)	7,83(4)	3,03(4)	39,2(4)	20,24(5)	5,35(4)	27,3(4)	23,35(4)	11,78(4)	50,4(4)	3,6(5)	11,1(4)	53,6(4)	20,6(4)	99,6(7)	16,2(7)	144,1(7)
12	4,4			0,8	0,6	10,0	2,4	0,8	3,8	2,1	1,7	4,5	1,4	0,8	2,6	0,6	5,3	3,2	4,6
13	43,3(2)		3,0(1)	8,0(1)	3,3(1)	41,3(1)	18,2(1)	6,3(1)	34,6(1)	21,0(1)	14,9(1)	71,0(1)	5,0(1)	13,4(1)	54,3(1)	24,7(1)	102,0(2)	15,9(2)	145,5(2)

№	Признаки по Мартину и др.																			
	ЗМШ	BC	∠Zm'	72	73	74	75	75(1)	68(1)	79	68	70	71a	65	66	67	69	69(1)	69(3)	∠C'
1	97,0?	22,6	130,0?	77?	86	57?	56?	21?	116	123	89	60	36,4	122?	113	46,3	31,5	29,9	12,7	69
2	100,3	23,8	126,9	79	84	68	56?	23?	—	106	84	66	38,3	—	94	49,4	32,6	31,2	15,0	87
3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	121	83	61	35,2	—	101	49,3	—	32,5 ^{np} ?	13,0 ^{np}	70
4	—	—	—	—	—	—	—	—	106	120	78	64	33,2	114	109	44,6	36,0?	33,4	10,8	—
5	—	—	—	88?	93?	74?	—	—	—	—	—	—	33,2	—	115?	48,0	—	35,5 ^{np}	14,1 ^{np}	—
6	—	—	—	—	—	—	—	—	104	110	85	73	33,8	118	102	47,2	30,0?	29,1	10,9	71
7	101,2	20,7	135,5	85	88	76	62?	23?	98	104	82	75	39,1	127?	93	47,0	35,5	33,0	13,5	—
8	101,5?	20,0?	137,0?	86?	92??	71??	—	—	116?	124	89	59	37,7?	125?	91?	44,3	38,4	35,0	12,0	72
9	—	—	—	—	—	—	56?	—	109	123	79	62	32,1	120?	108?	44,0	—	30,0	12,9	—
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32,8	—	108	44,7	—	—	—	—
11	99,6(3)	22,1(3)	131,3(3)	82,5(4)	87,7(3)	66,3(3)	56,0(3)	22,0(2)	110,2(5)	117,7(6)	84,0(6)	64,0(6)	35,0(7)	119,8(5)	104,6(7)	46,3(7)	33,7(5)	32,0(7)	12,6(7)	74,8(4)
12	2,3	1,9	5,2	5,3*	4,7	8,6	0,0	—	5,6	7,7	4,7	5,1	2,5	4,1	9,3*	2,1	3,4	2,6	1,6	8,3
13	101,2(1)	20,7(1)	135,5(1)	85,0(1)	88,0(1)	76,0(1)	62,0(1)	23,0(1)	98,0(1)	112,5(2)	82,5(2)	68,0(2)	35,7(3)	127,0(1)	100,7(3)	47,0(3)	35,5(1)	32,8(2)	13,3(2)	70,0(1)

Примечания. Приняты следующие сокращения для признаков, не имеющих общепринятых обозначений: ВПИЛ — высота поперечного изгиба лба; ∠ПИЛ — угол поперечного изгиба лба; OS — высота изгиба затылка; НП — надпереносье; НД — надбровные дуги; СО — сосцевидный отросток; НЗБ — наружный затылочный бугор; НКГО — нижний край грушевидного отверстия; ПНО — переденосовая ось; Hz — высота изгиба скуловой кости; Bz — ширина скуловой кости; lhz — указатель изгиба скуловой кости; BH — высота назона; ЗМШ — зигмаксиллярная ширина; BC — высота субсинале.
?? — признаки не включены в подсчет средних.
Звездочками обозначен уровень достоверности F-критерия (* — P≤0,05, ** — P≤0,01).

В среднем мужская серия характеризуется длинной, среднеширокой, невысокой, долихо-мезокранной черепной коробкой со средненаклонным, среднепрофилированным в горизонтальной и сагиттальной плоскостях лбом. Наименьшая ширина лба по отношению к поперечному диаметру черепа, наибольшей ширине лба и скуловому диаметру малая. Затылок широкий, довольно выпуклый, резко изогнутый, длина затылочного участка сагиттальной дуги абсолютно большая, но средняя по отношению к длине теменного. Лицо широкое, абсолютно средневысокое и относительно низкое, средне профилированное в горизонтальной плоскости, с мелкой клыковой ямкой. Вертикальный профиль мезогнатный по общему лицевому углу и прогнатный в альвеолярном отделе. Ширина орбит на границе средних и больших значений признаков, абсолютная и относительная высота их очень малая. Нос узкий, средней высоты, лепторинный, нижний край грушевидного отверстия преимущественно в форме предносовых ямок. Относи-

К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья...

тельная высота переносья и носовых костей в месте наибольшего сужения средняя при малых симметрических и больших дакриальных размерах.

Женские черепа характеризуются сходными краниометрическими параметрами, отличаясь от мужских главным образом наклонной постановкой слабовыпуклого и более широкого лба и крупными размерами лица.

По приведенным характеристикам, антропологический тип неолитического населения, оставившего могильник Фирсово XI, является морфологически промежуточным между европеоидным и монголоидным расовыми стволами, с условной долей монголоидного элемента (УДМЭ) 57,3 % суммарно у мужчин и женщин. По сочетанию умеренной уплощенности лицевого отдела (УЛС = 49,0) и типично монголоидных фациocereбральных соотношений (ПФЦ = 95,3) суммарная группа Фирсово XI близка к неолитическим материалам предгорного Алтая [Дремов, 1980, 1997].

На исследованных материалах проявляются общие морфологические особенности, затрагивающие прежде всего признаки, образующие морфологический комплекс на уровне рас первого порядка и проявляющиеся как в мужской, так и женской частях серии. Это невысокая спинка носа, его среднее или слабое выступание к линии общего лицевого профиля, средняя или слабая горизонтальная профилировка лица на верхнем уровне, средняя — на нижнем. Однако в мужской части анализируемой серии наблюдается существенная вариабельность по форме и размерам мозгового и лицевого отделов черепа, в том числе на уровне статистической значимости (двусторонний *F*-критерий Фишера при бесконечном числе степеней свободы для стандартной дисперсии), для ряда признаков. Среди них продольный диаметр и длина основания черепа, высота от порионов и поперечная дуга черепа, наименьшая ширина лба, лобная хорда, высота и указатель изгиба лобной кости, верхняя ширина лица, общий лицевой угол, угловая ширина нижней челюсти.

Таблица 2

Факторные нагрузки двух первых главных компонент (I–II) мужских и пересчитанных на «мужские» женских черепов Фирсово XI

Признак		ГК I	ГК II
1	Продольный диаметр	0,832	0,182
8	Поперечный диаметр	0,718	-0,194
20	Высотный диаметр от ро.	0,694	0,617
9	Наименьшая ширина лба	0,950	-0,138
Sub.№:29	Указатель выпуклости лба	0,231	0,807
32	Угол профиля лба от п.	0,093	0,908
45	Скуловой диаметр	0,637	-0,646
48	Верхняя высота лица	0,252	-0,593
77	Назозапяльный угол	-0,726	0,162
54	Ширина носа	-0,774	-0,127
λ	Собственные числа	4,249	2,758
<i>P</i> , %	Доля в общей дисперсии	42,490	27,583

Для уточнения характера внутригрупповой вариабельности черепов из могильника Фирсово XI был проведен факторный анализ, в который кроме мужских черепов были включены и женские, размеры которых переведены в «мужские» с помощью средних мировых коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебеч, 1964]. Учитывались признаки, имеющиеся на большинстве черепов. В случае отсутствия того или иного признака (не более трех из десяти) использовались средние групповые значения. Первая главная компонента разделяет более и менее крупные черепа, являясь в основном «фактором размера» (табл. 2). Значимые положительные нагрузки приходятся на основные тотальные размеры мозгового отдела и скуловой диаметр, отрицательные — на назозапяльный угол и ширину носа. На положительном полюсе ГК I находится череп из могилы 18, который происходит из уникального по обряду «сидячего» захоронения [Шмидт, 2016], а в отрицательном поле — большая часть мужских черепов (рис. 6). Вторая главная компонента разделяет черепа, характеризующиеся в масштабе анализируемых различий высокой мозговой капсулой, более выпуклым и прямым лбом, небольшим лицом, и черепа с противоположным сочетанием признаков. Наибольшие положительные нагрузки по ней — у мужских черепов из могилы 15 (скелеты 2 и 3), наименьшие — у женских. На основании этого можно предположить наличие в данной группе разных морфологических компонентов, связанных в том числе с полом. Внутри мужской части, по-видимому, присутствовали индивиды с более вы-

раженными европеоидными особенностями в строении лицевого отдела и высоким черепом с прямым и выпуклым лбом и более монголоидные, с низким черепом, покатым и слабовыпуклым лбом. Последние морфологические особенности, вероятно, были присущи и женской части группы. При этом большая ширина мозгового и лицевого отделов и выраженная брахикрания женского черепа из могилы 17 заставляют обратиться к материалам Южной Сибири, где в ранние эпохи был распространен антропологический тип с такими характеристиками и промежуточными европеоидно-монголоидными параметрами в строении лицевого отдела [Чикишева, 2012].

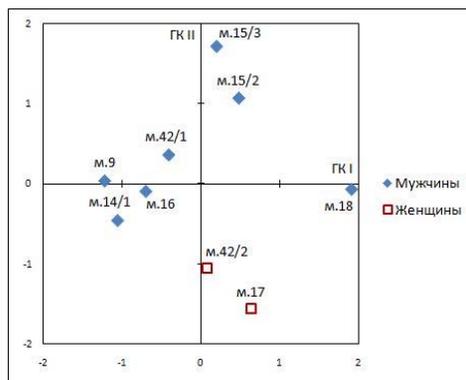

Рис. 6. Положение черепов мужчин и женщин из могильника Фирсово XI в пространстве I и II главных компонент (ГК).

Результаты межгруппового сравнения³ изучаемой серии с помощью расстояния Махаланобиса — Рао (D^2) подтверждают наибольшее морфологическое сходство сравниваемой группы (мужская серия и женская группа в отдельности) с суммарной серией неолита Бийского района (могильники Усть-Иша, Иткуль (Большой Мыс), Солонцы 5, Костенкова Избушка)⁴. Меньше таксономические расстояния D^2 , но также значительное сходство проявляет мужская серия Фирсово XI на межгрупповом фоне с суммарными сериями неолита Кузнецкого района (Кузнецкий, Лебеди II, Васьково IV, Заречное), Барабинской лесостепи (Венгерово-2А, Сопка 2, Протока, Корчуган), Новосибирско-Каменского Приобья (Ордынское Ia, б, е, Крутиха, Раздумье, Иня IV) [Алексеев, 1961; Дремов, 1985; Шпакова, Мыльникова, 1998]⁵. С другой стороны, примерно на таком же уровне прослеживается сходство с древними группами Циркумбайкальского региона [Мамонова, 1983], особенно серовской и глазковской сериями Верхней Лены. Меньшее, но значительное сходство — с черепами неолита Омского Прииртышья [Багашев, 2003], энеолита лесостепного Зауралья и Северного Казахстана (Ботай, Гладунино-1 и 3) [Рыкушина, Зайберт, 1984; Хохлов, Нечвалода, 2002; Хохлов, 2012], неолита Красноярско-Канской лесостепи. Неожиданно значительное сходство с территориально удаленной серией неолита и раннего энеолита Волго-Уралья (Лебяжинка IV и V, Чекалино IVa и IVб, Съезжее I) [Хохлов, 2012]. Примечательно, что при межгрупповом сопоставлении неолитической серии из могильника Венгерово 2А в Барабинской лесостепи также было отмечено большое морфологическое сходство западно-сибирских неолитических групп с краниологическими находками неолита Волго-Уральской лесостепи. При этом «антропологический компонент, восходящий к населению Волго-Уральского ме-

³ Рассчитано по 17 основным расово-разграничительным признакам, приведенным в табл. 3, кроме симотического указателя.

⁴ Отнесение могильников бассейна Верхней Оби и Притомья, из которых происходят сравнительные палеоантропологические материалы, к той или иной выделяемой археологической культуре эпохи неолита или периода энеолита является дискуссионным, поэтому здесь и далее материалы распределены преимущественно по территориальному принципу. В основу была положена рубрикация материалов ранних эпох, проведенная Т.А. Чикишевой в монографическом исследовании [2012, табл. I и II].

⁵ В серию Новосибирско-Каменского Приобья, вслед за Т.А. Чикишевой [2012], по принципу единокультурности с погребениями могильника Ордынское Ie включены измерения мужского черепа из памятника кипринского этапа Иня IV [Шпакова, Мыльникова, 1998]. В целом, используя данную серию, мы отдаем себе отчет в ее искусственности, поскольку ее состав нуждается в ревизии в связи с выходом работы, посвященной выработке новой концепции культурно-хронологической принадлежности погребений эпохи бронзы могильника Ордынское Ie. Выявлено, в частности, что часть черепов, включенных в неолитическую серию, происходит из погребений эпохи бронзы и, напротив, часть ранее относящихся к раннему железному веку или не имеющих датировки, вероятно, следует относить к ранним эпохам [Молодин, Дураков, 2013].

К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья...

ждуречья, в большей степени оказал влияние на мужской контингент» [Чижишева и др., 2015], что справедливо и по отношению к группе из могильника Фирсово XI в Барнаульском Приобье. Одновременно вводимая в научный оборот серия, и в мужской, и в женской части, сильно отличается от краниологических выборок, представляющих население афанасьевской культуры и близких ей культурных типов Горного Алтая [Солодовников и др., 2016]. Это подтверждает, в частности, вывод об отсутствии местных корней у афанасьевского населения Южной Сибири, полученный по антропологическим данным [Алексеев, 1961; Хохлов, и др., 2016]. Также мужчины и женщины Фирсово XI морфологически отличны от людей культуринарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Приаралье. С черепами из нео-энеолитических погребений Горного Алтая (в пещерах Нижнетыткескенская I и Каминная) и Красноярско-Канской лесостепи, относимых к особой южной евразийской формации [Чижишева, 2012], более сходна женская часть группы Фирсово XI.

Обсуждение

Таким образом, результаты межгруппового сравнения позволяют сделать заключение о принадлежности населения Барнаульского Приобья, оставившего могильник Фирсово XI, к антропологической общности древнего населения равнинных лесостепных областей Западной Сибири и восточных районов Восточной Европы эпохи камня и начала перехода к бронзовому веку (табл. 3). Морфологическими чертами, придающими ей своеобразие, являются среднеширокая долихо-мезокранная мозговая коробка, в основном средняя высота черепа, большей частью среднеширокий и средненаклонный лоб, средняя или большая ширина мезогнатного лица при средней его высоте, широкие и выражено хамеконхные орбиты. Также объединяет сравниваемые группы древнего населения промежуточность между выраженно европеоидными и монголоидными сериями по параметрам лицевого скелета — в основном средняя профилировка лица на назомальном и зигомаксиллярном уровнях и средняя высота носовых костей в месте наибольшего сужения. При этом угол выступания носа варьируется — преимущественно малые величины на востоке евразийских лесостепей и большие в восточной части Восточной Европы.

Таблица 3

Серия Фирсово XI и сравнительные краниологические материалы неолита — энеолита лесостепных районов севера Евразии

Признак	Фирсово XI		Бийский район		Новосибирско-Каменское Приобье		Кузнецкая котловина		Барабинская лесостепь		Северный Казахстан и Зауралье		Волго-Уральское междуречье		
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	
1	Продольный диаметр	187,7(7)	180,0(2)	190,0(13)	179,4(7)	186,8(4)	178,7(3)	186,9(8)	180,0(2)	185,0(14)	178,7(9)	182,5(2)	183,3(3)	183,5(6)	183,2(5)
8	Поперечный диаметр	143,9(7)	139,5(2)	145,5(13)	139,9(7)	139,6(5)	138,7(3)	141,9(9)	136,0(2)	139,9(14)	138,0(9)	139,0(2)	134,7(3)	138,3(6)	137,2(5)
17	Высотный диаметр от ба.	131,8(4)	128,0(2)	131,3(12)	129,0(5)	135,7(3)	130,0(2)	132,5(4)	124,0(1)	138,4(9)	126,6(5)	135,5(2)	134,5(2)	134,0(6)	132,0(1)
9	Наименьшая ширина лба	94,2(7)	101,5(2)	95,2(15)	91,9(8)	96,2(5)	94,0(4)	97,1(11)	93,5(2)	96,1(14)	93,7(10)	95,0(2)	91,0(2)	92,0(6)	94,4(5)
32	Угол профиля лба от н.	81,8(5)	80,0(1)	76,2(12)	78,0(4)	79,7(3)	81,0(3)	80,0(5)	74,0(1)	77,8(12)	79,3(10)	74,5(2)	80,0(2)	82,0(4)	83,6(5)
45	Скуловой диаметр	136,9(7)	136,0(2)	140,4(14)	132,8(5)	138,3(4)	132,7(3)	139,6(8)	125,0(2)	139,0(8)	131,1(8)	143,5(2)	136,0(1)	136,2(5)	130,8(5)
48	Верхняя высота лица	70,5(4)	70,5(2)	74,1(13)	69,7(5)	71,3(4)	66,3(4)	71,2(6)	78,0(1)	71,6(14)	67,2(10)	70,0(2)	64,7(3)	69,3(3)	68,4(4)
72	Общий лицевой угол	82,5(4)	85,0(1)	85,5(12)	81,7(4)	81,3(3)	82,0(3)	83,4(5)	78,0(1)	81,9(10)	78,7(10)	80,5(2)	79,5(2)	80,3(3)	83,5(4)
77	Назомальный угол	144,1(7)	145,5(2)	142,7(14)	146,3(7)	145,3(4)	147,3(3)	144,0(11)	142,0(2)	140,1(12)	144,1(10)	142,8(2)	141,2(3)	147,3(5)	141,6(5)
∠Zm'	Зигомаксиллярный угол	131,3(3)	135,5(1)	134,2(11)	129,8(5)	131,4(3)	136,9(3)	138,8(4)	129,0(1)	132,2(7)	132,2(8)	135,0(2)	131,3(3)	123,6(3)	127,0(4)
51	Ширина орбиты от mf.	42,9(5)	43,0(1)	43,9(13)	45,1(5)	45,3(3)	43,0(3)	47,0(6)	44,0(2)	46,1(13)	42,7(9)	44,3(2)	42,7(2)	42,9(3)	43,6(5)
52	Высота орбиты	30,4(5)	33,9(1)	33,5(13)	33,4(5)	33,5(4)	33,5(3)	33,6(7)	32,0(2)	32,3(13)	33,1(9)	31,9(2)	30,1(3)	31,1(3)	31,1(5)
55	Высота носа	50,9(4)	51,5(2)	53,6(13)	49,6(5)	55,0(3)	48,3(4)	51,3(6)	52,0(1)	51,9(14)	48,4(9)	51,5(2)	46,5(2)	48,9(3)	48,7(4)
54	Ширина носа	23,3(5)	22,3(2)	24,5(13)	23,3(5)	27,5(2)	24,3(3)	25,3(6)	23,6(1)	25,0(10)	24,6(8)	24,9(2)	25,2(2)	22,5(4)	24,5(4)
75(1)	Угол выступания носа	22,0(2)	23,0(1)	23,2(12)	26,2(5)	20,5(2)	27,7(3)	18,8(5)	23,0(1)	18,6(8)	18,6(7)	31,0(2)	25,5(2)	28,3(3)	20,0(4)
SC	Симотическая ширина	7,83(4)	8,0(1)	8,30(14)	6,03(6)	8,15(2)	6,63(3)	7,16(7)	7,4(1)	7,73(11)	8,70(7)	9,20(2)	11,85(2)	7,3(3)	7,50(4)
SS	Симотическая высота	3,03(4)	3,3(1)	3,79(14)	2,83(6)	3,30(2)	2,83(3)	3,49(7)	—	3,53(10)	3,67(7)	5,25(2)	4,85(2)	3,7(3)	3,18(4)
SS:SC	Симотический указатель	39,2(4)	41,3(1)	46,8(14)	47,4(6)	40,4(2)	48,1(3)	48,9(7)	—	45,4(10)	42,0(7)	56,1(2)	41,0(2)	51,3(3)	42,7(4)

Неолитическое население северных предгорий Алтая демонстрирует другую морфологическую комбинацию — крупная выраженно мезокранная и широкая мозговая коробка с наклонным

лбом, высокое ортогнатное лицо, менее хамеконхные орбиты и относительно узкий нос при сохранении промежуточности строения лицевого отдела по признакам, разграничивающим монголоидов и европеоидов. Данный комплекс позволяет выделять монголоидный антропологический компонент неолитического населения Верхнего Приобья, относящийся к кругу древних морфологических форм восточно-сибирского происхождения и происходящий с территорий Циркумбайкальской зоны [Дремов, 1980, 1997; Чикишева, 2005, 2012]. Такой компонент присутствовал и у группы, оставившей могильник Фирсово XI в Барнаульском Приобье. Однако неолитическое население предгорий Алтая и Кузнецкой котловины с монголоидными чертами восточно-сибирского происхождения было неоднородным, в его составе выделяются два морфологических варианта — более матуризованный (Усть-Иша и Васьково IV) и более грацильный (Иткуль и Заречное) [Зах, Багашев, 1998]. В составе группы Фирсово XI, по-видимому, был представлен грацильный вариант. Также ощущается присутствие в составе данной краниологической серии, в большей мере в ее женской части, морфологического компонента, относящегося к южной евразийской антропологической формации, проявляющегося в синхронное время на краниологических находках из пещер Горного Алтая и погребений Красноярско-Канской лесостепи [Чикишева, 2012]. Однако для большей обоснованности таких выводов необходимо дальнейшее поступление палеоантропологических материалов эпохи неолита с территории бассейна Верхней Оби, и в частности Барнаульского Приобья.

Выводы

1. Исследованная краниологическая серия из неолитических погребений могильника Фирсово XI в своей мужской и женской частях характеризуется промежуточными европеоидно-монголоидными параметрами в строении лицевого отдела: средней горизонтальной профилировкой лица и слабо выступающим носом с относительно невысоким профилем его спинки.

2. Мужские черепа в среднем обладают длинной среднеширокой мезо-долихокранной невысокой мозговой коробкой, среднешироким и средненаклонным лбом, средними размерами лица, низкими хамеконхными орбитами, узким носом. Отличия женских черепов сводятся главным образом к наклонной постановке слабовыпуклого и более широкого лба и крупным размерам лица.

3. В составе серии Фирсово XI имеются более европеоидные черепа с крупным высоким долихокранным черепом, большей высотой изгиба лба и более монголоидные — с невысоким брахикранным черепом и покатым лбом.

4. По результатам межгруппового сопоставления серия Фирсово XI очень сильно отличается от групп афанасьевской культуры и близких ей культурных типов Горного Алтая.

5. Морфологически наиболее сходна изученная серия с синхронными группами из северных предгорий Алтая. Также проявляется значительное морфологическое сходство с неолитическими сериями более северных территорий Новосибирско-Каменского Приобья, Кузнецкой котловины, Барабинской лесостепи, Омского Прииртышья, Северного Казахстана и лесостепного Зауралья.

6. Выявляется сходство с синхронными группами Верхней Лены и Верхней Ангары как отражение расогенетических связей населения предгорных районов Алтае-Саянского нагорья с неолитическим населением Циркумбайкальского региона.

7. Мужская анализируемая группа также обнаруживает значительное морфологическое сходство с краниологическими материалами неолита и раннего энеолита лесостепи Волго-Уральского междуречья. Вероятно существование в добронзовую эпоху антропологической общности древнего населения равнинных лесостепных областей Евразии на пространствах Западной Сибири и восточных районов Восточной Европы с промежуточными европеоидно-монголоидными расовыми особенностями.

8. В составе группы, оставившей могильник Фирсово XI, и особенно ее женской части, ощущается присутствие брахикранного компонента также с промежуточными монголоидно-европеоидными расовыми особенностями. Вероятно, он относится к южной евразийской антропологической формации, в эпохи неолита — развитой бронзы определяющей антропологической состав местного населения Алтае-Саянского нагорья.

Благодарность

Авторы выражают искреннюю признательность А.В. Шмидт и О.Г. Филипповой (Лыжниковой) за важные сведения относительно обстоятельств раскопок и интерпретации материалов могильника Фирсово XI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Багашев А.Н. Новые материалы к антропологии неолитического населения Западной Сибири // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 438–443.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 8. С. 88–98.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 19–46.

Дремов В.А. Об антропологическом составе неолитического населения Новосибирско-Барнаульского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 3–16.

Дремов В.А. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56–73.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.

Зах В.А., Багашев А.Н. О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 194–202.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 294 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России, 2005. 128 с.

Лыжникова О.Г. Грунтовый могильник Фирсово-XI как археологический памятник и исторический источник // Дебют: Сборник научно-исследовательских работ школьников Алтайского края по историческому краеведению. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 25–32.

Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 71. С. 88–103.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: (История изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения ранней-развитой бронзы могильника Ордынское-1: (Новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 58–64.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1984. С. 121–136.

Солодовников К.Н., Хохлов А.А., Рыкун М.П. Антропологические данные к исследованию трансевразийских миграций начального этапа бронзового века // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: Традиции и новые методики: (VI Алексеевские чтения): Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 5–10 октября 2015. СПб.: ЛЕМА, 2015. С. 82–90.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья в эпохи неолита и энеолита: Обзор источника и подробный анализ. Saarbrücken: LAP LAMBERT Acad. Publishing AG & Co. KG, 2012. 154 с.

Хохлов А.А., Нечвалода А.И. Краниум человека, погребенного на территории древнего поселения Гладунино-3 // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 24. С. 32–38.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита — бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 139–148.

Чикишева Т.А. Антропологический тип населения северных предгорий Алтая // Н.Ю. Кунгурова. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Приложение 1. Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России, 2005. С. 72–83.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Зубова А.В. Краниологические особенности неолитической популяции могильника Венгерovo-2А в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2015. № 2 (12). С. 56–74.

Шмидт А.В. Погребения эпохи неолита-энеолита на территории лесостепного и предгорного Алтая // Тез. XVII Междунар. Западносиб. археол.-этногр. конф.: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий» (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://zsaek.tsu.ru/node/3>.

Шпакова Е.Г., Мильникова Л.Н. Случайная краниологическая находка из Верхнего Приобья. Тогучинский район, Иня-4 // Сибирь в панораме тысячелетий: (Материалы междунар. симп.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 693–701.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (eds.). Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History organized by Jonathan Haas. Fayetteville AK: Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 1994. No. 44. 264 p.

K.N. Solodovnikov, S.S. Tur

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: solodk@list.ru

Altai State University

Lenina Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

E-mail: tur@email.asu.ru

ON ANTHROPOLOGY OF THE NEOLITHIC POPULATION OF THE OB RIVER BASIN NEAR BARNAUL (BASING ON THE MATERIALS OF THE BURIAL GROUND OF FIRSOVO XI)

The results of a study of Neolithic skulls from the burial ground of Firsovo XI, on the right bank of the Ob River near the city of Barnaul, are presented. The restoration resulted in obtaining craniometric characteristics of 7 male and 3 female skulls of different degrees of preservation. The series is characterized by a structure of the facial skull, intermediate between the Caucasoids and the Mongoloids, it contains skulls of a more Caucasoid and a more Mongoloid appearance. According to the results of an intergroup comparison, the Firsovo XI series differs greatly from the Afanasyevo culture series and the similar cultural types of the Altai Mountains, which confirms the conclusion that the Afanasyevo population of Southern Siberia has no local roots. The craniological series under consideration is very similar to the synchronous groups from the Northern foothills of the Altai (burial grounds of Ust-Isha, Itkul, Solontsi V, etc.). There is also a great morphological similarity to the Neolithic series of the more Northern areas of the Ob River Basin near Novosibirsk and Kamen', Kuznetsk Depression, Baraba forest-steppe zone, the Irtysh River basin near Omsk, Northern Kazakhstan, and the forest-steppe Trans-Urals. The similarity to the synchronous groups of the Upper Lena and the Upper Angara is also revealed, as a reflection of racial and genetic connections between the population of the Altai foothill regions and the Neolithic population of the Circum-Baikal region. The male group under consideration also demonstrates a significant morphological similarity to the Neolithic and Early Eneolithic craniological materials from the burial grounds of Lebiashinka IV and V, Chekalino V, S^hiezzhe I in the Volga-Ural interfluvium. A hypothesis is made that, before the Bronze Age, an anthropological community of ancient population of the plain forest-steppe zones of Eurasia with intermediate Caucasoid-Mongoloid racial features existed in the territories of Western Siberia and Eastern regions of Eastern Europe. Besides, the group, which left the burial site of Firsovo XI, especially its female part, demonstrates presence of brachicranian component, also with intermediate Mongoloid-Caucasoid racial features. Probably, it belongs to the Southern Eurasian anthropological formation, which determined the anthropological composition of the local population of the Altai-Sayan Highland in the Neolithic — Late Bronze Age.

Key words: the Neolithic, Firsovo XI, paleoanthropology, craniometry, Caucasoids, Mongoloids, Western Siberia, forest-steppe zone.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-060-072

REFERENCES

Alekseev V.P., 1961. Paleoantropologiya Altae-Sayanskogo nagor'ya e'poxi neolita i bronzy [Paleoanthropological studies of the Altai-Sayan Highland in the Neolithic and Bronze Age]. *Antropologicheskij sbornik III*, Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 107–206.

Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniometry: A technique of anthropological researches], Moscow: Nauka, 128 p.

К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья...

Bagashev A.N., 2003. Novye materialy k antropologii neoliticheskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri [New Materials on Anthropology of the Neolithic population of Western Siberia]. *Gorizonty antropologii*, Moscow: Nauka, pp. 438–443.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994, (eds.). *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History organized by Jonathan Haas*, Fayetteville AK: Arkansas Archaeological Survey Research Series, no. 44, 264 p.

Chikisheva T.A., 2000. Novye dannye ob antropologicheskom sostave naseleniya Altaya v e'pokhi neolita — bronzy [New data on the anthropological composition of the Altai population in the Neolithic — Bronze Age]. *Arkhologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii*, no. 1, pp. 139–148.

Chikisheva T.A., 2005. Antropologicheskii tip naseleniia severnykh predgorii Altaia [Anthropological Type of the Population of the Northern Altai Foothills]. *N.lu. Kungurova. Mogil'nik Solontsy-5: Kul'tura pogrebennykh neolita Altaia*, Barnaul: Izd-vo BYUI MVD Rossii, pp. 72–83.

Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of the anthropological differentiation in the Neolithic — Early Iron Age population in the South of Western Siberia], Novosibirsk: IAET SO RAN, 468 p.

Chikisheva T.A., Pozdniakov D.V., Zubova A.V., 2015. Kraniologicheskie osobennosti neoliticheskoi paleopopulatsii mogil'nika Vengerovo-2A v Barabinskoj lesostepi [Craniological Special Features of a Neolithic Paleopopulation of the Burial Ground of Vengerovo-2A in the Baraba forest-steppe area]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, no. 2 (12), Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 56–74.

Debec G.F., 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 392 p.

Debets G.F., 1968. Opyt kraniometricheskogo opredeleniia doli mongoloidnogo komponenta v smeshannykh gruppakh naseleniia SSSR [An attempt to determine a share of the Mongoloid component in mixed groups of the USSR population]. *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii*, Moscow: Nauka, pp. 13–22.

Dremov V.A., 1980. Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Ust'-Isha i Itkul' (k voprosu o proiskhozhdenii neoliticheskogo naseleniia Verkhnego Priob'ia) [Anthropological materials from the burials of Ust'-Isha and Itkul' (on the origin of the Neolithic population of the Upper Ob region)]. *Paleoantropologiiia Sibiri*, Moscow: Nauka, pp. 19–46.

Dremov V.A., 1985. Ob antropologicheskom sostave neoliticheskogo naseleniya Novosibirsko-Barnaul'skogo Priob'ya [On anthropological composition of the Neolithic population of Ob River basin near Novosibirsk and Barnaul]. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e*, Tyumen': Izd-vo TyumGU, pp. 3–16.

Dremov V.A., 1986. Izmereniya cherepov i skeletov iz neoliticheskikh mogil'nikov Ust'-Isha i Itkul' (Verkhnee Priob'e) [Measurements of skulls and skeletons from the Neolithic burials of Ust'-Isha and Itkul' (the Upper Ob River region)]. *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoi Azii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 56–73.

Dremov V.A., 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v epokhu bronzy: (Antropologicheskii ocherk)* [The Upper Ob population during the Bronze Age: (An anthropological essay)], Tomsk: Izd-vo TGU, 264 p.

Gokhman I.I., 1961. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlia rasovoi diagnostiki [Forehead's cross bending and its significance for racial diagnostics]. *Voprosy antropologii*, no. 8, pp. 88–98.

Khohlov A.A., 2012. *Paleoantropologiiia Volgo-Ural'ya v e'pokhi neolita i e'neolita. Obzor istochnika i podrobnyj analiz* [Neolithic — Eneolithic paleoanthropology of the Volga-Ural region], Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing AG & Co. KG, 154 p.

Khohlov A.A., Nechvaloda A.I., 2002. Kranium cheloveka, pogrebnogo na territorii drevnego poseleniya Gladunino-3 [Man's cranium, buried on the territory of the ancient settlement of Gladunino-3]. *Voprosy arkheologii Urala*, 24, Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, pp. 32–38.

Khokhlov A.A., Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kitov E.P., 2016. Kraniologicheskie dannye k probleme svyazi populatsii iamnoi i afanas'evskoi kul'tur Evrazii nachal'nogo etapa bronzovogo veka [Craniological data on the problem of relationship between populations of the Early Bronze Age Yamnaya and Afanasyev cultures]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 86–106, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a34/86–106.pdf.

Kiriushin Iu.F., 2002. *Eneolit i ranniia bronza iuga Zapadnoi Sibiri* [The Eneolithic and the Early Bronze Age in the South of Western Siberia], Barnaul: Izd-vo AltGU, 294 p.

Kungurova N.Iu., 2005. *Mogil'nik Solontsy-5: Kul'tura pogrebennykh neolita Altaia* [The burial ground of Solontsy-5: The culture of the Neolithic buried people of Altai], Barnaul: Izd-vo BYUI MVD Rossii, 128 p.

Lyzhnikova O.G., 1998. Gruntovyi mogil'nik Firsovo — XI kak arkheologicheskii pamiatnik i istoricheskii istochnik [The burial ground of Firsovo XI as an archaeological monument and a historical source]. *Debiut: Sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot shkol'nikov Altaiskogo kraia po istoricheskomu kraevedeniïu*, Barnaul: Izd-vo BGPU, pp. 25–32.

Mamonova N.N., 1983. K voprosu o mezhgruppovykh razlichiiakh v neolite Pribaikal'ia [On the question of intergroup differences in the Neolithic Baikal area]. *Voprosy antropologii*, no. 71, pp. 88–103.

Molodin V.I., Durakov I.A., 2013. Pogrebeniia rannei-razvitoi bronzы mogil'nika Ordynskoe-1: (Novaia versia istoriko-kul'turnoi interpretatsii) [Early and Middle Bronze Age Burials of Ordynskoye-1, Western Siberia: A New Cultural Interpretation]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 4, pp. 58–64.

Rykushina G.V., Zajbert V.F., 1984. Predvaritel'noe soobschenie o skeletnykh ostatkax lyudej s e'neolitičeskogo poseleniya Botaj [A preliminary report on the skeletal remains of people from the Chalcolithic settlement of Botaj]. *Bronzovyy vek Uralo-Irtys'skogo mezhdurech'ya*, Chelyabinsk: Izd-vo ChelGU, pp. 121–136.

Shmidt A.V., 2016. Pogrebeniia epokhi neolita-eneolita na territorii lesostepnogo i predgornogo Altaia [Neolithic-Eneolithic burials in the forest-steppe and submontane Altai]. *Tezisy XVII Mezhdunarodnoi Zapadnosibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii: «Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokul'turnykh vzaimodeistvii» (20–22 aprelya 2016 g., Tomsk, Rossiya)*, available at: <http://zsaek.tsu.ru/node/3>.

Shpakova E.G., Myl'nikova L.N., 1998. Sluchaj'naya kraniologičeskaya naxodka iz Verxnego Priob'ya. Toguchinskij rajon, Inya-4 [An accidental craniological discovery in the Upper Ob River. Toguchinsky District, Inya-4]. *Sibir' v panorame tysiacheletij: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*, vol. 1, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 693–701.

Solodovnikov K.N., Khokhlov A.A., Rykun M.P., 2015. Antropologičeskie dannye k issledovaniuu trans-evrazijskikh migratsii nachal'nogo etapa bronzovogo veka [Anthropological data for the study of Trans-Eurasian migrations in the initial phase of the Bronze Age]. *Paleoantropologičeskie i bioarkheologičeskie issledovaniia: Traditsii i novye metodiki*, St. Petersburg: LEMA, pp. 82–90.

Zakh V.A., Bagashev A.N., 1998. O sopriazhennosti kul'turogeneza i rasoobrazovaniia v formirovanii neolitičeskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri [On contingency of cultural genesis and race formation in the shaping of the Neolithic population of Western Siberia]. *Sibir' v panorame tysiacheletij*, vol. 1, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 194–202.

А.Ю. Худавердян*, Н.Г. Акопян*, А.С. Жамкочян*, А.А. Енгибарян**,
А.А. Оганесян***

*Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru;
husik.melkonyan@mail.ru;
meri.axababyan@yandex.ru

**Ереванский государственный медицинский университет
ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: ripmatev@mail.ru

***Республиканский медицинский центр «Армения»
ул. Маркаряна, 6, Ереван, 0078, Республика Армения
E-mail: rouben.davtyan@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДИВИДОВ IX–XI вв. ИЗ ПАМЯТНИКА ДВИН (АРМЕНИЯ) СО СЛЕДАМИ РОСТОВЫХ НАРУШЕНИЙ

Независимо от эпохи и среды обитания люди в большей степени обращают внимание на неординарные и непохожие, нежели на повсеместно встречающиеся и привычные, явления. Данная статья о необычных индивидах IX–XI вв. из Двина, у которых обнаружены следы задержки ростовых процессов. В работе обсуждаются индивидуальные особенности краниологических, краниоскопических, одонтологических, остеологических и палеопатологических характеристик двух индивидов. На основе всестороннего антропологического изучения находок предпринята попытка реконструировать образ жизни погребенных. Из-за отсутствия костей посткраниального скелета индивида № 1 мы можем констатировать только микроцефалию. Маркеры эпизодического стресса (гипоплазия эмали, cribra orbitalia) у данного индивида указывают на системное воздействие негативных факторов, таких как инфекции, частые периоды голодания, которые препятствовали нормальному развитию организма в период детства. Скелет № 2 характеризуется гипофизарной карликовостью (синдром Ларона). Исследование костей скелета показало присутствие нехарактерных для столь молодого возраста серьезных патологий, связанных с чрезмерными физическими нагрузками. Можно предположить, что карлик был гистрионом. На двух диафизах большеберцовых костей имелись хорошо заметные на рентгеновских изображениях линии Гарриса, или линии задержки роста. У индивида № 2 фиксируется другой маркер ростовых задержек — эмалевая гипоплазия. Наличие одного из индикаторов диеты (зубного камня) и отсутствие кариеса указывают на сходство ингредиентов питания у двух индивидов — вязкой, возможно, белкового происхождения еды.

Ключевые слова: Армения, Двин, IX–XI вв., палеоантропология, краниология, одонтология, остеология, палеопатология, карликовость Ларона, гистрионы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-073-099

Введение

Развалины крупнейшего культурного, торгово-ремесленного центра, столицы средневековой Армении Двина находятся в 35 км к югу от Еревана. Армянские историки V в. Фавстос Бузанд и Моисей Хорейский свидетельствуют, что царь Хосров II основал свою резиденцию к северу от столицы Арташат на холме, называвшемся Двин. Перемещение резиденции из Арташата в Двин было обусловлено изменением климатических условий в столице, вероятно, вызванным изменением русла р. Аракс, и развившейся вследствие этого эпидемией заболеваний. Это заставило жителей Арташата постепенно переселяться в Двин. Двин как город впервые упоминается в армянских источниках, относящихся ко времени царствования персидского царя Пероза (459–484), а также в связи с перенесением престола католикоса Гюта (461–478) из Вагаршата в Двин.

Кафедральный собор св. Григория — почти единственный памятник, о постройке которого имеются наиболее достоверные сведения у древних историков. Первоначальный храм св. Гри-

гория был построен в V в. князем Варданом Мамиконяном из кирпича и дерева на месте снежного храма огнепоклонников. Собор св. Григория представлял собой базилику с наружной колоннадой. Этот тип храма преобладал в Армении в начальный период распространения христианства. Собор св. Григория был разрушен персами в 572 г. при восстании армян. Возведение нового храма на месте прежнего начато, по свидетельству историка Себеоса, при марзпане Смбате Багратуни и католикосе Абрааме Рштуни (608–615) и завершено при католикосе Комитасе (615–628). Раскопки, проведенные здесь, дали возможность полностью уточнить контуры кафедрального собора. Судя по размерам (44,07×22,54 м) это один из грандиознейших соборов древней Армении. В 2016 г. при расчистке развалин кафедрального собора св. Григория были сделаны необычные антропологические находки. Скелеты взрослых особей имеют следы задержки ростовых процессов. Описанию этих останков и посвящена данная статья. Было выдвинуто предположение о наличии у индивидов одной из форм карликового роста.

Как известно, в различных культурах карлики были объектом любопытства и/или почитания [Haworth, Chudley, 2001; Waldron, 2009]. В средние века существовал своего рода обычай держать их шутами при королевских и герцогских дворах, а также в бродячих цирковых труппах. Могущество феодала оценивалось количеством шутов, в том числе карликов, в его свите. Исключительное внимание к людям карликового роста дало возможность художникам иконографически зафиксировать наиболее известных среди них, а в дальнейшем исследователям изучить их особенности [Kozma, 2006]. Рубенс на одном из парадных портретов («Томас Арундаль и его жена») рядом с графской четой поместил большую собаку и двух карликов-шутов. Один из них, по-видимому, страдал общим инфантилизмом, а другой был наделен обликом, типичным при гипофизарном нанизме.

В литературе по палеопатологии случаи различных форм карликовости описывались неоднократно [Аристова и др., 2006; Бабаков и др., 2001; Васильев и др., 2001; Дубова, Куфтерин, 2014; Hoffman, 1976; Gladkowska-Rzeczyska, 1980; Frayer et al., 1987; Roberts, 1987; Dasen, 1988; Farkas et al., 2001; Ortner, 2003; Ortner, Hotz, 2005; Hernandez, 2011; и др.]. Наиболее ранние проявления нанизма на территории Армении датируются эпохами поздней бронзы [Khudaverdyan, 2016a] и античности [Khudaverdyan, 2015]. Исследованные индивиды характеризовались хондродистрофической формой карликовости (ахондроплазия).

Итак, карликовость — это нарушение ростовых процессов, связанное с формированием у людей низкого роста. Как известно, карликами называют людей, имеющих рост 150 см и ниже [Васильев и др., 2001]. Ростовые нарушения могут быть разделены на два типа:

— *карликовость с непропорциональным телосложением*, когда ограничено ростовое воздействие на конечности, или на туловище, или на то и другое, но в различной степени;

— *карликовость с пропорциональным телосложением*, когда все части тела вовлечены в процесс ростовой недостаточности в одинаковой мере (отношение размеров головы к туловищу, конечностям).

Тип I. Карликовость с непропорциональным телосложением

А. Ахондроплазия (хондродистрофия): непропорциональное развитие конечностей по отношению к туловищу и голове (короткие руки и ноги), лоб выступает вперед, спинка носа — плоская. Голова имеет относительно большой свод мозговой коробки при сравнительно небольшом лицевом скелете. Маленькое затылочное отверстие может инициировать гидроцефалию. Низкое, уплощенное переносье и выступающая вперед нижняя челюсть являются характеристиками ахондроплазии. Двигательная способность часто хорошо развита, но крестцовый наклон, комбинированный с прогрессирующим искривлением нижних конечностей, вызывает походку вперевалку, которая усиливается с возрастом. Основная причина заболевания — мутационные изменения гена FGFR3, который отвечает за окостенение и рост ткани хрящей. Тип наследования — аутосомно-доминантный [Ефременко, 2012]. При рождении рост — 46–48 см, у взрослых — 120–130 см. Ахондроплазия является одной из наиболее часто встречающихся скелетных дисплазий (1 случай на 10 000 живорожденных) [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998, p. 358].

Б. Ахондрогенез, тип Лангера — Салдино (неонатальная карликовость): голова сильно увеличена, короткая шея, бочкообразное туловище и резко укороченные конечности. Ассоциируется с недонашиванием, водянкой плода, смертью внутриутробно или вскоре после рождения. Тип наследования — аутосомно-рецессивный [Ефременко, 2012].

В. Гипохондроплазия (хондродистрофия) — форма карликовости с короткими конечностями, имеющая сходство с ахондроплазией. В отличие от ахондроплазии голова и лицо нормальных раз-

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

меров, иногда отмечается брахицефалия, выступающий лоб. Грудная клетка широкая, плоская, с выступающей грудиной, строение таза нормальное. Пальцы короткие, их расположение нормальное, не в форме трезубца, как при ахондроплазии. Большеберцовые кости не искривлены, небольшое удлинение малоберцовой кости. У индивидов широкие кости и стопы. Гипохондроплазия наследуется по аутосомно-доминантному типу [Ефременко, 2012].

Г. Карликовость Ларона (гипофизарная карликовость, тип II, pituitary dwarfism Laron type) — своеобразная разновидность карликовости, обусловленная врожденным дефектом гена рецептора соматотропного гормона (СТГ), приводящим к нечувствительности периферических тканей к действию гормона роста. Болезнь характерна для детей, родившихся от близкородственных браков, задержка роста наблюдается в постнатальном периоде, с возрастом степень задержки роста увеличивается, прогрессирует избыток массы тела. Отмечается диспропорция лица и черепа за счет гипоплазии верхней и нижней челюсти. «Кукольное» лицо, малый рост, легкое ожирение, высокий голос создают облик купидона. Тип наследования — аутосомно-рецессивный [Ефременко, 2012]. Резистентность к ИФР-1 выявлена у африканских пигмеев [Ефимова, 2007, с. 317–318].

Д. Дисплазия Книста (метатропическая дисплазия 2-го типа) — достаточно редкое генетическое заболевание, характеризующееся нарушением формирования отдельных элементов скелета с развитием карликовости. Симптомы этого состояния можно определить уже при рождении — у детей выявляют относительное укорочение конечностей и нарушение подвижности суставов, иногда оно сопровождается расщелиной твердого неба. Туловище индивидов с дисплазией Книста укорочено, относительные размеры конечностей уменьшены, в области суставов наблюдаются утолщения. В дальнейшем при дисплазии Книста развиваются искривления позвоночного столба, на уровне грудного отдела наблюдается кифоз, на уровне поясничного — резко выраженный лордоз. У индивидов формируется широкая и плоская грудная клетка, нередко с вдавлением в центре. В подавляющем большинстве случаев мутации гена Col2A1, приводящие к развитию дисплазии Книста, наследуются по аутосомно-доминантному механизму [Ефременко, 2012].

Е. Танатофорная карликовость — летальная остеохондродисплазия, в основе которой лежит нарушение процесса эндохондрального окостенения, обусловленная укорочением конечностей при нормальной длине туловища, наблюдаются короткие и широкие кости таза, уменьшение вертикального диаметра позвонков. Длина тела новорожденных обычно составляет 36–46 см. Череп относительно большой с выступающим лбом и запавшей переносицей. Гибель детей обусловлена дыхательной недостаточностью. Грудная клетка уменьшена, что может служить причиной дыхательных расстройств. Короткие пальцы рук имеют коническую форму. Тип наследования заболевания точно не установлен, предполагается доминантная летальная мутация.

Ж. Задержка роста при синдроме Рубинштейна — Тейби выражена умеренно, рост взрослых мужчин в большинстве случаев не превышает 145–150 см. Характерным признаком заболевания является сочетание задержки роста, своеобразных лицевых аномалий и широких больших пальцев кистей и стоп. К типичным черепно-лицевым аномалиям относятся: брахицефалия, микроцефалия, выступающий лоб, антимонолоидный разрез глаз, эпикантус, широкие переносица и спинка носа, загнутый книзу кончик носа, высокое арковидное небо. Часто наблюдаются также гипоплазия крыльев носа, расщелина неба и верхней губы, искривление носовой перегородки, аномалии роста и формы зубов, сверхкомплектные зубы. У индивидов также встречаются костно-суставные аномалии: дислокация надколенника, врожденные вывих и гиперподвижность суставов, лордоз, кифоз, сколиоз, аномалии грудины и ребер, уплощение крыльев тазовых костей, укорочение трубчатых костей, косолапость, остеопороз и частые переломы длинных трубчатых костей. Популяционная частота синдрома Рубинштейна — Тейби — от 1:25 000 до 1:30 000 [Козлова и др., 1996]. Предполагается аутосомно-доминантный тип наследования заболевания [Николаева, Яблонская, 2007].

З. Синдром Корнелии де Ланге — заболевание, характеризующееся своеобразными аномалиями строения лица в сочетании с пре- и постнатальной задержкой роста и аномалиями верхних конечностей. Наблюдаются: микробрахицефалия, эпикантус, высокое небо, низкорасположенная спинка носа, вздернутый кончик носа с выступающими вперед ноздрями, иногда — расщелина неба. Выявляются: микромелия (уменьшенные в размерах конечности), фокомелия (отсутствие или значительное недоразвитие проксимальных отделов конечностей) и олигодактилия. Предполагается аутосомно-доминантный тип наследования заболевания, причем большинство случаев, по-видимому, обусловлено спонтанными мутациями [Russell et al., 2001;

McConnell et al., 2003]. Популяционная частота синдрома Корнелии де Ланге по данным различных авторов составляет от 1:10 000 до 1:30 000 [Наследственные нарушения..., 2001].

Тип II. Карликовость с пропорциональным телосложением

Карликовость с пропорционально коротким ростом связана с врожденными или приобретенными недостатками гипофиза и щитовидной железы [Smith, 1979].

А. Карликовость пангипопитуитарная выражается в недостатке гормона роста (соматотропного гормона), обусловленного понижением его секреции аденогипофизом, при этом пропорции тела не изменены, но скорость роста чрезвычайно снижена. Может быть вызвана опухолями или повреждением питуитарного комплекса. По уровню физического развития индивид, достигший возраста 10 лет, может соответствовать ребенку 4–5 лет, так же как субъект в возрасте 20 лет — ребенку 7–10 лет. Для гипопитуитаризма типичны отставание в росте, ожирение, высокий голос, мягкая морщинистая кожа и «детское» лицо. Вторичные половые признаки отсутствуют. Популяционная частота 1:25 000 новорожденных. Тип наследования — аутосомно-рецессивный и Х-сцепленный рецессивный [Ефременко, 2012].

Б. При тиреогенной (микседематозной) задержке роста, вызванной резкой недостаточностью щитовидной железы, обнаруживаемой у детей в раннем возрасте, имеется нарушение не только физического, но и психического развития с резким понижением интеллекта (кретинизм). Нарушения связаны с развитием зоба, обусловлены очень низкой концентрацией йода в питьевой воде. У индивидов нередко отмечается задержка роста, связанная с нарушением развития скелета, задержкой окостенения.

В. При адреногенитальном синдроме у детей отмечаются признаки раннего полового развития, вследствие чего и происходит преждевременное закрытие эпифизарных зон трубчатых костей и остановка в росте. Заболевание, обусловленное гиперфункцией коры надпочечников с чрезмерной секрецией андрогенов. У женщин характеризуется возникновением мужских вторичных половых признаков: низкого голоса, чрезмерного развития мускулатуры тела, оволосения на лобке по мужскому типу, гипертрихоза, появлением усов, бороды. У мужчин нарушения чаще выражены слабо. Популяционная частота 1:5000 новорожденных (по Прадеру) и 1:50 000 по Уилльямсу [Бадалян и др., 1971].

Исходя из вышеизложенного материала попытаемся поставить диагноз индивидам из Двина.

Материал и методы

Во время расчистных работ в кафедральном соборе св. Григория были зафиксированы черепа двух взрослых индивидов и фрагменты костей семи детей (от новорожденного до 8 лет). Возрастные определения с точностью до 1 года проведены с учетом оссификации и прорезывания зубов у индивидов до 18 лет [Brothwell, 1981] и по схеме М.М. Герасимова [1955] на основании их стертости. Кости в небрежном положении находились над поверхностью пола на высоте около 40–50 см. Это, вероятно, перезахоронение останков, попавших в зону строительства собора. Описанию останков двух взрослых индивидов посвящена данная статья. Материал хранится в кабинете антропологии Института археологии и этнографии НАН РА.

Современная научная традиция придает большое значение морфологическому, в том числе рентгеноанатомическому, изучению костей скелета в контексте проблем процессов роста и развития, адаптации и т.д. Чтобы обеспечить наибольшую информативность рассматриваемого материала, полезно обследовать скелеты комплексно [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Зубов, 1968a, b; Мовсесян и др., 1975; Buikstra, Ubelaker, 1994; Goodman et al., 1984], так как любые детали могут представлять ценность. В качестве основной задачи мы видели подробную фиксацию непосредственно морфологических особенностей строения костей скелета и зубов.

Обследованные зубы находились *in situ*. Измерения диаметров коронок выполнялись по методу Р. Сельмера — Олсена, предполагающему опору на морфологически контактные точки, а не по наибольшим величинам диаметров (метод Р. Мартина). Мезиодистальный диаметр коронки резцов, клыков, премоляров (MD_{cor}) измерялся как наибольшая ширина коронки, что совпадает с расстояниями между контактными точками. В случае мезиодистального диаметра моляров передняя опорная точка лежит приблизительно на 1 мм вестибулярнее продолжения мезиальной борозды, а дистальная — на наиболее выдающейся части гипоконулида. Вестибулолингвальный диаметр всех зубов (VL_{cor}) измерялся ближе к цервикальной трети коронки на уровне жевательной поверхности моляра и режущего края резца. На премолярах VL_{cor} опреде-

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

ляется эмпирически как наибольшие размеры. Высота коронки (H_{cor}) измерялась по методу Р. Мартина с поправкой Р. Сельмера — Олсена, учитывающей наличие или отсутствие затека эмали [Зубов, 2006, с. 70]. Мезиодистальный диаметр шейки зуба (MD_{col}) — расстояние между наиболее выступающими мезиально и дистально точками эмалево-цементной границы по продольной оси коронки. Пределы размерных категорий для каждого диаметра устанавливались в соответствии со шкалой А.А. Зубова [1968b, табл. 26, с. 98–99].

В нашем распоряжении имеются кости посткраниального скелета только индивида № 2. Обнаружить кости скелета индивида № 1 не удалось. В процессе исследования изучаются длиннотные размеры и обхватные диаметры костей, размеры концевых отделов. Рубрикации и размах вариаций показателей скелета взяты из работ Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина [1978], Д.В. Пежемского [2011], М.К. Карапетян [2015]. Развитие рельефа длинных костей в местах прикрепления мускулатуры оценивалось по системе В.Н. Федосовой [1986]. Использовалась трехбалльная шкала, в которую были введены промежуточные значения — 1,5 и 2,5. Были вычислены следующие показатели: 1) средние баллы по отдельным признакам; 2) средний балл развития рельефа кости; 3) суммарный средний балл (правой и левой костей).

В рамках настоящего исследования рентгенографированию были подвергнуты бедренные и большеберцовые кости. Исследование внутренней структуры костей индивида № 2 осуществлялось на базе республиканского медицинского центра «Армения». Как известно, наибольшее число линий Гарриса можно наблюдать в дистальном конце большеберцовой кости [Garn, Schwager, 1967; Hummert, Van Gerven, 1985].

Краниология

Индивидуальные краниологические данные черепов из Двина представлены в табл. 1 (рис. 1, 2).

Индивид № 1. Череп принадлежит юноше 17 (± 2) лет. Проломлены посмертно верхняя стенка левой орбиты и надорбитальная часть лобной кости. Наблюдалось полное срастание боковых частей затылочной кости с телом и частичное закрытие затылочно-основного синостоза. На черепе третий левый моляр не достиг своего окончательного положения в ряду других зубов, а правый — находился глубоко в ячейке. Верхние третьи моляры отсутствовали.

Мозговая коробка индивида (рис. 1) характеризуется как брахикранная, с большим поперечным и выходящим за нижнюю границу нормы продольным диаметром. Она низкая абсолютно и относительно по высотно-поперечному указателю (тапейнокрания). Параметры длины и ширины основания черепа находятся на границе очень малых и малых величин. Затылок средней ширины, с малыми дугой и хордой. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Величины теменной дуги и хорды очень малые. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Величины лобных дуги и хорды средние. Надпереносье и надбровные дуги выражены незначительно, скуловые дуги очень тонкие. Сверху черепная коробка сфероидной формы. Швы черепа зубчатые.

Рис. 1. Череп № 1 из Двина.

Результаты краниометрического исследования черепов из Двина

№ по Мартину и др.	Признак	Индивид № 1	Индивид № 2
1	Продольный диаметр	159,5	153,5
8	Поперечный диаметр	146	136,5
8:1	Черепной указатель	91,54	88,93
17	Высотный диаметр от ba	130	126
17:1	Высотно-продольный указатель	81,51	82,09
17:8	Высотно-поперечный указатель	89,04	92,31
20	Высотный диаметр от ро	122,5	118
20:1	Высотно-продольный указатель	76,81	76,88
20:8	Высотно-поперечный указатель	83,91	86,45
5	Длина основания черепа	90	95,5
9	Наименьшая ширина лба	96	89
9:8	Лобно-поперечный указатель	65,76	65,21
10	Наибольшая ширина лба	127,5	114
11	Ширина основания черепа	119	119
12	Ширина затылка	107	100
29	Лобная хорда	111	100
30	Теменная хорда	103	96
31	Затылочная хорда	89	86
23a	Горизонтальная окружность черепа	285	250
24	Поперечная дуга (po-bf-ro)	322	298
25	Сагиттальная дуга	310	290
26	Лобная дуга	128	112
27	Теменная дуга	113	113
28	Затылочная дуга	106	101
7	Длина затылочного отверстия	35	32
16	Ширина затылочного отверстия	31	30
32	Угол профиля лба от n	85	85
—	Угол профиля лба от g	84	80
40	Длина основания лица	85	90
40:5	Указатель выступа лица	94,45	94,25
45	Скуловой диаметр	122	116?
48	Верхняя высота лица	65,5	64
48:45	Верхний лицевой указатель	53,69	55,18
43	Верхняя ширина лица	101?	96
46	Средняя ширина лица	83	88
60	Длина альвеолярной дуги	48	51
61	Ширина альвеолярной дуги	56	59
62	Длина неба	39,5	42
63	Ширина неба	27,2	27,8
63:62	Небный указатель	68,87	66,191
55	Высота носа	46,5	49
54	Ширина носа	18,8	21
54:55	Носовой указатель	40,44	42,86
51	Ширина орбиты от mf	39,5	40,2
51a	Ширина орбиты от d	36,5	36
52	Высота орбиты	34	32,5
52:51	Орбитный указатель (mf)	86,08	80,85
52:51a	Орбитный указатель (d)	87,5	90,28
MC	Максиллофронтальная ширина	23	15
MS	Максиллофронтальная высота	5,5	9
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	23,92	60,0
DC	Дакриальная ширина	24,5	19,5
DS	Дакриальная высота	9,5	13
DS:DC	Дакриальный указатель	38,78	66,67
SC	Симотическая ширина	8,8	7
SS	Симотическая высота	2,2	5
SS:SC	Симотический указатель	25,0	71,43
72	Общий лицевой угол	86	84
73	Средний лицевой угол	87	81
74	Угол альвеолярной части	88	88
75(1)	Угол выступа носа	23	36
77	Назомаллярный угол	142	136
<zm	Зигомаксиллярный угол	134	126
68 (1)	Длина н.ч. от мыщелков	94,8	89
79	Угол ветви н.ч.	31,5	31,5
68	Длина н.ч. от углов	76,5	70,5
70	Высота ветви	57	55
71a	Наименьшая ширина ветви	31	31
65	Мыщелковая ширина	105	104

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

Окончание табл. 1

№ по Мартину и др.	Признак	Индивид № 1	Индивид № 2
66	Угловая ширина	92	81
67	Передняя ширина	41,5	40
69	Высота симфиза	33	27
69 (1)	Высота тела	25,5	23
69 (2)	Толщина тела	17	15
47	Полная высота лица	113	104
	Форма черепной коробки	Сфероид	Бирзоид
	Надпереносье (1–6)	1	1
	Надбровные дуги (1–3)	1	1
	Наружный затылочный бугор (0–5)	1	0,5
	Затылочные валики TOT (0–4)	2 (лев.), 0 (прав.)	2
	Позадисосцевидный отросток PR (0–4)	1	1
	Сосцевидный отросток (1–3)	2	2
	Нижний край грушевидного отверстия	Антропинная	Передносовые ямки
	Передносовая ось (1–5)	3	5
	Деформация (тип)	Непреднамер. затылочно-теменная, плагиоцефалия	Непреднамер. затылочно-теменная, плагиоцефалия

Скуловой диаметр очень малый. Длина основания лица (так же как и черепа) — очень малая. Лицо низкое, малое по значению верхней ширины и очень малое на уровне зигмаксиллярных точек. Горизонтальная профилировка ослаблена на верхнем уровне, на среднем довольно сильная. Верхнелицевой указатель попадает в категорию мезен, что свидетельствует о среднем верхнем отделе лица. Высота носа очень малая, ширина также очень малая (за границей нормы). Носовой указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина большая, высота — малая, указатель также малый. Симотическая ширина средняя, высота — малая, указатель — малый. Область переносья, таким образом, можно охарактеризовать как уплощенную. Передняя носовая ось выступает средне. Боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Орбиты узкие, средневысокие и гипсиконхные. Ширина неба выходит за нижнюю границу нормы. Длина и ширина альвеолярной дуги очень малые.

Проекционная длина нижней челюсти средняя. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Угловая ширина малая, передняя — очень малая. Бугристость в области наружной поверхности угла (место прикрепления жевательной мышцы *m. masseter*) и внутренней поверхности угла (место прикрепления внутренней крыловидной мышцы *m. pterygoideus medialis*) с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз средневысокий, тело очень низкое массивное с очень большой толщиной.

Индивид № 2. Краниум тяжелый, принадлежит мужчине 22 (± 2) лет. Рельеф черепа развит слабо. Зубная система полностью сформирована, в хорошем состоянии.

Мозговая коробка второго индивида (рис. 2) также брахикранная, с малым поперечным и выходящим за нижнюю границу нормы продольным диаметром. Она очень низкая, величина высотноперепоного указателя находится на границе малых и средних величин (метриокран). Величина высотноподольного указателя — большая (гипсикран). Параметры длины и ширины основания черепа находятся на границе малых и очень малых величин. Затылок очень малой ширины, с очень малыми дугой и хордой. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории очень малых размеров. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лоб очень узкий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Величины лобных дуги и хорды очень малые. Сверху черепная коробка бирзоидной формы, имеет резкое сужение в височной области. Швы черепа зубчатые.

Скуловой диаметр выходит за нижнюю границу нормы. Лицевая часть черепа мезогнатная, невысокая. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Верхнелицевой указатель попадает в категорию лептен. Высота носа малая, ширина — очень малая. Носовой указатель маленький (лепториния). Дакриальная высота большая, ширина — малая, указатель — очень большой. Симотическая ширина малая, высота и указатель — очень большие. Передняя носовая ось выступает сильно. Боковые края грушевидного отверстия продолжают вниз, образуя с нижним краем ясно выраженные ямки, разделенные передней гранью носового шипа. Орбиты низкие и неширокие (мезоконхные). Небо глубокое, ширина выходит за нижнюю границу нормы, длина — малая. Длина и ширина альвеолярной дуги очень малые.

Проекционная длина нижней челюсти находится на границе очень малых и малых величин. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностей углов с обеих сторон выражена отчетливо. Угловая ширина малая, передняя — очень малая. Симфиз невысокий, тело также очень низкое с очень большой толщиной.

Рис. 2. Череп № 2 из Двина.

Таким образом, на изученных черепах целый ряд размерных характеристик выходит за пределы стандартных вариаций [Алексеев, Дебец, 1964, с. 116], что говорит о существенных отклонениях от нормальной морфологии мозгового и лицевого отделов. Нами уже опубликованы данные о черепе микроцефальной формы из раскопок 2013 г. в Двине [Худавердян и др., 2014] с механическими разломами затылочных мыщелков и повреждениями сосцевидных отростков (декапитация). Все основные параметры исследованного черепа имеют малые и очень малые величины [Там же], за исключением длины и ширины затылочного отверстия, ширины альвеолярной дуги и назомаллярного угла, которые характеризуются большими и очень большими величинами.

Краниоскопия

Необходимо учитывать возможные родственные отношения¹ между индивидами из Двина. Десять из девятнадцати изученных дискретно-варьирующихся маркеров встречаются у обоих индивидов (табл. 2). Двадцать шесть дискретно-варьирующихся признаков отсутствуют на обоих черепах. Латеральный край лобного отростка скуловой кости у индивидов имеет прямую форму, а поперечный небный шов — П-образную. На черепах отмечены отверстия непостоянных и венозных пропускников (скулолицевые, теменные, сосцевидные, затылочно-мыщелковые (canalis condyloideus)), резцовый шов, лобные отростки височной чешуи (processus frontalis squamae temporalis) и отростки, отходящие от нижней поверхности processus jugularis (processus paramastoideus). Разделенная швом скуловая кость (os japonicum), рассматриваемая в качестве восточного признака, была выявлена у обоих индивидов.

Таблица 2

Краниоскопические особенности индивидов из Двина

	Индивид № 1	Индивид № 2
Foramina supraorbitalia	+ (прав.)	-
Foramina frontalia	+ (прав.)	-
Foramina zygomaticofacialia	+	+ (прав.)
Os zygomaticum bipartitum	+ (прав.)	+ (прав.)
Spina processus frontalis	Прямой	Прямой (прав.)
Stenocrotaphia	Н-обр.	Х-обр.
Processus frontalis squamae temporalis	+	+ (прав.)
Processus temporalis ossis frontalis	-	+ (лев.)
Os Wormii suturae squamosum	-	+
Os postsquamosum	-	+ (прав.)/
Foramina parietalia	+	+ (лев.)
Foramina mastoidea	+ (прав. вне шва)	+ (на шве и вне шва)
Sutura palatina	П-обр.	П-обр.
Sutura incisiva	+	+

¹ Анализ высоковариабельных STR-локусов и гена амелогенина пока не производился.

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

Окончание табл. 2

	Индивид № 1	Индивид № 2
Foramen pterygospinosum	+	-
Canalis craniopharyngeus	-	+
Condylus occipitalis bipartitum	+	-
Processus paramastoideus	+	+
Canalis condyloideus	+	+ (прав.)

У индивида № 1 дополнительно обнаружены надглазничное, лобное, крылоостистое (pterygospinosum) отверстия, сужение птериона Н-образной формы и двухсоставные затылочные мышелки. У индивида № 2 фиксируются: височный отросток лобной кости, сужение птериона Х-образной формы, шовные кости в чешуйчатом шве, вставная кость в области теменной вырези и канал, пронизывающий тело клиновидной кости в области ямки турецкого седла.

Одонтология

Форма и степень стертости зубов соответствуют возрасту индивидов и псалидодонтному характеру прикуса. Наблюдаемая асимметрия зубов выражена заметно сильнее у индивида № 2.

Индивид № 1. Обследованы левые первый и второй моляры верхней челюсти, а также правые латеральный резец, клык, премоляры, первый и второй моляры. На нижней челюсти медиальные резцы, левый латеральный резец и правый второй премоляр отсутствовали. Диаметры коронок верхних и нижних моляров от очень малых до больших величин, ширина коронки (VL) только в одном случае (M²) преобладает над ее длиной (MD) (табл. 3). По среднему модулю в обоих рядах M1–M2 (9,38 — верхний), M1–M3 (9,56 — нижний) индивид отчетливо тяготеет к микродонтизму, что типично для грацильных, в частности южно-европейских, форм. Высота коронки вторых моляров верхней челюсти попадает в категорию больших значений. По площади коронки фиксируется формула M1>M2>M3 при уменьшении площади последнего — третьего моляра (нижний).

Таблица 3

Размеры зубов индивидов из Двина

	Индивид № 1		Индивид № 2	
	Верхняя челюсть			
	Вестибулолингвальный диаметр VL _{cor}			
	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.
I1	—	—	6,5	6,5
I2	6,5	—	5,5	5,5
C	7,5	—	7,2	7,5
P1	8,5	—	8,2	8,2
P2	9,1	—	8,8	8,8
M1	10 см	10	10,2 см	10,2
M2	12б	11м	10 см	10,2
M3	—	—	10,2 м	9,2 см
	Мезиодистальный диаметр MD _{cor}			
I1	—	—	8	8
I2	7,2	—	6,8	6,8
C	7,5	—	7,5	7,5
P1	6,8	—	6,5	6,5
P2	7	—	6,5	6,5
M1	10 ср	10	10 ср	10
M2	6 см	6 см	9 м	9
M3	—	—	7 см	7
	Высота коронки H _{cor}			
M1	6 ср	6	5 см	5
M2	8б	8	5 см	5,5 м
M3	—	—	4,2 см	4,5
	Мезиодистальный диаметр шейки MD _{col}			
M1	7,2 м	7,2	7,5 ср	7,5
M2	5 см	5	7 м	7,2 ср
M3	—	—	7 ср	5,5 см
	Площадь коронки MD×VL			
M1	100	100	102	102
M2	72	66	90	91,8
M3	—	—	71,4	64,4
	Индекс коронки I _{cor} (VL/MD)×100			
M1	100	100	102	102
M2	200	183,34	111,12	113,34
M3	—	—	145,72	131,43

	Индивид № 1		Индивид № 2	
	Верхняя челюсть			
	Вестибулолингвальный диаметр VL _{cor}			
	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.
	Модуль коронки m _{cor} MD+VL/2			
M1	10	10	10,1	10,1
M2	9	8,5	9,5	9,6
M3	—	—	8,6	8,1
	Нижняя челюсть			
	Вестибулолингвальный диаметр VL _{cor}			
I1	—	—	5,5	5,5
I2	5,8	—	5,5	5,8
C	7	7	6,8	6,8
P1	7,5	7,5	7,2	7
P2	—	7,2	7,8	7,8
M1	10м	10	10м	10
M2	9ом	9	9,2ом	9,2
M3	—	9ом	9,2м	8,8ом
	Мезиодистальный диаметр MD _{cor}			
I1	—	—	5	4,8
I2	6	—	5,5	5,5
C	6,8	6,8	7	6,8
P1	7	7	6,8	6
P2	—	7	7	7
M1	11ср	11	11ср	11
M2	9,2ом	9,5	10м	10
M3	—	9ом	9,9м	9ом
	Высота коронки H _{cor}			
M1	6,1м	5,8м	5,1ом	5
M2	6,2ср	6,5	6м	5ом
M3	—	5,5м	5ом	5,5м
	Мезиодистальный диаметр шейки MD _{col}			
M1	8,9ср	8,9	9ср	8,2м
M2	8ом	8	8,2м	8,2
M3	—	7,8м	7,5ом	8м
	Площадь коронки MDxVL			
M1	110	110	110	110
M2	82,8	85,5	92	92
M3	—	81	91,08	79,2
	Индекс коронки I _{cor} (VL/MD)x100			
M1	90,91	90,91	90,91	90,91
M2	97,83	94,74	92	92
M3	—	100	92,93	97,78
	Модуль коронки m _{cor} MD+VL/2			
M1	10,5	10,5	10,5	10,5
M2	9,1	9,25	9,6	9,6
M3	—	9	9,55	8,9

Рис. 3. «Премоляровидный» I², короннорадикулярная борозда, разделяющая лингвальный бугорок, бугорок Карабелли.

Сопоставление по соотношению мезиодистальных и вестибулолингвальных размеров нижних первых и вторых моляров (третий стэп-индекс) выявило следующую закономерность. Вели-

чина третьего стэп-индекса, вычисленная по вестибулолингвальному диаметру (90), здесь выше рассчитанной по мезиодистальному (83,64). Приведенные А.А. Зубовым [1968а, табл. 28] данные о панойкуменном распределении значений третьего стэп-индекса позволяют заключить, что в большинстве современных популяций его величины, вычисленные по мезиодистальным показателям, выше рассчитанных по вестибулолингвальным. Это может свидетельствовать о том, что на значительной части земного шара эволюционная тенденция к уменьшению размеров вторых моляров в большей степени захватывала поперечный диаметр зуба, нежели продольный. Меньшая редукция вестибулолингвального диаметра вторых нижних моляров по сравнению с мезиодистальным у индивида из Двина, вероятно, отражает индивидуальную изменчивость, а не консервативность морфогенетических процессов на изучаемой территории.

Форма правого латерального резца — «премоляровидная». На резце короннорадикулярная борозда сдвинута мезиально и отрезает лингвальный бугорок от подходящего в этом месте к нему мезиального краевого гребня (рис. 3). Борозда, отделяющая (или пересекающая) лингвальный бугорок, продолжается и на корне. На латеральном резце присутствовала максимально выраженная лопатообразность. На правом клыке можно отметить слабо выраженную вестибулярную лопатообразность, на уровне средней трети лингвальной поверхности фиксируется треугольная ямка. На верхнем правом первом премоляре размеры вестибулярного бугорка несколько больше, чем размеры лингвального (тип 2). По шкале А.А. Зубова [1968b, с. 52] одонтоглифический узор коронки находится между баллами 4 и 6. На вторых премолярах лингвальный и вестибулярный бугорки приблизительно одинакового размера. Одонтоглифический узор коронки оценивается баллом 4. Гипоконус первых моляров слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). На первых молярах фиксируется бугорок Карабелли (балл 4). Форма 1-й борозды параконуса (ео) наблюдается на правом первом верхнем моляре. Морфологической особенностью вторых моляров являются расположенные в цепочку три бугорка (метаконус-параконус-протоконус). Вся коронка узкая, эллипсоидная, сплюснутая, гипоконус отсутствует. Бугры смещены в направлении диагонали зубного ряда, имеется зачаточная форма бугорка Карабелли (баллы 1–2). Все три корня слившиеся, одинаковой длины (14 мм). Полная высота зуба (по внешнему краю мезиального корня) — 19,2 мм. Эмалевый затек на первом верхнем моляре оценивается баллом 4.

На нижней челюсти правый резец не имеет лопатообразной формы, однако на клыках наблюдается небольшое увеличение краевых гребней лингвальной поверхности (балл 1). Первый правый премоляр четырехбугорковый (балл 6), межбугорковая борозда левого премоляра имеет лингвальную веточку, разделяющую лингвальную половину зуба на две части, образуя трехбугорковый тип (балл 5). Второй левый премоляр имеет сложное трехбугорковое строение. Нижние первые моляры пятибугорковые, узор коронки «У». На первых молярах присутствуют передняя и задняя ямки, наблюдается небольшой лингвальный сдвиг окклюзивной площадки. Здесь присутствовал дистальный гребень тригониды (гребень образован дистальными гребнями протокониды и метакониды) (на левом и правом зубе соответственно). Остальные фены отсутствуют. Вторые моляры имеют грацильное четырехбугорковое строение, узор «Х». Из дополнительных особенностей здесь отмечены вариант 2med(II) и передняя ямка в мезиальном отделе. Третий левый моляр сильно редуцирован (трехбугорковый) с «У»-узором коронки. Эмалевый затек на первом и втором молярах оценивается баллом 5.

Индивид № 2. Обследованы все зубы верхней и нижней челюстей. Зубной ряд индивида четырехугольный, передняя часть зубной дуги уплощена, и весь зубной ряд имеет форму трапеции.

Мезиодистальные размеры моляров попадают в категорию очень малых и малых значений, за единственным исключением для М1 (средний), вестибулолингвальные — очень малых и малых (табл. 3). Высота коронок имеет очень низкие значения. У индивида величина третьего стэп-индекса, вычисленная по вестибулолингвальному диаметру, здесь незначительно больше (92) рассчитанной по мезиодистальному (90,91). Это свидетельствует о том, что скорость редукции продольных и поперечных размеров коронок вторых моляров примерно одинакова. По площади коронки обнаружена современная формула $M1 > M2 > M3$ при резком уменьшении площади последних — третьих моляров (верхних).

Лингвальная поверхность центральных резцов и правого латерального была стерта. Степень лопатообразности указанных резцов установить невозможно. Наблюдаются ротация левого латерального резца и умеренно выраженные краевые гребни лингвальной поверхности (балл 2). Отсутствует редукция коронок верхних латеральных резцов. На лингвальной поверхности клы-

ков отсутствуют краевые гребни. На верхних первых премолярах размеры вестибулярного бугорка несколько больше, чем размеры лингвального (балл 2). На вторых премолярах лингвальный и вестибулярный бугорки приблизительно одинакового размера. Узор борозд жевательной поверхности верхних премоляров имеет низкий уровень дифференциации. Первые верхние моляры не редуцированы. Дополнительные морфологические детали отсутствуют. На вторых молярах гипоконус сильно редуцирован (балл 3+) и заметно уменьшен метагонус (балл 3). Третьи моляры еще более заметно редуцированы. Эмалевый затек на первом и втором молярах оценивается баллом 4.

Наблюдаются ротация правого медиального резца нижней челюсти и краудинг латерального. На резцах нижней челюсти краевые гребни лингвальной поверхности отсутствовали, на клыках были выражены очень слабо. Первые премоляры не дифференцированы, вторые имели трехбугорковое строение. Первые моляры нижней челюсти имеют пятибугорковое строение с «У»-узором коронки. Вторые моляры четырехбугорковые, с узором коронки на правом зубе «Х», на левом — «+» и упрощенной морфологией, без каких-либо дополнительных бугорков или гребней. Третий правый мolar четырехбугорковый с «Х»-узором коронки. Из дополнительных особенностей отмечена передняя ямка в мезиальном отделе. Эмалевый затек на вестибулярной стороне нижних моляров оценивается баллом 4.

Остеология

Основные остеометрические характеристики индивида № 2 приведены в табл. 4. Наблюдается асимметрия: левая ключица несколько длиннее правой, однако правая чуть толще (рис. 4).

Таблица 4

Остеометрическая характеристика индивида № 2 из Двина

Признак, № по Мартину	Индивид № 2	
	Правая	Левая
Ключица (Clavicula)		
1. Наибольшая длина	119	123?
6. Окружная середина диафиза	28	26
6:1. Указатель массивности	23,53	21,14
Лопатка (Scapula)		
1. Морфологическая длина	119	121,5
2. Морфологическая ширина	88,5	89,5 (лев.)
2:1. Указатель формы	74,37	73,67
Крестец (Os sacrum)		
5. Верхняя ширина	110	
2. Передняя высота	99?	
6. Глубина изгиба	15	
5:2. Широтно-высотный указатель	111,12	
6:2. Указатель глубины изгиба	15,16	
Плечевая кость (Humerus)		
1. Наибольшая длина	263	266
2. Вся длина	259	262,5
3. Верхняя эпифизарная ширина	40,2	40,2
4. Нижняя эпифизарная ширина	52,8	53
7. Наименьшая окружность диафиза	48	48
7а. Окружность середины диафиза	51	50
7:1. Индекс массивности	18,261	8,05
Лучевая кость (Radius)		
1. Наибольшая длина	190	200
2. Физиологическая длина	189	190
4. Поперечный диаметр диафиза	12	13
5. Сагитальный диаметр диафиза	10	9,8
3. Наименьшая окружность диафиза	34	34
3:2. Указатель массивности	17,99	17,895
5:4. Указатель сечения	83,34	75,39
Локтевая кость (Ulna)		
1. Наибольшая длина	212,5	214
2. Физиологическая длина	87	1189
11. Переднезадний диаметр	9	9,9
12. Поперечный диаметр	12	12
13. Верхний поперечный диаметр	12	12,2
14. Верхний дорзовольярный диаметр	13	13,5
3. Наименьшая окружность	28	29
3:2. Указатель массивности	14,98	15,35
11:12. Указатель сечения	75,0	82,5
13:14. Указатель платолении	92,31	90,38
1:2. Указатель наибольшей длины		

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

Окончание т а б л . 4

Признак, № по Мартину	Индивид № 2	
	Правая	Левая
Бедренная кость (Femur)		
1. Наибольшая длина	—	364
2. Длина в естественном положении	—	353
21. Мышелковая ширина	68,8	69
6. Сагитальный диаметр середины диафиза	21	21
7. Поперечный диаметр середины диафиза	24,5	25
9. Верхний поперечный диаметр	27	27
10. Верхний сагитальный диаметр	19	19
8. Окружность середины диафиза	70	69
8:2. Указатель массивности	—	19,55
6:7. Указатель пиялстрии	85,72	84
10:9. Указатель платимерии	70,38	70,38
Надколенная чашка (Patella)		
1. Наибольшая высота	33	—
2. Наибольшая ширина	37	—
1:2. Высотно-широтный указатель	89,19	—
Большая берцовая кость (Tibia)		
1. Полная длина	319	322
2. Мышелково-таранная длина	300,5	301,5
1а. Наибольшая длина	323	325
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	62,5	63
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	37	37
8. Сагитальный диаметр на уровне середины диафиза	23	22
8а. Сагитальный диаметр на уровне питательного отверстия	24,8	24
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	16,8	16,8
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	18	17,8
10. Окружность середины диафиза	62	62
10б. Наименьшая окружность диафиза	54	54
9:8. Указатель сечения	73,05	76,37
10б:1. Указатель прочности	16,93	16,78
9а:8а. Указатель платикнемии	72,59	74,17
10:1. Указатель массивности	19,44	19,26
Малая берцовая кость (Fibula)		
1. Наибольшая длина	310	313
1а. Медиальная длина	305	307
4 (1). Ширина верхнего эпифиза	22	23
4 (2). Ширина нижнего эпифиза	21	21,5
2. Наибольшая ширина середины диафиза	10	10
3. Наименьшая ширина середины диафиза	9,8	9,8
4. Окружность середины диафиза	29	30
4а. Наименьшая окружность диафиза	23	23
4а:1. Указатель прочности	7,42	7,35
3:2. Указатель сечения	98,0	98,0
Реконструированные показатели пропорции и длины тела		
R1:H1. Лучеплечевой указатель	72,25	75,19
T1: F2. Берцово-бедренный указатель	—	91,22
H1+R1/F1+T1. Интермембральный указатель	—	67,94
H1+R1/ F2+T1. Интермембральный указатель	—	69,04
H1:F2. Плечебедренный указатель	—	75,36
R1:T1. Лучеберцовый указатель	59,57	62,12
C1:H2. Ключично-плечевой	45,95	46,86
Длина тела (по С. Дюпертюи и Д. Хэддену)		
По формуле: $84,898+1,072 (F+T)$	—	154,57
По формуле: $87,543+1,492 (H+R)$	134,34	135,64
Среднее значение длины тела	145,11	

Верхний край лопатки имеет горизонтальную или почти горизонтальную форму, верхний угол незначительно поднимается над лопаточной вырезкой (балл 1). Лопаточная ость, утончаясь над основанием, затем резко утолщается и дальше более или менее одинакова по всей длине (балл 3). Суставная впадина лопатки имеет грушевидную форму. Переход от верхнего края лопатки к краю лопаточной вырезки выражен вполне отчетливо, однако вырезка неглубока (балл 2).

По абсолютным размерам плечевая кость характеризуется выходящими за нижнюю границу нормы значениями всех признаков. Значение указателя массивности попадает в градацию малых значений. Над внутренним мышелком на внутреннем гребне тела правой плечевой кости

фиксируется надмыщелковый отросток (*processus epicondyloides*). Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы — эуроления. Локтевая и лучевая кости также по всем размерам характеризуются выходящими за нижнюю границу нормы величинами.

Рис. 4. Ключицы индивида № 2.

Крестцовая кость гомобазальная. Степень изгиба крестца у индивида 15,16 мм, что значительно ниже, чем групповые средние у взрослого человека (18–24) [Рогинский, Левин, 1978, с. 76]. Длина бедренной кости (левая) также выходит за нижнюю границу нормы. Сечение бедренной кости характеризуется гиперплатимерией. Надколенная чашка имеет форму широкого овала. На суставной поверхности (медиальных и латеральных частях) наблюдаются восемь фасеток. Берцовые кости характеризуются малыми значениями продольных размеров. По указателю платикнемии и правой, и левой стороне свойственна зурикнемия, т.е. верхнее сечение большеберцовых костей расширено в поперечном направлении. Поперечное сечение диафиза большой берцовой кости представляет собой прямоугольник неправильной формы. Задняя поверхность тела подразделяется практически на две поверхности — заднемедиальную и заднелатеральную (балл 4). В сагиттальном сечении наблюдается равномерное закругление латерального мыщелка (балл 4). Отмечается дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большой берцовой кости.

Реконструкция пропорций тела на основании размеров костей скелета выявила следующие тенденции. Интермембральный указатель выходит за нижнюю границу минимальных значений, что свидетельствует об удлинённой нижней конечности относительно верхней. Значения берцово-бедренного указателя находятся за верхней границей межгрупповой вариации, т.е. индивид обладает самой длинной голенью; наблюдается также максимальное значение плечебедренного указателя. Отмечаются минимальные значения лучеплечевого указателя, т.е. данный индивид имеет очень короткое предплечье. Значения радиоухмерального указателя для левой и правой сторон попадают в разные категории (брахикеркия (правая), мезатикеркия (левая)). Лучеберцовый указатель выходит за нижнюю границу минимальных значений, т.е. предплечье могло быть очень коротким.

Теперь обратимся к остеологической длине конечностей индивида. Остеологическая длина верхней конечности (H1+R1: 453 (правая), 466 (левая); H1+U1: 475,5 (правая), 480 (левая)), так же как остеологическая длина нижней конечности (F2+T1: 675; F1+T1: 686; F2+f1: 666; F1+f1: 677), находится за нижней границей межгрупповой вариации.

Для определения прижизненного роста индивида были использованы формулы С. Дюпертюи и Д. Хэддена, разработанные для низкорослых европеоидов (Dupertuis, Hadden, 1951; цит. по: [Алексеев, 1966]). Как известно, формул для определения длин разных костей и роста карликов пока не существует, поэтому были использованы формулы для людей, не имеющих отклонений в ростовых процессах. Данный индивид имел карликовость с непропорциональным телосложением, с ростом примерно 145 см.

Маркеры физической активности

На костях верхних и нижних конечностей выявлены признаки физических нагрузок. Результаты остеоскопического исследования макрорельефа длинных костей скелета карлика представлены в табл. 5. На плечевых костях наблюдается довольно хорошее развитие малого бу-

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

горка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости. Средние величины по этим признакам суммарно равны 1,94. Такое развитие дельтовидной бугристости указывает на сильное развитие одноименной мышцы, поднимающей верхнюю конечность до горизонтального уровня, вращающей плечо внутрь и наружу, что, в свою очередь, свидетельствует о развитой мускулатуре плеча. В целом можно говорить о высоком значении для трудовой деятельности данного индивида мышц, поднимающих и вращающих плечо. На лучевых костях умеренно (но не слабо) развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т.е. участвующей в процессе поднимания тяжести. Общим локтевым костям присуще достаточно хорошее развитие дистального латерального гребня, к которому прикрепляется квадратный пронатор. Наблюдается и хорошее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости (обеих костей), к которому также прикрепляется эта мышца. Видимо, данному индивиду в процессе трудовой деятельности приходилось поддерживать груз, поднятый над головой. Шиловидный отросток локтевой кости (обеих костей) хорошо развит, ближе к головке локтевой кости имеется мощная бороздка. Мощный шиловидный отросток, возможно, также указывает на силу связочного аппарата лучезапястного сустава.

Таблица 5

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей

Признак	Правая	Левая	Правая и левая суммарно
Плечевая кость (Humerus)			
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	2,5	2	2,25
Tuberositas deltoidea	2	2	2
Tuberculum majus, tuberculum minus	2	1,5	1,75
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	1,5	2	1,75
Средний балл	2	1,88	1,94
Лучевая кость (Radius)			
Tuberositas radii	1,5	1,5	1,5
Margo interossea	1,5	1,5	1,5
Бороздки для сухожилий разгибателей	1	1,5	1,25
Processus styloideus	2	2	2
Средний балл	1,5	1,62	1,56
Локтевая кость (Ulna)			
Margo interossea, margo posterior	1	1	1
Crista musculi supinatoris	2,5	2	2,25
Tuberositas ulnae	2	2	2
Средний балл	1,84	1,67	1,75
Бедренная кость (Femur)			
Trochanter major	2	2	2
Trochanter minor	2	2	2
Tuberositas glutea	1,5	2	1,75
Linea aspera	1,5	1	1,25
Epicondili	2	2	2
Средний балл	1,8	1,8	1,8
Большая берцовая кость (Tibia)			
Tuberositas tibiae	1	1	1
Margo anterior, margo interossea	1	1	1
Linea m. solei, m. soleus	1	1	1
Бороздки для сухожилий разгибателей	1,5	1,5	1,5
Средний балл	1,13	1,13	1,13
Малая берцовая кость (Fibula)			
Развитие краев	2	2	2

На костях таза фиксируются следы значительных функциональных нагрузок на связки лонного сочленения. На местах прикрепления верхней (ligamentum pubicum superius) и дугообразной (ligamentum arcuatum pubis) связок лобка сформировались признаки энтезопатии. На суставных поверхностях лобковых костей (symphysis pubica), в частности на левой, выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм (рис. 5). Причиной их возникновения может быть лобковый симфизит, являющийся частью многокомпонентного ARS-синдрома (adductor, rectus, symphysis) — патологического состояния сухожильно-мышечного комплекса вследствие длительных однотипных нагрузок, связанных с асимметричным сокращением

приводящих мышц бедер (*musculus adductor longus et (or) brevis, musculus gracilis*) и дистальной части прямой мышцы живота (*musculus rectus abdominis*). К травматизации может приводить походка, требующая наклона тела вперед при фиксации голени в прямом или согнутом положении.

Рис. 5. Лобковые кости мужчины с энтезопатиями на местах прикрепления связок лонного сочленения и признаками лобкового симфизита.

На бедренных костях карлика сильно развита межвертельная линия, которая фактически имеет вид гребня, значительно выступая над уровнем тела кости. Это место прикрепления подвздошно-бедренной связки, которая тормозит разгибание тазобедренного сустава и участвует в удержании туловища в вертикальном положении [Кишш, Сентаготаи, 1965]. При смещении тазобедренного сустава назад роль этой связки возрастает, что мы и отмечаем у данного индивида. На проксимальной суставной поверхности к передней части шейки бедренной кости фиксируется фасетка Пуаррье (Poirier's facet). На бедренных костях неплохое развитие ягодичной шероховатой и, следовательно, больших ягодичных мышц обеих ног. В области шейки левого бедра имеются так называемые фасетки всадника — структуры, образовавшиеся под влиянием многолетней верховой езды [Добровольская, Медникова, 2012] (рис. 6). Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трехглавой мышцы голени) развит умеренно (но не слабо). Он не существенно выступает над уровнем тела, но довольно длинен.

Рис. 6. Края головки левой бедренной кости с выделенными краями. Их формирование обусловлено механическими нагрузками, типичными для всадника.

Патология

Плаггиоцефалия (*plagioccephalia*, греч. πλάγιος «косой» и κεφαλή «голова») той или иной степени тяжести обнаружена у обоих мужчин. Асимметрия правосторонняя, без синостоза черепных швов (рис. 1, 2). У обоих индивидов на теменных костях выявлены симметричные зажившие порезы острым предметом (символическая трепанация) (рис. 7).

На черепах встречается пороз (типа *сiبرا*) в области над наружным слуховым проходом. Это, видимо, связано с воздействием на организм (голову) холодных ветров, вызывающим усиленный рост кровеносных капилляров костей свода черепа для дополнительного согревания. Пороз сопровождается оссеофитными образованиями в ушных каналах. Зубной камень фикси-

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

руется на зубах обеих нижних челюстей. Образование зубного камня имеет сложную этиологию и в немалой степени зависит от особенностей употребляемой пищи.

Рис. 7. Символическая трепанация. Несквозные (поверхностные) манипуляции на теменных костях индивида № 2.

Индивид № 1. Поротические изменения в верхней стенке левой орбиты (*cribra orbitalia*) выражены слабо (балл 1). Признак формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний [Stuart-Macadam, 1992]. Однако слабо выраженные признаки *cribra orbitalia* не всегда служат проявлением адаптивной реакции на анемию, а могут возникать при локальных воспалительных процессах [Wapler et al., 2004].

На всех резцах, клыках, премолярах, молярах примерно на одинаковом расстоянии от эма-лево-цементной границы локализуется линейная гипоплазия эмали в сильной форме. Такое положение дефектов исключает возможность их одномоментного появления в результате сильного эпизодического стресса и свидетельствует о наличии в организме погребенного физиологического сбоя, следствием которого стали системные нарушения процессов кальцификации. С правой стороны верхнего первого моляра и нижнего первого премоляра наблюдались сколы эмали, ассоциируемые с особенностями пищевого рациона. Кариес отсутствует.

Индивид № 2. На правой стороне лобной кости (ближе к височной линии) выявлено повреждение от удара тупым предметом (длина 8,2 мм, ширина 1,5 мм). Это травма от прямого удара нападавшего, находившегося лицом к лицу с потерпевшим. Травма была получена задолго до смерти индивида.

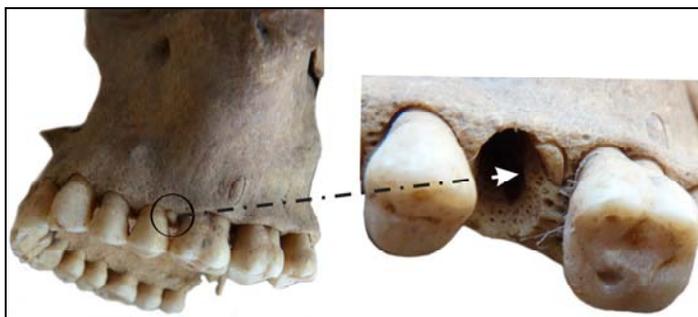

Рис. 8. Инвагинация верхнего левого второго премоляра.

В зубной системе индивида обнаружено довольно много патологических изменений. На чере-пе фиксируется инвагинация зуба («зуб в зубе») (рис. 8). Макроскопический анализ четко демонстрирует 3А форму данной аномалии развития на втором левом премоляре. Аномалия носит односторонний характер. Видны эмаль и дентин, имеющие форму капли или луковицы. Подобная аномалия была зафиксирована у индивида из могильника Кучак [Khudaverdyan, 2016b, fig. 2].

На правом верхнем медиальном резце выявлена небольшая щербинка (1,5 мм) со сглаженными краями на режущем крае. Появление щербинки могло быть связано с необходимостью откусывать нитки. Слабая форма линейной эмалевой гипоплазии обнаружена на некоторых зубах (I^1 , I^2 , P^2 , I_1 , C , M_2 , M_3 (правый)), что является признаком скудного питания (во время роста этих зубов). Кариеса нет.

У индивида форма грудной клетки коническая, т.е. нижняя ее часть шире, чем верхняя, ребра мало наклонены. В позвоночном отделе не выявлено снижение высоты тел. Однако повреждены грудные позвонки (Т 2, 4–6, 10–11) — начальная стадия формирования позвоночных грыж или узлов Шморля (рис. 9). Признак формируется при значительных компрессионных нагрузках на позвоночник преимущественно в период роста. Наблюдается центральное расположение межпозвоночных грыж. По краям тел и на вершинах остистых отростков выявляются слабо развитые остеофиты. На зубовидном отростке второго шейного позвонка фиксируются множественные экзостозы (рис. 10). У исследуемого индивида изменения костной ткани связаны с тяжелыми физическими нагрузками. Зафиксированные болезни позвоночника вкупе со степенью развитости мышечного рельефа позволяют предположить, что индивид систематически подвергался сильным физическим нагрузкам.

На грудных позвонках также выявлена начальная стадия туберкулеза (рис. 9). Развивается заболевание в результате попадания инфекции микобактерий туберкулеза из туберкулезного очага в легких по лимфатическим и кровеносным сосудам в кости. Литические поражения локализуются на боковых поверхностях тел позвонков. Внутренняя поверхность рукоятки демонстрирует крупноячеистую трабекулярную структуру.

Рис. 9. Начальные стадии формирования позвоночных грыж (узлов Шморля) и туберкулеза.

Рис. 10. Экзостозы на зубовидном отростке второго шейного позвонка.

Рис. 11. Периостит на медиальной лодыжке и теле правой большеберцовой кости.

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

Практически все кости посткраниального скелета характеризуются наличием остеопороза концевых отделов длинных костей, пороз отмечается и на тазовых костях. Рентгеновские снимки также фиксируют многочисленные структурные нарушения в костной и хрящевой тканях, в частности проявления остеопороза (рис. 12, 13). Вероятно, это связано с недостатком в рационе питания витаминов, нехваткой в окружающей среде кальция, йода и, как следствие, недостаточностью функционирования щитовидной железы.

Необходимо отметить еще одну особенность распространения патологий у индивида. Периоститы проявляются почти на всех участках скелета (грудине, длинных костях верхних и нижних конечностей (рис. 11), тазовых костях и позвонках). Следы периостита указывают на обширный воспалительный процесс в организме.

При рентгенографии больших берцовых костей определяются несколько зон остановки роста — линии Гарриса (рис. 12), которые являются следствием нарушения развития хрящевой ткани, возникают в результате остановки ее роста в детском и юношеском возрасте под действием неблагоприятных факторов экзо-, эндогенной природы [Harris, 1931, 1933].

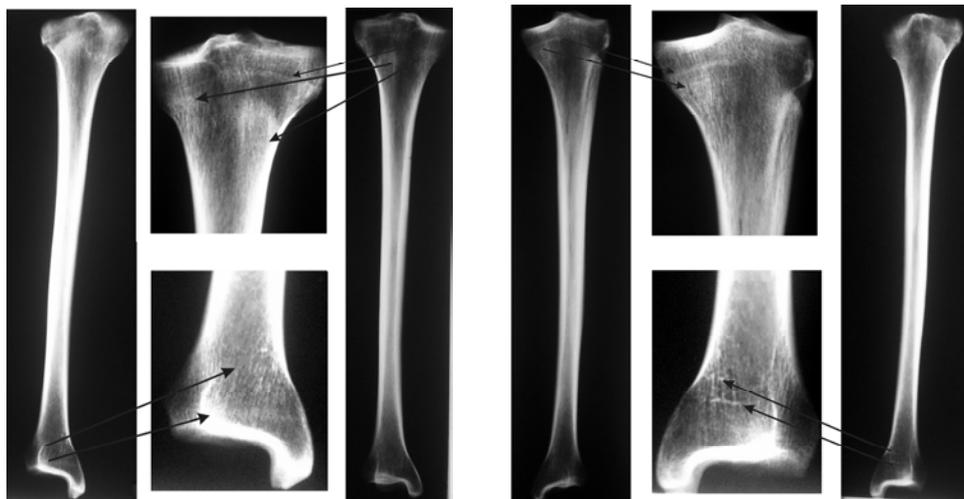

Рис. 12. Резорбированные линии Гарриса на снимке большой берцовой костей с увеличением (отмечены стрелками).

Рис. 13. Изогнутые диафизы бедренных костей.

Диафизы бедренных костей изогнуты в переднем направлении (изгиб начинается в верхней трети) (рис. 13). Это указывает на рахит — болезнь растущего организма, обусловленную нарушением обмена веществ (прежде всего фосфорно-кальциевого обмена). Ее основным клиническим синдромом является поражение костной системы (правильного роста, минерализации костей и пр.), при котором патологический процесс локализуется главным образом в области метаэпифизов костей. Часто при карликовости наблюдаются рахитические изменения костной системы.

Заключение

Ранние изображения карликов можно увидеть в Мохенджо-Даро (2600 г. до н.э.), где они представлены в танцевальных позах [Maskey, 1938]. Множество изображений карликов фиксируются в декоративном убранстве дверных проемов пещерных храмов Аджанты, Эллары, Аурангабада и т.д. Карлики в скульптуре — фольклорные персонажи, выполняющие роль «отдушины для обеспечения того, что не может быть проговорено» [Дандес, 2003, с. 75]. По своему происхождению они связаны с анимистическими верованиями в духов природы. Их образы выступают как обереги, располагаясь в пограничных пространствах храмов, основной функцией которых является обеспечение процветания. Также к ним перешла роль придворных шутов и театральных актеров, развлекающих божества своей игрой, музицированием, плясками, жонглированием, гримасничаньем. Достаточно сложно произвести историографический обзор по данной теме на материалах с территории Армении, поскольку работы историков и этнографов (как отечественных, так и зарубежных) тему карликов практически не затрагивали. И. Орбели [1938] повествует об одном карлике из раскопок Анберда (Армения, XII в.). В бане были обнаружены останки мужчины примерно 45 лет, вместе с колпаком в виде петушиного гребня и костями петуха, неразлучного спутника шутов Востока и Запада. Часть левой стороны нижней челюсти у индивида отсутствовала, что придавало лицу кривизну и скошенность. У индивида были удалены все зубы, возможно преднамеренно. К тому же была выполнена операция над подбородком. Врачи, консультировавшие И. Орбели, считали, что шут при жизни не мог держать рот закрытым, всегда смеялся. Наблюдалось также очень сильное искривление позвоночника (горб). Как известно, торговля шутами и индивидами с физическими недостатками занимала не последнее место в торговле людьми, осуществлявшейся европейскими компаниями. Права их в том, что касалось человеческого товара, в XII–XIII вв. были в известной степени ограничены требованиями и обязательствами, налагавшимися на венецианских и генуэзских купцов королями Малой Армении [Там же, с. 170]. Исследователь допускает, что погребенный в бане со своим спутником — петухом шут был одной из тех диковинок, которые проделали длинный путь от Средиземноморья до склонов Арагаца, чтобы украсить двор властителя неприступного замка Анберд [Там же, с. 170].

Благодаря исследованиям мы получили сведения об антропологическом типе, особенностях физического развития и патологий двух индивидов из Двина. Распределение некоторых генетически детерминированных (дискретно-варьирующихся) признаков позволяет допустить наличие определенных родственных связей между индивидами. К сожалению, из-за отсутствия костей посткраниального скелета индивида № 1 мы можем констатировать только микроцефалию, как было и в случае с изолированным черепом мужчины из раскопок 2013 г. [Худавердян и др., 2014]. Микроцефалия — болезнь, при которой голова имеет маленький размер, и это напрямую зависит от маленького размера мозга. Мозг до определенного момента развивается, однако из-за малого размера черепа развитие заторможено. Причинами могут быть заражение корью, ветрянкой или циталомегавирусом, не исключаются генетические нарушения.

Скелет № 2 характеризуется гипофизарной карликовостью. Наиболее вероятным диагнозом в свете полученных данных нам представляется карликовость (или синдром) Ларона. Болезнь характерна для детей, родившихся от близкородственных браков, задержка роста происходит в постнатальном периоде. Телосложение непропорциональное (преобладает укорочение плечевых, локтевых, лучевых костей и бедер) при нормальной длине туловища. Это своеобразная разновидность карликовости, обусловленная врожденным дефектом гена рецептора соматотропного гормона (СТГ) [Риггз, Милтон, 2000; Быков, 2001]. СТГ передней доли гипофиза, точнее, его соматомедины влияют на выработку в печени инсулиноподобного фактора, способствующего хондропластическому и периостальному росту кости, увеличению размеров скелета. Большинство индивидов с синдромом Ларона выходцы с семитского Среднего Востока, из Сре-

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

диземноморья, а также Южной Азии [Rosenfeld et al., 1994; Rosenbloom, Guevara-Aguirre, 1998; Galli-Tsinopoulou et al., 2003; Besson et al., 2004; Laron, 2004].

В армянской средневековой рукописной миниатюре наглядно отражены представления с участием акробатов, танцоров, музыкантов, певцов [Петросян, 2014, рис. 31–34]. В раннее средневековье были популярны выступления гистрионов², эквилибристов, шутов, как при дворе, так и в частных домах. Среди них были индивиды, имеющие различные физические недостатки, в частности карлики. Все виды зрелищных искусств (пляска, пение, гимнастика и пр.) иногда сочетались в представлении одного лица. Программа включала сложнейшие акробатические и жонглерские номера, демонстрирующие силу и ловкость актера (рис. 14).

Рис. 14. Карлик. Графическая иллюстрация Ани Саакян.

Один из византийских писателей³ раннего средневековья упоминает о группе из Египта, которая давала представления в Аравии, Персии, Армении и Грузии. «В это время в Константинополь зашли люди, знавшие чудное искусство. Они вышли первоначально из Египта и по пути в Аравию, Персию, Армению и Грузию показали свое искусство. Все, что они делали, было необычайно и чудесно; впрочем, это было не дьявольским наваждением, а делом естественным, плодом долговременного упражнения. Не распространяясь слишком, мы расскажем о некоторых из их действий. Например, взяв две или три корабельные мачты и поставив их вертикально в землю, акробаты укрепляли их нетолстыми канатами... Восходя по ним, один становился на самой вершине мачты то на одной ноге, то на другой, то поднимал обе ноги вверх, а головой упирался в вершину мачты; потом сделав неожиданный прыжок, одной рукой крепко хватал за веревку и цеплялся за нее, после чего быстро и безостановочно начинал вертеться и кружиться колесом... А другой, поднявшись на лошадь, погонял ее и на полной рыси, стоял прямо то на спине, то на гриве, постоянно и смело перебирал ногами, принимая вид летающей птицы. Иногда он вдруг соскакивал с бегущей лошади, хватался за ее хвост и неожиданно опять появлялся на седле. Или спускался с одной стороны седла и, обогнув брюхо лошади, легко поднимался из-под нее уже с другой стороны и снова ехал. Занимаясь такими фокусами, он не переставал подгонять коня бегом.... Такие фокусы не всегда сходили с рук счастливо и без вредных последствий; нередко, обрываясь, эти люди ушибались до смерти. Из отечества их отправилось больше сорока человек, а достигло Византии в добром здравии меньше двадцати...» (Безобразов, 1919; цит. по: [Петросян, 2014, с. 84–85]).

Мы полагаем, что в рассматриваемом нами случае молодой человек, имеющий небольшой рост, регулярно осуществлял действия, связанные со значительной физической нагрузкой. Ве-

² Их называли в разных странах по-разному: русские скоморохи, английские менестрели, немецкие шпильманы, польские франты.

³ Имя византийского писателя автором не указано.

роятно, он постоянно (до определенного времени, пока не появились проблемы с позвоночником и тазом) вместе с партнером поднимал длинный шест из дерева, а третий партнер, в середине, исполнял на перше различные трюки. Впрочем, не исключено, что и сам он мог выполнять какие-то трюки. Он также был наездником. Травматизация костей таза не позволяла ему держать спину при ходьбе прямо. Возникли проблемы и с голенью. Так как индивид молодой, то столь выраженные патологии свидетельствуют о чрезмерных и интенсивных нагрузках на скелет. Хромота, тугоподвижность — отличительные особенности человека, реконструируемые по исследованному нами скелету (рис. 13).

Итак, проведя по возможности полное исследование останков двух индивидов из развалин кафедрального собора св. Григория, мы предполагаем, что они могли быть гастролирующими гистрионами при королевских, княжеских и герцогских дворах Двина.

Благодарности

Авторы выражают благодарность директору Института археологии и этнографии НАН РА акад. Павлу Седраковичу Аветисяну за его поддержку при выполнении данной работы. Особая благодарность — заместителю директора Республиканского медицинского центра «Армения» Аруту Робертовичу Давтяну за помощь и сотрудничество в проведении рентгенографии, а также сотрудникам Института археологии и этнографии НАН РА Ани Ерджяниковне Саакян за графическую иллюстрацию к работе и Анаит Володевне Галстян за сканирование и обработку иллюстраций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1964. 128 с.
- Аристова Е.С., Чикишева Т.А., Зайдман А.М., Машак А.Н., Хорошевская Я.А.* Случай гипофизарного нанизма у индивида, погребенного в кургане скифской эпохи на территории Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 139–147.
- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К.* Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // В.И. Сарианиди. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132.
- Бадалян Л.О., Таболин В. А., Вельтищев Ю.Е.* Наследственные болезни у детей. М.: Медицина, 1971. 368 с.
- Быков Н.А.* Цитология и общая гистология. СПб.: Sotis, 2001. 519 с.
- Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б.* Типология ростовых нарушений в антропологических исследованиях // Вестник антропологии. 2001. Вып. 7. С. 199–218.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу человека: (Современный и ископаемый человек). М.: АН СССР, 1955. 586 с.
- Дандес А.* Фольклор: Семиотика и/или психоанализ. М.: Вост. лит. РАН, 2003. 279 с.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б.* Бердыкожи батыр: История жизни и смерти по данным физической антропологии: (Экспертиза останков Бердыкожи батыра) // Н. Гумилев и его время. М., 2012. Т. 2. С. 312–322.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В.* Скелет карлика из раскопок царского погребения 3230 на Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5: Исследования Гонур Депе в 2011–2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 166–171.
- Ефимова А.С.* Малая энциклопедия врача-эндокринолога. Киев: Медкнига, 2007. 360 с.
- Ефременко И.И.* Наследственные болезни человека. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2012. 96 с.
- Зубов А.А.* Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М., 1968а. С. 5–122.
- Зубов А.А.* Одонтология: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1968b. 199 с.
- Зубов А.А.* Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006. 72 с.
- Карапетян М.К.* Антропологические аспекты морфологической изменчивости костного позвоночника (по метрическим и остеоскопическим данным): Дис. ... канд. биол. наук. М., 2015. 431 с.
- Киши Ф., Сентагогатаи Я.* Анатомический атлас человеческого тела. Т. 1: Костная система — суставная система — мышечная система. 25-е изд. Будапешт: Медицина, 1967. 315 с.
- Козлова С.И., Демикова Н.С., Семенова Е., Блинникова О.Е.* Наследственные синдромы и медико-генетическое консультирование. М.: Практика, 1996. 416 с.

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

- Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 51. С. 127–150.
- Наследственные нарушения нервно-психического развития детей: Руководство для врачей / Под ред. П.А.Темина, Л.З.Казанцевой.* М.: Медицина, 2001. 429 с.
- Николаева Е.А., Яблонская М.И.* Наследственные синдромы, сопровождающиеся низкорослостью // Руководство по педиатрии: Врожденные и наследственные заболевания. М.: Династия, 2007. С. 389–409.
- Орбели И.* Баня и скоморох XII века // Памятники эпохи Руставели. Л.: АН СССР, 1938. С. 159–170.
- Пежемский Д.В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.
- Петросян Э.Х.* Театр в средневековых армянских миниатюрах. Ереван: Тигран Мец, 2014. 212 с.
- Риггз Л., Милтон Дж.А.* Остеопороз: Этиология, диагностика, лечение: Пер. с англ. СПб.: Невский диалект, 2000. 558 с.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М.: Высш. шк., 1978. 528 с.
- Худавердян А.Ю., Бабаян Ф.С., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С.* К вопросу о декапитации в Двине: Антропологическая экспертиза средневековых черепов из Армении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 96–107.
- Федосова В.Н.* Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным: (Остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 105–116.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martín C.* The Cambridge encyclopaedia of human palaeopathology. Cambridge: Camb. University Press, 1998. 498 p.
- Besson A., Salemi S., Eble A., Joncourt F., Gallati S., Jorge A.A., Mullis P.E.* Primary GH insensitivity (Laron syndrome) caused by a novel 4 kb deletion encompassing exon 5 of the GH receptor gene: Effect of intermittent long-term treatment with recombinant human IGF-I // Europ. Journal of Endocrinology. 2004. Vol. 150. P. 635–642.
- Brothwell D.R.* Digging up Bones. 3 ed. L: Cornell University Press, 1981. 196 p.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H.* Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.
- Dasen V.* Dwarfism in Egypt and classical antiquity: Iconography and medical history // Medical History. 1988. Vol. 32 (3). P. 253–276.
- Farkas G., Nagy E., Kosa F.* Skeleton of a dwarf from excavations Hungarian site // Acta Biologica Szegediensis. 2001. Vol. 45. No. 1–4. P. 79–82.
- Fraye D.W., Horton W.A., Macchiarelli R., Mussi M.* Dwarfism in an adolescent skeleton from the Italian late Upper Palaeolithic // Nature. 1987. Vol. 330. P. 60–62.
- Gladkowska-Rzeczycka J.* Remains of achondroplastic dwarf from Legnica of XI–XIIth century // Ossa. 1980. Vol. 7. P. 71–74.
- Harris H.A.* Lines of arrested growth in long bone in children // British Journal of Radiology. 1931. Vol. 4. P. 622–640.
- Harris H.A.* Bone Growth in Health and Disease. L.: Oxford University Press, 1933. 248 p.
- Haworth J.C., Chudley A.E.* Dwarfs in art // Clinical Genetics. 2001. Vol. 59 (2). P. 84–87.
- Hernandez M.* A Possible Case of Hypopituitarism in Neolithic China // Intern. Journal of Osteoarchaeology. 2011. Vol. 23 (4). P. 432–446.
- Hoffman J.* An achondroplastic dwarf from the Augustine Site (Ca-Sac-127) // Contributions of the University of California Archaeological Research Facility. 1976. Vol. 30. P. 65–119.
- Hummert J.R., Van Gerven D.P.* Observations on the formation and persistence of radiopaque transverse lines // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1985. Vol. 66 (3). P. 297–306.
- Galli-Tsinopoulou A., Nousia-Arvanitakis S., Tsinopoulos I., Bechlivanides C., Shevah O., Laron Z.* Laron syndrome // First report from Greece. Hormones, 2003. Vol. 2. No. 2. P. 120–124.
- Garn S.M., Schwager P.M.* Age dynamics of persistent transverse lines in the tibia // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1967. Vol. 27. P. 375–378.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G.* Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. N. Y.: Acad. Press, 1984. P. 13–49.
- Khudaverdyan A.Yu.* Palaeopathology of human remains of the 1st century BC — 3rd century AD from Armenia (Beniamin, Shirakavan I) // Anthropol. Review. 2015. Vol. 78 (2). P. 213–228.
- Khudaverdyan A.Yu.* A dwarfism skull: excavated on the site of the Late Bronze Age and Early Iron Age cemetery at Artsvakar (Armenia) // Journal of Paleopathology (Italy). 2016a. Vol. 26. No. 2–3. P. 93–104.
- Khudaverdyan A.Yu.* Radicular dens invaginatus in Late Bronze Age in Armenia // Bulletin of the International Association for Paleodontology. 2016b. No. 10 (2). P. 52–59.
- Kozma C.* Dwarfs in ancient Egypt // Amer. Journal of Medical Genetics. 2006. Vol. 140A (4). P. 303–311.
- Laron Z.* Laron syndrome (primary growth hormone resistance or insensitivity). The personal experience 1958–2003 // Journal of Clin. Endocrinology & Metabolism. 2004. 89. P. 1031–1044.
- Mackey E.J.H.* Further Excavations at Mohenjo-daro: Being an official account of archaeological excavations at Mohenjo-daro, carried out by the Government of India between the years 1927 and 1931. 1938. Vol. 2. 718 p.

- McConnell V., Brown T., Morrison P.J.* An Irish three-generation family of Cornelia de Lange syndrome displaying autosomal dominant inheritance // *Clin. Dysmorphology*. 2003. Vol. 12. P. 241–244.
- Ortner D.J.* Identification of pathological conditions in human skeletal remains. San Diego: Acad. Press, 2003. 647 p.
- Ortner D.J., Hotz G.* Skeletal manifestations of hypothyroidism from Switzerland // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 2005. Vol. 127. P. 1–6.
- Roberts C.* Possible pituitary dwarfism from the Roman period // *British Medical Journal*. 1987. 295 (6613). P. 1659.
- Rosenbloom A.L., Guevara-Aguirre J.* Lessons from the genetics of Laron syndrome // *Trends in Endocrinology & Metabolism*. 1998. 9. P. 276–283.
- Rosenfeld R.G., Rosenbloom A.L., Guevara-Aguirre J.* Growth hormone (GH) insensitivity due to primary GH receptor deficiency // *Endocrine Reviews*. 1994. 15. P. 369–390.
- Russell K.L., Ming J.E., Patel K., Jukofsky L., Magnusson M., Krantz I.D.* Dominant paternal transmission of Cornelia de Lange syndrome: A new case and review of 25 previously reported familial recurrences // *Amer. Journal of Medical Genetics*. 2001. Vol. 104. P. 267–276.
- Smith R.* Biochemical disorders of the skeleton. Boston, L., 1979. 293 p.
- Stuart-Macadam P.L.* Anemia in Past Human Populations // *Diet, Demography, and Disease: Changing Perspectives on Anemia*. N. Y., 1992. P. 151–170.
- Waldron T.* Paleopathology. Cambridge: Cambr. University Press, 2009. 279 p.
- Wapler U., Crubézy E., Schultz M.* Is Cribra Orbitalia Synonymous With Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // *Amer. Journal of Phys. Anthropology*. 2004. Vol. 123. P. 333–339.

**A.Yu. Khudaverdyan*, N.G. Hakopyan*, A.S. Zhamkochyan*,
A.A. Engibaryan**, A.A. Hoganesyanyan*****

*Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia
Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: ankhudaverdyan@gmail.com;
husik.melkonyan@mail.ru;
meri.axababyan@yandex.ru

**Yerevan Mkhitar Heratsi State Medical University
Koryun st., 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: ripmatev@mail.ru

***«Armenia» Republican Medical Center
Margaryan st., 6, Yerevan, 0078, Republic of Armenia
E-mail: rouben.davtyan@gmail.com

ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF INDIVIDUALS OF THE IX–XI CENTURIES FROM THE MONUMENT OF DVIN (ARMENIA) WITH GROWTH DISORDERS

Irrespective of era and habitat, people paid more attention to extraordinary and unlike phenomena, than to everywhere found and usual ones. This article is about unusual individuals of the 9th–11th centuries from Dvin, among which traces of delay of growth processes were revealed. The paper analyzes individual features of craniological, cranoscopic, odontological, osteological and paleopathological characteristics of two individuals. Basing on a comprehensive anthropological study of finds, an attempt to reconstruct the way of life of the buried was made. Due to the lack of bones of the post-cranial skeleton of the individual No. 1, we can state only nanocephalia. Markers of an incidental stress (hypoplasia of enamel, cribra orbitalia) in this individual indicate systemic influence of negative factors, such as infections, frequent periods of starvation which interfered with normal development of the organism in the childhood. The skeleton No. 2 is characterized by the Laron-type dwarfism (Laron syndrome). The research of bones of the skeleton showed presence of serious pathologies, unrepresentative for so young age, related to excessive exercise stresses. An optional version of the activity is possible: the dwarf was a clown-acrobat. Harris lines, or growth arrest lines are clearly seen on X-ray images of two diaphyses of tibial bones. Another marker of growth delays (enamel hypoplasia) is also found in the individual No. 2. Existence of one of the diet indicators (odontolith) and absence of caries indicate similarity of ingredients of the meals of two individuals, and tying, perhaps, proteinaceous origin of their food.

Key words: Armenia, Dvin, IX–XI centuries, paleoanthropology, craniology, odontology, osteology, paleopathology, Laron syndrome, gistrions.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-073-099

REFERENCES

- Alekseev V.P., 1966. *Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Methods of anthropological investigations], Moscow: Nauka, 251 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methods of anthropological investigations], Moscow: Nauka, 128 p.
- Aristova E.S., Chikisheva T.A., Zaidman A.M., Mashak A.N., Khoroshevskaya Y.A., 2006. Sluchai gipofizarnogo nanizma u individa, pogrebennogo v kurgane skifskoi epokhi na territorii Tuvy [Pituitary dwarfism in an Early Bronze Age individual from Tuva]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 3 (27), pp. 139–147.
- Aufderheide A.C., Rodríguez-Martin C., 1998. *The Cambridge encyclopaedia of human palaeopathology*, Cambridge: Cambridge University Press, 498 p.
- Babakov O., Rykushina G.V., Dubova N.A., Vasil'ev S.V., Pestriakov A.P., Khodzhaiov T.K. 2001. Antropologicheskaya kharakteristika nekropolia Gonur-Depe [Human skeletal remains from the necropolis of Gonur-depe]. *V.I. Sarianidi. Nekropol' Gonura i iranskoe iazychestvo*, Moscow: Mir-media, pp. 105–132.
- Badalyan L.O., Tabolin V.A., Vel'tishchev Yu.E., 1971. *Nasledstvennye bolezni u detei* [Hereditary diseases in children], Moscow: Meditsina, 368 p.
- Besson A., Salemi S., Eble A., Joncourt F., Gallati S., Jorge A.A., Mullis P.E., 2004. Primary GH insensitivity (Laron syndrome) caused by a novel 4 kb deletion encompassing exon 5 of the GH receptor gene: Effect of intermittent long-term treatment with recombinant human IGF-I. *European Journal of Endocrinology*, vol. 150, pp. 635–642.
- Brothwell D.R., 1981. *Digging up Bones*, 3 ed., London: Cornell University Press, 196 p.
- Bykov N.A., 2001. *Tsitologiya i obshchaya gistologiya* [Cytology and general histology], St. Petersburg: Sotis, 519 p.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994. Standards of data collection from human skeletal remains. *Arkansas Archaeol. Survey Research Series*, 44. Fayetteville, 218 p.
- Dandes A., 2003. *Fol'klor: Semiotika i/ili psikhoanaliz* [Folklore: Semiotics and/or psychoanalysis], Moscow: Vostochnaya literatura PAH, 279 p.
- Dasen V., 1988. Dwarfism in Egypt and classical antiquity: iconography and medical history. *Medical History*, vol. 32 (3), pp. 253–276.
- Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., 2012. Berdykozhi batyr: Istoriya dzizni i smerti po dannim fizicheskoi antropologii: (Ekspertiza ostankov Berdikodzi batira) [Berdykozhi batyr: History of life and death according to physical anthropological data: (Expertise of the remains of Berdykozhi batyr)]. *N. Gumilev i ego vremya*, vol. 2, Moscow, pp. 312–322.
- Dubova N.A., Kufterin V.V., 2014. Skelet karlika iz raskopok tsarskogo pogrebeniia 3230 na Gonur Depe [The skeleton of a dwarf from the royal grave 3230 at Gonur Depe]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 5: Issledovaniia Gonur Depe v 2011–2013 gg., Moscow: Staryi sad, pp. 166–171.
- Efimova A.S., 2007. *Malaia entsiklopediia vracha-endokrinologa* [Small encyclopedia of endocrinologist], Kiev: Medkniga, 360 p.
- Efremenko I.I., 2012. *Nasledstvennye bolezni cheloveka* [Hereditary diseases of the man], Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova, 96 p.
- Fedosova V.N., 1986. Obschaya otsenka razvitiia komponenta mezomorfii po osteologicheskim dannym: (Osteologicheskaya metodika) [A general assessment of the development of a mesomorphic component in osteologic data (osteoscopic method)]. *Voprosy antropologii*, vol. 76, pp. 105–116.
- Farkas G., Nagy E., Kosa F., 2001. Skeleton of a dwarf from excavations Hungarian site. *Acta Biologica Szegediensis*, vol. 45, no. 1–4, pp. 79–82.
- Frayer D.W., Horton W.A., Macchiarelli R., Mussi M., 1987. Dwarfism in an adolescent skeleton from the Italian late Upper Palaeolithic. *Nature*, vol. 330, pp. 60–62.
- Galli-Tsinopoulou A., Nousia-Arvanitakis S., Tsinopoulos I., Bechlivanides C., Shevah O., Laron Z., 2003. Laron syndrome. First report from Greece. *Hormones*, vol. 2, no. 2, pp. 120–124.
- Garn S.M., Schwager P.M., 1967. Age dynamics of persistent transverse lines in the tibia. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 27, pp. 375–378.
- Gerasimov M.M., 1955. *Vosstanovlenie lica po cherepu cheloveka: (Sovremennii i iskopaemii chelovek)* [Face reconstruction from the basic structure of the skull: (A modern and fossil person)], Moscow: AN SSSR, 586 p.
- Gladyskowska-Rzeczycka J., 1980. Remains of achondroplastic dwarf from Legnica of XI–XIIIth century. *Ossa*, vol. 7, pp. 71–74.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G., 1984. Indications of stress from bones and teeth. *Palaeopathology at the origins of agriculture*, New York: Acad. Press, pp. 13–49.
- Harris H.A., 1931. Lines of arrested growth in long bone in children. *British Journal of Radiology*, vol. 4, pp. 622–640.
- Harris H.A., 1933. *Bone Growth in Health and Disease*, London: Oxford University Press, 248 p.
- Haworth J.C., Chudley A.E., 2001. Dwarfs in art. *Clinical Genetics*, vol. 59 (2), pp. 84–87.
- Hernandez M., 2011. A possible case of hypopituitarism in neolithic China. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 23 (4), pp. 432–446.

- Hoffman J., 1976. An achondroplastic dwarf from the Augustine Site (Ca-Sac-127). *Contributions of the University of California Archaeological Research Facility*, vol. 30, pp. 65–119.
- Hummert J.R., Van Gerven D.P., 1985. Observations on the formation and persistence of radiopaque transverse lines. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 66 (3), pp. 297–306.
- Kishsh F., Sentagotai Y., 1967. *Anatomicheskii atlas chelovecheskogo tela* [Anatomical atlas of the human body], vol. 1: Kostnaia sistema — sustavnaia sistema — myshechnaia sistema, 25 izd., Budapest: Meditsina, 315 p.
- Khudaverdyan A.Yu., 2015. Palaeopathology of human remains of the 1st century BC — 3rd century AD from Armenia (Beniamin, Shirakavan I). *Anthropological Review*, vol. 78 (2), pp. 213–228.
- Khudaverdyan A.Yu., 2016a. A dwarfism skull: Excavated on the site of the Late Bronze Age and Early Iron Age cemetery at Artsvakar (Armenia). *Journal of Paleopathology*, vol. 26, no. 2–3, pp. 93–104.
- Khudaverdyan A.Yu., 2016b. Radicular dens invaginatus in Late Bronze Age in Armenia. *Bulletin of the International Association for Paleodontology*, no. 10 (2), pp. 52–59.
- Khudaverdyan A.Yu., Babayan F.S., Hakopyan N.G., Zhamkochyan A.S. 2014. K voprosu o dekapitatsii v Dvine: Antropologicheskaiia ekspertiza srednevekovykh cherepov iz Armenii [Decapitation in Dvin revisited: An anthropological examination of the medieval skulls from Armenia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (27), pp. 96–107.
- Kozlova S.I., Demikova N.S., Semenova E., Blinnikova O.E., 1996. *Nasledstvennyye sindromy i mediko-geneticheskoe konsul'tirovanie* [Hereditary syndromes and medical genetic counseling], Moscow: Praktika, 416 p.
- Kozma C., 2006. Dwarfs in ancient Egypt. *American Journal of Medical Genetics*, 140A (4), pp. 303–311.
- Laron Z., 2004. Laron syndrome (primary growth hormone resistance or insensitivity). The personal experience 1958–2003. *Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*, 89, pp. 1031–1044.
- Mackey E.J.H., 1938. *Further Excavations at Mohenjo-daro: Being an official account of archaeological excavations at Mohenjo-daro, carried out by the Government of India between the years 1927 and 1931*, vol. 2, 718 p.
- McConnell V., Brown T., Morrison P.J., 2003. An Irish three-generation family of Cornelia de Lange syndrome displaying autosomal dominant inheritance. *Clinical Dysmorphology*, vol. 12, pp. 241–244.
- Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Richkov Yu.G., 1975. Programma i metodika issledovaniya anomalii cherepa [A program and methodology of study of skull abnormalities]. *Voprosy antropologii*, 51, pp. 127–150.
- Nikolaeva E.A., Iablonskaya M.I., 2007. Nasledstvennyye sindromy, soprovozhdaiushchiesia nizkoroslost'iu [Hereditary syndromes accompanied by short stature]. *Rukovodstvo po pediatrii: Vrozhdennye i nasledstvennye zabollevaniia*, Moscow: Dinastiia, pp. 389–409.
- Orbeli I., 1938. Banya i skomorokh XII veka [A bath and a skomorokh of the 12th century]. *Pamyatniki epokhi Rustaveli*, Leningrad: AN SSSR, pp. 159–170.
- Ortner D.J., 2003. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains*, San Diego: Academic Press, 647 p.
- Ortner D.J., Hotz G., 2005. Skeletal manifestations of hypothyroidism from Switzerland. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 127, pp. 1–6.
- Pezhensky D.V., 2000. Informativnost' skeletnykh ostankov plokhoi sokhrannosti (po materialam nekropolia Sirenevaia bukhta) [The problem of information capacity of skeletal remains in poor state (the necropolis of Sirenevaya bukhta)]. *RA*, no. 4, pp. 64–76.
- Pezhensky D.V., 2011. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia [Variability of longitudinal dimensions of human tubular bones and possibility of reconstructing the body structure]. Avtoref. dis. ... kand. biol. nauk, Moscow, 24 p.
- Petrosyan E.Kh., 2014. *Teatr v srednevekovykh armianskikh miniatiurakh* [Theater in medieval Armenian short acts], Yerevan: Tigran Mets, 212 p.
- Riggz L., Milton D.A., 2000. Osteoporoz: Etiologiya, diagnostika, lechenie [Osteoporosis: Etiology, diagnosis, treatment], St. Petersburg: Nevskii dialekt, 558 p.
- Roberts C., 1987. Possible pituitary dwarfism from the Roman period. *British Medical Journal*, no. 295 (6613), p. 1659.
- Roginskii Y.Y., Levin M.G., 1978. *Antropologiya* [Anthropology], Moscow: Vysshaya shkola, 528 p.
- Rosenbloom A.L., Guevara-Aguirre J., 1998. Lessons from the genetics of Laron syndrome. *Trends in Endocrinology & Metabolism*, no. 9, pp. 276–283.
- Rosenfeld R.G., Rosenbloom A.L., Guevara-Aguirre J., 1994. Growth hormone (GH) insensitivity due to primary GH receptor deficiency. *Endocrine Reviews*, no. 15, pp. 369–390.
- Russell K.L., Ming J.E., Patel K., Jukofsky L., Magnusson M., Krantz I.D., 2001. Dominant paternal transmission of Cornelia de Lange syndrome: A new case and review of 25 previously reported familial recurrences. *American Journal of Medical Genetics*, vol. 104, pp. 267–276.
- Smith R., 1979. *Biochemical disorders of the skeleton*, Boston; London. 293 p.
- Stuart-Macadam P.L., 1992. Anemia in Past Human Populations. *Diet, Demography, and Disease: Changing Perspectives on Anemia*, New York, pp. 151–170.

Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения)...

Temina P.A., Kazantsevoi L.Z., 2001, (eds). *Nasledstvennyye narusheniia nervno-psikhicheskogo razvitiia detei: Rukovodstvo dlia vrachei* [Hereditary disorders of neuropsychological development of children: A guide for doctors], Moscow: Meditsina, 429 p.

Vassilyev S.V., Babakov O., Borutskaya S.B., 2001. Tipologiya rostovykh narushenii v antropologicheskikh issledovaniyakh [Typology of growth disorders in anthropological investigations]. *Vestnik antropologii*, vol. 7, pp. 199–218.

Waldron T., 2009. *Paleopathology*, Cambridge: Cambridge University Press, 279 p.

Wapler U., Crubézy E., Schultz M., 2004. Is Cribra Orbitalia Synonymous With Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 123, pp. 333–339.

Zubov A.A., 1968a. Nekotorye dannye odontologii k probleme evoliutsii cheloveka i ego ras [Some odontological data regarding the problem of evolution of man and his races]. *Problemy evoliutsii cheloveka i ego ras*, Moscow, pp. 5–122.

Zubov A.A., 1968b. *Odontologiya: (Metodika antropologicheskikh issledovaniy)* [Odontology: (Methods of anthropological investigations)], Moscow: Nauka, 199 c.

Zubov A.A., 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* [A methodological manual on anthropological analysis of odontological materials], Moscow, 72 p.

ЭТНОЛОГИЯ

А.А. Богордаева

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: bogordaeva@mail.ru

ЖЕРТВЕННЫЕ ПЛАТКИ МАНСИ (ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ)

Цель данного исследования — систематизация сведений о платках, приносимых в дар духам-покровителям у манси. Анализ производится на основе типологического метода. Рассматриваются материалы и украшения платков, способы их накидывания и повязывания, функции, которые они выполняют в обрядах и на святилищах. Исследование опирается на сведения, полученные в ходе этнографических экспедиций, изучения музейных коллекций и этнографической литературы. Определено, что на современных святилищах манси платки относятся к наиболее распространенным видам жертвенных приношений. Их дарят духам-покровителям как женского, так и мужского пола. Отличительным признаком жертвенных платков является монета, завязанная в уголок. Особый статус имеют платки с пришитыми подвесками из бисера, бус, с колокольчиками или бубенчиками. Выделено два типа жертвенных платков: самодельные и фабричного производства. На святилищах жертвенные платки выполняют ряд утилитарных функций. Они входят в состав костюма изображений духов-покровителей в качестве головных уборов, поясов, накидок, покрывал, перевязей и пр. Иногда они полностью заменяют одежду у изображений духов-покровителей. Часто платки составляют основу фигуры, изображающей духа-покровителя. Ими покрывали шкуру медведя во время медвежьего праздника. В семейной обрядности жертвенный платок выполняет магические (апотропейную и карпогоническую) функции. Такой платок специально готовят для духа-покровителя перед родами, а во время похоронного обряда кладут в гроб к умершему.

Ключевые слова: манси, одежда, костюм, платки, шали, украшения, духи-покровители, святилища, ткани, типологический анализ, образы божеств, этнографические исследования.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-100-110

Платки в культуре манси принадлежат к категории тех элементов, которые выделяют этот народ среди сибирских и финно-угорских народов. Изучение формы, украшений, способов повязывания показали, что ближе всего мансийские платки (как и платки обских угров в целом) к головным уборам тюркских народов Поволжья, Приуралья и Зауралья, а также народов Средней Азии и Кавказа [Лукина, 1985, с. 215–221; Соколова, 2000, с. 49–62; Федорова, 1994, с. 187–192]. Было установлено, что они входят в состав комплекса, связанного своим происхождением с культурой кочевников-скотоводов лесостепи [Соколова, 2000, с. 61–62; Федорова, 1994, с. 214]. Принадлежность платков к этой культуре отчетливо проявляется в обрядах и ритуалах, в которых они выполняют особые функции, являясь жертвенными дарами и важной частью костюмов духов-покровителей. Платки совместно с лоскутами ткани (*арсынами*) составляют здесь наиболее многочисленную категорию жертвенных приношений. Их доступность, количественное преобладание и кажущееся единообразие не вызывали исследовательского интереса, и они оставались вне рамок научного изучения.

Проведенные в последние годы обследования мансийских святилищ и их детальное описание выявили разнообразие платков, способов их повязывания и использования. Полученная информация позволяет по-новому взглянуть на имеющиеся материалы с целью их систематизации на основе типологического метода. К сожалению, историко-сравнительный анализ невозможен, поскольку наибольший объем данных относится к XX в., а более ранние сведения носят фрагментарный характер.

Историография по теме включает этнографические записки конца XIX — первой трети XX в., а также исследовательские работы второй половины XX — начала XXI в. Данные о жертвенных платках напрямую связаны с их функциями и по тематике делятся на три группы: 1) описания святилищ и находящихся там жертвенных приношений и костюмов духов-покровителей; 2) опи-

Жертвенные платки манси (типология и функции)

сание костюмов духов-покровителей на медвежьем празднике; 3) описания обрядов, в ходе которых использовались жертвенные платки.

Первая группа, включающая сведения о святилищах, жертвоприношениях и изображениях духов-покровителей, представлена наиболее полно и в основном современными исследованиями. К числу наиболее ранних упоминаний о платках на вогульских святилищах относятся опубликованные С.В. Бахрушиным сведения письменных источников (XVII–XVIII вв.?) о священных «идоложертвенных» деревьях «вогуличей и приобских остяков», «на ветвях которых вешались “серебро и золото и шелк и ширинки”» [Бахрушин, 2007, с. 26]. Некоторые данные о костюме, в том числе о платках духов-покровителей, имеются в записках Н.Л. Гондатти [1888b]. В собранных в начале и опубликованных лишь в середине XX в. материалах А. Каннисто содержится ценная информация о святилищах манси (в том числе западных и восточных) и находящихся на них жертвенных дарах, а также о платках духов-покровителей и их функциях [Kannisto, 1958]. Значительный объем сведений о жертвенных платках, способах их использования, приемах повязывания и изображениях духов-покровителей находим в работах И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева [1986], И.Н. Гемуева [1990], И.Н. Гемуева и А.В. Бауло [1999], А.В. Бауло [2013]. Авторы приводят описания жертвенных даров на святилищах, в том числе платков.

Следующую группу представляют материалы, посвященные медвежьему празднику и содержащие информацию о костюмах актеров, представляющих духов-покровителей. В их число входят работы Н.Л. Гондатти [1888a], В.Н. Чернецова [Источники..., 1987; Чернецов, 2001], З.П. Соколовой [1971], Е.Г. Федоровой [1994], С.А. Поповой [2003]. Третью группу составляют исследования, в которых платки упоминаются в связи с описанием определенных семейных обрядов [Ромбандеева, 1993; Попова, 2003].

В целом к настоящему времени накоплен значительный объем сведений о жертвенных платках. И хотя эта информация достаточно фрагментарна и разрозненна, часто отражает особенности обрядов различных групп манси, тем не менее она позволяет нам выделить типы платков и определить их функции.

Наше исследование основывается на анализе экспедиционных материалов автора, музейных предметов, а также сведений этнографической литературы. Сбор полевых материалов осуществлялся на основе собеседования в 2006–2010 гг. в п. Хулимсунт, дд. Верхненильдина, Пасолдино, Хошлог, Хурumpaуль, Ясунт Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Из числа музейных предметов здесь представлено изображение духа-покровителя из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТИАМЗ, № 7208).

Обследования показывают, что и в настоящее время на святилищах манси в большом количестве имеются платки, принесенные в дар духам-покровителям, так называемые *жертвенные* (пожертвованные) платки. Как правило, это новые, покупные, изредка самошитые платки из хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей разных цветов. Их дарят независимо от пола духам-покровителям как женского (*Калтась*, *Мис-нэ*, *Йибы-экс'е*, *Луски-экс'е*, *Суй-ур-экс'е* и др.), так и мужского (*Мир-сусне-хум'у*, *Ялпус-ойк'е*, *Торум-ойк'е*, *Чохрынь-ойк'е*, *Куль-отыр'у*, *Пауль-урне-ойк'е*, *Тапал-ойк'е*, и др.) пола [Бауло, 2013, с. 14, 30; Гемуев, 1990, с. 32–33, 72; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 11, 28, 60; Kannisto, 1958, S. 113, 314–315]. При этом в уголок платка завязываются монеты или кольца (в один или несколько углов). Известно, что края платков для духов-покровителей женского пола специальным образом декорировались: обшивались бахромой, к углам прикреплялись подвески из низок бисера или колец (цепочки) с большими металлическими пуговицами или колокольчиками и бубенчиками на концах. Отмечается, что такие украшения были обязательны для платков, приносимых в дар *Сянь Торум*, *Калтась* [Попова, 2003, с. 27; Kannisto, 1953, S. 315]. Также украшенные подобным образом платки были зафиксированы в свертке с жертвенными дарами, предназначавшимися для *Чохрынь-ойк'и*, а *Вит-хон'у* ('водяному царю') дарили «квадратный кусок новой (чаще шелковой) ткани с колокольчиками по углам» [Гемуев, 1990, с. 32–33; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 102]. Хлопчатобумажный платок белого цвета с черным набивным рисунком (мелкий горошек и бордюрный цветочный рисунок по периметру) и пришитой к одному из углов бусиной оранжевого цвета был обнаружен среди *арсынов* с монетами и мужским *иттерма* (изображение умершего) на святой полке в одном из домов в д. Ясунт [ГМА, 2007]. Очевидно, что традиция пришивания к углам платков различных подвесок имеет более широкое распространение и включает не только платки, предназначающиеся для духов-покровителей женского пола, но и платки, лоскуты ткани, жертвуемые духам-покровителям мужского пола. Представляется, что платки, декорированные таким образом, имели особый статус.

Типология

По способу изготовления и украшения мансийские платки подразделяются на два типа с вариантами. К первому типу относятся платки фабричного производства, покупные, ко второму — платки самодельные. В уголки обоих типов платков завязывались монеты.

Платки фабричного производства (покупные) в настоящее время наиболее распространены, как в быту, так и в обрядовой практике. На святилищах северных манси и сегодня можно увидеть восточные (китайские (?), бухарские (?)) платки из чистого шелка XVIII–XIX вв., шелковые, хлопчатобумажные платки и шерстяные шали, полушалки XIX — начала XX в. российского производства, платки (шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные и др.) советских фабрик. В большом количестве здесь имеются и платки современного производства из хлопчатобумажных, шелковых, шерстяных и синтетических тканей. Преобладающими в этом перечне являются хлопчатобумажные платки фабричного производства с цветочным рисунком. Однако наиболее ценились шелковые изделия. Изредка их еще можно встретить на современных святилищах [Бауло, 2013, с. 166, рис. 214а]. Известно, что составной частью костюма *Сянь Торум (Калтысь Торум)* помимо собольей шубы является шелковый платок [Гондатти, 1888b, с. 26–27]. Нередко платки этого типа дополнительно украшались: к краям пришивались полосы ткани, бахромы, подвески и пр. По наличию декоративных деталей у этого типа платков выделяется четыре варианта.

Вариант 1 составляют платки фабричного производства из хлопчатобумажных, шелковых, шерстяных и синтетических тканей, иногда с короткой бахромой по краям. Как правило, они имеют небольшой размер (65–80х65–80 см) [Бауло, 2013, с. 166, рис. 214а, б; с. 167, рис. 216б]. В этнографической литературе такие платки с завязанными в уголок монетами или кольцами неоднократно упоминаются при описании домашних и поселковых святилищ манси конца XIX — XX в. [Гемуев, Бауло, 1999, с. 25].

Вариант 2 представляют платки и шали фабричного производства с длинной бахромой. Особенно ценятся павловопосадские платки и шали. В быту и обрядности такие головные уборы входят в состав женского праздничного костюма (рис. 1). Кроме того, такие платки использовались мужчинами-актерами, представлявшими духов-покровителей на медвежьем празднике.

Рис. 1. Мерова Л.А. в традиционном мансийском праздничном костюме, д. Хошлог Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2008 г. Фото автора.

Варианту 3 соответствуют фабричные хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные платки и шали с пришитыми или привязанными дополнительными деталями — каймой и длинной ба-

Жертвенные платки манси (типология и функции)

хромой. Такие платки использовались как быту, так и в обрядах. Платки этого варианта зафиксированы как на святилищах, так и среди атрибутов медвежьего праздника [Бауло, 2013, с. 167, рис. 215, 216а; Гемуев, 1990, с. 79–80].

К варианту 4 относятся платки и/или шали с пришитыми к углам подвесками в виде низок бисера, цепочек, бус, колокольчиков и бубенчиков. Так, известно, что к углам платка или шали, предназначенных для *Калтась*, пришивались колокольчики. Описание такой шали с кистями, хранившейся в ящике с жертвенными дарами для *Калтась-эквы*, приводит А. Каннисто [Kannisto, 1958, S. 315]. По его словам, к двум углам шали были привязаны колокольчики, в одном были завязаны монеты, в другом — кольца [Там же].

Самодельные (традиционные) платки очень редко встречаются на современных святилищах. Это традиционные женские платки манси. По материалам этнографической литературы известно, что они бытовали в XIX — начале XX в. [Богордаева, 2006, с. 172; Федорова, 1994, с. 187]. Тем не менее обнаруженные экземпляры свидетельствуют, что они также входили в состав жертвоприношений. Известно о двух вариантах таких платков, которые могли быть как с кистями, так и без них.

В первом варианте платок имеет вышитый прямоугольник (квадрат) в центре, который обшит по краям широкими полосами цветной хлопчатобумажной ткани. Так, в 1997 г. д. Хулимсунт был обнаружен платок, центральная часть которого сделана из лоскута холста, расшитого традиционной мансийской вышивкой [Гемуев, Бауло, 1999, с. 89]. По периметру вышитый лоскут обшит широкими полосами хлопчатобумажной ткани [Бауло, 2013, с. 166, рис. 213].

Во втором варианте центральная часть (квадрат или прямоугольник) сделана из хлопчатобумажной или шелковой ткани и обшита по краям широкой тканевой полосой [Бауло, 2013, с. 167, рис. 215]. Известно, что такие самошитые из ярких покупных тканей платки изготавливались женщинами перед родами в подарок духу-покровителю детей и рожениц *Сянь* [Попова, 2003, с. 94, 150].

Приведенная типология обнаруживает связь платков фабричного производства с дополнительными деталями (варианты 3, 4) и самошитых платков. Очевидно, что пришитыми деталями (широкой каймой, бахромой и подвесками) пытались имитировать традиционный самошитый женский платок. Следует заметить, что и «павловопосадские» шали и платки, как правило, имеют по краям широкую полосу без рисунка и длинную бахрому, что сближает их с самошитыми платками традиционного типа.

В зависимости от типа и варианта платка находится способ его повязывания или накидывания на голову. В целом фиксируется несколько способов покрытия платками голов изображений духов-покровителей, в том числе актеров во время медвежьего праздника. Эти способы совпадают с теми, которые существуют в бытовой культуре: *внакидку* и в *ропуск* [Богордаева, 2006, с. 119; Федорова, 1994, с. 187]. Очевидно, что самошитые (традиционные) платки с вышивкой достаточно плотные и тяжелые и носились *внакидку*.

Наиболее часто встречается накидывание платка на голову изображения духа-покровителя четырьмя способами. Из них в двух случаях применяется платок в развернутом виде и в двух случаях — в сложенном. В первом варианте платок в развернутом виде накидывается на голову так, что два его смежных угла опускаются по обе стороны головы на плечи и на грудь, а два других — на спину. В другом варианте платок накидывали на голову в развернутом виде, при этом один его угол закрывал лицо и грудь, другой — спину и два — плечи и руки. С платками, накинутыми таким образом на голову, танцевали актеры, изображавшие духов-покровителей женского пола и женщин на медвеьем празднике [Источники..., 1987, с. 234; Чернецов, 2001, с. 20, рис. 7, с. 42; рис. 21]. В двух других вариантах используется сложенный на 1/4 или на 1/3 посередине (четырёхугольником) или по диагонали (треугольником) платок, который накидывается на голову так, что углы свисают по обе стороны головы на плечи и на спину. Иногда передние углы закидывали за спину. Как можно заметить, два последних способа повторяют два первых и могут считаться производными от них.

При другом способе использовался платок, сложенный по диагонали или по горизонтали, причем верхняя часть была короче нижней. Так покрывали голову изображений духов-покровителей как женского, так и мужского пола [Бауло, 2013, с. 104, рис. 117; с. 24–26, рис. 19; с. 29, рис. 24]. Мужчины, изображавшие духов-покровителей мужского пола во время медвежьего праздника, свернутым по диагонали платком покрывали спину и плечи. При этом его концы либо свободно свисали спереди, либо спереди закладывались за пояс, либо перекрещивались на груди и заправлялись за пояс [Чернецов, 2001, с. 13, рис. 2, 3а; с. 37, рис. 18–20]. По дан-

ным полевым исследований, у изображений духов-покровителей женского пола платок накинут на голову свернутым по диагонали с распущенными углами на спине и по бокам на груди [ПМА].

К числу наиболее распространенных способов относится повязывание платка в роспуск — прием, при котором два смежных угла спускаются на спину, два других завязываются под подбородком. Этот способ ношения платка встречается у духов-покровителей как женского, так и мужского пола [Бауло, 2013, с. 74, рис. 82; с. 80–81, рис. 90, 91]. Его вариантом можно считать ношение платка, сложенного вдвое по горизонтали и сколотого булавкой под подбородком (рис. 2).

Рис. 2. Мерова А.С. в традиционном мансийском праздничном костюме, д. Хурумпауль Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2010 г. Фото автора.

Кроме того, головы изображений духов-покровителей мужского пола часто просто обматывались платками (нередко поверх шапок), свернутыми по диагонали, как, например, у изображений *Полум-торум-аки*, *Али-хум'а*, *Луи-хум'а*, *Остлип-урне-отыр'а* [Бауло, 2013, с. 44–48, рис. 45; с. 61, рис. 62; Гемуев, Бауло, 1999, с. 16–17].

Функции

На святилищах жертвенные платки не просто хранились, они выполняли целый ряд функций и использовались не только по прямому назначению, составляя облачение или часть костюма изображений духов-покровителей, но и во время жертвоприношений, медвежьего праздника, в родильном и погребальном обрядах. Чаще всего они являлись *головными уборами* духов-покровителей как мужского, так и женского пола. Так, платки зафиксированы в составе костюма на изображениях *Калтась*, *Йибы-эkv'ы*, *Торум-щань*, *Суй-ур-эkv'ы*, *Нер-ойк'и*, *Чохрын'ойк'и*, *Али-хум'а*, *Луи-хум'а*, *Остлип-урне-отыр'а* и др. [Гемуев, 1990, с. 50, 125; Гемуев, Бауло, 1999, с. 8, 16–17; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 11]. Для духов-покровителей женского пола, как и для женщин в обыденной традиционной культуре, платок является важной частью костюма и обязательно присутствует в составе одежды. Обязательным считается платок для изображений *Сянь Торум*, *Калтась* [Гондатти, 1888b, с. 26–27; Попова, 2003, с. 26–27] и, как свидетельствуют полевые материалы,— *Мис-нэ* (ПМА).

Жертвенные платки манси (типология и функции)

В большинстве случаев в облачении духа-покровителя насчитывается несколько головных платков. У изображений *Пырищ'а* и *Мис-хум'а* на святилище *Мис-хум-ойк'и* (д. Менквя) должно быть по семь платков, а стоящая рядом фигура *Мис-нэ* укутана несколькими платками и покрыта платком сверху [Гемуев, Бауло, 1999, с. 97–98]. На медвежьем празднике *Калтась* показывали в одеянии из семи наброшенных на нее платков [Попова, 2003, с. 28]. Изображение *Торум-щань* покрывало 14 платков [Гемуев, 1990, с. 125]. У изображения духа-покровителя *Кук-Кук-эке'ы* из коллекций ТИАМЗ (№ 7208), привезенного из юрт Проточных в 1936 г., три платка (рис. 3). И только верхний является собственно платком, остальные два представляют квадратные лоскуты ткани: один — из ситца коричневого цвета с рисунком «восточный огурец» (32×28,5 см), другой — из ситца белого цвета (25×25,5 см). Верхний платок — из шерстяной ткани белого цвета (пожелтевший от времени) с цветочным рисунком по периметру (65,5×66,5 см). Как видим, не всегда головы изображений духов-покровителей покрывали платками, для этих целей применялись и лоскуты ткани. Как правило, это отрезки новой ткани, ранее не использованной.

Рис. 3. Изображение духа-покровителя юрт Проточных *Кук-кук-эке'ы* (ТИАМЗ № 7208). Фото автора.

Многослойность относится к числу традиционных признаков одежды северных групп манси. Известно, что в быту женщины надевали несколько платков для тепла в зимний период [Федорова, 1994, с. 187]. Во время свадебного обряда у ляпинских (сыгвинских) манси на невесту надевали несколько платьев и три или пять платков [Ромбандеева, 1993, с. 86]. Известно, что и погребальная одежда северных манси также отличалась многослойностью [Богордаева, 2006, с. 207].

Материалы святилищ показывают, что платок использовался и в качестве пояса духа-покровителя. Так, платками были обмотаны «талии» *Калтац-эке'ы*, *Остлип-урне-отыр'а* и др. [Гемуев, 1990, с. 50; Гемуев, Бауло, 1999, с. 17]. Кроме того, известно, что платки могли выполнять функцию одежды в целом. Так, нередко изображения духов-покровителей заворачивались в платки, которые играли роль одежды или просто жертвенного дара [Гондатти, 1888b, с. 7; Kannisto, 1953, S. 315].

Часто платки вместе со шкурами, с лоскутами ткани составляли основу изображения духа-покровителя, на которую надевали одежду. Эта традиция показывает определенную динамику. Если в начале XX в. лоскуты ткани и платки использовались для этого вместе со шкурами, то к концу XX в. в большинстве случаев основу делают из платков и лоскутов ткани [Гемуев, Бауло, 1999, с. 8, 17–18, Kannisto, 1953, S. 314]. Так, основа, сделанная из платков и лоскутов ткани, была обнаружена у изображения *Мис-нэ*, *Ялп-ус-ойк'и*, *Торум-щань*, *Луски-эке'ы* и др. [Гемуев, 1990, с. 66, 125; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 28].

Рассматривая традицию использования тканей и шкурок на святилищах, И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев не исключали, что «переход к широкому использованию тканей в ритуальных целях был обусловлен постепенным исчезновением в Западной Сибири пушного зверя, поголовье которого здесь резко упало начиная с XVII в.» [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 146]. Очевидно, следует согласиться с мнением И.Н. Гемуева, что «использование ткани как основного мате-

риала при изготовлении изображений духов — явление более позднее, нежели применение для этой цели меха» [1990, с. 32].

В ходе экспедиционных исследований 2005–2010 гг. нами не встречено ни одного изображения духа-покровителя с основой из шкурок, а вот основа из платков была зафиксирована у изображения женского духа-покровителя Хозумовых (д. Хурумпауль) [ПМА, 2010] (рис. 4).

Рис. 4. Изображение семейного духа-покровителя Хозумовых, д. Хурумпауль Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Фото автора.

Семь платков и один лоскут хлопчатобумажной ткани красного цвета с синим и зеленым цветочным рисунком (60×80 см) были вложены внутрь двух надетых друг на друга халатов. В один из углов красного лоскута завязана монета. Один из платков (88×90 см) сшит из красного ситца и обшит по краям каймой (13 см) из ситца белого цвета с геометрическим рисунком синего и желтого цвета. Второй платок (77×78 см) — из ситца синего цвета с белым цветочным рисунком, имеет клеймо («Сосневская отделочная фабрика»). К двум его противоположным углам пришито по пуговице ($d = 2$ см) из желтого металла. Пуговицы имеют полусферическую форму на ножке, в центре лицевой части расположено изображение якоря, с внутренней стороны пуговиц по диаметру находится надпись на немецком языке «Kriegsmarine» и шифр маркировки: на одной — «19 JFS. 42», на другой — «19 JFW.42» (рис. 5).

Третий платок (93×93 см) белого цвета с синим цветочным рисунком. Четвертый платок (85×72 см) также белого цвета, с зелено-голубым и красно-желтым цветочным рисунком, с монетой, завязанной в один из углов. Пятый платок (73×91 см) белого цвета с синим рисунком в виде цветов и горошка, также с завязанной в уголке монетой. Следующий платок (77×84 см) красного цвета с рисунком черного цвета в виде цветов и горошка. Последний платок (70×70 см) из искусственной шелковой ткани, с печатным рисунком видов Ленинграда с надписями по краям «Ленинград». Из семи платков, составляющих основу изображения, один самошитый из хлопчатобумажной ткани, традиционного для манси кроя — прямоугольник, обшитый по краям широкой полосой ткани. Заметим, что только один платок из числа описанных имеет пришитые подвески и только два снабжены монетами. Очевидно, здесь проявляется очередная трансформация традиции, при которой платок/ткань остается как основа для формирования фигуры изображения духа-покровителя, а прикрепленная к нему монета (являвшаяся когда-то важной и/или главной частью жертвенного дара) исчезает.

В семейной обрядности, в частности в свадебном, родильном и похоронном обрядах, жертвенным платкам отводилась особая роль, их изготовление и дальнейшее применение имели магический характер. Известно, что будущая мать для того, чтобы роды прошли успешно, готовила в качестве жертвенного дара для духа-покровителя *Сянь* специальный платок с пришитыми к углам подвесками из бисера, металлических колец с пуговицей или колокольчиками на

Жертвенные платки манси (типология и функции)

концах [Попова, 2003, с. 26–27, 94]. До родов этот платок хранился в женской сумочке для рукоделия (*тутчанг*), затем его уносили на святилище [Там же, с. 27]. По сведениям С.А. Поповой, после родов «разбирали» пришитые к платку «подвески из бисера или из мелких колец, пуговицы, колокольчики — и складывали все это в особый мешочек», предварительно завязав в угол платка монету [Там же, с. 94]. Известно, что (северо?)сосьвинские манси после рождения ребенка платок в числе других даров жертвовали *Мир-сусне-хум'у* [Kannisto, 1958, S. 113]. Очевидно, с этими же магическими функциями связан обычай, в рамках которого жертвенные платки со святилища отдавали девушкам и незамужним женщинам, а также мужчинам [Ibid., S. 317]. По свидетельству А. Каннисто, сосьвинские и верхнелозьвинские вогулы небольшие платки, взятые на святилище, привязывали к оружию или к пороховнице, с которыми ходили на охоту, а в другое время носили такие платки на шею [Ibid., S. 113, 316].

Рис. 5. Платок духа-покровителя с пришитыми к противоположным углам металлическими пуговицами. Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2010 г. Фото автора.

Кроме того, в платки завязывали другие жертвенные приношения духам-покровителям. Так, в шесть последовательно завязанных платков был уложен «богатырский» шлем, предназначенный для духа-покровителя [Гемуев, Бауло, 1999, с. 26]. Очевидно, в рамках этой же традиции следует рассматривать и зашивание платками лицевой части жертвенных покрывал. Иногда в такие платки заворачивали фигурки, изображающие животных, обещанных духу-покровителю в качестве жертвы [Kannisto, 1958, S. 314–315].

Магические функции жертвенных платков нашли отражение и в похоронной обрядности. Так, известно, что в гроб вместе с умершим (клали в карман или пришивали к одежде) помещали платок (или другую вещь) от *Мир-сусне-хум'а* или *Калтась*, чтобы умерший «мог найти дорогу в загробный мир» [Соколова, 1971, с. 236].

Еще одна функция жертвенных платков — *разграничительная* (разделение пространства) проявляется в развешивании их на перекладинах в помещении, где проводился медвежий праздник [Каннисто, 1999, с. 4; Чернецов, 2001, с. 7]. Также во время кровавого жертвоприношения духу-покровителю платки из прикладов вместе с жертвенными шкурами развешивались на жерди во дворе дома, в доме или на святилище [Гемуев, Бауло, 1999, с. 29]. Вероятно, таким образом ограничивалась ритуальная площадка и сакральное пространство около медведя или изображений духов-покровителей.

Жертвенные платки на святилищах располагаются и хранятся определенным образом. На поселковых и региональных святилищах их вешают на ветви, ими обматывают стволы деревьев, на региональных и домашних — развешивают на перекладинах в священных лабазах и амбарах, на чердаках, складывали в сундуки, мешки, коробки, завязывают в узлы и пр. [Бауло, 2013, с. 8, 14; Гемуев, 1990, с. 32–33, 51, 125; Гемуев, Бауло, 1999, с. 8, 25–27, 44–45; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 55, 95–96; Kannisto, 1958, S. 113, 314–315]. Как и в прошлом, за состоянием платков следят и испорченные заменяют новыми. Информация об использовании испорченных

жертвенных платков противоречива. Так, по данным А. Каннисто, верхнелозьвинские манси могли брать со святилища испорченные платки и пользоваться ими по своему усмотрению [1958, S. 316–317]. Известно, что из них даже шили пологи. По другим сведениям того же автора, на Сосьве испорченные платки складывали в отдельный ящик и уносили на чердак или вывешивали за домом [Ibid., с. 317].

Выводы

В ходе исследования по способу изготовления было выделено два типа жертвенных платков: фабричного производства и самошитые. Для тех и других было характерно наличие завязанной в уголок монеты, что объединяет их с другими жертвенными дарами (шапками, *арсынами*, халатами и пр.). Сравнительный анализ некоторых вариантов (2–4) платков фабричного и самодельного производства показал их сходство по таким признакам, как размер, наличие бахромы и каймы по краям, а также дополнительных украшений. Все это свидетельствует о том, что применение покупных платков в обрядовой практике манси связано с замещением и вытеснением платков самодельных.

Среди покупных платков наибольшей популярностью пользовались шелковые, а также платки и шали с длинной бахромой. Известно, что в мансийском языке обычной головной платок обозначается *пуңктор* (сосьв.), *пӓңктор* (конд.), *пуңкын пиннэ тӓр* (ляпин.) [Баландин, Вахрушева, 1958, с. 90; Ромбандеева, 2005б, с. 24]. А головной шелковый платок с пришитыми в уголках бусинами назывался *ярмах-тор* [Гемуев, 1990, с. 63].

Особое место среди жертвенных платков занимают платки с пришитыми подвесками. Очевидно, так подчеркивается особый (более высокий) статус тех духов-покровителей, для которых изготавливались такие платки. Вероятно, подвески на платках выполняли дифференцирующую, маркирующую функцию. По мнению С.А. Поповой, «бисерные подвески и колокольчики на ритуальных предметах... несут на себе наибольшую семантическую нагрузку. Они указывают на сакральность данной вещи, символизируют мифологический... край *кемппынг* в переходные периоды и связаны с символикой конца и начала» [2007, с. 27]. Соглашаясь с тем, что платки и их подвески, как и другие вещи, приносимые в дар духам-покровителям, а также находящиеся на святилищах и принадлежащие духам-покровителям, обладают высокой степенью сакральности (и наделяются определенными магическими функциями) в рамках представлений традиционной культуры, заметим, что сама традиция украшения углов женских платков подвесками имела в прошлом более широкое распространение и в обрядовой, и в бытовой культуре. Так, в обрядовой сфере подвесками из низок бисера, цепочек, бус с колокольчиками и бубенчиками на концах украшались жертвенные покрывала, пояса, шлемы, предназначавшиеся для духов-покровителей. Кроме того, известно, что в некоторых случаях колокольчики пришивались к лоскутам (шелковой) ткани, которые приносились в дар духам-покровителям [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 102]. Бубенчики или колокольчики нашивали и на халаты (под мышками, на рукава, завязки и по подолу) духа-покровителя женского пола *Сянь* [Попова, 2003, с. 28].

В бытовой культуре украшения из низок бисера, плетеных бисерных лет с колокольчиками и бубенчиками на концах имели женские платки и косынки восточных манси и южных хантов [Богордаева, 2006, с. 172; Прыткова, 1953, с. 203–204; Федорова, 1994, с. 187–188; Vahter, 1953, Tl. 107, Abb. 107; Tl. 108, Abb. 108; Tl. 142, Abb. 142]. Представляется, что существующая в настоящее время традиция пришивания подвесок в виде бисера, бус с колокольчиками, бубенчиками или металлическими пуговицами на концах к углам жертвенных платков имеет двойное происхождение. На наш взгляд, произошло совмещение двух разных по предназначению обычаев — украшения подвесками из бисера, бус, пуговиц женских традиционных платков и украшения колокольчиками и бубенчиками обрядовой атрибутики.

Непосредственно с типами платков, видами ткани, из которой они сшиты, а также с их украшениями связаны способы их повязывания и ношения — внакидку и в роспуск. В то же время использование платка в качестве пояса свидетельствует о существовании в прошлом некоего элемента костюма (кушака и т.п.?), который был впоследствии заменен платком. Замещение одежды некоторых духов-покровителей платками скорее всего связано с утратой приемов и традиции ее изготовления.

Магические (апотропейная и карпогоническая) функции жертвенных платков отчетливо проявляются при их использовании в родильном и похоронном обрядах, а также в их последующем применении в охотничьем промысле и среди незамужних девушек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Л.: Ленингр. отд-е Учпедгиза, 1958. 228 с.
- Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках. Екатеринбург: Баско, 2007. 284 с.
- Бауло А.В.* Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этногр. альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Богордаева А.А.* Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.
- Гемуев И.Н.* Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Гондатти Н.Л.* Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888а. С. 61–91.
- Гондатти Н.Л.* Следы языческих верований у Маньзов // Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888b. С. 3–51.
- Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 280 с.
- Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 384 с.
- Попова С.А.* Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 180 с.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов // СМАЭ. 1953. Вып. XV. С. 123–233.
- Ромбандеева Е.И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Север. дом: Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Ромбандеева Е.И.* Русско-мансийский словарь: Учеб. пособие для учащихся 5–9 кл. общеобраз. уч-режд.: В 2 ч. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2005. Ч. 2. 185 с.
- Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. М.; Л.: АН СССР, 1971. Т. 37. С. 211–238.
- Соколова З.П.* Платок в культуре хантов и манси // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею д-ра ист. наук З.П. Соколовой. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 49–86. (Сиб. этногр. сб.; Вып. 10).
- Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 284 с.
- Чернецов В.Н.* Медвежий праздник у обских угров. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 50 с.
- Чернецов В.Н., Чернецова И.Я.* Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 116 с.
- Kannisto A.* Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. 444 S.
- Vahter T.* Ornamentik der Ob-Ugrier // Société Finno-Ougrienne. Travaux Ethnographiques. 1953. IX. 216 S.

A.A. Bogordayeva

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
 Maglygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
 E-mail: bogordayeva@mail.ru

MANSI SACRIFICIAL KERCHIEFS (TYPOLOGY AND FUNCTIONS)

The aim of this study is to systematize information on kerchiefs that the Mansi present to the guardian spirits. The analysis is based on the typological method. The article analyzes materials kerchiefs are made of and their ornaments, ways of throwing on and tying, their functions. The research is based on information gathered during ethnographic expeditions, studies of museum collections and ethnographic literature. It is found out that kerchiefs are the most common type of sacrificial offerings at contemporary Mansi shrines. Regardless of sex, they are presented to female and male guardian spirits. A coin tied into a corner is a distinctive feature of sacrificial kerchiefs. Kerchiefs with pendants made of seed beads, beads, bells or small bells sewn on have a special status. Two types of sacrificial kerchiefs are distinguished: home-made and tailor-made kerchiefs. Currently, the most common kerchiefs are tailor-made. It was determined that sacrificial kerchiefs perform a number of functions at sanctuaries. They form part of a costume of the images of guardian spirits as headdresses, belts, bedspreads, etc. Sometimes they completely replace clothes in the images of guardian spirits. Kerchiefs often form a basis of a figure depicting a guardian spirit. They are used

to cover the skin of a bear during a bear feast. It is found out that kerchiefs exercise magical (apotropaic and carpogonical) functions in family rites.

Key words: the Mansi, clothes, costume, kerchiefs, shawls, adornments, guardian spirits, sanctuaries, fabrics, typological analysis, ethnographic researches, images of guardian spirits, magic functions.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-100-110

REFERENCES

- Balandin A.N., Vakhrusheva M.P., 1958. *Mansiisko-russkii slovar' s leksicheskimi paralleliami iz iuzhnomansiiskogo (kondinskogo) dialekta* [Mansi-Russian dictionary with lexical parallels of the Southern Mansi (Kondinsky) dialect], Leningrad: Leningradskoe otdelenie Uchpedgiza, 227 p.
- Bakhrushin S.V., 2007. Ostiatskie i vogul'skie kniazhestva v XVI-XVII vv. [Ostiak and Vogul principalities in XVI–XVII centuries]. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vekakh*, Ekaterinburg: Basko, 284 p.
- Baulo A.V., 2013. *Sviashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: Etnograficheskii albom* [Sacred places and attributes of the Northern Mansi in the beginning of the 21st century: An ethnographic album], Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 208 p.
- Bogordayeva A.A., 2006. *Traditsionnyi kostium obskikh ugrov* [The traditional costume of the Ob-Ugrian peoples], Novosibirsk: Nauka, 239 p.
- Chernetsov V.N., 2001. *Medvezhii prazdnik u obskikh ugrov* [A bear feast among the Ob Ugrian people]. Tomsk: Izd-vo TGU, 50 p.
- Chernetsov V.N. i Chernetsova I.Ia., 1936. *Kratkii mansiisko-russkii slovar' s prilozheniem grammaticheskogo ocherka* [Concise Mansi-Russian dictionary with a grammatical sketch], Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 115 p.
- Fedorova E.G., 1994. *Istoriko-etnograficheskie ocherki material'noi kul'tury mansi* [Historical-ethnographic essays on Mansi material culture], St. Petersburg: MAE RAN, 284 p.
- Gemuev I.N., 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [The Mansi worldview: House and Space], Novosibirsk: Nauka, 232 p.
- Gemuev I.N., Baulo A.V., 2001. *Nebesnyi vsadnik: Zhertvennye pokryvala mansi i khantov* [Sky Horseman: Sacred shawls of Mansi and Khanty], Novosibirsk: IAET SO RAN, 160 p.
- Gemuev I.N., Sagalaev A.M., 1986. *Religiia naroda mansi* [The religion of the Mansi people], Novosibirsk: Nauka, 192 p.
- Gemuev I.N., Baulo A.V., 1999. *Sviatilishcha mansi verkhov'ev Severnoi Sos'vy* [The sacred places of Mansi of the Upper Northern Sosva river], Novosibirsk: IAET SO RAN, 240 p.
- Gondatti N.L., 1888a. *Sledy iazycheskikh verovanii u Man'zov* [Traces of paganism among the Mansi]. *Sledy iazycheskikh verovanii u inorodtsev Severo-Zapadnoi Sibiri*, Moscow, pp. 3–51.
- Gondatti N.L., 1888b. *Kul't medvedia u inorodtsev Severo-Zapadnoi Sibiri* [The cult of bear among the indigenous dwellers of North-Western Siberia]. *Sledy iazycheskikh verovanii u inorodtsev Severo-Zapadnoi Sibiri*, Moscow, pp. 61–91.
- Kannisto A., 1958. *Materialien zur Mythologie der Wogulen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, vol. 113, Helsinki, 444 p.
- Lukina N.V., 1985. *Formirovanie material'noi kul'tury khantov (vostochnaia gruppa)* [Formation of Khanty material culture (Eastern group)], Tomsk: Izd-vo TGU, 384 p.
- Lukina N.V., Ryndina O.M., 1987. *Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri* [Sources on ethnography of Western Siberia], Tomsk: Izd-vo TGU, 280 p.
- Popova S.A., 2003. *Obriady perekhoda v traditsionnoi kul'ture mansi* [Rituals of transition in the traditional culture of Mansi], Tomsk: Izd-vo TGU, 180 p.
- Prytkova N.F., 1953. *Odezhda khantov* [Khanty clothes]. *Sbornik MAE*, XV, pp. 123–233.
- Rombandeyeva E.I., 1993. *Istoriia naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaia kul'tura (po dannym folklora i obriadov)* [History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and ritual data)], Surgut: Severnyi dom: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 208 p.
- Rombandeyeva E.I., 2005. *Russko-mansiiskii slovar': Uchebnoe posobie dlia uchashchikhsia 5–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: V 2 ch. Ch. 2* [Russian-Mansi dictionary: A textbook for pupils of the grades 5–9 of general educational institutions: In two parts. P. 2], St. Petersburg: Filial izd-va «Prosveshchenie», 185 p.
- Sokolova Z.P., 1971. *Perezhitki religioznykh verovanii u obskikh ugrov* [Remnants of religious beliefs among the Ob-Ugrians]. *Sbornik MAE*, vol. 37, Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 211–238.
- Sokolova Z.P., 2000. *Platok v kul'ture khantov i mansi*: [A kerchief in the culture of Khanty and Mansi]. *Etnografiia narodov Zapadnoi Sibiri: K iubileiu doktora istoricheskikh nauk Z.P. Sokolovoi (Sibirskii etnograficheskii sbornik, 10)*, Moscow: IEA RAN, pp. 49–86.
- Vahter T. *Ornamentik der Ob-Ugrier. Société Finno-Ougrienne. Travaux Ethnographiques*, IX, 1953, 216 S.

ТЕРМИНОЛОГИЯ И СОДЕРЖАНИЕ РИТУАЛОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ СВАДЬБЫ¹

Статья посвящена изучению некоторых компонентов свадебного обряда коми-пермяков. В исследовании решается несколько задач. Во-первых, рассматриваются свадебные термины, обозначающие отдельные свадебные акты и ритуалы. Во-вторых, проводится сравнительный анализ свадебных традиций коми-пермяков и русских. Решение данных задач позволяет выявить аналогии с русскими локальными обычаями и этническую специфику свадебной обрядовой культуры коми-пермяков. Большую часть терминов свадебных актов и ритуалов у коми-пермяков составляют заимствованные русские названия. Кроме этого, существуют обозначения на коми-пермяцком языке, часть которых появилась вследствие влияния русской лексики. Остальные термины можно назвать результатом развития собственного языка в рамках обрядовой культуры. Система свадебной терминологии у коми-пермяков довольно сложная, так как в ней не только сочетается лексика разных языков, но и существуют разные локальные варианты обозначений одного ритуала. Более подробно рассматриваются те ритуалы и свадебные акты, которые вызывают вопросы или по своему названию предполагают этническую специфику. Анализ содержания обычаев показывает, что наиболее важный их момент — действие или его символическое значение — отражается в названии. Возможно, наличие разных названий одного ритуала связано с изменениями в свадебном обряде, которые происходили у отдельных локальных групп коми-пермяков. При сравнительном анализе коми-пермяцких и русских свадебных традиций более всего сходства обнаружено с русскими Прикамья и Европейского Севера. Часть рассмотренных в статье ритуалов и свадебных актов можно назвать уникальной коми-пермяцкой традицией, так как полностью аналогичных им русских обычаев не обнаружено. Это такие ритуалы и акты, как угощение пельменями на девичнике; кудпдыбс — подача угощения гостям, которые не были приглашены на свадьбу; обычай, при котором свекровь дарит снохе платок, укладывая его ей (молодым) на плечи.

Ключевые слова: свадебный обряд, коми-пермяки, свадебная терминология, рукобитье, пельмени, купание невесты.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-111-119

Свадебная обрядность коми-пермяков примечательна тем, что она во многом повторяет русский свадебный обряд. Еще в середине XIX в. редактор издания «Пермский сборник» Д.Д. Смышляев отмечал: «...свадебные обряды Пермьяков во многом сходны с обрядами окрестных Русских, от которых они, по всей вероятности, заимствованы вскоре по принятии христианства» (цит. по: [Рогов, 1860, с. 68]). На заимствование указывают общие ритуалы и обычаи, терминология, богатая музыкальная лирика, которая почти полностью исполняется на русском языке. Русское население в первые годы заселения территории Прикамья прибывало в основном из северных и центральных земель [Чагин, 1995, с. 64], поэтому можно предположить, что больше всего обрядовых параллелей коми-пермяцкая свадьба имеет с традициями данных территорий. Помимо заимствований, свадебный обряд коми-пермяков может включать и свои этнические элементы, что остается слабо изученным, несмотря на наличие подробных этнографических описаний. Определение территориальных параллелей с русской традицией и выявление этнических компонентов в обряде являются основной целью настоящей статьи. Методами исследования стали анализ обрядовой коми-пермяцкой терминологии и сравнение свадебных ритуалов коми-пермяков и русских.

Исследование опирается на опубликованные описания свадебного обряда коми-пермяков с середины XIX до начала XXI в. [Рогов, 1860, с. 68–116; Янович, 1903, с. 72–92; Белицер, 1958, с. 298–309; и др.] и на записи полевых исследований автора и участников этнографических экспедиций Пермского государственного научно-исследовательского университета (1999–2007 гг.,

¹ Статья подготовлена в рамках проектов УрО РАН № 15-13-6-29, РФФИ № 17-14-59001.

рук. А.В. Черных), Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (2005–2013 гг., рук. И.А. Подюков, А.В. Черных). Полевые материалы представляют собой рассказы-воспоминания об обряде, который бытовал в течение XX в.

Обрядовая терминология имеет большое значение в изучении традиций. С.М. Толстая в ее составе выделяет обозначения ритуальных предметов, действующих лиц, действия, свойства и прочее [1989, с. 216]. В данной статье изучаются термины отдельных ритуалов и ритуальных действий или актов. Свадебный акт, по определению А.В. Гура, это «простейший элемент свадебного обряда, единица свадебной реальности, имеющая обрядовую, обычно знаковую природу» [1978, с. 72]. «Свадебный ритуал» в статье рассматривается как совокупность нескольких актов, имеющая определенное значение в обряде. Отметим, что не все свадебные акты и ритуалы в народной культуре имеют свои названия, но в речи большинство из них определенным образом обозначаются, например, описательно, и можно выявить относительно устойчивые их формулы.

Обозначения свадебных актов и отдельных ритуалов у коми-пермяков бытуют на русском и коми-пермяцком языках, причем один и тот же акт на разных территориях или в речи в разных ситуациях общения может иметь разные обозначения: *чикись разьны* и *чикись путишотны* 'косу расплести' (в сев. и южн. наречиях), *йорйотны* 'огородить' и «закрывать дорогу» (к.-п. и рус. речь). Многие заимствованные русские термины используются коми-пермяками в неизменном виде: рукобитье, обручение, девичник, свадьба, обед, пирожный стол, хлебны и др.

Термины на коми-пермяцком языке по происхождению и значению можно подразделить на следующие группы:

1) преобразованные «на коми-пермяцкий лад» русские термины: *девишникасьны* 'проводить девичник', *веничайтём* 'венчание', *задатитчём* от слова «задаток», «ритуал, во время которого дают задаток»;

2) переводы русских терминов на коми-пермяцкий язык: *пирё лун* 'пирожный день', *невес-та юан* 'пропивание невесты';

3) коми-пермяцкие выражения, описывающие свадебные акты: *вурсьыны* 'шить' — невеста с помощью подруг готовит приданое (то же, что девичник), *корасьны* 'сватать' (от слова *корны* 'звать') и др.;

4) коми-пермяцкие выражения, обозначающие символический смысл свадебного акта и ритуала: *ичмонявны* букв. 'сделать невесткой' в значении «надеть женский головной убор» и др.

Приведенные группы указывают на то, что в языке коми-пермяков сформировалась своя система обозначений свадебных актов и ритуалов. Большую долю в общем корпусе терминов составляют воспринятые русские свадебные названия, все остальные можно определить как результат словообразования коми-пермяцкого языка, в том числе благодаря влиянию русской лексики. Рассмотрим некоторые из терминов и сравним их значение в свадебной обрядности коми-пермяков и русских.

Одним из неоднозначных терминов на коми-пермяцком языке является *кикутан* (*ки кутны* 'руку брать'), который исследователи переводят как 'рукобитье' [Коми-пермяцко-русский словарь, 1985, с. 172]. Рукобитье в русской традиции Северного Прикамья — это «название свадебного дня между просватаньем и обручением, когда скреплялся договор о предстоящей свадьбе, и сам свадебный договор» [Подюков и др., 2004, с. 145]. Одним из знаковых действий этого обычая часто называется битье по рукам, когда отец невесты берет за руку свата, мать — руку свахи, невеста — жениха, в некоторых случаях третье лицо разбивает их руки [Там же]. Н.А. Рогов в описании коми-пермяцкой свадьбы разделяет два названия. Рукобитьем он называет день просватанья, а *кикутны* — лишь один из актов рукобитья: «Сваты берут друг у друга правую руку, что называется *кикутны* — руку держать. Сватовщик говорит отцу невесты: "Смотри, сват, не имей другого слова! Попятись — отдашь бесчестье; я отступлюсь — я плачу". С одной стороны товарищ сватовщика, с другой — мать невесты разнимают у сватов руки. Этим обрядом утверждается, что условие между сватами было заключено при свидетелях и получило теперь уже обязательную силу» [Рогов, 1860, с. 72]. Авторы описаний свадебного обряда коми-пермяков рубежа XIX–XX вв. называют только русский термин — рукобитье, который также включает ритуал заключения соглашения о свадьбе. Он включает трапезу, угощение вином, вручение невестой подарков родне жениха, песни и игры молодежи, а также «битье по рукам» [С.М.А., 1889, с. 219; Смирнов, 1891, с. 216; Янович, 1903, с. 79–80]. Аналогично повествуют о данном ритуале В.Н. Белицер и В.В. Климов, причем исследователи используют терми-

Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы

ны «рукобитье» и *кикутан* как равнозначные [Белицер, 1958, с. 303]. В.В. Климов также по отношению к данному ритуалу использует названия «пропивание» или *винаюм* [2007, с. 89, 250].

Согласно современным полевым материалам, терминам «рукобитье» и *кикутан* даются следующие определения.

I. Рукобитье = рукожатье = *кикутан* — ритуал, который совершается после сватовства, когда жених с родителями приходит к невесте, все угощаются за столом, в один из моментов сваты (или другие участники обряда) берутся за руки (Коч., Юсьв.).

II. Рукобитье = *кикутан* — «вечерка» после сватовства, во время которой акт рукопожатия отсутствует (Куд., Юсьв.).

III. Рукобитье = *кикутан* — акт рукопожатия во время ритуала, следующего за сватовством (Юсьв.), в некоторых случаях за руки берутся через стол, третье лицо разбивает (Коч.); или руки на несколько секунд обертывают полотенцем (Куд.).

IV. *Кикутан* — акт во время свадебных ритуалов, во время которых жених и невеста держатся за одно полотенце (Коч., Юсьв.).

Таким образом, и русское, и коми-пермяцкое названия используются для обозначения ритуала договоренности о свадьбе и символического акта пожатия рук как знака заключения договора. Аналогичное значение слово «рукобитье» имело в русских говорах Архангельской, Новосибирской губерний [Словарь..., 2001, с. 248]. Определение *кикутан* как акта, во время которого жених и невеста держатся за одно полотенце, очевидно, позднее, оно могло появиться тогда, когда об отдельном ритуале договоренности с таким названием не помнили. Подобное смещение значения объясняется тем, что коми-пермяцкое слово *кикутан* в отличие от русского «рукобитье» в буквальном переводе означает 'держание руки'. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что термин *кикутан* появился не вследствие перевода русского слова «рукобитье», а возник самостоятельно в коми-пермяцком языке как обозначение конкретного акта — пожатия рук.

Большую распространенность на территории России имел обычай под названием «пропивание», он встречался в северных и центральных губерниях, в Поволжье и Сибири [Березин, 1981, с. 37; Словарь..., 1998, с. 206; Самоделова, 2015а, с. 98–101]. По описанию Я. Предтеченского, в г. Чердыни этот обычай следовал за рукобитьем, он закреплял договор двух семей о свадьбе [1859, с. 60–63]. В с. Подволожье Архангельской области пропивание невесты означало то же, что ритуал рукобитья [Русская свадьба, 2000, с. 48]. Аналогичное значение приводит В.В. Климов в коми-пермяцкой традиции [2007, с. 250]. В.М. Янович пишет, что «пропой» в свадебном обряде коми-пермяков заменил старый обычай «рукобитье» [1903, с. 74]. Если судить по материалам полевых исследований, то данный обычай был более известен в Кудымкарском и Юсьвинском районах. В Кочевском районе пропивание невесты в некоторых примерах описывается как один из актов ритуала *задатитчём*. В русской речи коми-пермяки используют слова «пропивать», «пить», в коми-пермяцкой — *юны* 'пить', *невеста юны* 'невесту пропивать', *вина юны* 'вино пить'. На пропивании жених с родней обязательно должны принести в дом невесты спиртные напитки и небольшое угощение. Если невеста с родителями угощались напитками жениха, то в последующем они уже не могли отказать им в свадьбе. Во время пропивания невеста накрывала стол своими блюдами, приглашала подруг, они пели песни, плясали, жених дарил невесте подарки, сваты договаривались о свадьбе. Таким образом, в коми-пермяцкой свадебной терминологии выражение *невеста юны* используется в двух значениях: 1) ритуал закрепления договора о свадьбе после сватовства, заменивший в некоторых местах рукобитье; 2) один из актов в ритуале закрепления договора о свадьбе, когда ритуал известен под другим названием. В первом случае главным символическим актом договоренности считается употребление невестой и ее родней напитков жениха, во втором данный акт является лишь одним из череды других знаковых действий.

Ритуал *задатитчём* (*задатитчины*), известный в Кочевском районе, по своему значению аналогичен пропиванию и рукобитью. Он включает угощение, заключение договора о свадьбе, в том числе символический акт рукопожатия (с. Пельым Коч.), обмен жениха и невесты подарками. Важен в нем акт передачи невестой жениху *знамени* (*залога, задатка*) как знака согласия на брак. В качестве *знамени* невеста могла дать полотенце, отрез ткани, пояс, рукавицы, рубаху, кисет. Жених в ответ дарил невесте деньги или платок. Вручение подарков жениховой родне и ответные отдаривания присутствовали и во время рукобитья [Рогов, 1860, с. 73; Янович, 1903, с. 80]. Традиция давать «знамя» больше известна в северных районах Коми-Пермяцкого округа,

но также зафиксирована среди иньвенских коми-пермяков (п. Березовка Куд.). Слова *задаток* и *знамя* в том же значении использовались в соседних русских районах — Ильинском, Карагайском, Юрлинском [Подюков и др., 2004, с. 59, 64]; *задаток* (*задаточек*) и *залог* — в северных, центральных и сибирских губерниях России [Словарь..., 1974, с. 43, 213; Логинов, 2010, с. 222]. Судя по происхождению терминов и распространению обычая, данный акт свадебной обрядности воспринят коми-пермяками от русских, при этом коми-пермяки, проживающие на территории Кочевского района, по-видимому, придавали ему большее значение, отчего его название распространилось на целый ритуал свадебного обряда.

Коми-пермяцкие термины свадебной обрядности, которые просто обозначают действие описательно, как правило, совпадают с терминологией русской свадебной традиции. Лишь немногие из них вызывают вопросы и требуют сравнительного анализа.

Один из таких обычаев — угощение пельменями. В XX в. пельмени были одним из традиционных свадебных блюд коми-пермяков. В середине XIX в. Н.А. Рогов при описании свадебных столов их не называет, хотя отмечает, что «пельмени весьма уважаются Пермьяками и готовятся только в важных случаях: для невесты, зазванной в гости, для знатных гостей...» [1860, с. 17]. По описанию второго дня свадьбы, которое дает В.М. Янович, можно судить, что пельмени во время свадебного пира подавались и могли быть с разными начинками [1903, с. 79]. При полевых исследованиях тексты о данных обычаях, к сожалению, были записаны только на русском языке, акты в них определяются как «пельмени готовить», «пельмени стряпать», «пельмени есть». На коми-пермяцком языке они звучат так: *пельняннез керны*, *пельняннез стряпайтны*, *пельняннез сёйны*. В рассказах отмечаются особые моменты приготовления пельменей, это канун свадьбы во время девичника и второй (третий) день свадьбы. В первом случае пельмени стряпали подруги и родственники невесты, во втором — молодуха с помощью родственников мужа. В некоторых местах в пельмени специально клали разные вещи, а затем смотрели, что попадет невесте и ее подругам (уголь — несчастье или муж будет кузнецом; соль — плохой знак или богатая жизнь, хлебная начинка — богатая жизнь, нитка-плетка — драчливый муж). В деревнях Юсьвинского и Кудымкарского районов такие пельмени ели обычно после посещения невестой бани, к девушкам тогда мог присоединиться жених: «*А потом тожно приезжают пельмени исть. Накануне, ну. <...> Пельмени настряпают, пельмени едят тоже. Девчонок пригласят че-то, девчонка приглашает своих девчонок тоже готовить, девичник де*» (Гордеева М.С.).

В русской традиции описание обычая «есть пельмени» во время девичника отмечается на территории Пермского края в Верещагинском районе. В один из пельменей клали волос невесты. Кому из девушек этот пельмень доставался, та должна была следующей выйти замуж [Подюков и др., 2004, с. 213]. Также пельмени, по которым гадали о будущей судьбе, стряпали в Юрлинском районе на второй день свадьбы [Там же, с. 108]. Пельмени как свадебное блюдо распространены на ограниченной территории. Если судить по доступным нам описаниям, пельмени на свадьбу готовили в соседних с Пермским краем регионах: в Свердловской области (Кушва) ими угощали невесту во время ее визитов к родственникам перед свадьбой, удмурты ставили на стол пельмени на свадьбе в доме невесты [Корчагин, 2015, с. 88, 91; Кережи, 2016, с. 178]; у русских северо-восточной части Среднего Поволжья пельмени были одним из обязательных блюд на второй день свадьбы [Зорин, 2001, с. 150]. Таким образом, можно сделать вывод, что традиция угощения пельменями на свадьбе бытовала в Прикамье и на соседних территориях, а обычай есть пельмени на девичнике и гадать по ним, возможно, возник в местах расселения коми-пермяков.

Невеста лапьялны 'накинуть на невесту платок' — описательное обозначение одного из свадебных актов, которое известно коми-пермякам Косинского и Кочевского районов. Р.М. Баталова и А.С. Кривошекова-Гантман дают следующий перевод коми-пермяцкого слова *лапьялны* (*вапьявны*): «накидывать на себя платок (на плечи, на голову)» [Коми-пермяцко-русский словарь, 1985, с. 219]. В описаниях свадебного обряда коми-пермяками обычно уточняется, кто накидывает (свекровь), что накидывается (полушалок, платок с бахромой) и на кого (на невесту, на молодых): *невеста лапьялõны подшалокõн* 'невесту накрывают полушалком', *матшка подшалок лапьялас* 'свекровь полушалок накинет'. По разным источникам, действие это осуществлялось в доме жениха вскоре после приезда молодых или уже к концу дня. Приведем одно из наиболее подробных описаний: «*А матшкаыс сйõ чышьянон лапьялõ, невестасõ. Пыркõtõ и сйõ благословляйтõ, этадз керлõ нйõ кыкнансõ* [показывает: трясет платок, обво-

дит его вокруг молодых и кладет им на плечи]. *“Буржыка олны тiянлö...”* ‘А свекровь ее платком укрывает, невесту. Трясет и благословляет ее, вот так делает над ними обоими... *“Чтобы вам лучше жить...”*’ (Батуева А.Е.). В отдельных примерах отмечается, что данное действие происходило во время раздачи невестой подарков, когда родственники мужа поочередно подходили к молодым. По сообщению краеведа В.И. Гагарина, в с. Большая Коча Кочевского района свекровь (затем и свекор) во время этого акта впервые называла невесту «дочкой», а невеста в ответ дарила подарок и называла так, как хотела бы обращаться к ним в будущем. В народном восприятии данный акт имеет несколько значений: 1) передача подарка от свекрови невестке, 2) благословение молодых, 3) установление терминов-обращений для молодухи и родителей жениха. Считаем, что в совокупности данный акт символически отмечает принятие молодой в новую семью.

Полностью аналогичной традиции накидывания платка на невесту у других народов не обнаружено, вместе с тем в разных местах существовали свои обычаи дарения платка невесте и покрывания платком ее или молодых. Так, у южных удмуртов мать жениха надевала на невесту платок, который закрывал ее голову и лицо, «с этой минуты девушка считалась молодухой и не могла вернуться в родной дом» [Кережи, 2016, с. 174]. У русских Водлозерья свекровь набрасывала на голову молодой большой шелковый платок при завершении обряда «окручивания» [Логинов, 2010, с. 241–242]. В Македонии (р-н Виноци) мать жениха покрывала молодых шелковым платком при встрече их в своем доме [Гура, 2012, с. 473]. В качестве подарка платок вручался молодой у коми (Усть-Цыльма, Латьюга). В традиции зауральских коми (Обдорск) свекровь при встрече молодых снимала с невесты платок и накрывала ее своим [Плесовский, 1968, с. 87–88]. Итак, традиция дарения платка свекровью снохе является общей для разных народов, при этом акт *невеста лапьялны* у коми-пермяков своеобразен по способу осуществления, символической семантике и лингвистическому обозначению.

Наибольший интерес для определения этнического своеобразия имеют коми-пермяцкие термины, обозначающие символическое значение свадебного акта или ритуала. Одним из них является *кудпыдöс* ‘дно лукошка’ (*кудпыдöс сёйны, юны* ‘дно лукошка есть, пить’, *кудпыдöс вильöтны* ‘дно лукошка обглаживать’). Термин распространен только среди части южных (иньвенских) коми-пермяков и используется в двух значениях: 1) название следующего после свадьбы или последнего дня; 2) угощение, которое подается на следующий после свадьбы день. Особенностью данного ритуала является то, что угощаться приходят все желающие, которые не гуляли на самой свадьбе, в том числе приезжают родители и подруги невесты (д. Патрукова Куд.). По описанию В.В. Климова, еду в этот день готовит невеста, гости шутят над ней и тайком суют в пищу угольки, щепки и т.п., затем по вкусу блюд судят о невесте [2007, с. 257]. «Смотр невесты» местными жителями, включающий оценку ее умений, является частью данного ритуала. Согласно нашим полевым материалам, в день *кудпыдöс* для угощения могут выставить остатки со свадебного стола (д. Нижняя Волпа Юсьв., д. Косьва Куд.), рыбный пирог (д. Габово Юсьв.) или порезанный на кусочки каравай хлеба (д. Корчевня, с. Антипино Юсьв.). Эту еду кладут на доску, укрывают ситом или лукошком и ставят на стол² (д. Корчевня Куд., д. Нижняя Волпа Юсьв.) либо на скамейку [Климов, 2007, с. 257]. По народному поверью, вся свадебная еда должна быть съедена, оставлять ее грешно: *«Кудпыдöс шуöны, сякöй объедкаэз колясö, мый эм, чтобы сёйыштисö, чтобы эз вöв сiя, сiя пö грешно ‘Кудпыдэс говорят, разные объедки оставляют, что есть, чтобы поели, чтобы не было, это, мол, грешно’»* (Бушueva С.Х.). Это поверье отражает ценностное отношение народа к пище и ее обрядовому значению. Как отмечает В.Я. Пропп, в народных представлениях «общность еды создает общность рода» [1986, с. 318]. То есть процесс употребления пищи всеми присутствующими выполняет объединяющую функцию.

² По материалам Н.А. Рогова, коми-пермяки подавали кушанья, закрытые сверху блюдом, на свадьбе в доме невесты и на столованье в доме жениха [1860, с. 103, 109]. Эта традиция сохранялась на территории Юсьвинского района в XX в. В некоторых местах в XX в. закрытым приносили только последнее блюдо в доме невесты (д. Верхняя Волпа Юсьв., с. Пелым, д. Кукушка Коч.). Поднесение угощения закрытым отмечается в традиции коми [Плесовский, 1968, с. 59, 90], русских Пермского края [Предтеченский, 1859, с. 55], Вятской губернии, Центральной России (москов. мещане) [Гура, 2012, с. 501]. Исследования А.К. Байбуриным славянской традиции показывают, что кулинарный код имеет исключительную важность «в общей системе используемых в ритуале “языков”» [1993, с. 86]. Закрытые блюда на коми-пермяцкой свадьбе, возможно, являются символом целостности семьи, «честности» невесты, а в случае с последним блюдом — окончания пира.

Этимология названия *кудльдӱс* до конца не ясна. Возможно, термин обозначает само угощение, то есть остатки пищи, которые умещаются на «дне лукошка», или, как предполагает В.В. Климов, «дно свадьбы» (где *куд* — свадьба, так как *кудйыны* — «собирать кучу, объединяться») [2007, с. 257]. В любом случае, на наш взгляд, данный ритуал является завершающим этапом обряда, тем более в местах его бытования не отмечается последующих свадебных обычаев. В русской свадебной терминологии похожих названий мы не обнаружили. На территории Пермского Прикамья последний свадебный день называли по-разному: «Пирожный стол», «Разъезжий стол», «Большой стол»; тогда собиралась родня невесты и жениха, но соседи обычно не приходили [Подюков и др., 2004, с. 166–168]. Известно, что угощение не приглашенных на свадьбу людей как у коми-пермяков, так и у русских Пермского Прикамья происходило обычно в день венчания и называлось *кряноӱ* (коряны, краяны), пузыряно (позырено) [Предтеченский, 1859, с. 92; Рогов, 1860, с. 107; Подюков и др., 2004, с. 80]. Тогда толпе наблюдателей раздавались семечки, орехи и другие продукты. Обычай угощения *кудльдӱс* можно сравнить с восточно-славянской традицией деления каравай между гостями или поедания каши на свадьбе, которую А.К. Байбурин объясняет как распределение новой «доли» между представителями старшей группы [1993, с. 82]. Вместе с тем похожих обычаев среди русских Пермского края не зафиксировано, поэтому, учитывая самобытное название *кудльдӱс*, можно предположить, что данный ритуал не заимствован, а возник среди коми-пермяков и выполняет несколько функций: показ кулинарных способностей молодухи, включение молодой в местную общину, обозначение завершающего этапа свадьбы.

Среди коми-пермяков Косинского района бытовал обычай послесвадебного купания невесты (*невеста купайтны*), который в с. Пуксибе называют *купайтны умӱль урод* 'купать плохого урода'. Проводили его в первый год жизни молодых, в летний период, когда женщины находились рядом с рекой. Без предупреждения они окунали молодуху в воду или обливали ее: «*Летом шутят. Здесь в деревне поженились, пошли косить. Надо невесту купать. Пошла на обед руки мыть, взяли, молодую облили водой. Такая мода была*» (Олехова Т.И.). В с. Пуксибе акт купания толкуют как избавление от всего плохого: «*Мый тэнат умӱльыс, сӱӱ гыльӱӱны, умӱльсӱ 'Что у тебя есть плохое, это полощут, плохое'*» (Батуева А.Е.). В коми-пермяцком языке слово *умӱль* 'плохой' используется в значении болезни, которую сопровождают припадки, судороги, а словосочетание *умӱль урод* встречается в текстах лечебных заговоров. Например, заговор при лечении кожных болезней: «*Господи, Аминь, Бог, Пресвятая Богородица, спаси и сохрани, ночью спать, днем не реветь, умӱлик уродвӱ не сетчыны '...плохому уроду не поддаваться'...*» (Бабина М.С.). Или, в другом тексте, после обрызгивания младенца остатки воды выплескивают за дверь и произносят: «*Урод умӱльыс мед ыбӱс сайӱ петӱ-мунӱ 'Урод плохой пусть за дверь выходит-уходит'*» (Петрова А.Г.). Скорее всего, во всех случаях словосочетание *умӱль урод* является собирательным обозначением болезней. Способ избавления от недугов в реке у коми-пермяков был популярен во время православных праздников [Голева и др., 2009, с. 544–551], поэтому похожее значение акта в свадебной обрядности вполне допустимо.

Купать молодую в летнюю пору было принято в традиции коми (Луза, Ниж. Вычегда, Вымь) [Плесовский, 1968, с. 115], удмуртов [Окунева, 2012, с. 18], у населения Вологодской области (Тарногский р-н) [Балашов и др., 1985, с. 300]. Выражение «купать молодую» зафиксировано в онежском говоре [Словарь..., 1980, с. 99]. Ф.В. Плесовский объясняет данную традицию коми вместе с обычаем удмуртов окатывать новобрачную водой на следующий день свадьбы — «приобщением молодой к реке» [1968, с. 115], тогда как русскую традицию исследователи интерпретируют как символическое крещение, «прием в члены семьи, общества» [Словарь..., 1980, с. 99]. В свадебной обрядности русского населения [Зеленин, 1991, с. 339] и части коми-пермяков чаще шуточное обливание молодых или посещение ими бани происходило на второй или третий день свадьбы, сопровождали их родственники молодых. Е.А. Самоделова при изучении рязанской свадьбы отмечает, что «свадебный ритуал с водой (с умыванием) был многофункциональным, причем жители каждого селения придавали ему свою функцию (из набора возможных) и устраивали соответственные ритуальные действия» [2015b, с. 116]. Вместе с тем исследовательница отмечает, что ритуалы с водой маркируют физиологическое превращение девушки в женщину [Там же, с. 120].

Анализ коми-пермяцкого ритуала купания показывает, что в архаичном варианте он мог быть способом приобщения молодухи к новой возрастной или родовой группе либо к новой местности. Об этом говорят характер ритуала, который связан с испытанием, состав участников —

Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы

взрослое население, обычно женщины, место проведения — река. В поздней локальной традиции коми-пермяков, если считать правильной приведенную выше трактовку свадебного термина, обычай имел дополнительный смысл — избавление от недугов, и данная его функция считалась ведущей.

Анализ терминологии свадебного обряда коми-пермяков, сравнение действий и содержания отдельных свадебных актов и ритуалов с традициями других народов позволяют сделать несколько выводов. У коми-пермяков сложилась своя терминология свадебной обрядности, в которой сочетаются заимствованные русские названия и обозначения на коми-пермяцком языке. Изученные термины, как правило, выражают наиболее важное содержание (либо значение) акта или ритуала, поэтому на разных территориях один и тот же этап обряда мог называться по-разному (*кикутан*, *невеста юны*, *задатитчём*). В свадебном обряде коми-пермяков помимо заимствованных традиций присутствуют собственные обычаи, которые не имеют полных соответствий на других территориях (*кудпыдӧс*, *невеста лапьялны*, угощение пельменями во время девичника). Изученные коми-пермяцкие обычаи больше всего аналогий имеют с традициями Русского Севера и соседних территорий Прикамья и Урала.

Список информаторов:

- Бабина Мария Степановна, 1915 г.р., п. Купрос-Волок Юсьв. 2003 г. Соб. Кылосова В.
Батуева Александра Егоровна, 1931 г.р., с. Пуксиб Кос. 2008 г. Соб. Голева Т.Г., Фадеева С.А.
Бушуева Серафима Харитоновна, 1920 г.р., д. Косьва Куд. 2005 г. Соб. Сергеева Л., Черных А.В.
Гагарин Василий Иванович, с. Большая Коча Коч. 2017 г. Соб. Голева Т.Г.
Гордеева Мария Семеновна, 1935 г.р., д. Данино Юсьв., родилась в д. Истемово. 2004 г. Соб. Стрик М., Деденко М.
Олехова Таисия Ивановна, 1925 г.р., д. Трифаново Кос. 2001 г. Соб. Голева Т.Г., Градусова О.В.
Петрова Анна Григорьевна, 1941 г.р., с. Юксеево Коч. 2008 г. Соб. Голева Т.Г., Фадеева С.А.

Список сокращений

- К.-п. — коми-пермяцкий.
Кос. — Косинский район.
Коч. — Кочевский район.
Куд. — Кудымкарский район.
Юсьв. — Юсьвинский район.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 339 с.
Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтоге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.
Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — перв. пол. XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 373 с.
Березин П.А. Свадьба в Заветлужье. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. 223 с.
Голева Т.Г., Черных А.В. «Стояние на воде» — «*Ваын сулавны*» — в календарной традиции коми-пермяков // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. № 1 (23). С. 544–551.
Гура А.В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.) // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 72–88.
Гура А.В. Брак и свадьба в славянской традиционной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 507 с.
Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
Кережи А. Удмуртские свадебные обычаи и обряды // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: Традиции и новации в современной культуре. Самара, 2016. С. 168–184.
Климов В.В. Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 368 с.
Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.
Корчагин П.А. Коми-пермяцкое мясо-тестяное блюдо эпохи складывания всероссийского рынка или антропология пельменя // Вестник Перм. НЦ. 2015. № 4. С. 84–95.
Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: Обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 424 с.
Окунева Т.В. Удмуртская свадьба как текст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 23 с.

- Плесовский Ф.В.* Свадьба народа коми: Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.
- Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.
- Предтеченский Я.* О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1859. С. 3–107.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 164 с.
- Рогов Н.А.* Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–127.
- Русская свадьба: В 2 т.* М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2000. Т. 1. 512 с.
- С.М.А.* Пермяки Ошибского прихода, Соликамского уезда // Перм. епархиальные ведомости. 1889. № 13–14. С. 209–219, 225–233.
- Самоделова Е.А.* Традиционная рязанская свадьба: (Довенчальные ритуалы и таинство венчания) // Рязан. этногр. вестник. Рязань, 2015а. № 56. Т. 1. С. 1–261.
- Самоделова Е.А.* Традиционная и современная рязанская свадьба: (Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты) // Там же. 2015б. Т. 2. С. 1–278.
- Словарь русских народных говоров.* Л.: Наука, 1974. Вып. 10: Заглазки — Заросить. 388 с.
- Словарь русских народных говоров.* Л.: Наука, 1980. Вып. 16: Куделя — Лесной. 376 с.
- Словарь русских народных говоров.* СПб.: Наука, 1998. Вып. 32: Присуха — Протишь. 271 с.
- Словарь русских народных говоров.* СПб.: Наука, 2001. Вып. 35: Реветь — Рящик. 360 с.
- Смирнов И.Н.* Пермяки: Историко-этнографический очерк // Известия общества археол., истор. и этногр. при Импер. Казан. ун-те. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 2. 289 с.
- Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской культуры: Источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 215–229.
- Чагин Г.Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX века. Пермь: Изд-во ПермГУ, 1995. 364 с.
- Янович В.М.* Пермяки: Этнографический очерк // Живая старина. СПб., 1903. Вып. I, II. С. 52–171.

T.G. Goleva

Perm Federal Research Centre of Ural Branch RAS
Lenin st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation
E-mail: golevat@yandex.ru

TERMINOLOGY AND CONTENT OF RITUALS OF KOMI-PERMYAK WEDDING

The article is dedicated to a study of some components of a wedding ceremony of the Komi-Permyaks. Several problems are solved in this research. First, wedding terms which refer to wedding acts and rituals are divided into groups. Secondly, wedding traditions of the Komi-Permyaks and Russians are compared. Completion of these tasks allows us to identify analogies with the Russian local customs and ethnic specificity of the wedding ritual culture of the Komi-Permyaks. Most of the terms describing wedding acts and rituals of the Komi-Permyaks are borrowed Russian words. In addition, there are designations in the Komi-Permyak language, some of which appeared due to the influence of the Russian language, other terms can be considered as a result of the development of their own language as a part of ritual culture. The system of wedding terminology of the Komi-Permyaks is quite complicated, because it combines vocabularies of different languages and different local versions of the terms for the same ritual. The article analyzes in more detail the wedding rituals and acts which have an ambiguous meaning or, according to their names, suggest an ethnic specificity. Content analysis of the customs shows that the most important moment — action or its symbolic importance — is reflected in the name of a ritual. Perhaps, existence of different names of the same ritual is a result of changes in the wedding ceremony on different territories among local groups of the Komi-Permyaks. Comparative analysis of the Komi-Permyak and Russian wedding traditions indicates that more similarities are observed with those Russians who lives in Kama region and in the European North. A part of the wedding rituals and acts discussed in the article can be considered unique Komi-Permyak traditions, as they have no analogies found among the Russian customs. Among them are acts like eating dumplings at the bachelorette party, treating to people who were not invited to the wedding (*kudpydes*), a custom when a mother-in-law gives her daughter-in-law a handkerchief, and puts it on her shoulders or on newlyweds' shoulders.

Key words: wedding ceremony, Komi-Permyaks, wedding terminology, engagement, dumplings, bathing of the bride.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-111-119

REFERENCES

- Baiburin A.K., 1993. *Ritual v traditsionnoi kul'ture* [Ritual in a traditional culture], St. Peterburg: Nauka, 339 p.
- Balashov D.M., Marchenko Iu.I., Kalmykova N.I., 1985. *Russkaia svad'ba: Svadebnyi obriad na Verkhnei i Srednei Kokshen'ge i na Uftiuge (Tarnogskii raion Vologodskoi oblasti)* [Russian wedding. Wedding ceremony on the Upper and Middle Kokshenga and at the Uftuga (Tarnogskiy district, Vologda region)], Moscow: Sovremennik, 390 p.
- Batalova R.M., Krivoshechekova-Gantman A.S., 1985. *Komi-permiatsko-russkii slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary], Moscow: Russkii iazyk, 624 p.
- Belitser V.N., 1958. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX — perv. polovina XX v.* [Essays on Ethnography of the Komi peoples: XIX — first half XX centuries], Moscow: AN SSSR, 373 p.
- Berezin P.A., 1981. *Svad'ba v Zavetluzh'e* [A wedding in Zavetluzhye], Gorky: Volgo-Viatskoe kn. izd-vo, 223 p.
- Chagin G.N., 1995. *Etnokul'turnaia istoriia Srednego Urala v kontse XVII — pervoi polovine XIX veka* [Ethnocultural history of the Middle Urals in the end of the XVII — first half of the XIX century], Perm, 364 p.
- Goleva T.G., Chernykh A.V., 2009. «Stoianie na vode» — «Vayn sulavny» — v kalendarnoi traditsii komi-permiakov [«Standing on water» («Vayn sulavny») in calendar tradition of the Komi-Permyaks]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 1 (23), Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk, pp. 544–551.
- Gura A.V., 1978. Opyt vyivleniia struktury severnorusskogo svadebnogo obriada (po materialam Vologodskoi gubernii) [An effort of identifying the structure of the North Russian wedding ceremony (by the materials of Vologda province)]. *Russkii narodnyi svadebnyi obriad. Issledovaniia i materialy*, Leningrad: Nauka, pp. 72–88.
- Gura A.V., 2012. *Brak i svad'ba v slavianskoi traditsionnoi kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic traditional culture: Semantics and symbolism], Moscow: Indrik, 936 p.
- Ianovich V.M., 1903. Permiaki: Etnograficheskii ocherk [Permyaks: An ethnographic essay]. *Zhivaia starina*, I, II, St. Petersburg, pp. 52–171.
- Kerezsi A., 2016. Udmurtskie svadebnye obychai i obriady [Udmurt Wedding Customs and Rituals]. *Prazdniki i obriady v Uralo-Povolzh'e: traditsii i novatsii v sovremennoi kul'ture*, Samara, pp. 168–184.
- Klimov V.V., 2007. *Korni bytiia: Etnograficheskie zametki o komi-permiakakh* [Roots of beingness: Ethnographic notes about the Komi-Permyaks], Kudymkar: Komi-Perm. kn. izd-vo, 368 p.
- Korchagin P.A., 2015. Komi-permiatskoe miaso-testianoe bliudo epokhi skladyvaniia vserossiiskogo rynka ili antropologii pel'menia [A Komi-Permyak meat-and-dough dish in the time of formation of the all-Russian market, Anthropology of dumplings]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, no. 4. pp. 84–95.
- Loginov K.K., 2010. *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ia: Obriady, obychai i konflikty* [Traditional life cycle of the Russians of Vodlozerye: Rites, customs and conflicts], Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke, 424 p.
- Okuneva T.V., 2012. *Udmurtskaia svad'ba kak tekst* [Udmurt wedding as a text]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan, 23 p.
- Plesovskii F.V., 1968. *Svad'ba naroda komi: Obriady i prichitaniia* [Wedding of the Komi people: Rituals and lamentations], Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 320 p.
- Podiukov I.A., Khorobrykh S.V., Antipov D.A., 2004. *Etnolingvisticheskii slovar' svadebnoi terminologii Severnogo Priam'ia* [Ethnolinguistic dictionary of wedding terminology of the Northern Kama River region], Usolye; Solikamsk; Berezniki; Perm: Permskoe kn. izd-vo, 360 p.
- Predtechenskii Ia., 1859. O svadebnykh obriadakh g. Cherdyni [About the wedding ceremonies of the city of Cherdyn]. *Permskii sbornik*, Moscow, pp. 3–107.
- Propp V.Ia., 1986. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a magic tale], Leningrad: Izd-vo LGU, 164 p.
- Rogov N.A., 1860. Materialy dlia opisaniia byta permiakov [Materials for description of the Permyak life]. *Permskii sbornik*, kn. 2, otd. 2, Moscow, pp. 1–127.
- Samodelova E.A., 2015a, b. Traditsionnaia riazanskaia svad'ba [Ryazan traditional wedding]. *Riazanskii etnograficheskii vestnik*, no. 56, vol. 1, 2, Ryazan, pp. 1–261, 1–278.
- Smirnov I.N., 1891. Permiaki: Istoriko-etnograficheskii ocherk [The Permyaks: A historical and ethnographic essay]. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*, vol. IX, no. 2, Kazan, 289 p.
- Tolstaia S.M., 1889. Terminologii obriadov i verovanii kak istochnik rekonstruktsii drevnei dukhovnoi kul'tury [Terminology of rites and beliefs as a source for reconstruction of ancient spiritual culture]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Rekonstruktsiia drevnei slavianskoi kul'tury: Istochniki i metody*, Moscow: Nauka, pp. 215–229.
- Zelenin D.K., 1991. *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [East Slavic Ethnography], Moscow: Nauka, 1991, 507 p.
- Zorin N.V., 2001. *Russkii svadebnyi ritual* [Russian wedding ritual], Moscow: Nauka, 248 p.

Е.А. Волжанина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: nyabako@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК НЕНЦЕВ ЯМАЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ XXI в.

Статья посвящена изучению этнодемографического потенциала ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа в XXI в. Для достижения поставленной цели анализируются демографические характеристики ненцев с использованием идей Новосибирской экономико-социологической школы о демографической безопасности и К.Б. Клокова и С.А. Хрущева об этносах-демосах и этносах-социумах. В основу работы положен комплекс опубликованных и неопубликованных данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. В процессе исследования выявляются общие и особенные демографические черты, характеризующие ненцев, показатели сравниваются с данными по другим этническим группам, главным образом по русским. Рассматривается динамика численности ненцев в целом, а также в городах и сельской местности Ямало-Ненецкого автономного округа, обращается внимание на особенности формирования их городской группы. При анализе демографических процессов и демографического поведения акцент сделан прежде всего на характеристиках половозрастных структур и количестве детей, рожденных женщиной в течение жизни. Кроме того, приводятся показатели, характеризующие естественное движение населения ЯНАО по отдельным национальностям, включая ненцев, за 2000–2008 гг. Отмечается, что характер изменений показателей в первом десятилетии XXI в. свидетельствует о восприятии демографических стереотипов поведения доминирующего общества ненцами, как живущими в поселках, так и кочевниками. В целом, согласно полученным выводам, депопуляция не грозит ненцам Ямало-Ненецкого автономного округа. По данным всероссийских переписей, в первом десятилетии XXI в. у них сложилась благоприятная демографическая ситуация. Однако современные тенденции указывают на существование некоторых демографических рисков, прежде всего связанных со взглядом на количество детей в семье и многодетность.

Ключевые слова: *ненцы, Ямало-Ненецкий автономный округ, демография, Всероссийская перепись, половозрастная структура населения, городское и сельское население, город, село, количество детей в семье.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-120-130

Проблемы демографии северных народов сохраняют актуальность на протяжении прошедшего и текущего столетий, а появление новых статистических данных позволяет верифицировать и уточнять результаты предыдущих исследований [Кривоногов, 2001, 2003; Пивнева, 1999, 2002; Квашнин, 2000]. На данный момент на основании большого объема статистической информации удалось выделить благополучные и не очень в демографическом отношении народы Севера, и вопрос об угрозе их полного вымирания кажется уже выясненным [Богоявленский, 2005; Клоков, Хрущев, 2008, 2011].

Вместе с тем сохранение интереса к демографической ситуации у народов Севера убедительно свидетельствует как о ее нестабильности, так и о том, что демографические процессы, происходящие в их среде, не отвечают требованиям демографической безопасности. Последняя представляет «состояние защищенности жизни, воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, этнической, семейной) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды» [Россия..., 2008, с. 590]. В списке внутренних и внешних факторов, обуславливающих демографические риски,— экономико-географические и исторические особенности формирования населения региона, уровень социально-экономического развития территории и ее инфраструктуры, экономическая и финансовые основы взаимодействия с центром, состояние этнокультурных традиций, государственная политика [Там же]. Согласно исследованиям Новосибирской экономико-социологической школы депопуляция не грозит коренным народам Сибири с традиционно высокой рождаемостью. Традиционные нормы и практики защищают их от внешних демографических угроз. Однако этносоциоло-

Демографический облик ненцев Ямала по материалам всероссийских переписей XXI в.

гические исследования, как и наблюдения этнографов, позволяют с уверенностью говорить, что культура современных северных народов уже не является однозначно традиционной (со ссылкой на то, что так делали наши предки), а число новаций, заимствованных и используемых в повседневной практике, только растет [Харючи, 2001; Сэрпиво, 2016]. Меняются не только материальная культура, хозяйственная сфера и быт, но и стереотипы и нормы поведения.

Условиями внешней жизни в регионах К.Б. Клоков и С.А. Хрущев объясняют актуализацию культурно-этнического потенциала этносов, а вместе с ним «переход этнических систем коренных малочисленных народов Севера из фазы этноса-демоса в этнос-социум» [2008, с. 49]. Рассматривая закономерности этого перехода, включающего в себя несколько стадий в зависимости от степени взаимодействия с доминирующим обществом, ненцев признали единственным исключением — этносом, у которого характер демографической динамики свидетельствует о ведущей роли эндогенных факторов [Там же]. Это, в свою очередь, исходя из положений данной теории, свидетельствует о недостаточном влиянии культурной элиты в ненецкой среде и, наоборот, о высокой роли традиционных семей, сохраняющих традиционное расселение, хозяйство, образ жизни и язык.

В XXI в. ненцы не только являются одной из многочисленных групп коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации, но и продолжают оставаться «главными» оленеводами-кочевниками в мире, несмотря на сложную ситуацию в оленеводстве из-за больших потерь оленьего поголовья в силу неблагоприятных природно-климатических и эпидемиологических условий в последние годы. В данной работе мы обращаемся к демографическим характеристикам ненцев Ямало-Ненецкого округа с целью выявления рисков демографического развития и оценки этнодемографического потенциала в XXI в., основываясь на комплексе опубликованных и неопубликованных данных всероссийских переписей населения и текущей статистики за 2000–2008 гг. Сравнение показателей, характеризующих ненцев, с данными по другим этническим группам, главным образом по русским, позволяет раскрыть общие и особенные их демографические черты.

Численность ненцев в Ямало-Ненецком автономном округе.

Городское и сельское население

Территория традиционного расселения ненцев остается неизменной уже несколько столетий, пережив различные административные реформы. В настоящее время в Западной Сибири ненцы являются коренными жителями Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. С проведением всеобщих переписей населения фиксируется изменение доли ненцев в общей численности населения, а также появление их в составе горожан. Развитие поселенческой структуры округов обуславливает появление ненцев среди жителей новых городов и поселков.

По данным Всероссийской переписи 2010 г., ненцы в составе населения Ямало-Ненецкого автономного округа насчитывали 5,7 %. Приток большого количества пришлого населения из других районов страны и сопредельных государств с целью освоения ресурсов Ямала и Приполярного Урала, строительства транспортной и социальной инфраструктуры и жилья обусловил значительное сокращение доли титульного этноса, каким изначально являлись ненцы, в округе на протяжении XX–XXI вв. (рис. 1а). Анализ данных 2010 г. показывает, что темп прироста ненцев в первом десятилетии XXI в. заметно снизился по сравнению с концом XX в. Предположения, звучавшие накануне проведения Всероссийской переписи 2010 г., о возможном исключении ненцев из списка коренных малочисленных народов Севера РФ по количественному признаку [Клоков, Хрущев, 2008, с. 49] не оправдались. Но, как и в 2002 г., ненцы имеют одни из самых высоких показателей абсолютного прироста и темпа роста не только среди коренных малочисленных народов Севера, но и среди населения Российской Федерации. С 1989 по 2002 г. абсолютная численность ненцев выросла на 26,3 %, с 20 917 до 26 435 чел., а с 2002 по 2010 г. — на 12,6 % и составила 29 772 чел. (рассчитано по: [Итоги..., 2013, с. 13]). Повышение образовательного уровня, вовлечение в нетрадиционные сферы занятости, появление новых городов на Ямале способствовали увеличению численности городских ненцев с 1,5 % в 1939 г. до 17,2 % в 2010 г. в их составе, а среди городского населения округа — до 1,2 %. В дальнейшем численность горожан среди ненцев в округе будет только расти.

Большинство городов и рабочих поселков, появившихся в Ямало-Ненецком автономном округе в последней трети XX в., находятся на территориях традиционного расселения вынгапуровских и надымских лесных ненцев в Пуровском и Надымском районах. В 1939 г. в г. Салехарде проживали 206 ненцев, а в 2002 г. в 7 городах окружного значения ЯНАО и в 8 из 9 поселков

городского типа — 3616 чел., в 2010 г. в 8 городах окружного значения и 5 поселках городского типа они насчитывали уже 5109 чел. (рис. 1б). Появлению новых населенных пунктов (городов, рабочих и вахтовых поселков), автомобильных и железной дорог, связывающих их между собой, способствовала разработка нефтегазовых месторождений. С их обустройством и обслуживанием связано строительство различных коммуникаций (ЛЭП, трубопроводов и др.), промышленных и жилых объектов. Все новые поселения носят транспортный, нефтегазодобывающий и газоперерабатывающий характер, численность населения в них колеблется от 1 тыс. (п. Ягельный) до более чем 100 тыс. чел. (г. Новый Уренгой, Ноябрьск) [Итоги..., 2012, с. 73–75].

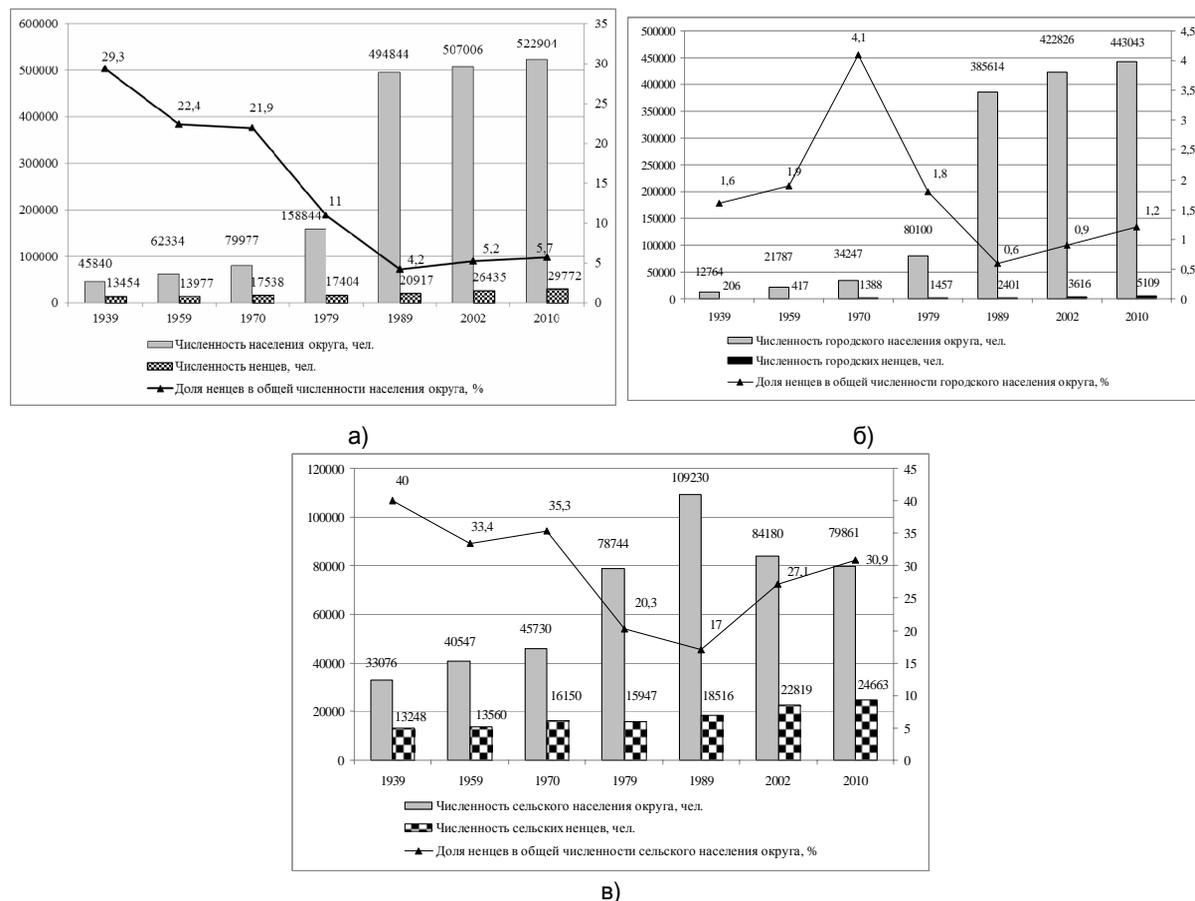

Рис. 1. Численность и доля ненцев в общей структуре населения Ямало-Ненецкого автономного округа по данным всесоюзных и всероссийских переписей населения:

а) все население; б) городское население; в) сельское население.

Источники: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 316, л. 39; ГБУТО ГАТО, ф. 1112, оп. 11, д. 60, л. 127, 130; д. 69, л. 1, 4, 10, 16, 99; д. 178, л. 152, 161, 164, 176, 188, 197; Итоги..., 2005, с. 21, 23, 338, 340, 348, 350, 352, 354, 360, 362, 372, 382, 384, 386, 396, 398, 406; Итоги..., 2013, с. 13–15.

Динамика численности ненцев-горожан в общей численности городского населения округа отражает особенности их формирования. Складывание группы городских ненцев происходит во второй половине XX в. (кроме г. Салехарда) и первоначально связано с изменением их социальной и профессиональной структур, сменой местожительства в силу различных обстоятельств — переселения из тундры в поселок, получения сельскими поселениями статуса рабочих поселков (Тазовское и Тарко-Сале), предоставления благоустроенного жилья в городах за выдающиеся заслуги некоторым из ненцев. В начале XXI в. на Ямале начинается строительный бум — в качестве компенсации за добычу ресурсов и изъятие территорий из сферы традиционного природопользования нефтедобывающими предприятиями выделяются средства на строительство жилых домов и других объектов социального значения [Власти Ямала..., ТНК-ВР...]. В результате на Ямале произошло возрождение старых поселков и факторий (Новый Порт, Харампур, Халясавэй и др.), а также в рамках рабочих поселений возникли целые ненецкие микро-

Демографический облик ненцев Ямала по материалам всероссийских переписей XXI в.

районы, застроенные одно- или двухэтажными коттеджами (Ханымей, Тарко-Сале, Яр-Сале и др.). В соответствии с новым законодательством коренные малочисленные народы Севера приобрели приоритетный статус в обеспечении жильем за счет окружных средств¹. С 1989 по 2010 г. видим устойчивую тенденцию роста численности городских ненцев и их доли в общей численности горожан округа, что только подтверждает наличие трансформационных процессов в социальной структуре ненцев, отмечаемых Е.В. Лярской [2016]. Самые многочисленные группы ненцев-горожан представлены в «старых» городах и рабочих поселках: р.п. Тазовское (1638 чел., или 24,1 % в общей численности населения), г. Салехард (1211 чел., или 2,8 %) и г. Тарко-Сале (1001 чел., или 4,9 %) [Итоги..., 2012, с. 75]. В новых городах ненцы составляют менее 1 %, насчитывая от 22 до 148 чел.

Значительное большинство ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа проживает в сельской местности, что обусловлено их хозяйственной ориентацией на традиционные отрасли хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство) и сравнительно небольшим количеством городов и поселков городского типа в округе (рис. 1в). Изменение социально-политической и экономической ситуации в стране в конце 80-х и начале 90-х гг. XX в. привело к росту доли ненцев в общей численности сельского населения ЯНАО с 1989 г. из-за оттока части приезжего населения к себе на родину. С тех пор в сельской местности ненцы занимают второе место по численности, уступая русским. В 1939 г. доля ненцев, проживающих в сельской местности, насчитывала 98,5 % (13 248 чел.) в их структуре, к 2010 г. она снизилась до 82,8 % (24 663 чел.). В общей численности сельского населения ЯНАО ненцы насчитывают 30,9 %. В XXI в. темп увеличения сельских ненцев заметно снизился по сравнению с концом XX в., в том числе за счет отчетливо обозначившейся миграции ненцев в города и рабочие поселки.

Демографические процессы

До сих пор считается, что наличие крупных сельских территориальных групп в составе ненцев, сохраняющих традиционное дисперсное расселение и хозяйственную деятельность, прежде всего оленеводство, связанные с кочевым образом жизни, обуславливают у них традиционный тип воспроизводства с высоким естественным приростом и долей детей в их структуре, или, согласно теории К.Б. Клокова и С.А. Хрущева, преобладание демографической динамики, в отличие от этносов «с выраженными признаками социального типа этнического воспроизводства» в результате мобилизационного роста [Клоков, Хрущев, 2008, с. 47]. С середины 1980-х гг. рождаемость и естественный прирост среди ненцев превышают аналогичные показатели для оседлых народов Ямала [Волжанина, 2010]. Динамика численности ненцев в Ямало-Ненецком автономном округе убедительно свидетельствует о пользе государственных мер, принятых для улучшения качества и доступности медицинского обслуживания кочевников, в том числе использования современных технических достижений (раций, спутниковых телефонов, санитарной авиации) и распространения санитарно-гигиенических знаний среди населения [Здоровье..., 1998; Штаммлер, 2013]. В частности, они способствовали существенному снижению младенческой смертности среди кочевых населения уже в последней четверти XX в. [Волжанина, 2010, с. 84; Оруджиева, 2005, с. 31].

По данным статистики, характеризующим естественное движение населения Ямало-Ненецкого автономного округа, с 2007 г. у ненцев ежегодный естественный прирост составлял в среднем 500 чел. (табл. 1). При низкой доле ненцев в структуре населения ЯНАО демографические процессы, происходящие в их среде, оказывают заметное влияние на общий характер демографической ситуации в округе, особенно в сельской местности. Насчитывая 5,7 % в составе населения округа, они обеспечивают более 10 % его естественного прироста.

Согласно всероссийским переписям населения, в XXI в. у ненцев наблюдается положительная демографическая ситуация, некоторые показатели (соотношение полов, доли мужчин и женщин) остались без изменений, или последние незначительны (табл. 2). Однако обращает на себя внимание, что в межпереписной период увеличилась доля ненецких мужчин среди горожан и изменилась структура ненецкого населения в сторону уменьшения доли детей и подростков (в городе эта тенденция обозначилась более ярко, чем в сельской местности) и, как следствие, увеличился процент людей трудоспособного возраста. Доля детей и подростков в городе снизилась с 35,2 % в 2002 г. до

¹ Закон от 30.05.2005 № 36-ЗАО «О порядке обеспечения жильем граждан, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе».

26 % в 2010 г., а в сельской местности — с 42,4 до 38,2 % соответственно. Данный показатель наименьший за период с 1926 г. [Волжанина, 2010, с. 171–172].

Таблица 1

Естественное движение населения Ямало-Ненецкого автономного округа по отдельным национальностям за 2000–2008 гг., чел.*

Город и село	Национальность	2000	2001	2002	2003	2006	2007	2008
		<i>Рождаемость</i>						
Город и село	Русские	3044	3252	3706	3456	2351	2395	2067
	Ненцы	733	753	676	712	688	838	854
	Ханты	202	212	188	133	198	219	227
Город	Русские	2740	2924	3325	3132	2115	2183	1794
	Ненцы	94	87	81	88	69	86	90
	Ханты	31	38	36	38	39	34	37
Село	Русские	304	328	381	324	236	212	273
	Ненцы	639	666	595	624	619	752	764
	Ханты	171	174	152	95	159	185	190
		<i>Смертность</i>						
Город и село	Русские	1429	1434	1612	1425	688	1272	1234
	Ненцы	289	305	269	217	132	232	219
	Ханты	106	108	98	53	66	112	98
Город	Русские	1241	1260	1398	1214	612	1141	1112
	Ненцы	44	37	33	27	14	35	19
	Ханты	15	13	18	3	9	14	13
Село	Русские	188	174	214	211	76	131	122
	Ненцы	245	268	236	190	118	197	200
	Ханты	91	95	80	50	58	98	85
		<i>Младенческая смертность</i>						
Город и село	Русские	26	17	31	17	10	29	18
	Ненцы	35	26	20	13	9	18	16
	Ханты	17	4	2	1	6	6	7
Город	Русские	—	14	23	13	10	27	14
	Ненцы	7	3	2	1	2	3	1
	Ханты	—	—	—	—	1	—	—
Село	Русские	9	3	8	4	—	2	4
	Ненцы	28	23	18	12	7	15	15
	Ханты	2	4	2	1	5	6	7
		<i>Естественный прирост</i>						
Город и село	Русские	1615	1818	2094	2031	1663	1123	833
	Ненцы	444	448	407	495	556	606	635
	Ханты	96	104	90	80	132	107	129
Город	Русские	1499	1664	1927	1918	1503	1042	682
	Ненцы	50	50	48	61	55	51	71
	Ханты	16	25	18	35	30	20	24
Село	Русские	116	154	167	113	160	81	151
	Ненцы	394	398	359	434	501	555	564
	Ханты	80	79	72	45	101	87	105

* Источники: Данные Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области. В 2004 и 2005 гг. приводятся неполные данные, поэтому они не включены в таблицу. После 2008 г. соответствующие сведения отсутствуют.

Для детального анализа ситуации относительно демографических показателей обратимся к половозрастным диаграммам, построенным по пятилетним возрастным интервалам, и сравнительному анализу половозрастных структур русского и ненецкого населения ЯНАО (рис. 2, 3). Как можно увидеть, у русских и в городе, и в сельской местности наблюдаются одинаковые демографические характеристики, тогда как у ненцев они различаются. В городе распределение по полу и возрасту у них приобретает некоторые сходные с русскими черты — прежде всего суженное основание, определяемое долей детей в их составе. Тогда как построенные половозрастные диаграммы для ненцев, проживающих в сельской местности, демонстрируют традиционный тип воспроизводства, существование которого тесно связано с сохранением кочевого образа жизни более чем у половины последних. Анализ данных похозяйственного учета, выполненный на уровне отдельных сельских администраций за предыдущие десятилетия [Волжа-

Демографический облик ненцев Ямала по материалам всероссийских переписей XXI в.

нина, 2010, с. 259–260], позволяет считать кочевников наиболее репродуктивно активной частью населения по сравнению с поселковыми жителями, в среде которых отчасти присутствуют одинаковые с горожанами демографические тенденции, связанные с практикой планирования семьи и контроля над рождаемостью. Снижение рождаемости при смене кочевого образа жизни оседлым считается закономерным процессом [Иванов, 1998].

Таблица 2

Демографические характеристики ненцев ЯНАО по данным всероссийских переписей населения*

Демографические показатели	2002			2010		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Всего, чел.	26 435	3616	22 819	29 772	5109	24 663
Мужчин, %	46,8	38,2	48,2	46,8	40,1	48,2
Женщин, %	53,2	61,8	51,8	53,2	59,9	51,8
Мужчин на 100 женщин, чел.	88	62	93	88	67	93
Мальчиков на 100 девочек до 4 лет, чел.	101	99	102	99	79	102
Дети и подростки до 16 лет, %	41,4	35,2	42,4	36,1	26,0	38,2
Мальчиков	20,8	17,0	21,4	17,9	12,2	19,1
Девочек	20,6	18,2	21,0	18,2	13,8	19,1
Трудоспособных, %	51,5	61,7	49,9	57,2	68,8	54,8
Мужчин (16–59 лет)	23,8	20,6	24,3	27,0	26,7	27,1
Женщин (16–54 лет)	27,7	41,1	25,6	30,2	42,1	27,7
Мужчин на 100 женщин в трудоспособном возрасте, чел.	86	50	95	90	63	98
Старше трудоспособного возраста, %	6,8	3,1	7,4	6,6	5,2	6,7
Мужчин (60 лет и старше)	2,1	0,6	2,4	1,8	1,1	1,9
Женщин (55 лет и старше)	4,7	2,5	5,0	4,8	4,1	4,9
Мужчин на 100 женщин в возрасте старше трудоспособного, чел.	46	23	48	37	27	39

* Источники: Материалы... 2002 г., т. 13; Материалы... 2010 г., т. 4.

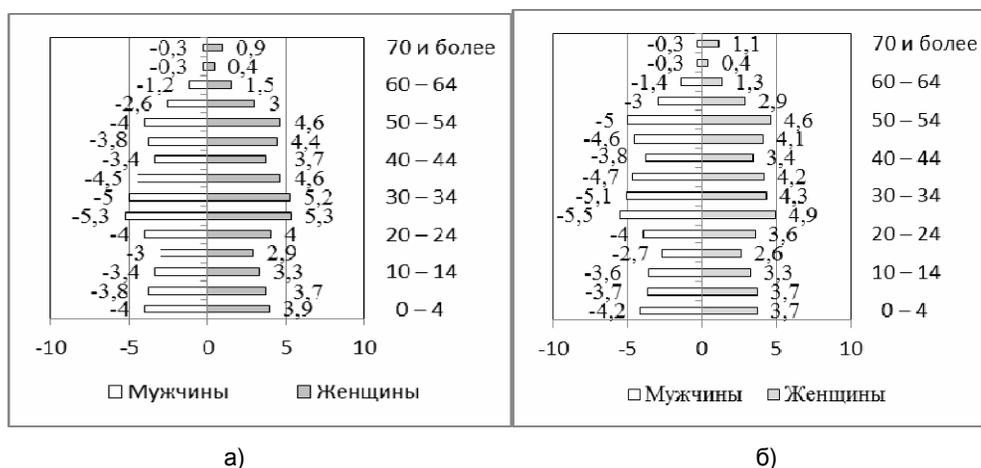

Рис. 2. Распределение русских ЯНАО по полу и возрасту по данным Всероссийской переписи 2010 г.: а) городское население; б) сельское население.

Источник: Материалы... 2010 г., т. 4.

Тем не менее пример ненцев показывает, что кочевые и оседлые группы не являются изолированными друг от друга, а скорее, они взаимоперетекаемы [Lyarskaia, 2008]. Сокращение же доли детей в общей численности городского и сельского ненецкого населения, фиксируемое по данным последних двух всероссийских переписей, свидетельствует, что наряду с традиционным демографическим поведением у ненцев наблюдается практика ограничения рождаемости путем семейного планирования. Так как характер демографических характеристик ненцев, проживающих в сельской местности, находится под сильным влиянием ситуации среди кочевников, доля которых в ряде районов достигает почти 70 % (рассчитано по: [Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ЯНАО за 2010 г.]), то можем предположить, что данное явление получило распространение в обеих группах, т.е. в среде как поселковых ненцев, так и кочевых.

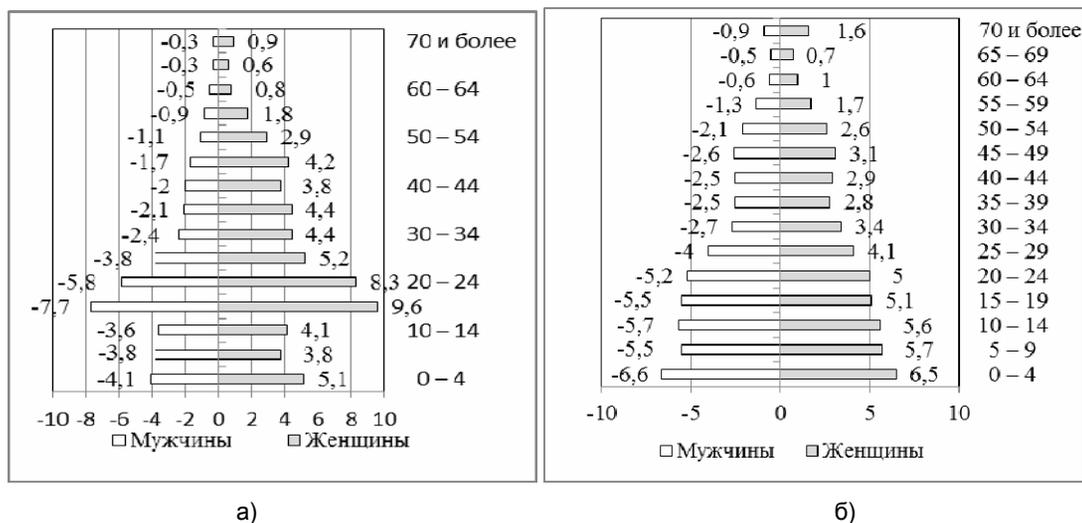

Рис. 3. Распределение ненцев ЯНАО по полу и возрасту по данным Всероссийской переписи 2010 г.: а) городское население; б) сельское население. Источник: Материалы... 2010 г., т. 4.

На самом деле подобное уменьшение наблюдается периодически в XX в., что, на наш взгляд, невозможно объяснить только реакцией на государственные меры, не отвечающие жизненным интересам коренных малочисленных народов Севера; на последнее обращают внимание К.Б. Клоков и С.А. Хрущев [Klokov, Khruschev, 2010, с. 50–52]. Кажется мало вероятной зависимость количества детей в ненецких семьях на протяжении XX в. от их материального достатка, что характерно прежде всего для индустриальных и постиндустриальных обществ. Единственным фактором, ограничивающим количество детей в семье, могло служить только здоровье обоих родителей. В целом на долю детей в общей структуре ненцев существенное влияние оказывал поколенческий фактор, когда численность очередного поколения, вступающего в репродуктивный период, определяла рост или снижение доли детей по сравнению с предыдущими (см.: [Волжанина, 2010, с. 180]).

Если на протяжении XX в. высокая доля детей в общей структуре ненецкого населения (в отдельные годы насчитывавшая 43,3 %) позволяла нам говорить о незначительной роли фактора семейного планирования и сильном влиянии традиционной установки на многодетность, то в первом десятилетии XXI в. ситуация изменилась, даже несмотря на демографическую политику государства по оказанию материальной поддержки семьям в связи с рождением второго и последующих детей², полное их государственное обеспечение в период учебы в школе-интернате, меры по снижению младенческой смертности и целый комплекс мероприятий, направленных на поддержку традиционных отраслей хозяйства и кочевого образа жизни в современных экономических условиях³.

² В Российской Федерации осуществляется единовременная выплата материнского капитала с 1 января 2007 г. семьям, в которых с этого года родился второй или последующие дети, в соответствии с Федеральным законом № 256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

³ Вот некоторые законы и постановления: «О факториях Ямало-Ненецкого автономного округа» (от 28.12.2005 № 113-ЗАО), «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (от 28.12.2005 № 114-ЗАО), «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (от 06.10.2006 № 49-ЗАО), Постановление Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа «О компенсационных выплатах лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и иным лицам, занимающимся традиционной хозяйственной деятельностью на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (от 24.12.2004 № 454), постановления Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа «О социальной поддержке детей из числа коренных малочисленных народов Севера при получении образования» (от 15.03.2007 № 116-А), программы: «Культуры, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2003–2007 годы», «Культуры, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2008–2011 годы».

Демографический облик ненцев Ямала по материалам всероссийских переписей XXI в.

Данные переписей о числе детей, рожденных женщиной в течение жизни, также свидетельствуют о переменах — снижении детности ненецких семей (рис. 4). Данная тенденция является общей как для русского населения, так и для коренных малочисленных народов Севера, различия касаются времени ее возникновения и скорости снижения рождаемости [Бойко, 1987, с. 38; Bogoyavlenskiy, 2010, с. 101]. Снижение рождаемости среди некоторых северных народов относится к 60-м гг. XX в., а среди русских — к началу прошлого века [Bogoyavlenskiy, 2010, с. 101].

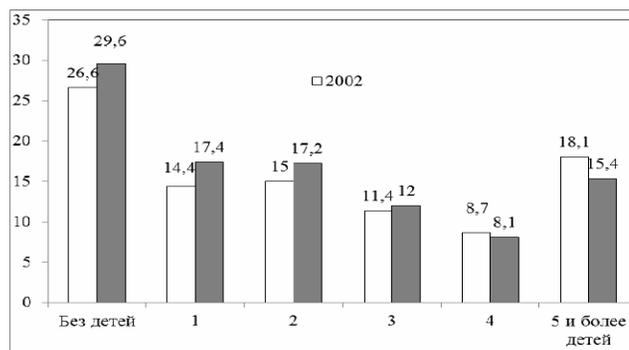

Рис. 4. Распределение ненецких женщин по числу рожденных детей по данным всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.

Доля в процентах в общей численности женщин в возрасте 15 лет и старше (в 2002 г. доля женщин, не указавших число рожденных детей, составила 5,8 %, в 2010 г. — 0,3 %).

Источники: Материалы... 2002 г., т. 12; Материалы... 2010 г., т. 10.

Сравнивая распределение женщин по числу рожденных детей у разных народностей, которые на сегодняшний день сохраняют кочевой образ жизни (ханты, коми, селькупы), отчетливо видим, что большинство из них уже совершили переход от многодетных к среднететным семьям, в отличие от ненцев, которые только вступили на этот путь (табл. 3). Именно этим объясняется наименьшая разница показателя среднего числа рожденных детей на 1000 женщин, рассчитанного по пятилетним возрастным интервалам, у ненок в возрасте старше 50 лет по сравнению с младшими возрастными группами, в отличие от остальных народов (см.: [Материалы... 2010 г., т. 10]).

Таблица 3

Распределение женщин отдельных национальностей в Ямало-Ненецком автономном округе по числу рожденных детей по данным Всероссийской переписи 2010 г., %*

Национальность	Число рожденных детей						Число детей не указано
	Без детей	1	2	3	4	5 и более	
Русские	22,4	33,0	35,7	6,9	1,0	0,5	0,5
Коми	16,6	19,1	34,2	16,3	6,3	7,1	0,4
Ханты	25,1	17,7	20,0	15,8	9,0	12,2	0,2
Селькупы	23,7	22,5	26,7	13,6	6,7	6,4	0,4

* Источник: Материалы... 2010 г., т. 10.

Распределение ненецких женщин по числу рожденных детей и возрасту показывает уменьшение количества детей 4-й и последующей очереди рождения в соответствующих возрастных группах в 2010 г. по сравнению с 2002 г. и возрастной сдвиг среди многодетных женщин в сторону старшего поколения [Материалы... 2010 г., т. 10]. Доля многодетных женщин в общей их численности определяется прежде всего возрастной группой от 50 лет и старше. О скорости произошедших изменений свидетельствует тот факт, что на момент проведения переписи в 2002 г. 31,8 % ненок в возрасте 40–49 лет родили 5 и более детей, в 2010 г. в соответствующей возрастной группе они насчитывали 27,8 %. Повышение процента бездетных женщин в возрасте 15–19 лет в 2010 г. по сравнению с 2002 г. является результатом откладывания замужества и рождения ребенка на более поздний возраст из-за получения образования и общей тенденции повышения брачного возраста [Волжанина, 2010, с. 216]. По данным переписей 2002 и 2010 гг., большинство русских женщин, проживающих на Ямале, являются матерями одного или двоих детей, а доля многодетных среди них составила в 2010 г. 0,5 %. Самыми многодет-

ными после ненецких женщин в Ямало-Ненецком округе являются ханты (12,2 %), затем коми (7,1 %) и селькупы (6,4 %).

Скорее всего, снижение темпов прироста ненцев в первое десятилетие XXI в. объясняется характером демографических процессов, происходящих в их среде, связанных, с одной стороны, с усвоением демографических стереотипов поведения доминирующего общества, с другой — со сменой режима воспроизводства, который у ненцев начался позднее, чем у остальных народов Севера и приходится на конец XX в. [Там же, с. 264].

Тем не менее ненцы остаются по-прежнему одним из немногих народов Российской Федерации, численность которых увеличивается прежде всего за счет естественного прироста, и, несмотря на увеличение медианного возраста (с 20 лет в 2002 г. до 22,1 года в 2010 г.), они остаются самым молодым этносом с высокой долей детей до 14 лет в их составе (33,8 %) (рассчитано по: [Материалы... 2010 г.]). Для сравнения: у русских, проживающих в округе, в 2010 г. медианный возраст равнялся 31,7 года, а доля детей составляла 22 % (рассчитано по: [Там же]).

Заключение

В настоящее время можно говорить об интеграции ненцев и ненецкого традиционного хозяйства в социально-экономическую систему доминирующего общества, что обуславливает наличие общих тенденций в среде коренных малочисленных народов Севера и русского населения, а именно роста доли городского населения за счет выходцев из сельской местности, повышения образовательного и профессионального уровней, распространения новых занятий и видов профессиональной деятельности. Результатом глобализации является интенсификация данных процессов в первое десятилетие XXI в., а государственная политика оказания экономической, социальной и финансовой помощи народам Севера укрепляет связи с культурой и стереотипами большинства, в том числе определяющими характер демографического поведения. Темпы изменений еще таковы, что предположение о сохранении в будущем северного номузма в России как семейного бытового кочевания, «скорее всего, только за счет развития ненецкого тундрового крупностадного оленеводства» на Ямале [Клоков, Хрущев, 2006, с. 28] остается актуальным. Депопуляция не грозит ненцам, однако современные тенденции указывают на существование некоторых демографических рисков, прежде всего связанных со взглядом на многодетность и количество детей в семье. Тем не менее в целом демографическая ситуация среди ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным всероссийских переписей XXI в. выглядит как стабильно положительная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 60, 69, 178.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 316.

Итоги Всероссийской переписи населения — 2002: Стат. сборник в 11 ч. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2005. Ч. III: Национальный состав населения в Тюменской области. 427 с.

Итоги Всероссийской переписи населения — 2010: Стат. сборник в 10 ч. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2012. Ч. 1: Численность населения и его размещение в Тюменской области. 93 с.

Итоги Всероссийской переписи населения — 2010: Стат. сборник в 10 ч. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2013. Ч. 3. Т. 2: Национальный состав и гражданство населения в Тюменской области. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра. Ямало-Ненецкий автономный округ. 238 с.

Материалы Всероссийской переписи 2002 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>.

Материалы Всероссийской переписи 2010 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis-2010.ru>.

Литература

Богоявленский Д. Вымирают ли народы Севера? // Социс. 2005. № 8. С. 55–61.

Бойко В.И. Численность, расселение и языковая ситуация у народностей Севера на современном этапе // Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск: Наука, 1987. С. 36–48.

Власти Ямала ратуют за взаимовыгодное сотрудничество коренных народов и нефтяных компаний [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://t-l.ru/85036.html>.

Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.

Демографический облик ненцев Ямала по материалам всероссийских переписей XXI в.

- Здоровье коренного населения Ямала / В.Ф. Галыгин, А.К. Дранишников, В.З. Колтун. Новосибирск: Наука, 1998. 214 с.
- Иванов К.П. Проблемы этнической географии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 215 с.
- Квашин Ю.Н. Сравнительные социально-демографические характеристики народов Западной Сибири: (Ненцы, ханты, сибирские татары) // Этнодемографический сборник: Народы Севера России. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 5–75.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Стратегия, 2006. С. 13–33.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А. Динамика демографического воспроизводства популяций коренных малочисленных народов России и ее региональные особенности // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 39–51.
- Кривоногов В.П. Кеты: Десять лет спустя (1991–2001 гг.). Красноярск: РИО КГПУ, 2003. 200 с.
- Кривоногов В.П. Народы Таймыра: (Современные этнические процессы). Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 264 с.
- Лярская Е.В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: Некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // ЭО. 2016. № 1. С. 54–70.
- Оруджиева А.Г. Население Ямала от переписи до переписи: (Историко-демографический очерк). Екатеринбург; Салехард: Банк культурной информации, 2005. 88 с.
- Пивнева Е.А. Манси: Популяционная структура, этнодемографические процессы (VIII–XX в.). М.: ИЭА РАН, 1999. 306 с.
- Пивнева Е.А. Современная этнодемографическая ситуация и состояние здоровья малочисленных народов Севера // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 5–19.
- Россия и россияне в новом столетии: Вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 748 с.
- Сэрливо С.Е. Женское пространство в культуре ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 152 с.
- ТНК-ВР построит в Пуровском районе жилье для рыбаков и оленеводов [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://fedpress.ru/news/econom/soc_polit/1362471037-tnk-vr-postroit-v-purovskom-raione-zhile-dlya-rybakov-i-olenevodov.
- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 228 с.
- Штаммлер Ф.М. Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: Революция в тундре // ЭО. 2013. № 2. С. 6–23.
- Bogoyavlenskii D. Russia's Indigenous Peoples of the North: a Demographic Portrait at the Beginning of the Twenty-First Century // Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. Special issue on Siberian Demography. Vol. 9. Iss. 3. Winter 2010. P. 91–114.
- Klokov K.B., Khrushchev S.A. Demographic Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian North, 1897–2002 // Ibid. 2010. P. 41–65.
- Lyarskaia E.V. Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> 2008.

E.A. Volzhanina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: nyabako@mail.ru

SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE YAMAL NENETS PEOPLE ACCORDING TO ALL-RUSSIAN CENSUSES OF THE 21ST CENTURY

The article is dedicated to demographic characteristics of Siberian Nenets people and identifies their ethno-demographic potential in the 21st century. The work is based on a set of published and unpublished data from the All-Russian Population Censuses of 2002 and 2010 for the Nenets people living in Yamalo-Nenets Autonomous District. We used ideas about demographic security of Novosibirsk Economic and Sociological School and of K.B. Klokov and S.A. Khrushchev about ethnoses as demoi and ethnoses as societies. Common and specific demographic features of the Nenets are identified, the indicators characteristic to the Nenets are compared with other ethnic groups, mainly Russians. The article considers both dynamics of the number of Nenets in general, and in towns and rural areas of Yamalo-Nenets Autonomous District, attention is drawn to the peculiarities of formation of an urban group of the Nenets. Analyzing demographic processes and demographic behavior, we focus, first of all, on the characteristics of age and sex structures and the number of children born by a woman during her life. In addition, indicators characterizing natural population changes in Yamalo-Nenets Autonomous District by certain nationalities, including the Nenets, are provided for 2000–2008. It is noted that the nature of changes of the indicators in the first decade of the XXI century demonstrates that both the Nenets living in villages and the nomads perceive demographic stereotypes of behaviour of the dominant society. On the whole, the Nenets in Yamalo-Nenets Autonomous District are safe from depopulation. According to data from the All-Russian censuses, there is a favorable demographic situation among them in the first decade of the 21st century. But current trends point out that some demographic risks exist, primarily those related to the number of children in the fami-

lies. The nature of the quantitative indicators suggests that demographic behavior of the Nenets is determined by family values of the dominant majority.

Key words: the Nenets, Yamalo-Nenets Autonomous District, demography, All-Russian census, age-sex structure of population, urban and rural population, town, village, number of children

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-120-130

REFERENCES

- Bogoiavlenskii D., 2005. Vymiraiut li narody Severa? [Are indigenous peoples of the North dying?]. *Sotsis*, no. 8, pp. 55–61.
- Bogoyavlenskii D., 2010. Russia's Indigenous Peoples of the North: a Demographic Portrait at the Beginning of the Twenty-First Century. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. Special issue on Siberian Demography*, vol. 9, no. 3, pp. 91–114.
- Boiko V.I., 1987. Chislennost', rasselenie i iazykovaia situatsiia u narodnosti Severa na sovremennom etape [Population, location and language situation among indigenous peoples of the North at the present stage]. *Problemy sovremennogo sotsial'nogo razvitiia narodnosti Severa*, Novosibirsk: Nauka, pp. 36–48.
- Funk D.A., 2013. Sovremennye «traditsionnye» kul'tury narodov Severa [Contemporary «traditional» cultures of indigenous peoples of the North]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 3–5.
- Galygin V.F., Dranishnikov A.K., Koltun V.Z., 1998. *Zdorov'e korennoho naseleniia lamala* [Health of indigenous population of Yamal], Novosibirsk: Nauka, 214 p.
- Ivanov K.P., 1998. *Problemy etnicheskoi geografii* [Problems of ethnic geography], St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 215 p.
- Khariuchi G.P., 2001. *Traditsii i innovatsii v kul'ture nenetskogo etnosa* [Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnos], Tomsk: Izd-vo TGU, 228 p.
- Klokov K.B., Khrushchev S.A., 2006. Olenevodcheskoe khoziaistvo korennykh narodov Severa Rossii [Reindeer husbandry of indigenous peoples of the North of Russia]. *Mezhetnicheskie vzaimodeistviia i sotsiokul'turnaia adaptatsiia narodov Severa Rossii*, Moscow: Strategiia, pp. 13–33.
- Klokov K.B., Khrushchev S.A., 2008. Dinamika demograficheskogo vosproizvodstva populatsii korennykh malochislennykh narodov Rossii i ee regional'nye osobennosti [Dynamics of demographic reproduction of population of the indigenous small-numbered peoples of Russia and its regional features]. *Regional'nye issledovaniia*, no. 5, pp. 39–51.
- Klokov K.B., Khrushchev S.A., 2010. Demographic Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian North, 1897–2002. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. Special issue on Siberian Demography*, vol. 9, no. 3, pp. 41–65.
- Krivanogov V.P., 2001. *Narody Taimyra: (Sovremennye etnicheskie protsessy)* [The peoples of Taimyr: (Contemporary ethnic processes)], Krasnoiarsk: RIO KGPU, 264 p.
- Krivanogov V.P., 2003. *Kety: Desiat' let spustia (1991–2001 gg.)* [The Kets: After ten years (1991–2001)], Krasnoiarsk: RIO KGPU, 200 p.
- Kvashnin Iu.N., 2000. Sravnitel'nye sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki narodov Zapadnoi Sibiri: (Nentsy, khanty, sibirskie tatory) [Comparative socio-demographic characteristics of the peoples of Western Siberia (Nenets, Khanty, Siberian Tatars)]. *Etnodemograficheskii sbornik: Narody Severa Rossii*, Moscow: IEA RAN, pp. 5–75.
- Kvashnin Iu.N., 2012. Etnicheskie i demograficheskie protsessy u tazovskikh nentsev [Ethnic and demographic processes among the Taz Nenets]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 141–152.
- Liarskaia E.V., 2016. «Komu-to tozhe nado i v gorode zhit...»: Nekotorye osobennosti transformatsii sotsial'noi struktury nentsev lamala [«Someone also needs to live in the city...»: Some peculiarities of transformation of the social structure of the Yamal Nenets]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 54–70.
- Lyarskaia E.V., 2008. Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> 2008.
- Orudzhieva A.G., 2005. *Naselenie lamala ot perepisi do perepisi (istoriko-demograficheskii ocherk)* [The population of Yamal from census to census (a historical and demographic essay), Ekaterinburg; Salekhard: Bank kul'turnoi informatsii, 88 p.
- Pivneva E.A., 1999. *Mansi: Populatsionnaia struktura, etnodemograficheskie protsessy (VIII–XX v.)* [The Mansi: Population structure, ethno-demographic processes (18–20 century)], Moscow: IEA RAN, 306 p.
- Pivneva E.A., 2002. Sovremennaia etnodemograficheskaia situatsiia i sostoianie zdorov'ia malochislennykh narodov Severa [Contemporary ethno-demographic situation and health of the small-numbered peoples of the North]. *Rasy i narody*, Moscow: Nauka, 28, pp. 5–19.
- Serpivo S.E., 2016. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture nentsev* [Women's space in the culture of the Nenets], St. Petersburg: Istoricheskaia illiustratsiia, 152 p.
- Shtammler F.M., 2013. Mobil'nye telefony dlia mobil'nykh zhivotnovodov Severa: revoliutsiia v tundre [Mobile phones for mobile breeders of the North: a revolution in the tundra]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 6–23.
- Volzhanina E.A., 2010. *Etnodemograficheskie protsessy v srede nentsev lamala v XX — nachale XXI veka* [Ethno-demographic processes among the Yamal Nenets people in the 20th — at the beginning of the 21st century], Novosibirsk: Nauka, 312 p.

Б.З. Нанзатов, М.М. Содномпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047
E-mail: nanzatov@yandex.ru;
sodnompilova@yandex.ru

ТУНКИНСКИЕ БУРЯТЫ В XIX в.: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ

Представлено исследование по этническому составу тункинских бурят, их расселению на территории бывшей Тункинской степной думы, разделенной в 1890 г на четыре части — Торскую, Койморскую, Харибятскую инородные управы и Окинское отдельное родовое управление. Создание первых бурятских территориально-административных образований — мирских изб и степных контор и их дальнейшее развитие до степных дум привели к формированию этнотерриториальных групп бурятского населения, идентичность которых сохраняет актуальность по сей день. Одной из таких групп являются тункинские буряты. Этнический состав тункинских бурят, расселенных на территориях России, граничащих с Монголией, представляет особый интерес с точки зрения проживания этой группы в трансграничье. Буферный статус территорий Восточного Присаянья привел к сохранению и оседанию в этом регионе различных тюркских, монгольских, самодийских племен, таких как хурхут, далахай, хонгодор, хойхо, чалдар, тэртэ, шошолок и др. Также среди бурят было расселено племя иркитов. Его происхождение связано с самодийскими народами, жившими в Присаянье задолго до тюркских и монгольских племен. Некоторые из них сохранили традиционное оленеводческое хозяйство в XIX в. Статья написана в продолжение дискуссии о происхождении и связях малых бурятских племен с монгольскими и тюркскими племенами Центральной Азии и Южной Сибири. На основе историко-лингвистического анализа макроэтнонимов предложена авторская версия происхождения этнических групп, сформировавших этнотерриториальную группу тункинских бурят. Реконструкция сети расселения бурятских этнических групп на исследуемой территории в XIX в. позволила представить наиболее полную картину расселения тункинских бурят и иркитов с указанием максимально возможного числа улусов, деревень и сел, существовавших в конце XIX в. На авторских картах обозначены статус территорий, соотношение и плотность расселения бурятских племен.

Ключевые слова: этническая история, этноним, расселение, этническое картирование, лингвистический анализ, буряты, самоеды, тюрки, монгольские народы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-131-142

Введение

Проблема роли, функций и значения деятельности национальных органов местного самоуправления в Российской империи — одна из актуальных тем в свете переосмысления исторического наследия Российской Федерации и необходимости учета вклада национальных органов самоуправления в Сибири в укрепление и развитие российской государственности. Создание первых бурятских территориально-административных образований — мирских изб и степных контор и их дальнейшее развитие до степных дум привели к формированию этнотерриториальных групп бурятского населения, идентичность которых сохраняет актуальность по сей день. Одной из таких групп являются тункинские буряты, которые входили в состав Тункинской степной думы, расположенной на территории современных Тункинского и Окинского районов Республики Бурятия, Слюдянского района Иркутской области, граничащих с Монголией и республикой Тывой. В XIX в. Тункинская степная дума входила в состав Иркутского округа Иркутской губернии и граничила на западе с Урянхайским краем Цинской империи, на севере — с землями Аларской степной думы и Китайской инородной управы. Земли тункинских бурят перемежались с землями крестьян Тункинской волости, а также с казачьими землями пограничной полосы (рис. 1).

Ближайшими соседями населения Тункинской степной думы с цинской стороны были дархаты, урянхайцы, тувинцы-тодзинцы, хотогойты. С российской стороны земли тункинских бурят соседствовали с землями аларских, китайских, закаменских, нижнеудинских бурят, а также с землями нижнеудинских карагасов (тофаларов), что оказало значительное влияние на этнический состав населения думы.

Рис. 1. Территория расселения тункинских бурят в конце XIX в.

Авторы статьи ставят своей целью исследование этнического состава тункинских бурят и особенностей их расселения на территории Тункинской степной думы в XIX в., необходимое для дальнейшего изучения этногенеза и этнической истории бурят и тюркских народов Южной Сибири. В работе представлен наиболее полный перечень макро- и микроэтнонимов общностей, вошедших в состав этнотерриториальной группы тункинских бурят, а также в состав современных сойотов. На основе историко-лингвистического анализа макроэтнонимов предложена авторская версия происхождения этнических групп. Другой важной задачей настоящего исследования стала реконструкция сети расселения этнических групп бурят на территории Торской, Коймарской и Хариб'ятской инородных управ и Окинского отдельного родового управления в конце XIX в. Данная работа базируется на материалах переписи 1897 г., обработанных С.К. Паткановым, данных архивных материалов, полевых исследований авторов, позволивших восстановить наиболее полную картину расселения бурят с указанием всех населенных пунктов, существовавших в конце XIX в., статус территорий (бурятские земли, казачьи земли), численное соотношение административных родов.

Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. В основе исследования — историко-этнографические методы. Авторы также обращаются к приемам этнографического картографирования, а именно картографирования данных этнического состава и численности населения. Объект исследования — этнотерриториальная группа тункинские буряты, предмет исследования — этнический состав и расселение тункинских бурят.

Этнический состав и расселение

В 1790 г. в Торской степи была учреждена Торская степная контора [История..., 2013, с. 240], ставшая основой степной думы, образованной в 1824 г.

В ведомости за 1835 г. упоминаются следующие административные роды: I, II Тыртеевские (тэртэ), I, II Куркутские (хурхуд), I–IV Хонгодорские (хонгодор), I, II Хойгодские (хойго), I, II Челдарские (чалдар), Шешоловский (шошолог), Бадархонский (бадархан), Иркитский (иркит) и Ключевский [ГАРБ, ф. 171, оп. 1, д. 29, л. 31]. В 1841 г. вместо Ключевского административного рода указана Ключевская инородная управа [ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 86, л. 1]. В документах после-

Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение

дующего периода Ключевская управа в составе Тункинской думы не упоминалась. Впоследствии Ключевский административный род был отмечен в составе Закаменской инородной управы [Нанзатов, 2016, с. 159–160], где его основу составляли салджиуты и долонгуты [Там же, с. 174–175]. Географически территории Ключевского рода примыкали к землям Тункинской степной думы в районе верховий р. Зун-Мурино и находились на крайнем северо-западе Закаменской инородной управы.

В документах 1861 г. состав административных родов за исключением Ключевского совпадает с данными ранних списков, но обнаруживается еще одна категория деления тункинских бурят, на 4 улуса, включавших в себя территориально близкие административные роды: Торский улус (Тыртеевского племени и рода, Куркутского племени и родов 1- и 2-го), Койморский улус (Хонгодорского племени и родов 1–4-го, Бадархонского), Кыренский улус (Хойгодского племени и родов 1- и 2-го, Челдарского племени и родов 1- и 2-го), Бухогорхонский улус (Шешоловского племени и рода, Иркутского племени и рода) [ГАРБ, ф. 171, оп. 1, д. 29, л. 34].

После упразднения в 1889 г. Тункинской степной думы ее территория была разделена между тремя управами (Торская, Коймарская, Харибятская) и Окинским отдельным родовым управлением.

Торская инородная управа (рис. 2, табл. 1) была расположена в восточной части долины Иркутка и его притока Зун-Мурино, вплоть до юго-западной оконечности Байкала, где находились летники бурят. Охотничьи угодья торских бурят граничили с угодьями закаменских и китойских бурят. На территории ведомства находилось общебурятское (изначально общебулагатское) культовое место — гора Буха-нойон, место почитания мифического предка бурят (булагатов) [Шагланова, 2007, с. 19–24]. В районе Култука находилась гора Шаманка на одноименном мысу, место поклонения хозяину Байкала — Далай-Лусун-хана [Там же, с. 30–31].

Рис. 2. Тункинские буряты в конце XIX в.

Помимо указанных в табл. 1 населенных пунктов представители 1-го Хойгодского рода проживали в Еловке — 51 чел. и в Тибильты — 15 чел.; 1-го Хонгодорского рода — в Далахае — 236 чел. и в Тибильты — 4 чел.; 2-го Хонгодорского рода — в Еловке и Быстриском — 51 и 6 чел.; 4-го Хонгодорского рода — в Еловке — 14 чел.; Бадархонского рода — в Еловке — 8 чел. и в Торах — 4 чел.; буряты без указания административного рода — в Торах — 6 чел.; на Саган-Угунской водяной мельнице — 4 чел., в Быстринском — 3 чел., в Тибильты — 5 чел [Патканов, 1912, с. 450–451].

Население Торской управы было сформировано преимущественно из Тыртеевского и 1- и 2-го Куркутских административных родов. В небольшом количестве здесь были также расселены представители 1-го Хойгодского, четырех Хонгодорских и Бадархонского родов, преимущественно в с. Еловка.

Тункинские тэртэ являются вторым по численности племенем этнотерриториальной группы. Этноним тэртэ можно связать со средневековым этнонимом терат/татар-терат. Это племя, согласно Рашид-ад-дину, было расселено в районе левых притоков р. Ангары, вблизи страны Баргуджин-тукум [1952, с. 103], что совпадает с местами расселения бурятских тэртэ.

Этноним *долонгуд* в монголо-бурятской среде непосредственно связан с широко распространенным у тюрков Южной Сибири этнонимом *теленгит*. О *долонгутах* как о родственном

Б.З. Нанзатов, М.М. Содномпилова

тувинцам племени упоминал Г.Е. Грум-Гржимайло [1926, с. 20]. По мнению Б.С. Дугарова [1983, с. 93], возможна связь между этнонимами *донгод* и *тонгойт*, упомянутыми Рашид-ад-Дином в составе керейтов [Рашид ад Дин, 1952, с. 128]. Тункинские ноёты, по-видимому, являются осколком племени ноёт, расселенного в долине Ангары среди балаганских и идинских бурят.

Таблица 1

Торское ведомство (Торская инородная управа)*

№	Населенный пункт	Хоз-в	Нас.	Бурят	Тэртэ	I Хурхуд	II Хурхуд
1	Шанайский улус (р. Иркут и Зун-Мурино)	40	199	199	199		
2	Маргасанский улус (р.)	8	55	55	34	21	
3	Нарган-Нуганский (р. Зун-Мурино)	8	55	55	45		
4	Далынский улус	24	114	114	54		60
5	Холуриный улус	32	162	162	162		
6	Харагунский улус	44	198	198	198		
7	Ноэтский (Ноэ) улус (руч.)	53	284	283	283		
8	Торский улус (р. Иркут, руч. Тоэ-Ноэ)	25	140	126	92		24
9	Тоэтский (Тоэ) улус (руч.)	59	339	325	161		164
10	Шумаковский улус (р. Иркут и Хара-угун)	9	43	43	6		37
11	Далахайский улус (р. Иркут)	47	240	240	4		
12	Дармайский улус	12	60	60		60	
13	Тогорхайский улус	11	44	44		44	
14	Тайлаганский улус	13	62	62		62	
15	Бутуйский улус	24	128	128	28		100
16	Подкукуйский улус	38	164	164			164
17	Яндинский улус	17	78	78	78		
18	Шадур-Тологойский улус	22	109	109		109	
19	Хабин-Добунский улус	14	62	62		62	
20	Намарзанский улус	12	66	66		66	
21	Буту-Нуганский улус	8	39	39		39	
22	Хотогорский улус	26	121	121		121	
23	Шалутский улус	21	109	109		109	
24	Наринурский улус	7	31	31		31	
25	Хальский улус	7	31	31		31	
26	Зымский улус зимовье	2	38	21			21
27	Бурлик улус зимовье	4	77	37		37	
28	Саго-Угунская водян. мел.	5	13	4			
29	Быстринский выс. (руч.)	11	58	56	8	27	12
30	Еловское село (р. Иркут и руч. Еловка)	63	313	306	177	5	
31	с. Тибильты	18	102	102	13	64	1
32	Култукское село	—	—	—			
33	Гужирское село	—	—	—			
Итого		684	3524	3420	1542	888	583

* Табл. составлена по: [Патканов, 1912, с. 450–451].

Хурхуты — одно из старейших булагатских племен, крупнейшего племенного союза бурят. В XIX в. куркутские административные роды расселялись в Тункинской степной думе, Закаменской и Китойской инородных управах. О прежнем широком распространении этого племени в Прибайкалье свидетельствует широкий круг одноименных топонимов. Так, например, улусы Куркут/Куркат есть в Алари и Приольхонье. По данным С.П. Балдаева, *хурхуты* также проживали в долине р. Мурын, притока Куды [1970, с. 164].

Этноним *хурхууд/хурхад*, очевидно, имеет прямое отношение к этнониму «курыкан», известному также в форме «куркан» у Рашид-ад-дина [1952, с. 125]. Полагаем, что общность хурхут — это осколок раннесредневековой общности Уч-курыкан, который после распада последней как единого социального организма преобразовался в демосоциальный организм, имеющий этнические черты и сохранивший этноним «курыкан». Этноним в последующем трансформировался в «хурхад/хурхууд» с помощью монгольского суффикса мн. ч. -д/-ууд.

В составе тункинских хурхутов отмечено племя *уляба* (уляба), по генеалогическим легендам имеющее хурхутское происхождение по женской линии [Дугаров, 1983, с. 97]. Этноним *уляба*, по-видимому, имеет один корень с другими монгольскими этнонимами — *улис* и *улиад*, распространенными среди амурских *дауров* (*улис*) [Цыбенков, 2011, 240] и нерчинских хамниган (*улиад*) [Уварова, 2004, с. 22]. В обоих случаях к корню *ули* прибавляются монгольские окончания мн. ч. -с и

Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение

-ад. Вероятно, в основе этнонима лежит корень *ули* — «сова» (монг.). В бурятском варианте *уляба/улиаба*, по-видимому, состоит из двух частей — *ули* и *аба*. Вторая часть — *аба*, по нашему мнению, происходит от тюркского «оба», в свою очередь родственного монгольскому «обог» — род, племя.

Далахай. Особо следует отметить население Далахайского улуса, приписанного к 1-му Хонгодорскому роду в 1897 г. По этническому составу население улуса Далахай — представители одноименного булагатского племени *далахай* (*боржоон далахай/боржигон далахай*) [Нанзатов, 2007, с. 88], так же как и *хурхуты*, входящие в состав семи старших булагатских племен. Как и многие другие немногочисленные племена, *далахай* не смогли составить отдельной административной единицы — рода, вследствие чего вошли в состав другого административного рода.

Таким образом, основу населения Торской инородной управы составляли буряты племен тэртэ, хурхут, далахай, долонгут, донгот, шоошхой, уляба, даланча, ноёт, а также небольшие группы хонгодоров и хойхо.

Коймарская инородная управа (рис. 2, табл. 2) располагалась в долинах рек Тунка, Кынгырга, Хобок, впадающих в Иркут в его среднем течении с севера, с южных склонов Тункинских гольцов Восточно-Саянской горной системы. В табл. 2 отражены улусы Коймарской инородной управы.

Таблица 2

Коймарское ведомство (Коймарская инородная управа)*

№	Населенный пункт	Хоз-в	Нас.	Бурят	I Хонгодор	II Хонгодор	III Хонгодор	IV Хонгодор	Шуран-хан	Бадархан
1	Коймарский улус (р. Тунка)	143	725	725		151		574		
2	Тогорхайский улус (р. Тулта и Бугатай)	46	218	218				218		
3	Хобокский (Галбай) улус (р. Хобок)	107	574	574		39		117	345	73
4	Улбагайский улус (р. Тунка)	37	195	195	43	5		28	119	
5	Ойбойский улус (р. Саган-нур)	92	471	471	47				258	166
6	Уляборский улус (р.Хурай-Хобок)	19	95	95	24	5	49			17
7	Ундур-Шогон улус (р. Хобок)	14	82	82		33	36		8	5
8	Хурай-Хобокский улус (р.)	54	279	278		57	98		33	90
9	Кунхенский улус (р. Кинкэргэ)	20	89	89	27		62			
10	Шерооловский улус (кл.)	15	93	93		93				
11	Шердабунский улус (кл.)	23	114	114			90			24
12	Хужиртайский улус (р.)	14	76	76			76			
13	Токурский улус и дер. (р. Тунка)	120	586	586	186	40	16	28	87	130
14	Тальское село (р. Талая)	105	544	542	124	169	15	73	21	61
15	Кутулвыс	12	57	57	7	6			2	42
16	Коймарский-Парфеньевский миссионерский стан	4	15	—						
<i>Итого</i>		825	4215	4197	458	598	442	1038	873	608

* Составлено по: [Патканов, 1912, с. 445–446].

Помимо отмеченных в табл. 2 бурятских административных родов, в Токурском улусе и деревне, где проживало в основном крещеное население, были расселены также представители I Куркутского рода — 27 чел., II Куркут — 16 чел, Тэртэ — 17 чел, Шошолок — 7 чел., Чалдар — 13 чел., Иркит — 14 чел., I Хойхо — 7 чел. В с. Таловском: I Хойхо — 73 чел., Тэртэ — 5 чел. Без указания административного рода — 1 чел. [Патканов, 1912, с. 445–446].

Население Хойморской (Коймарской) управы практически полностью было представлено племенами хонгодоров: ашхай, шуртху, шуранхан, моотонго, саган, бадархан. Одно из хонгодорских племен — шуранхан (III Хонгодор) оказалось разделенным вследствие интриг между властью в лице шуленги и жаждущим власти купцом Шангиным [Балдаев, 1970, с. 18]. Племя бадархан среди аларских бурят представлено как хонгодор.

Представители остальных бурятских административных родов были расселены в поселениях для крещеных бурят — Тохурене и Тальском. В проекте разделения Тункинской степной думы даже предполагалось выделить пятое ведомство — Тукуринскую волость из ясачных инородцев, однако после вмешательства архиепископа Вениамина крещеных бурят оставили в составе бурятских административных ведомств, что не помешало части бурятского крещеного населения оказаться в составе Тункинской крестьянской волости [История органов..., с. 276].

Хонгодор. Крупнейшим племенным объединением среди тункинских бурят являются хонгодоры (бур. хонгоодор). Среди тункинских хонгодоров отмечены такие племена, как ашхай, шуртху, саган, моотонго, шуранхан и бадархан.

Б.З. Нанзатов, М.М. Содномпилова

Этническая история *хонгодоров* представляет интерес для исследователей, так как до сих пор, несмотря на многочисленные попытки изучения, происхождение их остается неясным. Одним из основных ключей для решения вопроса происхождения *хонгодоров* является лингвистическое изучение этнонима *хонгдор*, в основе которого лежит корень *qongur/qongīr* и окончание мн. ч. *-dar*. Переход *qoŋurdar* в *qoŋdɔr* можно объяснить с помощью материалов по исторической фонетике (подробнее см.: [Нанзатов, Содномпилова, 2013, с. 55–56]).

Этноним *моотонго*, одного из хонгдорских племен, вероятно, связан с народом *мотор/матор*, представителями южно-самодийских племен. Большая часть их впоследствии была тюркизирована, вошла в состав хакасов [Сорокина, 2005, с. 9]. Часть маторов, вероятно, вошла в состав тувинцев и стала известна как *маады*. Еще одна ветвь самодийцев была монголизована и попала в состав хотогойотов и мингатов как *мотор/мотон/модон/модонгууд*, а в составе хонгодоров стала известна как *моотонго*.

Харибятская инородная управа (рис. 2, табл. 3), расположенная на западе в верховьях Иркута, включала в себя представителей всех четырех улусов 1861 г., однако ее основу составляли Кыренский (*хойхо, чалдары*) и Бухогорхонский (*шошолоки, иркиты*) улусы. Наличие хонгодоров к северу от Иркута отражает процесс расширения Хойморского улуса, расселение *хонгодоров* и *хурухутов* на западе — их движение в сторону Оки через верховья Иркута.

Таблица 3

Харибятское ведомство (Харибятская инородная управа)*

№	Населенный пункт	Хоз-в	Нас.	Бурят	I Хойхо	II Хойхо	Чалдар	I Хонгдор	II Хонгдор	Тэртэ	Шошолок	Иркит
1	Шимковский улус	10	62	62		51				11		
2	Елотский улус (кп.)	29	134	134	2	59				73		
3	Могой-Горхонский улус	45	222	222	205	17						
4	Эльтакшинский улус	45	202	202			202					
5	Ингаргинский улус (руч.)	29	125	125				31	45			
6	Наринурский улус (оз.)	4	20	20			20					
7	Убулзон-Нуганский улус	31	149	149			149					
8	Сохойский улус	16	76	76			76					
9	Синтинский улус	26	136	130				121		9		
10	1 Нуганский улус	10	49	49	17	32						
11	2 Нуганский улус	23	110	110	8	102						
12	3 Нуганский улус	8	47	47	45	2						
13	Кыренский улус	10	33	33	17	10		6				
14	Алгатский улус	18	110	110	110							
15	Горхонский улус (руч.)	29	142	142	95	12	35					
16	Ихитайский улус	5	29	29	20	9						
17	Гужирский выс.	3	15	13	11	2						
18	Кырэнский лам.дацан	4	12	12								
19	Харибятский улус	76	401	400	345	55						
20	Хойтогольский улус	102	586	586	57			287		29	213	
21	Мондинский миссион.	5	21	8								
22	Эхе-Убур улус	3	20	20						20		
23	Хагор-Горхон улус	1	3	3								
24	Уляган улус	16	85	85				13	16	28		
25	Саган-Шулун улус	11	36	36				20	4	7	5	
26	Холботы улус	8	41	41					11	26		
27	Булак улус	3	23	23					26			
28	Саган-топа улус	2	10	10								
29	Шабар улус	4	14	14					14			
30	Аракта улус	7	41	41				6	16	19		
31	Саган-Нур улус	3	9	9				3	2	4		
32	Хулугута улус	8	31	31	20							
33	Шулай улус	2	7	7					5	2		
34	Дурульжи улус	1	3	3						3		
35	Хорликский улус (оз. Холой)	27	108	108				108				
36	Хабарнунтский улус (р. Харагун)	22	100	100				100				
37	Жемчугский улус	76	418	414	4			315		80		15
38	Тотхульский улус (р. Бух-Горхон)	8	65	65							65	
39	Хылтыгейский улус	11	52	52							52	
40	Улан-Горхонский улус	47	261	261				16		202	43	
41	Нюрхайский улус	13	71	71						71		
42	Хандагайский улус	10	56	56						56		
43	Нурайский улус	24	126	126							6	120
44	Шарагунский улус	41	171	171	3			168				

Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение

Окончание табл. 3

№	Населенный пункт	Хоз-в	Нас.	Бурят	I Хойхо	II Хойхо	Чалдар	I Хонгдор	II Хонгдор	Тэртэ	Шошолок	Ирkit
45	Охор-Шибирский улус	93	471	471							457	14
46	Бух-Горхонский улус	56	285	285							285	
47	Шимки село	39	221	221	46	137				17		
48	Жамыгьтский Иннокентьевский миссион. стан	2	15	3								
49	Заштатная мужская Нилова пустынь	2	9	1								
50	Затункинская (Тайбачай) дер.	58	332	332		4		250	6	14	38	10
51	Туранский казачий караул (Хойто-гол)	14	77	—								
52	Токурнская дер.	—	—	—								
<i>Итого</i>		1140	5822	5699	1005	492	582	1444	135	671	1164	159

* Составлено по: [Патканов, 1912, с. 451–453].

Помимо рассмотренных выше населенных пунктов, представители III Хонгдорского рода были расселены в улусе Уляган — 8 чел., представители IV Хонгдорского рода — в улусах Ингарга — 49 чел., Хогор-Горхон — 3 чел., Хулугута — 11 чел., представители Хурхутского рода — в улусах Холботы — 4 чел., Булук — 7 чел., Саган-тала — 10 чел [Патканов, 1912, с. 451–453].

Хойхо. Были расселены в районе Кырена (бур. *хээрэн* — «степь»). Этнический состав *хойхо* (бур. *хойхо*) помимо собственно *хойхо* составляли *хорчины* (*хорчид/хоршод*) и *зунгары*, прибывшие в Тунку из закаменского Улюкчина [Абашеев, 1965, с. 4]. Широкое распространение *хойхо* в районе Восточных Саян, а также распространение *хорчинов* (корчин/корчун) в составе нижнеудинских бурят, а *зунгаров* — в составе балаганских бурят позволяет нам предположить более широкое распространение носителей этого этнонима в древности. По нашему мнению, вероятно связь бурятских *хойхо* и тувинских *хойук*. Тувинское племя *хойук* преимущественно проживало в восточной Туве, откуда они, расселившись, попали в состав кобдосских тувинцев [Айыжы, Конгу, 2013а, с. 39]. Следует упомянуть, что в тувинской среде представители этого племени считаются пришлыми, не имеющими близких родственных связей с другими тувинскими племенами [Айыжы, Конгу, 2013b, с. 9].

По нашему мнению, *хойхо* в целом и группа *хорчитов/хорчидов* в частности имеют киданьские корни, судя по сохранившемуся в их среде пласту верований, связанных с почитанием кабана. У *хорчитов* в цикле свадебной обрядности особое место занимает использование головы лесного кабана в качестве ритуального блюда наряду с конской и бараньей головами [Галданова, 1992, с. 38–39].

Ирkit. Долину р. Иркут, как и всю территорию Присяянья правомерно характеризовать как крупный трансграничный регион, в пространстве которого на протяжении длительного времени происходили активные этнические процессы. На этнической карте региона можно выделить несколько групп населения: монголы, тюрки, тюркизированные самодийцы. Отсутствие подробных письменных источников по истории региона позволяет нам лишь предполагать, кто и в какой очередности оказался в той или иной местности. Что касается ирkitов, то их присутствие впервые обозначено в середине XVII в. между «черными и желтыми мунгалами». Напротив территории кочевий ирkitского князя Яндаша был поставлен Иркутский острог. Их соседями были указаны *хаасуты*, *долонгуты* [Долгих, 1960, с. 297–298]. Основным отличием ирkitского населения в XVII в. было ведение оленеводческого хозяйства саянского типа. Впоследствии, в бурятском окружении, тункинские ирkitы были значительно обурячены, как в языковом, так и в культурном плане, и в конце XIX в. уже не отличались от соседей бурят.

Однако историческая память сохранила особую этническую идентичность и привела к выделению в XX в. сойотов как народа, основу которого и составлял в XIX в. Иркутский административный род.

Шошолок. Этноним *шошоолог* распространен только среди бурят. В русских документах упоминался как *чечеловский/шешеловский/цысолик*. Г.Р. Галданова высказывала мнение о возможной связи его с североалтайскими *шакишальками* [1992, 13–14]. Но, на наш взгляд, мы имеем дело лишь с приблизительным созвучием. В материалах Тункинской степной думы этноним *шошолок* на монгольском письме был зафиксирован как *цаацацү* [ГАРБ, Ф. 171, оп. 1, д. 29, л. 40]. Близким фонетически к *цааца* является древнетюркский термин *цааца* — военный титул, иногда букв. «генерал» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 135]. В таком случае семантика этно-

нима — «имеющие чача [военачальника, генерала]». Доказательством существования этнонимов подобного типа могут быть такие этнонимы, как «тутуклиут» [Рашид ад Дин, 1952, с. 108], «эймирли» [Еремеев, 1971, с. 93]. В них *tutuq* и *eimir* — титулы, а *-li* — суффикс обладания.

Чалдар. Наиболее близким к бурятским *чалдарам*, по нашему мнению, является огузский этноним «чавулдур/чаулдар» [Sümer, 1972, р. 140]. Тункинские *чалдары* также именуют себя *бурудхатан* [Дугаров, 2013, с. 6]. В основе их этнонима лежит монгольский термин *буруд* — *тюрки*, поздн. *киргизы*, и *хатан* от *-хан + -тан*, где *-хан* — уменьшительный, *-тан* — мн. ч. по отношению к патронимии. То есть Бурудхан — небольшая группа тюрок [в монгольской среде] > барудха(н)-тан — [патронимия] бурудхан. Среди соседних этнических групп монголов и тюрок Южной Сибири аналогов этому этнониму не обнаружено. Вероятно, во время массовой экспансии монгольских племен и выдавливания тюркских племен на запад в долине Иркутка, на периферии Центральной Азии, сохранился небольшой осколок древнего огузского племени, не ушедшего полностью на юго-запад, как большинство соплеменников.

Помимо собственно бурятских административных образований, в 1897 г. буряты были представлены и в Тункинской волости, а именно в селах Нерюхай — 321 чел., Тунка — 48 чел., Култук — 44 чел., Гужир — 40 чел., в Зактуйском предместье — 21 чел., в д. Ахалик — 23 чел., в выселке Улан-Горхон — 10 чел., в зимовье Круглом Больше-Глубоковской почтовой станции — 4 чел. Из числа бурят Тункинской волости большая часть не указала принадлежности к административным родам — 447 чел. Среди указавших: шошолоки — 138 чел., тэртэ — 92 чел., хонгодоры (включая I–IV, шуранхан, бадархан) — 66 чел., хойхо — 69 чел., хурхуты — 39 чел., иркиты — 68 чел., чалдары — 6 чел [Патканов, 1912, с. 454].

После выделения *Окинского отдельного родового управления* (рис. 3, табл. 4), непосредственно подчиненного Иркутскому полицейскому управлению, был образован Окинский административный род. Его основу составили буряты I–IV Хонгодорских, Чалдарского, Хойготского, Куркутского, Тыртеевского и Иркутского административных родов [История..., с. 279].

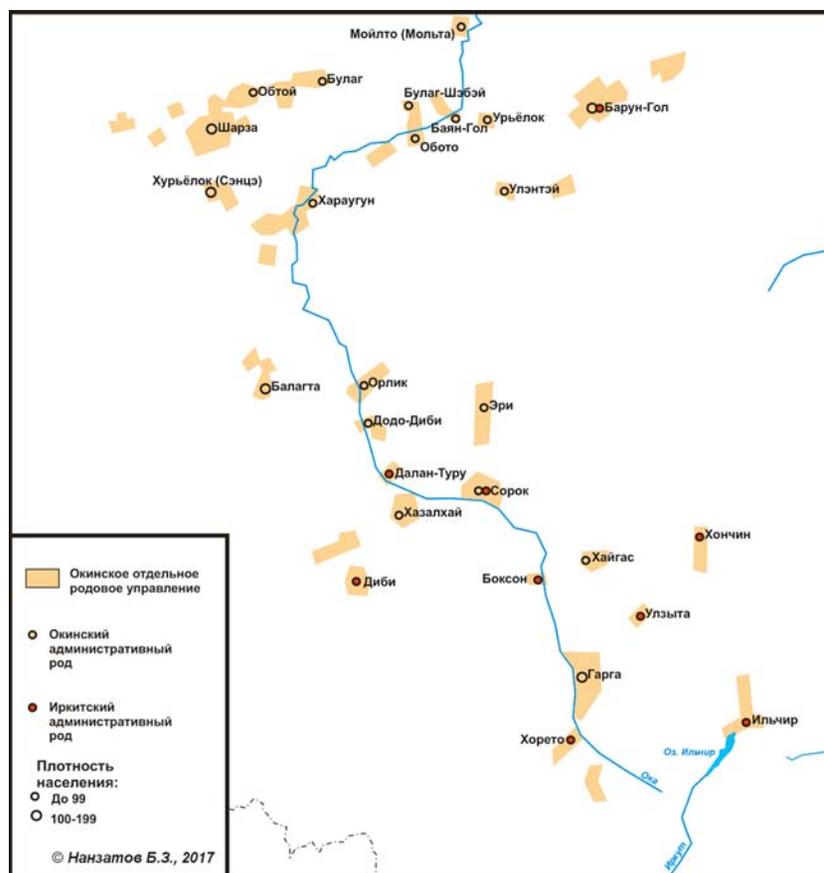

Рис. 3. Окинское родовое управление.

Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение

Иркиты, расселенные в верховьях р. Оки, на оз. Ильчир, были переведены в Окинское отдельное родовое управление и вошли в состав двух административных родов: Окинского и Иркитского. В основе их разделения был хозяйственный уклад: оленеводы остались в составе Иркитского административного рода Окинского родового управления, а обуряченные *иркиты* (скотоводы) вошли в состав Окинского административного рода вместе с бурятами. Особенности хозяйственного уклада отражались и в численной неравномерности: только небольшая часть иркитов в конце XIX в. занимались оленеводством (табл. 4).

Таблица 4

Окинское отдельное родовое управление*

№	Населенный пункт (улус)	Хоз-в	Нас.	Бурят	Окинский	Иркит
1	Ильчир	12	68	68		68
2	Ханчин	16	75	75	68	7
3	Гарга	26	135	135	135	
4	Хайгас	5	50	50	50	
5	Сорока	8	58	58	58	
6	Орлик	14	75	75	75	
7	Хазалхай	19	94	94	94	
8	Балакта	31	164	164	164	
9	Хараугун	5	27	27	27	
10	Булук	9	40	40	40	
11	Хульёлок	26	131	131	131	
12	Синца (Хурьёлок)	16	81	81	81	
13	Шарза	19	103	103	103	
14	Обтой	6	34	34	34	
15	Эри (Ирэ)	7	27	27	27	
16	Булук-Шибэн	11	49	49	49	
17	Улэнтэй (Улантай)	5	11	11	11	
18	Баин-Гол	16	68	68	68	
19	Оботы	8	60	60	60	
20	Мольты	25	113	113	113	
21	Бурин-Гол	32	143	143	143	
22	Окинский миссион. стан	2	12			
<i>Итого</i>		318	1618	1606	1531	75

* Составлено по: [Патканов, 1912, с. 447–448].

В состав Иркитского административного рода входили племена *иркит* и *хаасут*. По сведениям И.В. Рассадина, в состав сойотов, этноса, сформированного на основе Иркитского административного рода Тунки и Оки, вошли представители трех племен: *иркит*, *хаасут* и *онхот* [2016].

Также, по сведениям Б.Э. Петри, возможно выделение сойотского населения в Окинском регионе в следующих улусах: Монды, Ильчир, Хоньчин, Харамодон, Сорок, Буксон, Хореты, Улзето, Долон-Турук, Хазалхай, Бурун-гол, Нурай [1924, с. 19].

Заключение

Характерной чертой этнического состава тункинских бурят является наличие значительного числа малых племен, не вошедших в крупные племенные союзы. Это свидетельство периферийного положения региона по отношению к трем основным этногенетическим узлам — центрально-азиатскому, прибайкальскому и енисейскому. Буферное положение территории Восточного Присаянья обусловило появление и оседание здесь в разные периоды истории этнических групп монгольского, тюркского происхождения, какими, в частности, являются *хурхут*, *хонгодор*, *тэртэ*, *шошолок*, *хойхо*, *чалдар*, *долонгут* и др., а также сохранение древнего самодийского пласта, представленного *моотонго* и, возможно, племенами *хаасут* и *иркит*.

Авторские карты позволяют представить ареалы и плотность расселения бурятских административных родов в границах Торской, Коймарской, Харибятской инородных управ, Окинского отдельного родового управления, Тункинской волости и на казачьих землях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Ведомость* Тункинского ведомства за 1841 г. // ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 86.
Ведомость, составленная в Тункинской степной думе, о числе душ кочующих инородцев // ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29.

Литература

- Абашеев Д.А.* Тункинский говор // Труды БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1965. Вып. 17. С. 3–34.
Айыжы Е.В., Конгу А.А. Родовые группы тувинцев Кобдосского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Калмыц. ин-та гуманитар. исследований. 2013а. № 1. С. 36–40.
Айыжы Е.В., Конгу А.А. Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района республики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чуваш. гос. педагогического ун-та им. И.Я. Яковлева. 2013б. № 4–1 (80). С. 3–10.
Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 363 с.
Галданова Г.Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — первая половина XX вв.). Новосибирск: Наука, 1992. 182 с.
Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Изд-во РГО, 1926. Т. 3. Вып. 1: Антропологический и этнографический очерк этих стран. 414 с.
Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишевой, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.
Дугаров Б.С. Присяянье — Хубсугул: Историко-культурные связи и параллели. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 258 с.
Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М.: Наука, 1971. 272 с.
История органов местного самоуправления бурят в XIX — начале XX в. / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
Нанзатов Б.З. Западно-бурятская субэтническая идентичность // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 80–90.
Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Аларская степная дума: (Этнический состав и расселение аларских бурят в XIX в.) // Вестник БНЦ СО РАН. 2013. № 2 (10). С. 47–57.
Нанзатов Б.З. Забайкальские буряты в XIX веке. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 290 с.
Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб.: Ш. Буссель, 1912. Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. 708 с.
Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах. Иркутск: Власть труда, 1927. 24 с.
Рассадин И.В. Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 2 (22). С. 99–104.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 221 с.
Сорокина И.П. Самодийские языки // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: В 3 т. М.: Наука, 2005. С. 8–12.
Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М.: ИНИОН, 2004. 162 с.
Цыбенков Б.Д. Даурские роды в XVII в. // Вестник БГУ. 2011. № 8, С. 238–246.
Шагланова О.А. Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX — XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 179 с.
Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Ankara, 1972. 532 p. (на тур. яз.)

B.Z. Nanzatov, M.M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of Siberian Branch RAS
Sakh'yanovoi st., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
E-mail: nanzatov@yandex.ru;
sodnompilova@yandex.ru

TUNKA BURYATS IN THE 19TH CENTURY: ETHNIC COMPOSITION AND SETTLEMENT

The article deals with a study of ethnic composition of the Tunka Buryats and features of their settlement on the territory of the former Tunkinskaya Steppe Duma, which was split into four parts called Torskaya, Koimorskaya, Kharibyatskaya indigenous authorities and Okinskoe separate clan district in 1890. Creation of the first

Buryat territorial administrative units — Mirskay izba and Steppe bureau (Stepnaya kontora) and their further evolution to Steppe Dumas led to formation of ethno-territorial groups of the Buryat people, the identity of which remains relevant to the present time. One of these groups are the Tunka Buryats. The ethnic composition of the Tunka Buryats occupying Russian border area with Mongolia is of great interest as they are tribes living in the border region. Buffer status of the territory along the East Sayan Mountains led to the emergence and settlement of different Mongol, Turkic, Samoyedic tribes, such as Khurkhut, Dalakhai, Khongodor, Khoykho, Chaldar, Terte, Shosholok and others in this area during different periods of history. The tribe of Irkit also lived among the Buryats. Its genesis is connected to the Samoyedic peoples who had lived in the Sayan region long before Turkic and Mongolic tribes appeared there. Some of them preserved traditional reindeer husbandry in the 19th century. This study continues a discussion on ethnicity and origin of small Buryat tribes and their relations with the Mongolic and Turkic tribes of Central Asia and South Siberia. Author's version of their origin is based on historical and linguistic analysis of ethnonyms of these tribes, which form an ethno-territorial group of the Tunka Buryats. Reconstruction of network of settlement of the Buryat ethnic groups on the territory under consideration in the 19th century allowed us to demonstrate the most complete picture of settlement of the Tunka Buryats and Irkits, and to show the maximum number of uluses and villages, which existed there at the end of the 19th century. The author's maps also show status of the territory, ratio and density of population of the Buryat tribes.

Key words: ethnic history, ethnonym, settlement, ethnic mapping, linguistic analysis, Buryats, Samoyedic people, Turkic people, Mongolian people.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-130-142

REFERENCES

Abashev D.A., 1965. Tunkinskii govor [Tunka subdialect]. *Trudy BKNII SO AN SSSR*, Ulan-Ude, vol. 17, pp. 3–34.

Ayyzhy E.V., Kongu A.A., 2013a. Rodovye gruppy tuvintsev Kobdossskogo aimaka Mongolii na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovaniy) [Tuvan tribal groups of the Khovd aimak of Mongolia at the present stage (based on materials of field researches)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, no. 1, pp. 36–40.

Ayyzhy E.V., Kongu A.A., 2013b. Rodoplemennye gruppy tuvintsev Todzhinskogo raiona respubliki Tuva na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovaniy) [Clan and Tribal groups of Tuvans in Todzha region of the Republic of Tuva at the present stage (based on materials of field researches)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Iakovleva*, 2013, no. 4–1 (80), pp. 3–10.

Baldaev S.P., 1970. *Rodoslovnnye predaniya i legendy buryat* [Genealogical stories and legends of the Buryats], Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 363 p.

Dameshek L.M., Zhalsanova B.Ts., Kuras L.V., 2013. *Istoriya organov mestnogo samoupravleniya buryat v XIX — nachale XX v.* [History of local governments of the Buryats during the 19th century — the beginning of the 20th century], Irkutsk: Izd-vo IGU, 503 p.

Dolgikh B.O., 1960. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v 17 veke* [Clan and Tribal composition of the peoples of Siberia during the 17th century], M.: Izd-vo AN SSSR, 621 p.

Dugarov B.S., 1983. O proiskhozhdenii okinskikh buryat [About genesis of the Oka Buryats]. *Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi mongol'skikh narodov*, Ulan-Ude: Izd-vo BF SO AN SSSR, pp. 90–101.

Dugarov B.S., 2013. *Prisayanie — Khubsugul: Istoriko-kul'turnye svyazi i paralleli* [The Sayan region and Khubsugul region: Historic and cultural connections and parallels], Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 258 p.

Eremeev D.E., 1971. *Etnogenez turok* [Ethnogenesis of the Turks], Moscow: Nauka, 272 p.

Galdanova G.R., 1992. *Zakamenskie buryaty: Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraia polovina 19 — pervaya polovina 20 vv.)* [Zakamensk Buryats: Historic and ethnographic essays (the second half of the 19th century — the first half of the 20th century)], Novosibirsk: Nauka, 182 p.

Grum-Grzhimailo G.E., 1926. *Zapadnaya Mongoliya i Uriankhaiskii krai. vol. 3, 1: Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran* [Western Mongolia and Tannu Uriankhai], Leningrad: Izd-vo RGO, 414 p.

Nadeliaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., 1969, (eds.). *Drevnetiurkskii slovar'* [Old Turkic dictionary], Leningrad: Nauka, 676 p.

Nanzatov B.Z., 2007. Zapadno-buryatskaia subetnicheskaia identichnost' [Western Buryat sub-ethnic identity]. *Etnicheskaya identichnost' i konflikt identichnostei*, Vladivostok: Dal'nauka, pp. 80–90.

Nanzatov B.Z., Sodnompilova M.M., 2013. Alarskaya stepnaya дума: (Etnicheskii sostav i rasselenie alarskikh buryat v XIX v.) [The Alar' Steppe Duma: (Ethnic composition and settlement of the Alar Buryats in the 19th century)]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 2 (10), pp. 47–57.

Nanzatov B.Z., 2016. *Zabaikal'skie buryaty v XIX veke* [Transbaikalian Buryats in the 19th century], Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 290 p.

Patkanov S.K., 1912. *Statisticheskie dannye, pokazyvaiushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.)* [Statistic data, showing tribal composition of the population of Siberia, languages and clans of indigenous peoples (based on data of spe-

Б.3. Нанзатов, М.М. Содномпилова

cial materials of the 1897 census)], vol. 3: Irkutskaja gub., Zabaikal'skaia, Amurskaia, lakut'skaia, Primorskaja obl. i o. Sakhalin, St. Petersburg: Sh. Bussel, 708 p.

Petri B.E., 1927 *Etnograficheskie issledovaniia sredi malykh narodov v Vostochnykh Sayanakh* [Ethnographic researches among the minority peoples of the East Sayan Region], Irkutsk: Vlast' truda, 24 p.

Rassadin I.V., 2016. Rodoplemennoi sostav i etnicheskaia istoriya soyotov [Clan and tribal composition and ethnic history of the Soyots]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 2 (22), pp. 99–104.

Rashid-al-Din, 1952. *Sbornik letopisei* [Jami'u't Tawarikh: A compendium of chronicles], vol. 1, kn. 1, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 221 p.

Shaglanova O.A., 2007. *Traditsionnye verovaniya tunkinskikh buryat (vtoraia polovina XIX — XX v.)* [Traditional beliefs of the Tunka Buryats (during the second half of the 19th century — 20th century)], Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 179 p.

Sorokina I.P., 2005. Samodiyskie yazyki [Samoyedic languages]. *Yazyki Rossiiskoi Federatsii i sosebnikh gosudarstv: Enciklopediya*, vol. 3, Moscow: Nauka, pp. 8–12

Sümer Faruk., 1972. *Oğuzlar (Türkmenler)* [Oguz people (Turkmens)], Ankara, 1972, 532 p. (in Turkish)

Tsybenov B.D., 2011 Daur'skie rody v XVII v. [Daur clans in the 17th century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 238–246.

Uvarova T.B., 2004. *Nerchinskie evenki v XVIII–XX vekakh* [Nerchinsk Evenki during the 18th–20th centuries], Moscow: INION, 162 p.

РАКУРСЫ ЭТНИЧНОСТИ НЕМЦЕВ СРЕДНЕГО УРАЛА¹

Статья посвящена локальной группе российских немцев, проживающей на Среднем Урале (Свердловская область). В данном исследовании рассматриваются особенности этноистории, сегодняшнего самосознания и сложной идентичности этой группы. Знаковыми для немцев Среднего Урала оказываются в основном эпизоды российской и региональной (уральской) истории: манифест Екатерины II, депортация, трудовая армия, реабилитация. Европейско-германские сюжеты выражены в исторической памяти значительно слабее; зато они присутствуют в религиозно-обрядовой сфере (например, пасхальный заяц — Osterhase). Ярким символом российско-немецкой идентичности, в том числе для уральских немцев, является Волга. В 1960-е гг. советские немцы начинают движение за реабилитацию своего народа, восстановление территориальной автономии и культуры. Одним из лидеров этого движения был уралец Иван Кроневальд. В 1990-е гг. немцы Урала активно иницируют этнопроекты: появляются общественные объединения, центры встреч и культуры, основная цель которых — восстановление утраченных этнокультурных основ. Однако движение за восстановление автономии российских немцев обратилось в эмиграцию в Германию.

Ключевые слова: российские немцы, Средний Урал, этноистория, идентичность, символы этничности, этнопроекты.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-143-151

Сообщество российских немцев — сложное по происхождению и идентичности, в их судьбе и этническом облике отчетливо отразились политические события новейшей истории. Так, группа немцев Свердловской области образовалась в результате депортации волжских немцев на восток в 1941 г. и поселения их в качестве трудов армейцев на Среднем Урале. Столь жесткие политические факторы придали соответствующие черты краткой, но драматичной этноистории, а также групповому этническому самосознанию среднеуральских немцев. Выявлению этих особенностей и посвящена данная статья.

Изучение немецкого населения на Среднем Урале имеет в основном исторический или краеведческий ракурс. История немцев на Урале в XVII–XIX вв. рассматривается в работах Н.С. Корепанова, В.П. Микитюка, Л.А. Дашкевич [Немцы на Урале..., 2009]. Историей немецкого населения Урала в XX в., вопросами депортации и спецпоселения, правового положения немцев занимается В.М. Кириллов [2012, 2015]. Большую работу проводят тагильские историки и краеведы по публикации мемуарной литературы и «книг памяти». Демографические процессы среди немецкого населения Урала освещены в работах Н.В. Матвеевой [2011]. Этнографию соседних групп немцев Южного Урала исследуют В.В. Амелин [1994], О.Я. Бахарева [2000], Е.Ф. Тюлюкин [2006], они рассматривают вопросы миграции, состояния традиционной и религиозной культуры. Исследования сельских поселений немцев Урала (Пермская, Челябинская, Оренбургская области, Башкортостан) проводятся пермскими этнографами А.В. Черных и Д.И. Вайманом, уделяющими особое внимание традиционной и материальной культуре, в особенности праздничным традициям [Вайман, Черных, 2008; Вайман, 2015].

В рамках ЭтноЭкспедиции 2013–2016 гг. проводились полевые этнографические исследования среди немецкого населения Среднего Урала под руководством А.В. Головнёва. Интервьюирование и наблюдения сопровождались анкетированием по теме «Этнокультурное наследие и идентичность». Анкета включает в себя 70 вопросов как открытых, так и закрытых, разделенных на три блока: «этнокультурное наследие», «идентичность», «проблемы». Этнографическое анкетирование представляло собой не только заполнение анкеты, но и развернутую беседу по затрагиваемым вопросам, благодаря чему во многих случаях приобретало вид структури-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00141 «Антропология движения: теоретический и научно-практический потенциал» (рук. А.В. Головнёв).

рованного интервью. Таким образом, получены два дополняющих друг друга результата: свод формализованных ответов на заданные вопросы и развернутые неформальные высказывания на затронутые темы (подробнее об этнографическом анкетировании см.: [Головнёв, 2013, с. 4]). У немцев Среднего Урала было собрано 100 анкет (55 женщин, 45 мужчин). Анкеты заполнялись в ходе личной беседы, нередко заполнение анкеты переходило в длительную беседу (от часа до трех). Среди опрошенных большинство (51 чел.) немцы в возрасте от 46 и старше, молодых (до 30 лет) — 23 чел. Доля немцев, родившихся в моноэтнических семьях, и немцев от смешанных браков примерно одинаковая (47 чел. — немцы, 53 чел. — немцы от смешанных браков). Что касается уровня образования опрошенных, то он невысок: высшее образования имеют 26 чел. (в основном женщины), среднеспециальное — 35 чел., среднее — 39 чел.

Исторически на Урале проживали разные социальные и профессиональные группы немцев. В имперский период это горные инженеры, ученые, переселенцы-крестьяне с юга России. В советское время — потомки поволжских немцев-колонистов, сосланных на Урал в годы войны в трудовую армию и на спецпоселение. В 1940-е гг. они прибыли на Урал в качестве трудовой силы и спецконтингента для работы на лесозаготовках, строительстве заводов и железных дорог. На территории Среднего Урала немцы размещались в зонах при промышленных предприятиях Алапаевска, Верхних Серег, Волчанска, Исы, Краснотурьинска, Невьянска, Нижнего Тагила, Полуночного, Верхней и Нижней Салды, Свердловска, Серова. Согласно сведениям НКВД за 1942 г., мобилизованные в рабочие колонны немцы были направлены в следующие лагеря: Богословлаг — 20 711 чел., Ивдельлаг — 11 314 чел., Севураллаг — 9221 чел., Тагиллаг — 7249 чел., Востураллаг — 5738 чел., Тавдинлаг — 1986 чел. [Маламуд, 1998, с. 82, 83]. В Пермской (Молотовской) области действовали Усольлаг (на март 1942 г. — 6004 трудовые немца) [Герман, Курочкин, 1998, с. 59] и Соликамлаг — 9126 чел. [Герман, 2006, с. 302]. В Челябинской области трудмобилизованных в Челябинлаг (Бакаллаг) насчитывалось 13 932 чел. (по данным на 1 января 1944 г.) [Чебыкина, 1999, с. 120].

По окончании войны немцы-трудармейцы остались на спецпоселении, регулярно отмечались в комендатуре, были ограничены в передвижениях. После снятия режима спецкомендатуры в 1955 г. они не имели права вернуться в места, откуда были выселены. В послевоенные годы на Среднем Урале проживало 33 588 немцев (по данным переписи 1979 г.) [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 6174, табл. 9с], а в 1990-е гг. их численность резко сократилась в связи с массовым переселением в Германию. Сейчас на Среднем Урале проживает 14 914 немцев (по данным переписи 2010 г.) [Федеральная служба..., с. 106], в основном в таких городах, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Кушва, Краснотурьинск, Североуральск, Карпинск, Ивдель.

Эпизоды этноистории

По результатам анкетирования видно, что немцы Среднего Урала представляют собой локальную группу, идентичность которой имеет свои рамки и особенности; в ракурсе истории (исторической памяти) в ней слабо выражено влияние германской истории, зато представлены российско-уральские исторические эпизоды и персонажи. В ответах на вопрос анкеты «Значимые события в истории вашего народа?» респонденты называли события из истории российских (советских) немцев: депортация и трудовая армия (34 %), издание манифеста Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах» (22 %), реабилитация (20,5 %), образование автономной республики немцев Поволжья (9,5 %), выезд в Германию (9,5 %).

Опорным (или исходным) событием в истории своего сообщества немцы Урала называют издание манифеста Екатерины II «О дозволении иностранцам селиться в России...». Этот манифест лег в основу государственной политики России по хозяйственному освоению земель юго-восточной и южной части Европейской России во второй половине XVIII — начале XIX в. [Плеве, 1995, с. 28, 30]. День подписания манифеста 22 июля 1763 г. считается у российских немцев Днем рождения народа. Его принято отмечать, особенно в юбилейные даты. В 2013 г. исполнилось 250 лет со дня издания манифеста, в связи с чем российские немцы в течение всего года проводили конференции, концерты, конкурсы, встречи. Уральские немцы считают это событие ключевым в своей истории, а роль Екатерины первостепенной: «Екатерина II — наша матушка, многие ее считают матерью российских немцев, потому что если бы она не закинула десант немцев в Россию, мы бы сейчас здесь не сидели» [ПМА. Свердловская обл.,

Ракурсы этничности немцев Среднего Урала

Нижний Тагил, июль 2013 г.]. Память о манифесте жива в немецких песнях, которые исполняют народные коллективы:

DAS MANIFEST DER KAISERIN
Das Manifest der Kaiserin,
es dachten nach den Deutschen hin:
Sie sollten pflanzen Brot und Wein
und sollten auch Kolonisten sein...

МАНИФЕСТ ЦАРИЦЫ
Царица в Манифесте
Подумала о немцах:
растите хлеб и виноград
И будьте колонистами...

Депортация 1941 г. — переломное событие в истории российских немцев, стресс, от которого они до сих пор не оправились. Их воспоминания разделились на «до» и «после» депортации: период «до» — светлый и счастливый, «после» — печальный и трагичный. Память об этом событии сохранили не только депортированные немцы Поволжья, но их дети и внуки. Во многих городах Среднего Урала (Екатеринбург, Нижний Тагил, Кушва, Краснотурьинск) 28 августа проходят «дни памяти и скорби». В лагере и трудармии немцы оказались в условиях замкнутости и стигматизации, вынуждены были адаптироваться к новому образу жизни. Воспоминания о лагерях сохранились во многих немецких семьях. Одна из старейших немок Среднего Урала трудармейка Лидия Швайгерт отчетливо помнит годы Тагиллага: *«Переодев в темно-синюю грубую спецодежду и кирзовые сапоги, нас, тагиллаговцев, каждое утро под конвоем водили на кирпичный завод. Мы работали в парах. Сортировали горячие кирпичи, сушили и загружали их в 10 вагонов, норма для нас, подростков, была жуткая. Если не вырабатывали ее, то домой, то есть в лагерь, не отпускали. Чтобы мы боялись не выполнить норму, нас держали в постоянном страхе. Вдоль строя, рядом с конвоем, ехала повозка, из короба которой торчали голые ноги умерших от голода трудармейцев»* [ПМА. Свердловская обл., Кушва, август 2014 г.].

Значим для уральских немцев и сюжет реабилитации, до сих пор незавершенной и потому вызывающей неудовлетворенность, особенно в части дискуссии о восстановлении автономии немцев Поволжья. В 1990-е гг. развернулся процесс реабилитации репрессированных народов, а первые указы об этом появились еще в середине 1960-х гг. В ходе реабилитации в 1990-е гг. были сформированы два национальных немецких района, в Омской области и Алтайском крае, стали создаваться центры немецкой культуры, центры встреч, российско-немецкие дома.

Символы этничности

Одним из маркеров отличия народов друг от друга могут быть этнические символы или бренды — человек, здание, вещь, слово. Согласно опросу, среди символов немцев самыми популярными оказались река Волга (42 %), пасхальный заяц (23,8 %) и губная гармошка (12 %). Среди респондентов были и те, кто отметил, что у их народа нет символа, — 7,5 %. В ответе на этот вопрос обнаруживается смешение российско-немецкой и европейско-немецкой символики. При этом в религии доминируют европейские традиции, связанные с протестантской и католической обрядовой практикой и символикой.

В самосознании немцев Среднего Урала определяющую роль играет образ великой и «родной» реки Волги, несмотря на то, что Волгу немцы принудительно покинули 75 лет назад. Сейчас на Волге проживает около 20 тыс. немцев из 400 тыс. по всей стране. Для немцев Урала тоска по Волге особенно ярко выражена у старшего поколения, для которого «Волга — Родина» [ПМА. Саратовская обл., Саратов, июль 2013 г.]. В своих рассказах они сравнивают ее с Рейном. Во многих народных песнях, которые исполняют коллективы немцев Урала, Волга выступает главным героем: «Wo die Wolgawellen» («Там, где волны Волги»), «Es fließt die Wolga» («Течет Волга»), «Das Wolgalied» («Песня Волги») и др.

Волга и Поволжье встречаются в литературных произведениях российских немцев, например в работах Ф. Больгера: «Wolgaheimat» («Поволжская Родина»), «Mein Heimatland — Wolgastrand» («Моя родина — берег Волги»). Формула «Wolga — Wiege unserer Hoffnung» («Волга — колыбель наших надежд») встречается в поэзии многих российских немцев [Зейферт, 2009, с. 89].

В июле 2013 г. немцы всех регионов страны совершили своего рода паломничество на Волгу, свою историческую родину, в честь 250-летия со дня издания манифеста Екатерины II [Киссер, 2016b, с. 83–86]. Путешествие на Волгу стало проектом по актуализации исторической памяти. Анатолий Фогель восхищался Волгой: *«Ах какая река! Глаз не оторвать! Широкая, глубокая, чистая, родная»* [ПМА. Саратовская обл., Саратов, июль 2013 г.]. Ольга Кроневальд одной из

первых искупалась в Волге, прямо в одежде: «*Побывать на Волге и не искупаться — грех*» [ПМА. Саратовская обл., Саратов, июль 2013 г.].

Некоторые только в Поволжье в полной мере почувствовали себя немцами, ведь именно там зародилась российско-немецкая этничность. Многие в память об этих днях, о родине, привезли с собой на Урал, на могилы своих родителей, горсти поволжской земли и воды — «*настоящей, мягкой, теплой и родной*» [ПМА. Свердловская обл., Ивдель, август 2013 г.] (рис. 1, 2).

Рис. 1. Уральские немцы в национальных костюмах Саратов, июль 2013 г. Фото Т.С. Киссер.

Рис. 2. Немцы Урала на Волге. Саратов, июль 2013 г. Фото Т.С. Киссер

Пасхальный заяц (*Osterhase*) — обрядово-религиозный символ немцев Германии и России. Праздник Пасхи (*Ostern*) считается у немцев одним из значимых годовых праздников и отмечается немцами как Урала, так и всей России [Рублевская, 1999, с. 41]. Подготовка к Пасхе началась задолго до наступления праздника. Даже в трудные военные годы старались, чтобы на пасхальном столе обязательно присутствовали крашеные яйца [Вайман, Черных, 2008, с. 154]. Главные приготовления начинались в преддверии самого праздника: «*Традиционно красили яйца. Говорили, что пасхальные яйца и подарки на Пасху приносит пасхальный заяц. В сере-*

Ракурсы этничности немцев Среднего Урала

дину такого зайца помещали яйца. Так возникла легенда о яйценесущем зайце, которую немцы, эмигрировавшие из Германии, принесли с собой в Россию» [ПМА. Свердловская обл., Нижний Тагил, март 2016 г.] (рис. 3). На Урале немцы используют пасхальную символику в украшении домов и приусадебных участков.

Рис. 3. Немецкий зайчик (Osterhase). Свердловская обл., п. Полуночное, август 2013 г. Фото Т.С. Киссер.

В ответах на вопрос «Выдающиеся люди вашего народа?» также обнаруживается смешение уральской, российской и европейской проекций. Согласно опросу, топ-позиции заняли: Э. Россель — бывший губернатор Свердловской области (32 %), И. Бах — немецкий композитор (20 %), Т. Грасмик — тагильский врач-хирург (15 %), М. Дистергефт — тагильский художник (15 %), Екатерина II (14 %).

Этнопроекты

Для актуализации и поддержания этничности немцы Урала инициируют этнопроекты [Головнёв и др., 2016]. Одни инициативы эпизодически набирали популярность и охватывали большое количество людей, другие остались скромными начинаниями. Многие проекты стали возможны благодаря поддержке со стороны Германии.

Этнополитические проекты инициируются после указа о частичной реабилитации советских немцев 1964 г., под влиянием которого начинается подъем самосознания немцев. С этого момента отсчитывается история советско-немецкого национального движения, имевшего целью реабилитацию немцев, включая восстановление их автономии в Поволжье. Одним из лидеров этого движения был тагильчанин Иван Кроневальд (подробнее см.: [Киссер, 2016а]). Под его руководством были организованы пять делегаций в Кремль в 1964–1988 гг.; участниками делегаций являлись активисты немецкого движения из разных регионов СССР. Основной цели немцам добиться не удалось, автономию не восстановили, однако был принят ряд мер: создана новая национальная газета «Freundschaft» («Дружба») в Казахстане, расширена подготовка учителей немецкого языка как родного, увеличено число радиопередач на немецком языке, выпускались книги немецких писателей и поэтов [Дизендорф, 1997, с. 123].

Другим итогом делегаций стало основание всесоюзного общества советских немцев «Wiedergeburt» («Возрождение»). Общество ставило целью достижение полной реабилитации советских немцев, восстановление их равноправия путем воссоздания государственности. Пик активности общества пришелся на 1989–1993 гг., когда появились региональные отделения общества. Например, в Нижнем Тагиле в 1989 г. Кроневальд преобразовал в региональный отдел «Возрождения» комитет читателей газеты «Neues Leben» («Новая жизнь») [ПМА. Свердловская обл., Нижний Тагил, март 2016 г.]. Общество занималось поисковой работой в архивах Тагиллага, подготовкой книг памяти. В Краснотурьинске общество «Возрождение» организовал Иван Вайс, под его руководством велась поисковая работа в архивах, была выпущена Книга памяти, содержащая 3462 имени трудармейцев-немцев, погибших в Богословлаге в годы вой-

ны. Эти общества были местами встреч и общения, где можно было изучать и практиковать немецкий язык. Костяк общества составляли бывшие трудармейцы и их дети.

Этнокультурные проекты приобрели популярность с началом перестройки, когда появилась возможность создавать этнически ориентированные творческие объединения и вести культурно-просветительскую работу. Первыми сложились народные немецкие коллективы в Краснотурынске и Нижнем Тагиле. В марте 1989 г. появился хор «Hoffnung» («Надежда») в Краснотурынске, участвовали в котором в основном бывшие трудармейцы, как женщины (20 чел.), так и мужчины (6 чел.). В репертуаре хора были немецкие песни, переведенные на немецкий язык русские песни, в том числе «Баллада о трудармейцах» (Краснотурынск) [ПМА. Свердловская обл., Краснотурынск, август 2016 г.].

В это же время по инициативе Е.Е. Валовой создается немецкий хор в Нижнем Тагиле:

«Сначала баян взял первый руководитель немецкого центра Иван Иванович Браун, но он уехал в Германию. Дети его в Тагиле остались, жена его вернулась из Германии и пела в хоре. Он к женщинам в хоре всегда обращался “Девчата, девчата”, вот так и называли хор — “Девчата”. Когда Браун уехал, возникла проблема с баяном, не было ни баяна, ни баяниста. Кто-то Екатерине Ефремовне сказал “что вы мучаетесь, в ДК “Юбилейном” Яша Герт играет, попросите его, не уж то он откажет”. Она пришла к нему, бухнулась на колени и просила: “Яшенька, дорогой, не откажи, ты же немец”. Это было в 1999 г., он добрейшей души человек, безотказный, конечно, согласился» [ПМА. Свердловская обл., Нижний Тагил, апрель 2016 г.] (рис. 4).

Рис. 4. Немецкий хор «Feiertag». Нижний Тагил, март 2016 г. Фото Т.С. Киссер.

В первые годы численность хористов превышала 30 чел. Руководителем долгое время была Е.Е. Валова. Она подготовила и опубликовала два сборника немецких песен, а кроме того, перевела на немецкий язык известные и популярные русские песни (например, «Ой, цветет калина», «Одинокая гармонь», «Ромашки спрятались» и др.). Создатель хора Е.Е. Валова считала, что пение давало ей жизненные силы и долголетие:

«Екатерина Ефремовна никогда не занималась музыкой профессионально, но всегда любила петь, у нее гитарочка маленькая была, с годами она себя не очень хорошо чувствовала, а песня ее поднимала на ноги. Как только она перестала работать, я к ней заходила в гости, а она всегда говорила “Лена, это моя последняя осень, я ее уже не переживу”. При каждой встрече мы с ней пели песни, я ухажу, а она уже на ногах, бодренькая, улыбается. Однажды у нее сильно поднялось давление, и мне ее дочь звонит, рыдает, зовет попрощаться. Мы с Яшей приходим с баяном, стали петь, она сразу ожила, встала, после этого еще год жила. Она умерла в 95 лет» [ПМА. Свердловская обл., Нижний Тагил, апрель 2016 г.].

В 2007 г. руководство хором приняла Е.В. Цыпушкина, тогда же хор сменил название на «Feiertag» («Праздник») [ПМА. Свердловская обл., Нижний Тагил, март 2016 г.]. Сейчас хор участвует во многих национальных фестивалях России и Урала, во всех культурных мероприятиях своего города. Нижнетагильское общество «Возрождение» в 1995 г. трансформировалось в куль-

Ракурсы этничности немцев Среднего Урала

турно-просветительский центр российских немцев, руководителем которого стал В.Г. Дель. Более 1600 тагильчан в то время являлись членами этого общественного объединения [НТГИА, ф. 627, оп. 1, д. 59, л. 5]. При центре работали творческие коллективы: вокальная, театральная, хоровая, хореографическая, инструментальная студии [Tagilzeitung, 1998, № 1]. Большое внимание уделялось изучению родного немецкого языка. На курсах обучалось до 500 чел. Были созданы молельные дома для верующих, которые посещали лютеране (300 чел.), новоапостольские (250 чел.) [НТГИА, ф. 627, оп. 1, д. 59, л. 6]. Был построен католический костел для более чем сотни верующих. Центр проводил большую работу по оказанию помощи при переезде в Германию, в оформлении документов, подготовке к *Sprachtest* (языковой тест). В 2012 г. на смену центру пришел Российско-Немецкий дом (РНД), который занимался оказанием социальной поддержки и помощи немцам, бывшим трудармейцам. Сейчас немцы Нижнего Тагила объединены в рамках национально-культурной автономии под руководством М.А. Тихоновой (Никкель).

Вслед за хором в 1990 г. в Нижнем Тагиле появилась лингвистическая школа «Deutsch für Jedermann» («Немецкий для всех»), цель которой состоит в популяризации немецкого языка, обучении всех желающих разговорной немецкой речи. В школе изучали не только немецкий язык, но и историю, культуру российских немцев. Финансирование школы осуществлялось за счет средств, выделяемых городским советом народных депутатов и правительством Германии, а также других международных организаций [Там же, д. 12, л. 2, 5]. Эти курсы работают до сих пор, теперь уже при национально-культурной автономии. Особенно популярны они были в 1990-е гг., когда большая часть немцев готовилась к переезду в Германию.

* * *

Знаковыми для немцев Среднего Урала оказываются в основном эпизоды российской и региональной (уральской) этноистории: манифест Екатерины II, депортация, трудармия, реабилитация. Европейско-германские сюжеты выражены в исторической памяти значительно слабее; зато они присутствуют в религиозно-обрядовой сфере (например, пасхальный заяц — *Osterhase*). Ярким символом российско-немецкой идентичности, в том числе для уральских немцев, является Волга. В 1960-е гг. советские немцы начинают движение за реабилитацию своего народа, восстановление территориальной автономии и культуры. Одним из лидеров этого движения был уралец Иван Кроневальд. В 1990-е гг. немцы Урала активно иницируют этнопроекты: появляются общественные объединения, центры встреч и культуры, основная цель которых — восстановление утраченных этнокультурных основ. Однако неудачи движения за восстановление автономии российских немцев привели к преобладанию тренда эмиграции в Германию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Полевые материалы автора (ПМА). Саратовская область, Маркс, июль 2013 г.
ПМА. Саратовская область, Саратов, июль 2013 г.
ПМА. Свердловская обл., Нижний Тагил, июль 2013 г.
ПМА. Свердловская область, Ивдель, август 2013 г.
ПМА. Свердловская область, Кушва, август 2014 г.
ПМА. Свердловская область, Нижний Тагил, апрель 2016 г.
ПМА. Свердловская область, Нижний Тагил, март 2016 г.
ПМА. Свердловская область, Краснотурьинск, август 2016 г.
НТГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 12, 59.
РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6174-6238. Табл. 9с: Распределение населения по национальности и родному языку.
Федеральная служба государственной статистики: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 106.
Tagilzeitung. 1998. № 1.

Литература

- Амелин В.В. Немецкие колонии Оренбуржья // Немецкий российский этнос: Вехи истории: Материалы науч. конф. М.: Готика, 1994. С. 72–77.
Бахарева О.Я. Общины меннонитов в Оренбургской колонии (1894–1988): Страницы истории // Немцы России на рубеже веков: История, современное положение, перспективы. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2000. С. 147–151.
Вайман Д.И. Этнографическое изучение немцев Урала пермскими исследователями // Ежегодник МАИИКРН. 2015. № 1. С. 309–316.

- Вайман Д.И., Черных А.В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX — начало XXI в.). СПб.: Маматов, 2008. 224 с.
- Герман А.А. Советские немцы в лагерях НКВД в годы Великой Отечественной войны: Вклад в победу // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов: Науч. книга, 2006. Вып. 7. С. 281–304.
- Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). М.: Готика, 1998. 208 с.
- Головнёв А.В. Уральские этнодиалоги // УИВ. 2013. № 2 (39). С. 4–15.
- Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 142–148.
- Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет: Судьбы российских немцев и наше национальное движение. М., 1997. Кн. 1: От национальной катастрофы к попытке возрождения. 347 с.
- Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI в. Lage (NRW): BMV Verlag Robert Burau, 2009. 525 с.
- Кириллов В.М. Трудмобилизованные немцы на Урале // «...В рабочие колонны на всё время войны»: Очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии: Сб. науч. статей и воспоминаний. М.: МСНК-пресс, 2012. С. 74–123.
- Кириллов В.М. Немецкое спецпоселение на Урале // «Навечно, без права возврата»: Очевидцы и исследователи о немецком спецпоселении в СССР: Сб. науч. статей и воспоминаний. М.: МСНК-пресс, 2015. С. 32–57.
- Киссер Т.С. Иван Кроневальд и национальное движение советских немцев // Вестник Перм. ун-та. История. 2016а. № 4 (35). С. 95–103.
- Киссер Т.С. Этнопамятничество на Волгу немцев Среднего Урала // Этнос и культуры Урало-Поволжья: История и современность: Материалы Юбилейной X Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016б. С. 83–86.
- Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940 — начале 50-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. 201 с.
- Матвеева Н.В. Социально-демографическое развитие немцев СССР в 1920–1950-х годах: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 300 с.
- Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В.М. Кириллов, Л.А. Дашкевич, В.П. Корепанов, В.П. Микитюк и др. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 288 с.
- Плеве И.Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: Обещания и реальность // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской науч. конф. Анапа, 22–26 сент. 1994 г. М.: МСНК, 1995. С. 26–32.
- Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. М.: Готика, 1999. 136 с.
- Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья. Оренбург: Пресса, 2006. 194 с.
- Чебыкина Т.В. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Репрессии против российских немцев: Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 118–128.

T.S. Kisser

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: tkisser@bk.ru

ASPECTS OF ETHNICITY OF THE GERMANS IN THE CENTRAL URALS

The article is dedicated to a local group of the Russian Germans living in the Central Ural Mountains (Sverdlovsk region). This research analyzes features of ethnical history, today's consciousness and complex identity of this group. Generally, episodes of the Russian national and regional (Ural) history are significant for the Germans in the Central Ural Mountains: Catherine the Great's manifesto, deportation, the Labor army, rehabilitation. European and German plots are manifested in historical memory much more weakly; but they are present in the religious and ceremonial sphere (for example, *Osterhase*, the Easter rabbit). The Volga River is a bright symbol of the Russian-German identity, for the Ural Germans in particular. In the 1960s, the Soviet Germans began a movement for rehabilitation of their people, restoration of territorial autonomy and culture. Ivan Kronevald, a resident of the Urals, was one of the leaders of that movement. In the 1990s, the Ural Germans actively initiated ethnical projects: public associations, centers for meetings and culture centers appeared, which aimed to restore the lost ethnical and cultural basis as the main objective. However, the movement for restoration of autonomy of the Russian Germans resulted in emigration to Germany.

Key words: Russian Germans, Central Ural, ethnical history, identity, symbols of ethnicity, ethnical projects.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-143-151

REFERENCES

- Amelin V.V., 1994. Nemetskie kolonii Orenburzhyya [German colonies of Orenburg Oblast]. *Nemetskiy rossiyskiy etnos: Vekhi istorii*, Moscow, pp. 72–77.
- Bakhareva O.Ya., 2000. Obshchiny mennonitov v Orenburgskoy kolonii (1894–1988): Stranitsy istorii [Communities of Mennonites in the Orenburg colony (1894–1988): Pages of history]. *Nemtsy Rossii na rubezhe vekov: Istoriya, sovremennoe polozhenie, perspektivy*, Orenburg, pp. 147–151.
- Chebykina T.V., 1999. Deportatsiia nemetskogo naseleniia iz evropeiskoi chasti SSSR v Zapadnuui Sibir' (1941–1945 gg.) [Deportation of the German population from the European part of the USSR to Western Siberia (1941–1945)]. *Repressii protiv rossiiskikh nemtsev: Nakazanniy narod*, Moscow, pp. 118–128.
- Dizendorf V.F., 1997. *Proshchal'nyi vzlet: Sud'by rossiiskikh nemtsev i nashe natsional'noe dvizhenie* [A farewell take-off: Destinies of the Russian Germans and our national movement], kn. 1: Ot natsional'noi katastrofy k popytke vrozhdeniia, Moscow, 347 p.
- German A.A., 2006. Sovetskie nemtsy v lageriakh NKVD v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Vklad v pobedu [The Soviet Germans in the NKVD camps during the Great Patriotic War: Contribution to a victory]. *Voенно-istoricheskie issledovaniia v Povolzh'e*, no. 7, Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 281–304.
- German A.A., Kurochkin A.N., 1998. *Nemtsy SSSR v «Trudovoi armii» (1941–1945)* [Germans of the USSR in the «Labor army» (1941–1945)], Moscow: Gotika, 208 p.
- Golovnev A.V., 2013. Uralyskie etnodialogi [Ural ethnical dialogues]. *Uralyskiy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (39), pp. 4–15.
- Golovnev A.V., Perevalova E.V., Belorussova S.lu., Kisser T.S., 2016. Etnoproekt, ili personalizatsiia etnichnosti (po materialam Ural'skoi EtnoEkspeditsii) [An ethnical project, or personalization of ethnicity (based on the materials of the Ural Ethnic expedition)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (53), pp. 142–148.
- Kirillov V.M., 2009. Nemtsy na Urale XVII–XXI vv. [The Germans in the Urals in the XVII–XXI centuries]. Nizhniy Tagil: NTGSPA.
- Kirillov V.M., 2012. Trudmobilizovannye nemtsy na Urale [Germans mobilized into the Labor army in the Urals]. «...V rabochie kolonny na vse vremya voyny»: *Ochevidtsy i issledovateli o nemtsakh v trudovoy armii: Sb. nauchn. statey i vospominaniy*, Moscow, pp. 74–123.
- Kirillov V.M., 2015. Nemetskoe spetsposelenie na Urale [A German special settlement in the Urals]. «Navechno, bez prava vozvrata»: *Ochevidtsy i issledovateli o nemtskom spetsposelenii v SSSR: Sb. nauchn. statey i vospominaniy*, Moscow, pp. 32–57.
- Kisser T.S., 2016a. Ivan Kronevald i natsional'noe dvizhenie sovetskikh nemtsev [Ivan Kronevald and the national movement of the Soviet Germans]. *Vestnik Permskogo universiteta, Istorii*, no. 4 (35), pp. 95–103.
- Kisser T.S., 2016b. Etnopalomnichestvo na Volgu nemtsev Srednego Urala [Ethnic pilgrimage of the Germans from the Central Ural Mountains to the Volga River]. *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ia: Istorii i sovremenost': Materialy Iubileinoi X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh*, Ufa: IEI UNTs RAN, pp. 83–86.
- Pleve I.R., 1995. Manifest Ekateriny II ot 22 iul'ia 1763 g.: Obeshchaniia i real'nost' [Catherine the Great's manifesto of July 22, 1763: Promises and reality]. *Rossiiskie nemtsy na Donu, Kavkaze i Volge*, Moscow, pp. 26–32.
- Rublevskaia S.A., 1999. *Kalendarnaia obriadnost' nemtsev Zapadnoj Sibiri kontsa XIX–XX vv.* [Calendar ceremonialism of the Germans of Western Siberia in the end of the 19th–20th centuries]. Moscow: Gotika, 136 p.
- Tyulyulyukin Ye.F., 2006. *Rossiiskie nemtsy v istorii Orenburzhyya* [The Russian Germans in the history of Orenburg Oblast], Orenburg: Pressa, 194 p.
- Vayman D.I., 2015. Etnograficheskoe izuchenie nemtsev Urala permskimi issledovatelyami [Ethnographic study of the Ural Germans by Perm researchers]. *Yezhegodnik MAIKRN*, no. 1, pp. 309–316.
- Vaiman D.I., Chernykh A.V., 2008. *Nemetskie khutora PrIkam'ia: Istorii i traditsionnaia kul'tura (XX — nachalo XXI v.)* [German farm yards of the Kama River region: History and traditional culture (20th — the beginning of the 21st centuries)], St. Petersburg: Mamatov, 224 p.
- Zeifert E.I., 2009. *Zhanr i etnicheskaia kartina mira v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX — nachala XXI vv.* [Genre and ethnic picture of the world in poetry of the Russian Germans of the second half of the XX — the beginning of the XXI centuries], Lage (NRW): BMV Verlag Robert Burau, 525 p.

С.В. Рязанова*, Р.Н. Логвинов**, С.Т. Дроздов**

*Пермский научный центр УрО РАН
ул. Ленина, 13а, Пермь, 614000

Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, Пермь, 614000

E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

**Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, Пермь, 614000

E-mail: logvinov321@mail.ru;

vodzotd1812@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ АНТРОПНОГО МИФА В МИФОЛОГИИ США: ПРИЧИНЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ, ЛОГИКА

Эволюция мифа о герое как центральном антропном образе в мифологии США обусловлена его сложным характером и ступенчатым мифогенезом. К первой ступени формирования героического мифа мы относим появление спонтанных сюжетов со значительной долей региональной специфики, где отправной идеей стал демиургический миф о фронтире. Базовые мифообразы конструируются на архетипическом основании, наполняясь содержанием благодаря протестантскому контексту и процессам расширения культурной ойкумены страны. Сложившиеся в его границах образы национальных героев как символов народа и заместителей идеи первопродка до 1920-х гг. составляли основной пласт антропологических мифов США. Совокупность внешних факторов развития страны — активная урбанизация, секуляризация культуры, Первая мировая война, Великая депрессия — послужили толчком для трансформации героического мифа. Героев фронтира отодвигают супергерои, чьи образы сочетают в себе сверхчеловеческие и нечеловеческие черты. Их образы заполняют нишу национальной мифологии, связанную с презентацией архетипических паттернов и традиционных сюжетов, вытесняя героику фронтира в сферу своеобразной агнографии, рекламы и гламура, что приводит к изменению атрибутики, символического и знакового ряда. Супергерой возникает на стыке процессов секуляризации, возвышения идеи человека, омассовления и технологизации культуры с сохранением базового архетипического компонента.

Ключевые слова: миф, национальная мифология, мифогенез, культура США, герои фронтира, Поль Баньян, Дэви Крокетт, супергерои.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-152-161

В Соединенных Штатах Америки, как молодом государстве, поздно сложились уникальные культура и картина мифопредставлений о мире, стране и человеке. Унаследовав нормы и ценности дореформационного (свобода воли, личностный выбор, ценность человеческой жизни) и послереформационного (трудовая этика и идеализация простого образа жизни) христианства, североамериканское общество привнесло их в процессы формирования мифологии. Результатом стал специфический пантеон, представлявший собой совокупность героических персонажей. Популярность «народных героев», заставляющих некоторых исследователей говорить о доминировании в бытовом сознании «псевдофольклора» и коммерциализации мифа [Dorson, 1956, p. 193–194], позволяет утверждать, что онтологический миф был успешно вытеснен мифом социальным [Рязанова, 2010, с. 78–79], точнее, антропным.

Под антропным мифом мы понимаем, основываясь на феноменологическом подходе¹, совокупность мифологических образов и сюжетов, центральным компонентом которых является человек как онтологически значимое существо. Этот вид мифа в разной степени прослеживается в традиционных и современных мифологиях, будучи обязанным своим появлением тому, какое место занимал человек в границах локального культурного пространства. Генезис североамериканской культуры, в небольшой степени испытавшей влияние автохтонных мифологий континента и во многом генерированной протестантским иммигрантским сообществом, обусловил интенсивное становление и развитие пласта мифологических сюжетов, посвященных именно человеку.

¹ В рамках данной парадигмы исключается элемент учета историко-культурного контекста, а в качестве отправной категории используется только понятие мифа и его дериватов (мифологема, мифема). Подробнее см.: [Рязанова, 2012].

Эволюция антропного мифа в мифологии США: причины, предпосылки, логика

Центральными фигурами повествования в рамках антропного мифа становятся культурные герои как сверхъестественные существа. Такие образы характерны для части традиционных мифологий, что позволяет рассматривать их как устойчивый тип мифологического персонажа с характерными чертами [Евзлин, 1993; Кэмпбелл, 1997; Мелетинский, 1982; Радин, 1999]. Общим местом стало признание исключительного происхождения и статуса героя в мифопространстве, выполнение им функции демиурга, нахождение вне морально-этических норм, обладание магическими предметами. Е.Я. Мелетинский отмечает, что культурный герой не обязательно сакрализован и может развиваться в сторону как божественного, так и эпического/сказочного героя, как промежуточное звено между сакральным и профанным мирами.

Персонажи североамериканского героического эпоса, помимо общих свойств, имеют и особенные, позволяющие рассматривать североамериканские сказания и легенды как вариант героического мифа. Речь пойдет только о тех личностях, которые предстают в культуре как целостные мифообразы, а не результат частичной мифологизации. В анализе образов мы обратим внимание не на спонтанность или искусственность в их становлении², а на то, какие характеристики оказались наиболее значимыми, сохранились в ходе эволюции мифа и обусловили популярность героев.

Несмотря на все многообразие связанных с героикой сюжетов и действующих лиц, можно выделить два основных типа культурного героя, повлиявших на складывание и эволюцию мифа о людях со сверхъестественными способностями, столь популярного в современной культуре США и за их пределами. Первый представлен фигурой Поля Баньяна — легендарного лесоруба, а второй реализован в фигуре Дэви Крокетта — политика и авантюриста.

Фигура Поля Баньяна выбрана в качестве объекта исследования потому, что данный персонаж по основным параметрам в наибольшей степени воспроизводит черты культурных героев традиционного мифа. У него нет реального прототипа³, при этом имеется набор черт непрофанного персонажа. М. Эдмондс привязывает появление образа и сопутствующих сюжетов к 1880-м гг., к региону лесозаготовок возле Великих озер, утверждая, что прототипами стали байки и легенды дровосеков и сюжеты народных сказок [Edmonds, 2009, p. 9–11]. Б. Стюарт и Г. Уотт отодвигают время формирования мифа к середине XIX в., в качестве исходной территории указывая на Мичиган [Steward, Watt, 1916, p. 5]. Известно, что первое упоминание о персонаже было в августе 1904 г. в газете «Duluth news tribune», где утверждалось, что, «несмотря на «упадок» роли лесоруба, он остается таким же... каким был и ранее» [Caught on the Run...].

Позднее Поль Баньян встречается в ряде эссе. У МакГилливрея [MacGillivray, 1906] внимание сосредоточено на рассказах, содержащих элементы необычного — приготовление горохового супа при помощи горячих источников и катание на окороках по большой сковороде. На элементы сакрализации лесоруба, наряду с наличием огромной силы, указывает только роль основателя (лагеря лесорубов), придающая Баньяну черты демиурга. Дополнительные черты сакральности привносит повествование Рокуэлла, впервые пишущего о необычном росте Баньяна [Rockwell, 1910]. Впервые упоминается и Малыш — «домашнее» животное Поля: «Огромный синий бык носил все дрова и воду для лагеря. Размером этот бык был в восемь ручек топоров между рогами» [Там же]. Образ быка, как и габариты лесоруба отсылают к образам индоевропейских божеств-громовников, имеющих это животное в качестве теофании. Как и архаические боги, Баньян наделен хтоническими чертами: не превращается в зверя, но имеет териоморфные элементы.

Революция в трактовке образа и сюжетов происходит с 1914 г. [Laughead, 1914] и связана с именем У. Логхеда, начавшего рекламную кампанию с использованием героя в качестве «бренда» одной из фирм. Именно тогда впервые появляются изображения необыкновенного лесоруба. Логхед в 1922 г. написал книгу [Laughead, 1922], которая дает представление о логике развития образа, сделавшую узкоспециализированного в профессиональном и территориальном плане героя актером массовой культуры и заложившую правила его изображения: огромный рост, клетчатая рубаха и шапка, а рядом голубой бык. Гигантский дровосек предстает воплоще-

² Фольклорист Р. Дорсон считал, что относить Баньяна к народной традиции нет оснований: некоторые его исследования показали, что никто из старых жителей деревень в Северных штатах не знает об этом персонаже, а его появление и распространение как героя фольклорного сюжета связано с массовой культурой и рекламой (см.: [Dorson, 1947, с. 398]).

³ Исследователи считают, что появление Поля Баньяна относится ко второй половине XIX в. и восходит к устной традиции как часть преданий североамериканских лесорубов XIX в.

нием паттерна лесорубов, в котором сила и трудолюбие сочетаются с остроумием и находчивостью. Другой составляющей мифа становятся сюжеты о сверхчеловеческих деяниях героя: перетаскивание участков земли к лагерю, чтобы быстрее рубить лес; брань, породившая Голубой снег⁴; трата на подковы для Малыша всей руды в Миннесоте и др. Позднее сюжеты не претерпели существенных изменений, сформировав каркас повествования о Великом лесорубе как сублимированном варианте лесного бога.

Поль Баньян только на первый взгляд предстает как особенный человек. Его человеческие черты закреплены благодаря культурному багажу, который принесли переселенцы из Европы. Зародившееся в границах античности представление о человеке как значимом персонаже социокультурного пространства, дополненное идеей свободы выбора и ответственности авраамитической традиции, должно было привести к появлению такого культурного героя, в котором человеческое было бы важнее сверхчеловеческого. Необходимость освоения ойкумены обращала внимание американца на стороны существования, остававшиеся за границами христианских тем, — новые земли и климат, автохтонные племена и фауна. Изначально непонятное, наряду с рациональным дискурсом, осваивалось при помощи мифовосприятия, формируя новый пантеон для культуры синтезного типа. Христианское мировоззрение переселенцев не давало возможности сконструировать традиционный набор сакральных персонажей, поэтому их божественные и хтонические черты делегировались культурным героям.

Фигура Баньяна примечательна тем, что в ней в наибольшей степени находят проявление сакральные свойства. Это демиургические функции, включающие создание первообразов, набор хтонических черт (гигантский рост, длинная борода, животное в подчинении, связь с лесом как воплощением хаотического начала), и нахождение персонажа вне времени и пространства (работа на луне, означающая бессмертие). Это позволяет поставить его в один ряд с культурными героями греков и римлян. Вместе с тем чудесный лесоруб близок обитателям профанного мира — одеждой, бытом, набором проблем. Можно сказать, что Поль Баньян — это компромисс между мифопредставлениями и христианскими нормами и ценностями, что обеспечило его закрепление в культуре. Э. Шепард, Дж. Стивенс, Г. Фелтон, У. Уадсвор воспользовались творением Логхеда для создания литературных произведений с соблюдением правил описания героя. Исключение составила только адаптация образа для детей.

К началу 1950-х гг. образ Поля Баньяна становится неотъемлемой частью массовой культуры — песен («Paul Bunyan Love» Мэддоксов), пьес (либретто Одена, оперетта Бриттена), живописи, поэзии (Р. Фрост, К. Сэндберг), инструментальной музыки, балетов и др. [Paul Bunyan in popular culture...] — и национальным символом. Повсеместное присутствие образа приводит к появлению региональных сюжетов (истории о Баньяне как нефтяном буровике на месторождениях Техаса). Новый виток мифогенеза не привел к трансформации сюжетов и образа, герой лишь стал изображаться менее комично: толстый, неухоженный мужчина с бегающими глазами приобрел стройность и мускулистость. В качестве атрибута окончательно закрепляется борода. Поль по-прежнему предстает могучим преобразователем мира, использующим сверхсилу и смекалку. Особняком стоит мультипликационная трактовка образа, произведенная студией Disney (1958 г.): герой предстает защищающим природу дровосеком, который сажает деревья. Забавным дериватом, выступившим выражением популярности легенды, стал стиль «lumbersexual», адаптирующий облик героя к городской моде [The rise of the «lumbersexual»...] и еще раз подчеркнувший его популярность. Все это можно считать примером как живучести архаического мифа, так и логики его эволюции при религиозном мировоззрении.

Второй тип героя представлен Дэви Крокеттом, для образа которого характерен иной путь мифотворчества. Политик-фронтирмен еще при жизни становится поводом для мифогенеза. Первым шагом к этому явилась автобиография [Crockett, 1834, p. 213], вышедшая в 1934 г. В ней содержится ряд преувеличений, вроде убийства ста медведей за зиму. Эта тенденция, приводящая к мифологизации персонажа, сохраняется и в альманахах Крокетта (1835–1853 гг.). В 1842 г. была предпринята попытка издания, содержащего реальные истории [Crockett almanac, 1842], однако альманах не имел успеха.

В этих изданиях Дэви приобретает мироустроительные функции: регулирование суточного цикла [Davy Crockett and the Frozen Dawn...]; воздействие на небесные светила [Дэви Крокетт,

⁴ В англ. Blue streak — поток слов; что заставляет задаться вопросом о том, является данное объяснение игрой слов или качество цвета возникло, будучи производным от эвфемизма, обозначающего ругань. О тождестве слова и действия в мифе см.: [Рязанова, 2012].

1983, с. 120], глотание шаровой молнии [Там же, с. 119], одновременно действуя как демиург и трикстер. В части сюжетов трикстерные черты доминируют, проявляясь в находчивости, хитрости и плутовстве героя. Примером может служить сюжет, как политик несколько раз поил своих избирателей, расплачиваясь с барменом одной и той же шкурой енота [Davy Crockett and the Coonskin...]. Аналогичный сюжет содержит история его состязания с лодочником — Дэви выигрывает гонку на лодках, привязав свое каноэ к хвосту дикого кота [The boat race, 1836, p. 3-6]. Этическая амбивалентность героя проявляется постоянно — он помогает взойти солнцу, воюет, защищая национальные интересы, заседает в Конгрессе, пренебрегая нормами морали. Сохранилась история о том, как во время поездки Дэви обманом встречался с девушкой своего водителя [A love adventure..., 1836, p. 43-44].

Из особых качеств фронтисмена упоминаются исключительная меткость, хитрость и находчивость, умение убивать добычу улыбкой [Дэви Крокетт, 1983, с. 116, 121]. Рассказывали, что он мог с большого расстояния попасть два раза в одну мишень в «яблочко» [Davy Crockett..., 1955], а за зиму убить 105 медведей [A Narrative of the Life..., p. 192]. Созданный альманахами миф утверждал, что герой может одержать победу над любыми объектами, нарушающими жизнь общества: индейцами, медведями, змеями, пантерами. В одной из историй он побеждает в схватке с гигантской рыбой (около 5 м в длину), прозванной «Судья Миссисипи» [Crockett's fights..., 1836, p. 6-7], в другой — успешно сражается с крокодилом [A Thief of an Alligator, 1836, p. 44]. Пиком апологии героя и уступкой христианству становится сюжет о встрече с дьяволом, которого Дэви решил пристрелить [Crockett and the devil, 1843, p. 30].

Главный атрибут Крокетта — винтовка «Старая Бэтси» больше модернизирован, чем топор Баньяна. Если другие герои наследуют свои особые вещи сакральным образом, то «вышедший из народной среды» персонаж получает оружие из рук людей, в государственном собрании Теннесси [A Tale of Four Rifles...]. Винтовка стала настолько легендарной, что было сделано множество копий-сувениров [Old Betsy...]. У Крокетта было и животное-компаньон — ручной медведь, чей образ приобрел антропоморфные черты: он жил в доме Дэви, взбивал масло, курил трубку [Дэви Крокетт, 1983, с. 118], чесал спину его жене [The reason..., 1836, p. 13] и помогал в ходе конфликтов с мексиканцами [Crockett and his bear, 1847, p. 11]. Процесс одомашнивания медведя в мифе и его «очеловечивание» — не только сюжет превращения Хаоса в Космос, но и акцент на том, что в границах североамериканской мифологии большее внимание уделяется социальному и антропному мифу.

Альманахи завершили конструирование мифообраза Дэви Крокетта, сделав из него одного из первых героев. Примечательно, что после официальной смерти политика в Аламо американцы не хотели верить, что он погиб. В 1843 г. редактор альманаха пишет: «...есть доказательства, что мой друг... жив и послал мне известие» [Fisher's Crockett almanac, 1843, p. 2], далее приводится якобы подпись самого политика.

Во второй половине XIX в. личность Крокетта привлекает писателей: появляются «Дэви Крокетт: его жизнь и приключения» Дж. Эббота (1874 г.) [Abbott] и «Жизнь полковника Дэвида Крокетта» Э. Эллиса (1884 г.). Первая вносит свой вклад в мифогенез, начиная идеализацию образа. После серии альманахов о плутоватом супермене и неграмотных автобиографий с преувеличениями перед нами предстает другой человек — храбрый солдат, справедливый политик, смелый фронтисмен, заботливый отец. Идеальные моменты пока не очень сильны, однако тенденция очевидна. Э. Эллис развивает ее в своей книге [Ellis, 1884]. Личность фронтисмена словно подводит черту под историей фронта и выступает как его олицетворение. Дэви является уже одним из идеалов США. Неслучайно в книге Дж. Корби [Corby, 1922] в серии «Знаменитые американцы» он стоит в одном ряду с Эдисоном и отцами-основателями.

Наиболее крупная трансформация образа Крокетта приходится на 1950-е гг. в связи с новыми интерпретациями и популяризацией образа. Это стало возможным благодаря временной дистанции между жизнью Дэви и поколением середины XX в. Общество проявляет интерес к национальному прошлому и его героям, что делает легендарного фронтисмена популярным⁵. Большую роль в развитии мифа сыграли сериалы и фильмы Диснея. Образ сильно идеализируется, персонаж превращается в легендарного «национального первопредка, заключающего

⁵ Фильм «Дэви Крокетт индейский скаут» (1950 г.) рассказывает о событиях 1848 г. (спустя более десяти лет после смерти реального Дэви), однако образ героя в нем используется (говорится о Дэви Крокетте — племяннике знаменитого Дэви Крокетта).

мир и добывающегося справедливости [Davy Crockett Indian..., 1954], предстает демиургом-мироустроителем, теряющим трикстерные черты.

Фигура Крокетта вызвала бум популярности: в фильме «Назад в будущее» герой, попадая 1955 г., слышит в кафе «Балладу о Дэви Крокетте». Популярность наследует даже меховая шапка героя, не имеющая реального прототипа и продающаяся по пять тысяч штук в день [Johnson, 2002]. По мифологической логике, атрибут был отождествлен с героем, стал способом уподобления ему [Барт, 2008, с. 88–91]. Образ Крокетта все больше сакрализуется, превращаясь в символ и бренд. Формируется вторичная мифология, которая продвигается в бытовое сознание за счет специальных технологий.

Хотя образы Дэви и Поля изначально имели разные типы мифогенеза, вместе они составили значимую часть национальной мифологии, компенсирующую отсутствие архаического мифа. Герои присутствуют в мифе о прошлом как первообразы и первопредки, дополняющие повествования о реальных исторических деятелях необходимыми сюжетами об упорядочении мира, которое может быть осуществлено как со стороны священного начала (Поль Баньян), так и благодаря человеку (Дэви Крокетт). Появление в массовой культуре героев нового типа не привело к свертыванию традиционных образов, оставшихся главными претендентами на «историю». Культурная ниша, отведенная для героических персонажей, представлялась надежно занятой, и не было оснований говорить о существенных изменениях в образном ряду героического мифа.

Тем не менее для культуры США прошлый век ознаменовался появлением когорты героев нового типа, возникших благодаря авторскому конструированию. Речь идет о так называемых супергероях, которых Кембриджский академический словарь определяет как персонажей повествования любого типа, обладающих особой силой и использующих ее для совершения добра [Cambridge Academic Content Dictionary, 2009, p. 891]. Популярность героев нового типа ставит вопрос о том, какие факторы обусловили их приоритет в массовой культуре и частичное вытеснение героев-фронтисменов.

Начало этому процессу было положено в так называемый Золотой век комиксов (1938–1954) [Reynolds, 1994, p. 10], когда происходит активное выделение новых мифообразов. При переходе образов супергероев в сферу кинематографа сначала воспроизводятся заложенные в комиксах сюжеты и особенности, затем они эмансипируются, дополняя и изменяя элементы оригинальной истории, перестраивая хронологию повествования. Так, фильмы начинаются с повествования об обретении супергероем силы, тогда как комиксы изначально могли утаивать происхождение героя. Сюжеты транслировались и в обратном направлении — от фильма к комиксу. Пещера под поместьем Уэйнов была изначально придумана в сериале о Бэтмене (1943 г.) и позже добавлена в комиксы [Detective Comics, № 83, 1944].

Новые персонажи-супергерои были тесным образом встроены в контекст изменяющегося мира: «миф пластичен... он трактует о событиях» [Лосев, 1990]. Интенсивный рост городов [Population and Housing..., 2012] привел к изменению места действия героического мифа: им становится реальная или вымышленная городская среда. Супермен сначала совершает подвиги в безымянном городе [Action Comics, № 1, 1938], а потом помещается своими создателями в штат Нью-Йорк [Superman, № 2, 1939]. Человек-факел с самого начала описывался как действующий в Нью-Йорке [Marvel Comics, № 1, 1939]. Местом действия комиксов о Бэтмене также является вымышленный город [Batman, № 4, 1940], что в равной степени относится и к большинству остальных супергероев Золотого века комиксов — Доллмену [Feature Comics, № 27, 1939], Синему Жуку [Mystery Men Comics, № 1, 1939], Человеку-ястребу [Flash Comics, № 1, 1940] и др.

Следствием урбанизации США становится смена спектра проблем, с которыми борются герои мифов. На место первобытного Хаоса и недружественных местных племен приходит растущий уровень преступности и коррупции, спровоцированный экономической ситуацией 1930-х гг. и оказывающий большое влияние на жизнь обывателя [Kelly, 2009, p. 2]. Сложность ситуации в стране наводила на мысль, что для ее исправления нужны сверхчеловеческие усилия. Городской ландшафт нового мифа и связанные с ним дефекты социальной жизни как объекты «героического» воздействия заставляют говорить о том, что супергерои выступают как демиурги «профанного уровня», решая проблемы прикладного характера, обусловленные характером современной цивилизации. Нет собственно преобразования Хаоса в Космос, оно только подразумевается, будучи спрятано за социальной реальностью (аллюзией на тему преодоления Хаоса можно считать борьбу с голодом Чудо-человека, отбившего склад у преступников и раздающего еду нуждающимся) [Wonder Comics, № 1, 1939].

Эволюция антропного мифа в мифологии США: причины, предпосылки, логика

Многие супергерои этого периода определяются именно как борцы с преступностью — Часовщик, Спектр [Adventure Comics, № 48, 1940], Атом [All-American Comics, № 19, 1940], Бэтмен [Detective Comics, № 27, 1939]; коррупционностью и безразличием политиков — Супермен, наказывающий сенатора-мафиози [Action Comics, № 1, 1938], Красная пчела, противостоящая мафии [Hit Comics, № 1, 1940]; домашним насилием — Супермен, спасающий женщину, избиваемую мужем [Action Comics, № 1, 1938]. Как преобразователи общества супергерои выступают в сюжетах о борьбе с нацизмом. Нэмор побеждает немецкие подлодки [Sub-Mariner Comics, № 2, 1941], японский флот [Sub-Mariner Comics, № 5, 1942] и помогает раскрыть нацистский заговор [Sub-Mariner Comics, № 3, 1941]. Человек-факел и Торо спасают поставки продовольствия [All-Select Comics, № 1, 1943]. Сорвиголова врывается на совещание наци и бьет Гитлера по лицу [Daredevil Battles Hitler, 1941]. Надпись на обложке комикса о Висельнике гласила: «Нацисты и япошки, вы, крысы! Берегитесь! Висельник повсюду!» [Hangman, № 3, 1942]. Капитан Победа, погибший на фронте, был возвращен к жизни для защиты человечества [Major Victory Comics, № 1, 1944]. Капитан Америка объявляется идеальным солдатом против стран Оси Зла [Captain America Comics, № 1, 1941].

Следует отметить еще одно изменение в образе супергероев по сравнению с традиционными персонажами. Постепенное разворачивание процессов глобализации, начало повсеместной трансляции западных культурных образцов, практика мировых войн подтолкнули создателей новой мифологии к идее, что герой должен выступать защитником мира в целом. Супермен открыто именуется тем, кто призван «изменить судьбу мира» [Action Comics, № 1, 1938]. Часто используется конструкция «самый... на Земле»: Супермен именуется самым сильным [Action Comics, № 6, 1938], Флэш — самым быстрым [Flash Comics, № 1, 1940] и т.д. Образы супергероев и их атрибуты отражают и изменения в социокультурном пространстве страны. Возникновение феминизма как движения привело к появлению супергероев женского пола — Чудо-женщины [All Star Comics, № 8, 1941], Мисс Америки [Marvel Mystery Comics, № 49, 1943], Леди Фантом [Police Comics, № 1, 1941] и Светловолосого Призрака [All Select Comics, № 11, 1946]. Приоритет научного познания в мировоззрении части общества обусловил усиление scientистского компонента в новой героике. Одним из путей получения суперспособностей становится химический эксперимент — у Доллмена [Feature Comics, № 27, 1939], Щита [Shield-Wizard Comics, № 1, 1940], Дока Стрэнджа [Thrilling Comics, № 1, 1940], Часовщика [Adventure Comics, № 48, 1940], Шока Гибсона [Speed Comics, № 1, 1939], Человека-пули [Nickel Comics, № 1, 1940], а также у Капитана Америки [Captain America Comics, № 1, 1941]. Развитие инженерных наук приводит к становлению представлений о получении суперспособностей от технических средств — управляющие гравитацией шлемы [Nickel Comics, № 1, 1940], огнемет [Wonderworld Comics, № 3, 1939] и гравитационный жезл [Adventure Comics, № 61, 1941]. Уже в период становления супергероического мифа появляются супергерои, сконструированные человеком: Человек-факел [Marvel Comics, № 1, 1939] и Бонзо-Железный человек [Smash Comics, № 1, 1939], что позволяет говорить о делегировании человеку функции творца.

Процесс становления мифа о супергерое связан и с возвышением статуса человека в культуре. Неслучайно большинство супергероев Золотого века до получения суперспособностей являются обычными людьми — Брюс Уэйн, в результате тренировок и изготовления костюма ставший Бэтменом, Джей Гэррик, обычный студент до превращения во Флэша [Flash Comics, № 1, 1940], Марк Тодд, ставший Пылающим Черепом после обучения у людей-черепов [Mystic Comics, № 5, 1941]. Миф начинает создавать ситуацию одновременного присутствия сакрального (супергероического) и профанного (человеческого), что меняет вектор в оценке статуса героя, делает постоянно воспроизводимые в сюжете обряды перехода максимально динамичными и глубоко индивидуальными. Налицо сильное влияние христианского индивидуализма, наполняющего мифоструктуры новым содержанием.

Поскольку формирование супергероического мифа происходит в контексте омассовления культуры, это накладывает отпечаток на природу основного информационного источника мифосюжетов — комиксов и кинематографической продукции. Эти каналы распространения информации оперируют наиболее понятным средством выразительности — визуальным, представляя собой максимально понятную и удобную для читателя смесь изображений и короткого текста в случае комиксов [Eisner, 2000, p. 7–8] и несложный, но активный и насыщенный диалогами сюжет в фильмах. Используется совокупность узнаваемых символов и изображений. Чаще всего это особый костюм, отражающий исключительность: Летучая мышь Бэтмена [Detective Comics, № 33, 1939], символ песочных часов у Часовщика. Часто в костюме супергероя используются

широко известные образы: крылатый шлем Флэша как символ Гермеса, символика американского флага. Стоит отметить и большое количество однотипных супергероев, что также является следствием массовости данной формы мифа.

Внешняя модернизация образов не приводит к элиминированию традиционных приемов в описании героев и ставших привычными чудесных атрибутов. Магические предметы по-прежнему остаются одним из возможных источников силы супергероя. К ним можно отнести кольцо Чудо-человека, дающее ему сверхчеловеческую силу, скорость и способность летать [Wonder Comics, № 1, 1939], а также кольцо Удивительного человека [Amazing-Man Comics, № 5, 1939]. Традиционной чертой является выбор героями имени, отождествляющего с животным: Красная Пчела, Человек-ястреб, Бэтмен, Дикий Кот и Черная Канарейка. Очень популярен образ младенца-сироты — Супермен, чьи родители погибают вместе с его родной планетой [Episode 1: Superman Comes to Earth, 1939], Бэтмен, осиротевший после ограбления [Detective Comics, № 33, 1939], Аквамен, ставший сиротой при живом отце [More Fun Comics, № 73, 1941]. Замкнутое мифологическое время представлено в идее возможности реинкарнации (Человек-ястреб) [All Star Comics, № 5, 1941].

Все новые черты, связанные с отображением социокультурного контекста супергероического мифа, выступают в тесной связи с архаическими компонентами, подстраивая их под современные реалии, при этом модернистское начинает превалировать над архаическим. Возникновение образа супергероя выражает территориальный и содержательный смысловой сдвиг в мифе с сохранением как базового архетипического отношения «Хаос-Космос», так и инициированного западной культурой акцента на значимой роли человека, которая в мифе о супергероях принимает пиковое значение, отражая антропоцентризм западного социокультурного пространства.

Герои более ранних мифов не исчезают из сознания американского общества, занимая особую сферу мировосприятия. Легенды фронта ассоциируются у жителей США с прошлым страны, существуя в исторической памяти. Супергерои отождествляются со взглядом в будущее, с миром новых угроз и способностей человеческого разума. Если супергероией представляется собой «экспортный продукт», связанный с конструированием внешнего облика страны, то фронтирsmены являются «продуктом внутреннего пользования», выражая связь общества со своими корнями. «Героический пантеон» мифологии США, внешне модернистский, воспроизводит традиционные нормы мифотворчества, организуя пространство, время, действующих лиц и отвечая вызовам современной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Дэви Крокетт* // Народ, да! Из американского фольклора. М.: Правда, 1983. 121 с.
- A love adventure and uproarious fight with a stage driver* // «Go Ahead» Davy Crockett almanack, of wild sports in the west, and Life in the Backwoods. Nashville, Tenn 1836. Published for the autor (David Crockett). P. 43–44.
- A Narrative of the Life of David Crockett of the State of Tennessee*. Philadelphia, 1834. 192 p.
- A Thief of an Alligator* // «Go Ahead» Davy Crockett almanack, of wild sports in the west, and Life in the Backwoods. Nashville, Tenn, 1836. Published for the autor (David Crockett). P. 44.
- Abbott J.S.* David Crockett: His Life and Adventures [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20080915142047/http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/AbbCroc.html>.
- Action Comics*. № 1. DC Comics, June 1938. P. 3–15.
- Action Comics*. № 6. DC Comics, November 1938. P. 2.
- Adventure Comics*. № 48. DC Comics, March 1940. 70 p.
- Adventure Comics*. № 61. DC Comics, April 1941. P. 2.
- All Select Comics*. № 11. Timely Comics, Fall 1946. 52 p.
- All Star Comics*. № 5. All-American Publications, June 1941. 61 p.
- All Star Comics*. № 8. All-American Publications, December 1941. 75p.
- All-American Comics*. № 19. All-American Publications, October 1940. 68 p.
- All-Select Comics*. № 1. Timely Comics, Fall 1943. 62 p.
- Amazing-Man Comics*. № 5. Centaur Publications, September 1939. 68 p.
- Batman*. № 4. DC Comics, December 1940. 52 p.
- Captain America Comics*. № 1. Timely Comics, March 1941. 64 p.
- Caught on the Run* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.paulbunyanfineart.com/1904/tale_from_duluth_news_tribune.html.
- Corby J.* The story of David Crockett. Boston, 1922. 202 p.
- Crockett almanac improved*. Boston, 1842. 48 p.

Эволюция антропного мифа в мифологии США: причины, предпосылки, логика

- Crockett and his bear, sailing down ninety feet waterfall* // Davy Crockett's almanac. Boston, 1847. Published by James Fisher. P. 11.
- Crockett and the devil* // Fisher's Crockett almanac 1843 with sprees and scrapes in the West and life and manners in the Backwoods. N.Y., 1843. Published by Ben Harding. P. 30.
- Crockett's fights with a cat-fish* // «Go Ahead» Davy Crockett almanack, of wild sports in the west. and Life in the Backwoods. Nashville, Tenn, 1836. Published for the autor (David Crockett). P. 6–7.
- Daredevil Battles Hitler*. Lev Gleason Publications, July 1941. 72 p.
- David Crockett*. A Narrative of the Life of David Crockett of the State of Tennessee. Philadelphia, 1834. 213 p.
- Davy Crockett and the Coonskin* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://americanfolklore.net/folklore/2011/06/davy_crockett_and_the_coonskin.html.
- Davy Crockett and the Frozen Dawn* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://americanfolklore.net/folklore/2010/07/davy_crockett_and_the_frozen_d.html.
- Detective Comics*. № 27. DC Comics, May 1939. 64 p.
- Detective Comics*. № 33. DC Comics, November 1939. 67 p.
- Detective Comics*. № 83. DC Comics, January 1944. 59 p.
- Ellis E.S.* The life of colonel David Crockett, Philadelphia, 1884, 230 p.
- Episode 1: Superman Comes to Earth*. McClure Syndicate, January 1939. 1 p.
- Feature Comics*. № 27. Quality Comics, December 1939. 67 p.
- Fisher's Crockett almanac 1843 with sprees and scrapes in the West and life and manners in the Backwoods*. N.Y. Published by Ben Harding. 34 p.
- Flash Comics*. № 1. All-American Publications, January 1940. 68 p.
- Hangman*. № 3. MLJ Magazines Inc, Summer 1942. 71 p.
- Hit Comics*. № 1. Quality Comics, July 1940. 65 p.
- Laughhead W.* Introducing Mr. Paul Bunyan of Westwood. Minneapolis: Red River Lumber Company, 1914. 32 p.
- Laughhead W.* The marvelous exploits of Paul Bunyan. Minneapolis, 1922. 35 p.
- MacGillivray J.* Round River. The Press (Oscoda, Michigan) 10 August 1906 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.paulbunyanfineart.com/1906/round_river.html.
- Major Victory Comics*. № 1. Chesler Comics, September 1944. 70 p.
- Marvel Comics*. № 1. Timely Comics, October 1939. 58 p.
- Marvel Mystery Comics*. № 49. Timely Comics, November 1943. 59 p.
- More Fun Comics*. № 73. DC Comics, November 1941. 68 p.
- Mystery Men Comics*. № 1. Fox Features Syndicate, August 1939. 48 p.
- Mystic Comics*. № 5. Timely Comics, March 1941. 68 p.
- Nickel Comics*. № 1. Fawcett Publications, May 1940. 36 p.
- Paul Bunyan in popular culture* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.liquisearch.com/paul_bunyan/popular_culture.
- Police Comics*. № 1. Quality Comics, August 1941. 69 p.
- Rockwell J.* Some Lumberjack Myths // The Outer's Book. 1910 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.paulbunyanfineart.com/1910/some_lumberjack_myths.html.
- Shield-Wizard Comics*. № 1. MLJ Magazines Inc, Summer 1940. 68 p.
- Smash Comics*. № 1. Quality Comics, August 1939. 66 p.
- Speed Comics*. № 1. Brookwood Publishing Company, October 1939. 70 p.
- Steward B., Watt H.* Legends of Paul Bunyan, lumberjack. Wisconsin academy of science, Arts and letters, 1916. 12 p.
- Sub-Mariner Comics*. № 2. Timely Comics, Summer 1941. 68 p.
- Sub-Mariner Comics*. № 3. Timely Comics, Fall, 1941. 69 p.
- Sub-Mariner Comics*. № 5. Timely Comics, Spring, 1942. 69 p.
- Superman*. № 2. DC Comics, September 1939. 64 p.
- The boat race* // «Go Ahead» Davy Crockett almanac, of wild sports in the west, and Life in the Backwoods. Nashville, 1836. Published for the author (David Crockett). P. 3–6.
- The reason I didn't speechify in Congress the last winter* // «Go Ahead» Davy Crockett almanack, of wild sports in the west. and Life in the Backwoods. Nashville, Tenn, 1836. Published for the author (David Crockett). P. 13.
- Thrilling Comics*. № 1. Better comics, February 1940. 68 p.
- Wonder Comics*. № 1. Fox Publications, May 1939. 69 p.
- Wonderworld Comics*. № 3. Fox Feature Syndicate, July 1939. 68 p.

Литература

- Барт. Р.* «Римляне в кино» // Мифологии. М.: Академич. проект. 2008. С. 88–91.
- Евзлин М.* Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. 344 с.
- Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. Киев; М.: Ваклер: Рефл-бук: АСТ, 1997. 336 с.
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 304 с.

- Мелетинский Е.М.* Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1982. Т. 2. С. 25–28.
- Радин П.* Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия, 1999. 287 с.
- Рязанова С.В.* Социальный миф в пространстве гуманитарного знания: Научный потенциал понятия // Религиоведение. 2010. № 1. С. 78–89.
- Рязанова С.В.* Миф в его соотношении с религиозным и светским типами мировоззрения // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2012. С. 123–136.
- A Tale of Four Rifles: All Proudly Owned by David Crockett* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.bcyesteryear.com/node/497>.
- Cambridge Academic Content Dictionary*. N. Y.: Cambridge University Press, 2009. 1156 p.
- Dorson R.* Western Folklore. Vol. 6: Western States Folklore Society. 1947. 398 p.
- Dorson R.* Paul Bunyan in the News, 1939–1941 // Western Folklore. 1956. P. 193–194.
- Edmonds M.* Out of the Northwoods: The Many Lives of Paul Bunyan. Wisconsin Historical Society, 2009. 304 p.
- Eisner W.* Comics and Sequential Art. Tamarac: Poorhouse Press, 2000. 164 p.
- Johnson. J.* Coonskin Cap Clings to «Crockett» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://articles.latimes.com/2002/aug/23/local/me-fess23>.
- Kelly M.* The Golden Age of Comic Books: Representations of American Culture from the Great Depression to the Cold War // Marquette University e-Publications, 2009. P. 2–13.
- Old Betsy: Davy Crockett'S first rifle* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://gunsoftheoldwest.com/2015/07/old-betsy-davy-crocketts-first-rifle>.
- Population and Housing Unit Counts*. Washington: U.S. Government Printing Office, 2012. P. 20–26.
- Reynolds R.* Super Heroes: A Modern Mythology. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. 134 p.
- The rise of the «lumbersexual»* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://gearjunkie.com/the-rise-of-the-lumbersexual>.

S.V. Ryazanova*, R.N. Logvinov, S.T. Drozdov****

*Perm Scientific Centre of Ural Branch RAS
Lenina st., 13a, Perm, 614000, Russian Federation
Perm State National Researching University
Bukireva st., 15, Perm, 614000, Russian Federation
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

**Perm State National Researching University
Bukireva st., 15, Perm, 614000, Russian Federation
E-mail logvinov321@mail.ru;
vodzotd1812@gmail.com

EVOLUTION OF THE ANTHROPIC MYTH IN UNITED STATES' MYTHOLOGY: REASONS, PREREQUISITES, LOGIC

Evolution of the myth of a hero as the central anthropic image in the mythology of the United States occurred under the influence of mentality of the groups/subjects of mythogenesis and has a complex character. The emergence of spontaneous plots with a significant share of regional specifics, where the starting idea was the demiurgic myth of the frontier, was the first stage of the heroic myth. The basic mythological images are constructed on the archetypal basis, being filled with content due to the Protestant context and constantly ongoing processes of expanding the cultural ecumene of the country. The images of national heroes as symbols of the people and as deputies of the idea of an ancestor constituted the majority of the United States' anthropological myths until the 1920s. External factors of the country's development, such as active urbanization, secularization of culture, the First World War, the Great Depression, served as an impetus for the transformation of the heroic myth. The heroes of the frontier were replaced by superheroes, whose images combine superhuman and totemic features. In the national mythology, images of superheroes are associated with presentation of archetypal patterns and traditional plots, pushing the heroics of the frontier to the spheres of advertising, glamour and some kind of hagiography, which leads to a change in the heroes' paraphernalia and the accompanying symbolic and sign range. A superhero as the central image of the contemporary national mythology of the United States emerges on the cusp of the processes of secularization, rise of the idea of a man, mass culture and technology, in close relation with the archetypal ground.

Key words: myth, national mythology, mythogenesis, culture of the USA, heroes of the frontier, Paul Bunyan, Davy Crockett, superheroes.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-152-161

REFERENCES

- Bart R., 2008. *Mifologii* [Mythologies], Moscow: Akademicheskii proekt, p. 88–91.
- Campbell J., 1997. *Tysiachelikii geroi* [The Hero with a Thousand Faces], Kiev; Moscow: Vakler: Refl-buk: AST, 336 p.
- Dorson R., 1947. *Western Folklore*, vol. 6, Long Beach: Western States Folklore Society, 398 p.
- Dorson R., 1956. *Western Folklore*, vol. 15, pp. 193–194.
- Edmonds M., 2009. *Out of the Northwoods: The Many Lives of Paul Bunyan*, Madison: Wisconsin Historical Society, 304 p.
- Eisner W., 2000. *Comics and Sequential Art*, Tamarac: Poorhouse Press, 164 p.
- Evzlin M., 1993. *Kosmogoniia i ritual* [Cosmogony and ritual], Moscow: Radiks, 344 p.
- Johnson J., 2002. *Coonskin Cap Clings to «Crockett»*, available at: <http://articles.latimes.com/2002/aug/23/local/me-fess23>.
- Kelly M., 2009. The Golden Age of Comic Books: Representations of American Culture from the Great Depression to the Cold War. *Marquette University e-Publications*, pp. 2–13.
- Losev A. F., 1990. *Dialektika mifa* [The Dialectics of Myth], Moscow: Pravda, 304 p.
- Meletinskii. E. M. 1982. Kul'turnyi geroi. *Mify narodov mira. Entsiklopediia vol.2* [A cultural hero. Myths of the peoples of the world], Moscow: Sovetskaya encyclopedia, pp. 25–28.
- Radin P., 1999. *Trikster: Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev* [Trickster: A study of myths of the North American Indians], St. Petersburg: Evraziia, 287 p.
- Reynolds R., 1994. *Super Heroes: A Modern Mythology*, Jackson: University Press of Mississippi, 134 p.
- Riazanova S.V., 2010. Sotsial'nyi mif v prostranstve gumanitarnogo znaniia: nauchnyi potentsial poniatiiia [Social myth in humanitarian knowledge space: scientific scope of the notion]. *Religiovedenie*, no. 1, pp. 78–89.
- Riazanova S.V., 2012. Mif v ego sootnoshenii s religioznym i svetskim tipami mirovozzreniia [Myth in its correlation with religious and secular types of worldview]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, pp. 123–136.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

А.С. Афонин, С.Н. Иванов, Н.Е. Рябогина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: hawk_lex@list.ru;
ivasenik@rambler.ru;
nataly.ryabogina@gmail.com

ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИИШИМЬЯ НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ (по данным палеоботанических исследований городища Марай-1)

Статья посвящена анализу новых археоботанических данных из культурных слоев городища Марай 1 (лесостепное Приишимье, юг Западной Сибири), реконструкции природного окружения и оценке его роли в изменении хозяйства. Выполнено сравнение состава макроостатков и спорово-пыльцевого комплекса культурных слоев двух этапов обитания — переходного времени от бронзы к железу и начала раннего железного века. В целом показано, что поселение функционировало в окружении открытых луговых ландшафтов на протяжении двух фаз обитания. Реконструкция локальных природных условий на рубеже бронзового и раннего железного веков не выявила признаков экологического кризиса или значительных изменений облика растительности, которые могли бы быть причиной реверса в сторону присваивающего хозяйства.

Ключевые слова: природное окружение, макроостатки, палинология, рубеж бронзового и железного веков, хозяйство, лесостепь, Западная Сибирь.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-162-175

Введение

Условия окружающей среды всегда были ключевыми факторами формирования жизненного уклада и экономики населения, а зачастую определяли границы расселения людей в древности. Поэтому выявление степени влияния природных факторов на экономический уклад древних обществ — одно из необходимых условий полноценного анализа археологических данных. Причем нередко оперирование обобщенными данными о ходе изменения климатических условий в голоцене не так важно, как информация о местных особенностях среды, в которой существовал конкретный коллектив. Понимание специфики локальной экологической ниши, ресурсов вмещающего ландшафта, палеогидрологического состояния близлежащих водоемов, интенсивности антропогенной нагрузки на растительность особенно важны при исследовании поселений в рамках ландшафтной археологии. К сожалению, далеко не всегда информация об окружающей среде полноценно извлекается в процессе археологических исследований. Тем не менее постепенно наряду с археозоологическим материалом культурного слоя исследуется состав макро- и микроботанических остатков. Формирование банка палеоботанических данных, полученных из культурных слоев разного времени (on-site данные), и их сопоставление с летописями природных архивов (off-site данные) в перспективе позволит решить сразу две задачи — оценить воздействие естественных ландшафтно-климатических изменений на хозяйственную деятельность человека и выявить значение антропогенного фактора в преобразованиях ландшафта.

При реконструкции среды обитания жителей лесостепи Западной Сибири чрезвычайно важен интервал рубежа II и I тыс. до н.э., он соотносится со значительными культурными и социальными переменами конца бронзового — начала раннего железного века. Принято считать, что в этот период климатические условия стали неблагоприятными для хозяйства, их квалифицируют как сильный и резкий экологический стресс, спровоцировавший миграции с севера, изменение поселенческого потенциала территории, заселение безлюдных ранее степей и начало формирования культуры кочевников. По поселенческим материалам действительно отмечается изменение характера хозяйства — увеличивается доля лошади в стаде, характерно увеличение

Природное окружение населения Приишимья на рубеже бронзового и железного веков...

числа костей диких копытных [Косинцев, Стефанов, 1989]. Вероятно, в это же время в Притоболье и Приобье проникает земледелие [Ryabogina, Ivanov, 2011], однако оно не получило развития в этой части Западной Сибири [Spengler et al., 2016]. Все эти перемены принято объяснять как «глубокие кризисные изменения в экономике», своеобразные варианты адаптации, вызванные неблагоприятными изменениями климата. В итоге детерминирующее значение природных изменений на рубеже II и I тыс. до н.э. стало основой широких социально-исторических интерпретаций [Молодин, 2010; Зах, 2012].

Тем не менее до сих пор очень мало данных для однозначного заключения о природных условиях указанного хронологического интервала. Сопоставление результатов палеоэкологических реконструкций для Южного Зауралья [Епимахов, Таиров, 2013] продемонстрировало отчасти не только противоречивые заключения, но и явный недостаток надежных хронологических привязок в фоновых почвенных, озерных или торфяных разрезах. Палеоботанических или палеопочвенных материалов, надежно связанных со временем функционирования конкретного поселения переходного периода или раннего железного века, немного [Зах и др., 2008], и большинство из них сосредоточено в Притоболье. Таким образом, до сих пор остаются вопросы: насколько исторические процессы на рубеже бронзового и раннего железного веков были спровоцированы природными изменениями, было ли изменение природного потенциала территории современной лесостепи сопоставимо с экологическим кризисом, повлекшим изменения в хозяйстве.

В связи с этим мы сфокусировали внимание на получении новых материалов для реконструкции природного окружения населения двух исторических периодов — переходного времени от бронзы к железу и начального этапа раннего железного века. Сравнение состава макроостатков и спорово-пыльцевого комплекса культурных слоев направлено на оценку локальных природных условий, выявление степени их влияния на хозяйственный уклад двух этапов обитания одного поселения и приемлемости ландшафтных условий для ведения разных видов хозяйственной деятельности.

Объект исследования

Объектом исследования стали культурные слои городища Марай 1, изученного раскопками в 2010–2015 гг. Оно расположено на выступе второй надпойменной террасы р. Ишима (рис. 1) в центре «большого острова» (длиной 25 км и шириной около 3 км) между р. Ишимом и ее параллельным руслом р. Алабугой. Руслу рек обозначают потенциальные природные границы землепользования жителей поселения. Установлено, что памятник двухслойный, хорошо стратифицированный, при раскопках получен набор уникальных по сохранности вещей, характеризующих хозяйство и быт населения Ишимской лесостепи.

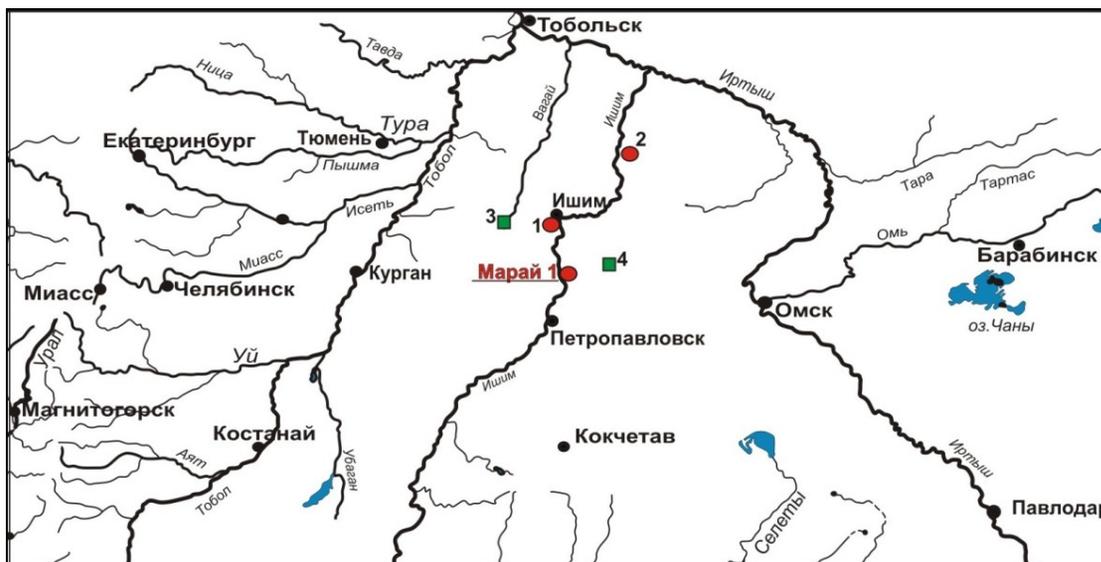

Рис. 1. Местоположение городища Марай 1 и объектов, упоминаемых в статье: 1 — поселение Мergenь 6; 2 — городище Борки 1; ближайшие исследованные профили торфяников: 3 — Гладилловский Рям, 4 — Станичный Рям.

Верхний культурный слой маркирует городище начала раннего железного века, функционировавшее в IV–III вв. до н.э. [Цембалюк, 2015, с. 43]. Раскопками исследованы остатки слабоуглубленных построек, производственного очага и участок глубокого рва, оставленных носителями лихачевских древностей [Цембалюк, 2017]; первоначальное отнесение находок к баитовской культуре [Цембалюк, 2015] впоследствии было пересмотрено. Палеозоологические находки показали ярко выраженную скотоводческую направленность хозяйства. Разводили в основном крупный рогатый скот и лошадь. Судя по находкам псалий, лошадь активно использовалась и для верховой езды. Охота на козулю и рыболовство выполняли вспомогательную роль в хозяйстве.

Нижний культурный слой представлен остатками неукрепленного поселка, который датирован по остаткам древесного угля началом IX — началом VIII в. до н.э. и относится к раннему, хutorборскому этапу красноозерской культуры [Цембалюк, 2015]. Полученный комплекс характеризует «начальный этап в сложении красноозерской культуры» — сосуществование «на одном памятнике двух генетически разных, практически еще не слившихся керамических традиций (и их носителей)... двух различных культур — “местной” и пришлой» [Труфанов, 1983, с. 76]. Поселок был оставлен в результате пожара, поэтому сохранение артефактов *in situ* дало уникальную возможность получить данные об особенностях конструкции, интерьере сооружений, хозяйстве и быте. По палеозоологическим материалам установлено, что ведущую роль в экономике раннего поселка играла присваивающая отрасль, представленная охотой и рыболовством. В палеозоологических остатках преобладают кости диких животных (74 %), основными объектами охоты были лось и козуля. Эпизодически добывались пушные животные, такие как бобр, лисица, а также боровая и водоплавающая дичь. Разведение лошади, крупного и мелкого рогатого скота дополнительно обеспечивало потребности в мясе [Цембалюк, 2015].

Таким образом, материалы культурных слоев городища Марай 1 характеризуют разные палеоэкономические поселенческие модели, существовавшие в одной ландшафтной нише с четырехвековым интервалом.

По геоботаническому районированию [Бакулин, Козин, 1996] территория относится к типичной лесостепи, наибольшие площади занимают разнообразные луга с участками луговых степей. Небольшие березовые леса, иногда с примесью осины и ивы, приурочены к долинным комплексам надпойменных террас; песчаные отложения высокой коренной террасы р. Ишима заняты сосновыми борами и смешанными лесами, однако их доля в растительном покрове невелика. В сухие годы в этом районе лесостепи не бывает катастрофических засух. В такие годы в обмелевших поймах озер и рек формируются богатые пастбища, но появляется много галофитов, больше всего пересыхают луга на террасах и междуречьях. Во влажные годы наблюдаются обширные паводковые затопления, мелкие озера соединяются в крупные, территория становится заболоченной и труднопроходимой.

По данным исследования серии поверхностных почвенных проб, несмотря на полуоткрытый ландшафт, в палиноспектрах преобладает пыльца древесных пород (75 %), в большинстве спектров доля пыльцы сосны превышает показатели по пыльце березы [Тупицын и др., 2015]. В поверхностной пробе, отобранной непосредственно около поселения Марай 1, пыльца древесных пород доминирует — 68 % пыльцы березы и 18 % — сосны. Доля трав не превышает 12 % спектра, чаще всего встречается пыльца злаков, осоковых и лабазника; маревые и полынь отмечены единично, разнообразно представлена пыльца луговых трав.

Последовательность фоновых изменений растительности на территории Ишимской равнины и обусловившие их климатические условия реконструированы ранее по профилям близлежащих опорных торфяных разрезов Гладиловский и Станичный рям (рис. 1, 3, 4) [Ryabogina, 2014]. Спорово-пыльцевые летописи этих разрезов показывают историю изменения растительности Ишимской равнины на протяжении позднего и среднего голоцена. Обмеление озер и начало формирования на их месте болот произошло в обоих торфяниках в интервале 4700–4470 лет *calBP*, когда климатические условия сменились на более сухие и теплые. Приблизительно до 3100 *calBP* зафиксировано заметное сокращение доли лесов, смешанные березово-сосновые леса уступили место березовым, так называемым лесостепным колкам, открытые участки ландшафта стали более остепненными. По данным разреза Гладиловский Рям (Емец-Ишимское междуречье), после 3100 *calBP* в течение двух веков наблюдалась климатическая перестройка и уже после 2800 *calBP* биомы таежных и мелколиственных лесов стали доминирующими. Вероятно, с этого времени можно говорить о начале смещения южной границы леса на юг. Однако в Станичном Ряме (Ишим-Иртышское междуречье) существенного изменения состава раститель-

Природное окружение населения Приишимья на рубеже бронзового и железного веков...

ности в это же время не отмечено. Важный этап в изменении соотношения леса и степи на этой территории датируется интервалом 2500–2100 calBP и совпадает с началом субатлантического времени. Вероятно, именно с этого времени в районе появились смешанные леса. Тренд в сторону увеличения увлажнения и рост роли лесных биомов отмечаются в течение всего субатлантического времени.

Методика исследований

Отбор материалов для палеобиологических исследований проведен в полевом сезоне 2014 г. Для спорово-пыльцевого анализа в металлический профиль вырезаны полные вертикальные колонки грунта в стенках раскопа, включающих наиболее четко стратифицированные участки с культурными слоями первой и второй фаз поселения. В лаборатории из нижней части профиля I (кв. ЕЗ') через 5 см отобрано 11 проб серо-пепельной супеси — заполнения слабоуглубленной постройки раннего железного века. По-видимому, эти отложения накопились во время функционирования сооружения в IV–III вв. до н.э., они насыщены керамикой лихачевского культурного типа [Цембалюк, Берлина, 2014] и углисто-золистыми прослойками. В профиле III (кв. ГЗ') через 3 см отобрано 9 проб из слоя темно-коричневой супеси, соответствующей заполнению жилой зоны большого сооружения 2 [Цембалюк, 2015]. Эти отложения накопились на рубеже бронзового и раннего железного веков (красноозерская культура) около IX — начала VIII в. до н.э., их верхняя часть перекрыта остатками сгоревшей и обвалившейся крыши. Примечательно, что в верхней части заполнения жилища найдено множество копролитов собак.

Пыльца и споры из грунта извлечены с применением сепарационного метода Гричука [Пыльцевой анализ, 1950], без ацетолиза. Анализ состава спор и пыльцы проведен на световых биологических микроскопах «Микмед-6» и «Микмед-2» при рабочем увеличении $\times 400$ – 640 . В зависимости от сохранности и концентрации палиноморф в разных пробах подсчитанное количество наземной пыльцы варьировалось от 150 до 600. Обработка данных и построение спорово-пыльцевых диаграмм выполнены в программе TILIA и TILIA-Graph [Grimm, 1990].

Для извлечения растительных макроостатков из культурных слоев применялась методика водной флотации [Лебедева, 2009; Сергушева, 2013]. Пробы грунта объемом 10 л отбирались из всех горизонтов согласно археологическому контексту: в большинстве случаев пробоотбор выполнен из первичных заполнений сооружений, пространства вокруг очагов (прокалов), заполнений хозяйственных ям, сосудов, хранилищ, зольных отложений. Послойная и пообъектная выборка культурного слоя для флотации позволила впоследствии выделить пробы, соответствующие уровню «пола» и «крыши» сооружений разных фаз обитания. Для стандартизации полученных данных и создания статистически значимой выборки объем флотируемого грунта всегда фиксировался в литрах. Флотация каждой пробы выполнена с использованием сита 0,5 мм/ячейка; осевший грунт полностью промыт с помощью мотопомпы на сите 0,63 мм/ячейка. Таким образом, одновременно получены коллекция археоботанических остатков из флотационных проб и коллекция мелких костных остатков из промытого культурного слоя. Проведена флотация 240 проб, однако только часть из них в дальнейшем привлечена к анализу, выбранные пробы имели ясный археологический контекст и не были засорены макроостатками из нор.

Выделение семян и плодов растений из флотационных проб и их последующая идентификация проведены в лабораторных условиях, на основе анализа их морфологических признаков с использованием стереоскопического микроскопа «МБС-10». В работе анализируются исключительно карбонизированные остатки растений, во избежание учета современных семян и макроостатков, случайно попавших в культурный слой в результате деятельности насекомых или роющих животных. Для подсчета насыщенности культурного слоя костями рыб промытая сухая проба грунта просеяна через сито 1 мм/ячейка. От веса фракции, оставшейся на сите, взята 10 % навеска, из которой извлечены все кости рыб, измерены их вес и объем.

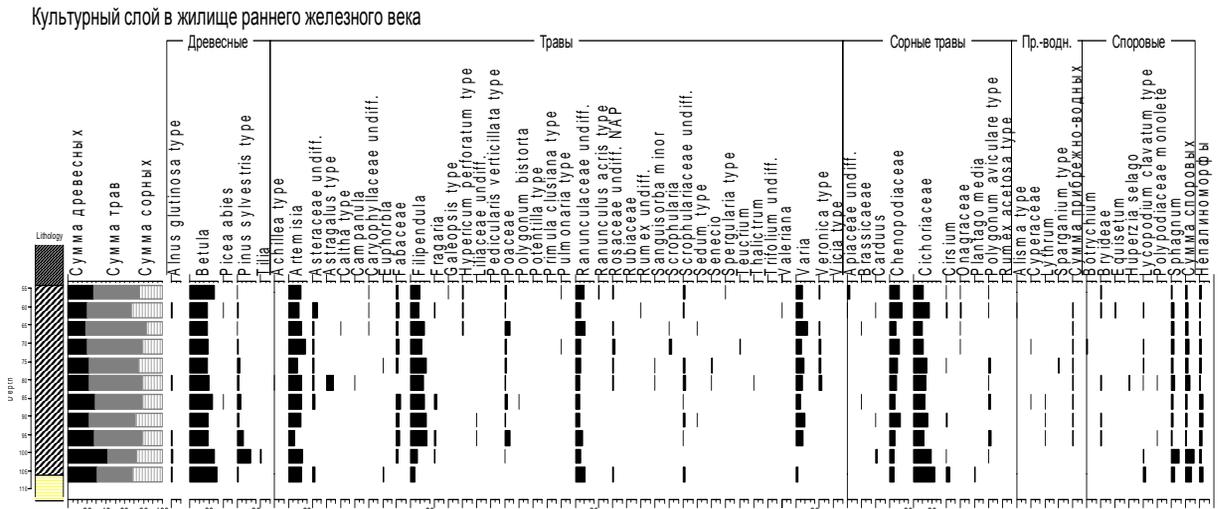
Результаты палинологического анализа

Палинологические данные из отложений внутри сооружений, безусловно, не могут использоваться для полноценной реконструкции фоновой растительности и климата. В подобных спорово-пыльцевых спектрах комбинируются следы растительных ассоциаций около поселения и региональной растительности.

В культурном слое жилища красноозерской культуры содержится всего 11–25 % древесной пыльцы (рис. 2, а), в основном березы *Betula* sp., — ее количество увеличивается в верхней части культурного слоя. Доминирует группа пыльцы трав, причем преобладают лугово-степные

таксоны (65–75 %), меньше сорных растений (8–18 %). Основное ядро всех спектров составляет пыльца лабазника (*Filipendula* sp.) — около 40 %, также много пыльцы полыни *Artemisia* sp. (16–20 %) и лютиковых Ranunculaceae gen. sp. (4–19 %), часто отмечается пыльца бобовых (в том числе астрагалов, горошка и клевера), астровых Asteraceae gen. sp., розовых Rosaceae gen. sp. (в том числе лапчатки и земляники) и злаковых Poaceae gen. sp. Особо выделена группа пыльцы растений, часто расселяющихся на антропогенно нарушенных участках. Среди них наиболее обильно и разнообразно представлена пыльца цикориевых Cichoriaceae gen. sp., в меньшей степени — маревых Chenopodiaceae gen. sp.; почти во всех спектрах, но в небольшом количестве присутствует пыльца чертополоха *Carduus* sp., бодяка *Cirsium* sp. и кипрейных Onagraceae gen. sp.; единично — крестоцветные Brassicaceae gen. sp., горец птичий *Polygonum aviculare* type и щавель *Rumex* sp. Полностью отсутствует пыльца прибрежно-водных трав. Споры немного, в основном сфагновые мхи *Sphagnum* sp. В верхней части слоя увеличивается встречаемость спор грибов, в том числе связанных с гаями и гниющей древесиной.

а

б

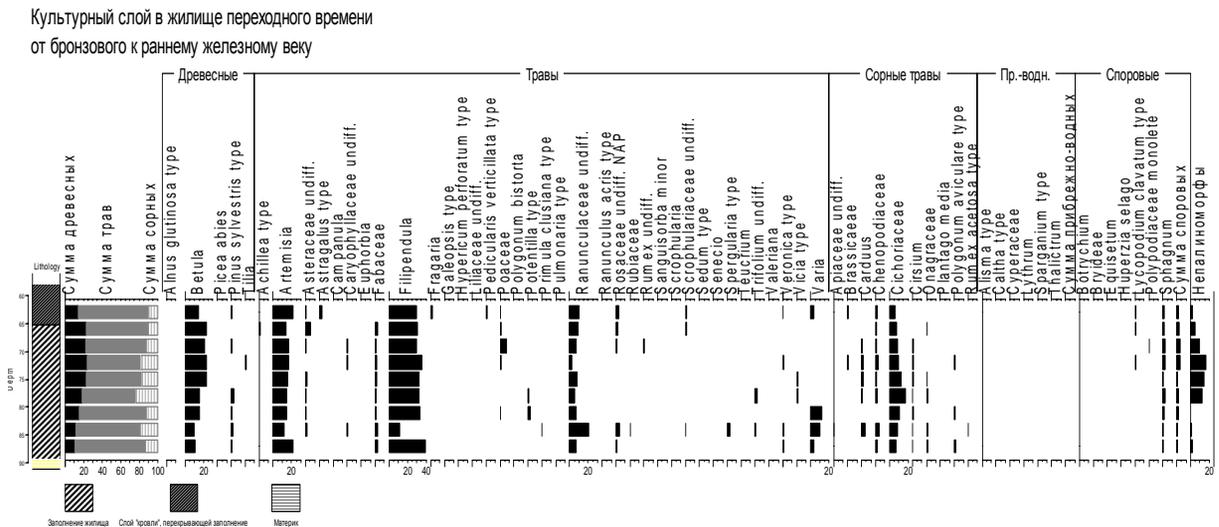

Рис. 2. Спорово-пыльцевые диаграммы культурных слоев городища Марай 1.

Природное окружение населения Приишимья на рубеже бронзового и железного веков...

Таким образом, ландшафты в долине Ишима в переходное время от бронзового к раннему железному веку были более открытыми — по-видимому, в ближайшем окружении памятника росли лишь небольшие березовые леса колочного типа. Нет данных, указывающих на хвойные леса ни рядом с поселком, ни на отдалении на высокой правобережной террасе Ишима. Состав споровых растений подтверждает минимальное количество лесов вокруг. Лугово-степные сообщества составляли основной фон растительности. Примечательна значительная доля сырых лугов с лабазником, что при полном отсутствии маркеров прибрежно-водных сообществ указывает не на обмеление и последующее зарастание поймы сырыми лугами, а скорее на обширные разливы реки и, как следствие, лабазниковые луга в пойме и на нижних уровнях террас. Антропогенный прессинг на окружающую территорию был умеренным, среди сорняков выделяется группа, характерная для пастбищ. Возможно, сокращение доли пыльцы березы в нижней части слоя вызвано ее использованием на начальном этапе строительства поселка.

Палинологический состав отложений из постройки раннего железного века (рис. 2, б) имеет небольшие отличия, в первую очередь он характеризуется большей долей древесной пыльцы (18–42 %) и пыльцы сорных трав (16–33 %). Береза по-прежнему является основной лесообразующей породой. Однако в спектрах этих отложений заметно и участие пыльцы сосны, в нижней части слоя оно достигает 14 %; единично отмечена пыльца ели, липы, и ольхи. В составе пыльцы трав *Filipendula* sp. не доминирует, количество пыльцы полыни и лабазника примерно равное; значительно чаще встречается пыльца бобовых, астровых, норичниковых *Scrophulariaceae* sp. и злаков, в целом разнообразие пыльцы трав выше, чем в культурном слое первого периода обитания. В группе пыльцы сорных трав существенно возросла роль маревых и циколевых, чаще отмечается горец птичий, но сократилась частота встречаемости чертополоха. В небольшом количестве представлена пыльца прибрежно-водных трав (частуха *Alisma* sp., осоки *Cyperaceae* gen. sp., дербенник *Lythrum* sp., ежеголовник *Sparganium* sp.) и разнообразные споровые растения. Кроме сфагновых мхов обнаружены папоротники *Polypodiaceae* gen. sp., гроздовник *Botrychium* sp., зеленые мхи *Bryidaeae*, плаун *Lycopodium clavatum* и баранец обыкновенный *Huperzia selago*, расселяющийся только во влажных хвойных или смешанных лесах. Непалиноморфы редки, представлены в основном спорами капротрофных грибов. Таким образом, кардинального изменения облика лесостепных ландшафтов в раннем железном веке не произошло, хотя около поселка появилось больше лесов. Стабильное количество пыльцы березы почти во всех спектрах показывает, что даже использование древесины для хозяйственных целей (строительство, топливо, металлургия) не оказывало серьезного влияния на долю лесов в ландшафте. Хвойные породы появляются в виде примеси в составе лесов, но не отмечаются в обилии в ближайшем окружении поселения. Сырые луга с лабазником, по-видимому, теперь были приурочены уже к низкой пойме, так как берега около поселка стали зарастать, и, вероятно, с этого времени русло Ишима около поселения начало превращаться в старицу. Террасовые уровни были заняты преимущественно разнотравными лугами, серьезная пастбищная нагрузка по пыльцевым данным не отмечена. Увеличение доли сорняков произошло за счет рудеральной и мусорной групп.

Анализ состава макроостатков

Карбонизированные растительные макроостатки в культурном слое характеризуют локальные особенности ближайшего окружения поселка, позволяют увидеть сходство и различия вмещающего ландшафта на разных стадиях существования памятника. В результате анализа в 310 л грунта обнаружено 859 остатков (в красноозерском слое — 392 шт., в лихачевском — 467 шт.) 18 таксонов растений. Состав макроостатков представлен дифференцированно для проб, относящихся к уровню пола в жилищах, включая хозяйственные ямы и зоны около очагов (табл. 1) [Афонин и др., 2016], и к уровню кровли, выделенному по остаткам обгорелых перекрытий над заполнением сооружений (табл. 2). Таким образом, предпринята попытка не только соотнести состав макроостатков между двумя фазами обитания, но и получить данные о составе растений, попадающих внутрь жилища и использовавшихся для покрытия крыши.

Результативность флотации [Сергушева, 2013] составила 100 %, насыщенность культурного слоя — 2,7 ед./л грунта (в красноозерском слое — 2,6 ед./л, в лихачевском — 2,9 ед./л).

**Состав и количество карпоидов из нижней части (пола) заполнения сооружений
городища Марай 1**

	Красноозерский комплекс (IX — начало VIII в. до н.э.) (заполнения жилой зоны сооружения № 2 и могильного ровика)										Лихачевский комплекс (IV–III вв. до н.э.) (заполнения сооружений № 3 и 4 и грунт около производственного прокала)									
	179 с	192 р	202 с	204 с	206 с	214 с	216 с	219 с	223 с	230 с	161 п	162 п	163 п	167 п	170 п	195 с	207 с	210 с	217 с	226 с
Пищевые																				
Земляника (<i>Fragaria vesca</i> L.)																				1
Малина (<i>Rubus idaeus</i> L.)	1		2				1													
С у м м а	1		2				1													1
Сорные																				
Белена черная (<i>Hyoscyamus niger</i> L.)			2	1	2		1						1	2		1	3			
Марь (<i>Chenopodium</i> sp.)	12	7	26	16	13	17	7	7	8	5	23	17	6	23	9	16	31	63	8	12
Щавель (<i>Rumex</i> sp.)	3		3	3	2	3	3	2	2	1		1		3	2		1	2	1	1
Горец (<i>Polygonum</i> cf. <i>aviculare</i>)	1		1	2		2	1		1			1		2			1			1
Ярутка полевая (<i>Thlaspi arvense</i>)						1							1					1		
С у м м а	16	7	30	21	15	23	11	9	11	6	23	19	7	28	11	16	33	66	9	14
Луговые, степные и лесные																				
Гвоздичное (Caryophyllaceae)									1											
Горошек (<i>Vicia</i> sp.)	1	3	1		1	6	3	1	2	2	12	1	4	3	5		1			1
Губоцветные (Lamiaceae)					4															
Злаки (<i>Poa</i> type)														1	1			1		
Зонтичное (Ariaceae)			1																	
Лапчатка (<i>Potentilla</i> sp.)																			1	
Люцерна (<i>Medicago</i> sp.)																			1	
Подмаренник (<i>Galium</i> sp.)											1									
Яснотка (<i>Lamium</i> sp.)											1									
С у м м а	5	3	6	5	7	11	7	4	5	3	14	3	4	9	8		2	4	3	3
Водные и прибрежные																				
Рдест (<i>Potamogeton</i> sp.)				1																
Стрелолист (<i>Sagittaria</i> sp.)							1													
Осока (<i>Carex</i> sp.)	1	2		4				1	5	1	2	1		2		1		4	1	
С у м м а	1	2		5				1	5	1	2	1		2		1		4	1	
Неидентифицированные	1	1	4	3		2	3		1	2	2	2	1	2	2		3	3	1	4
Всего	20	13	40	30	22	32	19	12	19	11	41	24	13	38	19	18	39	75	13	19

Примечание. В головке таблицы номера проб: с — из сооружения, р — могильного ровика, п — прокала около очага.

В результате исследований остатки культивируемых растений не обнаружены. Из дикорастущих пищевых растений единично встречаются малина и земляника. Наиболее многочисленна группа сорных растений (68,1 % в красноозерском слое и 78,6 % в лихачевском), представленная преимущественно семенами мари. В раннем железном веке доля семян сорных растений увеличивается, особенно внутри сооружений, что маркирует более высокий уровень антропогенного преобразования растительности на окружающей территории. Маревые — типичные рудеральные и пасквальные сорняки, хотя их семена издавна использовались в пищу [Эрисман, 1896], но более вероятно, что люди заносили их в жилище случайно, на подошвах и с домашней утварью. Кроме того, обнаружены семена ядовитого растения — белены черной. Она используется в медицине, но предполагать подобное использование в древности по имеющемуся материалу преждевременно. Горец птичий характерен для мест активного вытаптывания. Щавель в зависимости от вида может как использоваться в пищу, так и являться рудеральным сорняком.

Состав макроостатков характеризует луговые и лугово-опушечные фитоценозы, представленные в основном горошком при участии люцерны, лапчатки, гвоздичных, подмаренника, злаков и прочих трав. Остатков растений, характерных преимущественно для степных или лесных сообществ, не обнаружено.

Состав и количество карпоидов из верхней части (кровли) над заполнением сооружений городища Марай 1

	Красноозерский комплекс (IX — начало VIII в. до н.э.)					Лихачевский комплекс (IV–III в. до н.э.)					
	94	95	96	134	136	102	103	116	197	198	199
Пищевые											
Малина (<i>Rubus idaeus</i> L.)					1						
Сорные											
Белена черная (<i>Hyoscyamus niger</i> L.)	1	1	1	2	2			7	3	1	
Горец (<i>Polygonum</i> cf. <i>aviculare</i>)				2		2	3	1	8	2	
Марь (<i>Chenopodium</i> sp.)	8	11	25	28	10	34	10	14	24	7	5
Щавель (<i>Rumex</i> sp.)	3	5	4	6	3	1	1	1	3	5	2
С у м м а	12	17	29	36	15	37	14	23	36	15	7
Луговые, степные и лесные											
Гвоздичное (<i>Caryophyllaceae</i>)				1							
Горошек (<i>Vicia</i> sp.)	3	1	5	14	1		1	2	2	3	
Лапчатка (<i>Potentilla</i> sp.)										1	1
Люцерна (<i>Medicago</i> sp.)		8	1	1							
Яснотка (<i>Lamium</i> sp.)					2						
С у м м а	6	14	10	24	6	3	5	4	13	11	3
Водные и прибрежные											
Осока (<i>Carex</i> sp.)	3	1	2	4		1		1	4	1	1
С у м м а	3	1	2	4		1		1	4	1	1
Неидентифицированные	4	3	3	4		2	1	4	2	3	4
Всего	22	30	41	62	19	40	16	30	46	23	13

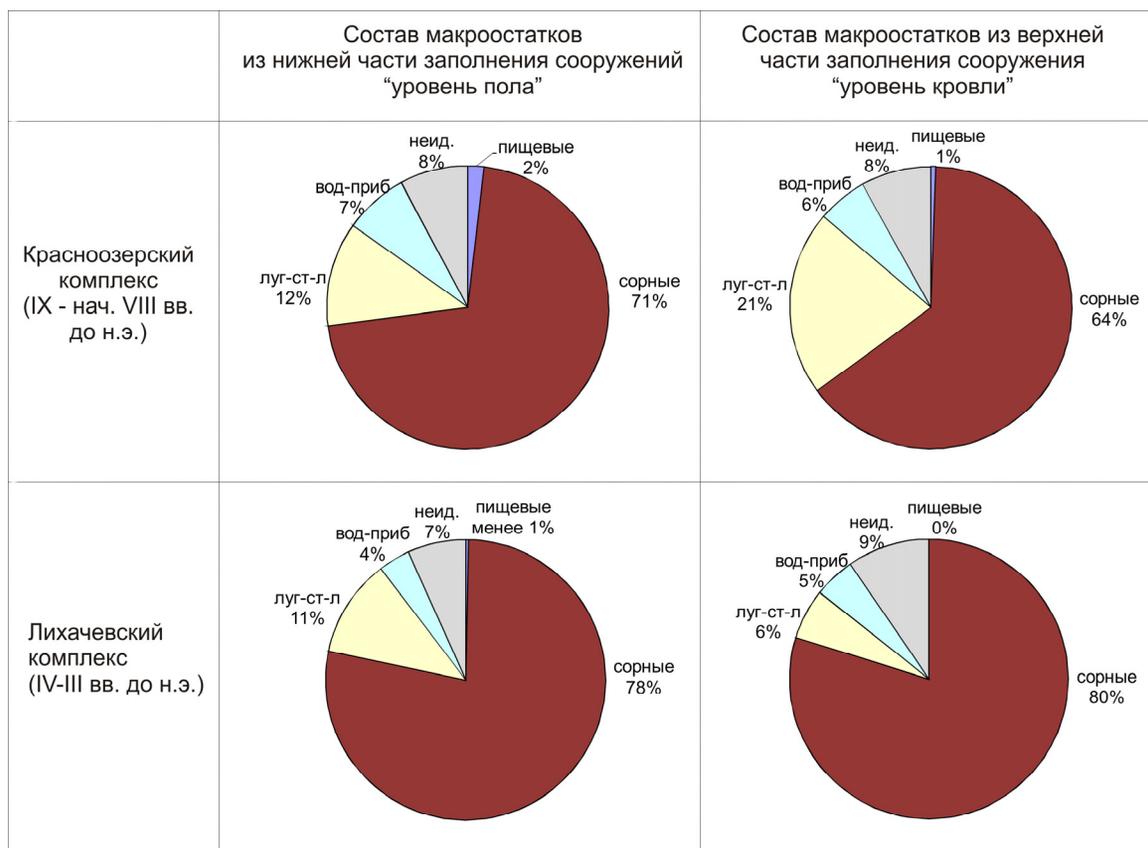

Рис. 3. Общая характеристика состава растительных макроостатков культурных слоев городища Марай 1.

Остатки водных и прибрежно-водных растений представлены преимущественно осоками, в заполнении сооружений единично встречаются рдест и стрелолист. Немногочисленность этих макроостатков свидетельствует, что во время обитания берег около поселка, скорее всего, не был покрыт прибрежной растительностью, а современная обмелевшая старица являлась частью активного русла Ишима. Показательно, что в пробах из слоя кровли сооружений не отмечено увеличения доли макроостатков осок или тростника, рогоза и других прибрежных растений, которыми могли покрывать крышу. По-видимому, жители обоих периодов обитания не использовали для перекрытия травяные снопы. На основании сходства состава растительных макроостатков внутри сооружения и на уровне крыши более вероятно предположить укладку на крышу дерна и расселение на нем сопутствующих сорняков.

Таким образом, результаты анализа растительных макроостатков согласуются с палинологическими данными. На протяжении первой и второй фаз обитания поселок функционировал в окружении разнотравных лугов, рядом не было крупных лесных массивов, поселение располагалось у активного русла реки, ее берега были свободны от прибрежных зарослей. В раннем железном веке хозяйственная деятельность была более интенсивной, что привело к увеличению доли сорной растительности около жилья.

Насыщенность слоев костями рыб

Во всех пробах из сооружений было обнаружено очень много мелких костей рыб; кроме того, найдены скопления чешуи, кости в содержимом сосудов и в скоплении копролитов. Большая часть из них не может быть использована для определения состава употреблявшейся рыбы из-за раздробленности. Однако проведен анализ насыщенности культурных отложений городища костями рыб. Средняя насыщенность отложений в нижней части красноозерского жилища составила 7,25 % от массы грунта и 0,02 % от его объема. Насыщенность лихачевского культурного слоя в сооружениях — 7,03 и 0,02 % соответственно. Результаты показали, что доля костей рыб в культурных слоях практически одинакова для обоих периодов обитания. Данный факт может свидетельствовать о том, что жители поселка потребляли рыбу примерно в равных количествах как в переходное время, так и в раннем железном веке. Таким образом, констатируем, что, несмотря на различия в экономике на разных этапах обитания поселения [Цембалюк, 2015а], возможность для рыбной ловли всегда использовалась людьми в полной мере.

Обсуждение

Полученные палеоботанические данные не единственные в Приишимье, ранее состав пыльцы из культурного слоя красноозерской культуры исследован на поселении Мергень 6 [Рябогина, Иванов, 2011], также анализ макроостатков и пыльцы выполнен для первого этапа обитания поселения Борки 1 (слой с совместным залеганием керамики с сузгунской и крестовой орнаментацией) [Рябогина и др., 2015] (рис. 1, 1, 2). Оба памятника расположены севернее городища Марай 1, в современной подтайге и северной лесостепи, поэтому их данные демонстрируют интересные широтные различия в природном окружении поселенцев на берегах Ишима близкого хронологического диапазона. Так, установлено, что и само поселение Борки 1 было построено под пологом березового леса, и, вероятно, вокруг поселка в IX–VIII вв. до н.э. преобладали мелколиственные леса; некоторые признаки указывают на обмеление и зарастание русла реки в это время. Таким образом, логично предположить, что хозяйство жителей поселения ориентировалось на охоту и рыболовство.

Верхний культурный слой поселения Мергень 6 соотносится с более поздним вариантом красноозерской культуры [Зах, Зимина, 2014] и содержит палинокомплекс, адекватный полуоткрытым ландшафтам, со значительно меньшей долей лесов, чем в настоящее время. Интересно, что именно на этом памятнике к переходному периоду между бронзовым и ранним железным веком приурочены резкие пики пыльцы сорняков, связанных с выпасом (подорожник, клевер, чертополох). Палинологические материалы указывают на серьезную пастбищную нагрузку около поселения, что может говорить о содержании значительного количества скота.

Анализ макроостатков и пыльцы из культурных слоев городища Марай 1 показал, что на протяжении двух этапов обитания поселение окружали открытые лесостепные ландшафты с доминированием разнотравных лугов. Сравнение карпоидов с городища Марай 1 и других памятников из степной (городище Каменный Амбар [Rühl, 2015]) и лесной (Борки 1 [Рябогина и др., 2015, с. 160–161]) полосы выявляет заметные различия в растительности, окружающей эти памятники. В материалах городища Марай 1 не обнаружено типичных степных растений, харак-

Природное окружение населения Приишимья на рубеже бронзового и железного веков...

терных для макроостатков с Каменного Амбара, и комплекса лесных растений, присутствующих в пробах с городища Борки 1.

В целом реконструкция локальных природных условий около поселения Марай 1 на рубеже бронзового и раннего железного веков не выявила признаков экологического кризиса или значительных изменений облика ландшафтов, которые могли бы быть причиной реверса к присваивающему хозяйству. В то же время, по-видимому, обширные разливы и подтопления в пойме имели место. Учитывая расположение памятника, окруженного с двух сторон речными долинами, полагаем, что продолжительное затопление могло создавать препятствия для выпаса достаточного количества домашних животных в пойме. Однако и в таком случае скот мог быть обеспечен пастбищами большую часть лета. Переориентация на охоту на диких копытных не была синхронна появлению лесных массивов вдоль долины Ишима. Лось и сейчас заходит на территорию лесостепной зоны, а косуля изначально является наиболее многочисленным видом копытных лесостепи [Косинцев, Стефанов, 1989]. Мы склонны согласиться с мнением, что кроме потребности в дополнительном источнике мяса имелись и другие мотивы для охоты на таких крупных копытных, как лось [Там же], не связанные с похолоданием и расширением их ареала на юг. Своеобразие хозяйства населения красноозерской культуры, образовавшейся в результате синтеза культур местных скотоводов и пришедших с севера групп таежных рыбаков и охотников, было детерминировано не столько местными природными условиями, сколько культурным влиянием пришлого населения. Тем более что относительное богатство биологических ресурсов лесостепной зоны Западной Сибири способствовало сохранению традиционных для мигрантов видов хозяйственной деятельности довольно долго. Вероятно, в процессе дальнейшего развития красноозерской культуры происходит «перемалывание» пришлой северной традиции и формирование в результате комплексов журавлевского типа (Ласточкино Гнездо, Боровлянка 2, Борки 2) [Цембалюк, Берлина, 2014], в хозяйственном укладе носителей которых уже доминирует скотоводство. Позднее, в раннем железном веке, действительно несколько увеличилась доля лесов в ближайшем окружении поселения Марай 1, что потенциально создавало большие возможности для охоты. Однако, судя по археозоологическим данным, охота не играла существенной роли в хозяйстве. Соотношение доли леса и степи является хорошим маркером увеличения увлажнения, поэтому можно предположить, что в IV–III вв. до н.э. остепненные луга на террасах стали более приемлемы для выпаса. Употребление рыбы однозначно было одной из важных составляющих в питании жителей обеих фаз обитания поселения Марай 1, причем независимо от основной ориентации хозяйства. Отчасти локализация поселка на берегу активного в то время русла Ишима была связана с доступностью этого ресурса. Скорее всего, уже в раннем железном веке этот участок русла начал отделяться в старицу, а берег — зарастать прибрежной растительностью.

Рассматривая реконструкции природной обстановки по палинологическим данным природных архивов, видим, что наибольшую проблему представляет датирование интервала начала изменения растительности на рубеже бронзового и раннего железного веков в разных районах Западной Сибири. Так, в Притоболье [Ryabogina et al., 2008] похолодание и увеличение доли лесов выделено в широком хронологической диапозоне от 3100 до 2700 л.н. (некалиброванные даты) и было очень плавным. В Барабинской лесостепи постепенное увеличение доли березовых лесов на фоне уменьшения маркеров степных биомов в пыльцевых спектрах выявлено с 4700 л.н. и до 2100 calBP [Zhilich et al., 2017]. Южнее, в Кулундинской степи, увеличение роли компонентов лесного биома, интерпретируемое как похолодание и увлажнение, отмечено около 3700–2000 calBP [Rudaya et al., 2012]. Следовательно, пока нет достаточных оснований считать, что серьезный климатический перелом произошел именно на рубеже бронзового и раннего железного веков. Однако не вызывает сомнений, что уже в раннем железном веке повсеместно в южных районах Западной Сибири увеличивается доля лесов, в том числе хвойных.

Благодарности

Авторы искренне признательны коллегам Astrid Stobbe и Lisa Rühl (Goethe-Universität, Frankfurt) за содействие в проведении полевых работ и консультации, а также выражают благодарность Robert N. Spengler III (Washington University, St. Louis) за помощь в идентификации макроостатков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афонин А.С., Иванов С.Н., Цембалюк С.И. Макроостатки городища Марай 1: Методика и первые результаты // Экология древних и традиционных обществ: Материалы V Междунар. науч. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. Вып. 5. Ч. 1. С. 80–83.
- Бакулин В.В., Козин В.В. География Тюменской области. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во 1996. 240 с.
- Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // Рос. археол. ежегодник. 2013. № 3. С. 212–232.
- Зах В.А., Зимина О.Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 47–57.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зах В.А. Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 17–26.
- Косинцев П.А., Стефанов В.И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 105–119.
- Лебедева Е.Ю. Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН. 2009. Вып. 1. С. 258–267.
- Молодин В.И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 22–24.
- Пыльцевой анализ / Под ред. И.М. Покровской. М., 1950. 479 с.
- Рябогина Н.Е. Спорыно-пыльцевые данные торфов и почв — как объектов для реконструкции лесостепной растительности в голоцене // Материалы конференции «Динамика современных экосистем в голоцене». Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 101–108.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С. Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергень 6 в Тюменском Приишимье // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 403–405.
- Сергушева Е.А. Археоботаника: Теория и практика. Научно-метод. изд. Владивосток: Дальнаука, 2013. 82 с.
- Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор 1 : (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 63–76.
- Тупицын С.С., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Поверхностные спорыно-пыльцевые спектры на границе леса и степи Западной Сибири // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.science-education.ru/128-21689.
- Цембалюк С.И. Байтовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 20 с.
- Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 43–54.
- Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.
- Эрисман Ф. Лебеда, лебедный хлеб // Энцикл. словарь Брокгауз и Ефрон. Полутом 33, 1896.
- Grimm E.C. TILIA and TILIA GRAPH.PC spreadsheet and graphics software for pollen data // INQUA, Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter. 1990. 4. P. 5–7.
- Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Mid-late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: Vegetation, climate and humans // Quaternary Science Reviews. 2012. 48. P. 32–42.
- Rühl L., Herbig C., Stobbe A. Archaeobotanical analysis of plant use at Kamennyi Ambar, a Bronze Age fortified settlement of the Sintashta culture in the southern Trans-Urals steppe, Russia // Vegetation History and Archaeobotany. 2015. 24. P. 413–426.
- Ryabogina N.E., Larin S.I., Ivanov S.N. Landscape and climatic changes on southern border of taiga in Western Siberia on the middle-late holocen // Man and environment in boreal forest zone: Past, present and future. International Conference, Central Forest State Natural Biosphere Reserve, Russia. Institute of Geography RAS, A.N. Severtsov Institute for Ecology and Evolution RAS. Moscow, 2008. P. 79–82.
- Ryabogina N., Ivanov S., Larin S., Larina N., Klimin M. Diagnostics of ratio of forest and steppe biomes in the second half of the Holocene according to natural archives from Western Siberia // 9th European Palaeobotany-Palynology conference. Padova: University of Padova, 2014. P. 239–240.
- Ryabogina N.E., Ivanov S.N. Ancient agriculture in Western Siberia: Problems of argumentation, paleoethnobotanic methods, and analysis of data // Archaeology, ethnology & anthropology of Eurasia. 2011. 39/4. P. 96–106.

Природное окружение населения Приишимья на рубеже бронзового и железного веков...

Spengler R.N.III, Ryabogina N.E., Tarasov P.E., Wagner M. The spread of agriculture into northern Central Asia: Timing, pathways, and environmental feedbacks // *The Holocene*. 2016. Vol. 26. Iss. 10. P. 1527–1540.

Zhilich S., Rudaya N., Krivonogov S., Nazarova L., Pozdnyakov D. Environmental dynamics of the Baraba forest-steppe (Siberia) over the last 8000 years and their impact on the types of economic life of the population // *Quaternary Science Reviews*. 2017.163. P. 152–161.

A.S. Afonin, S.N. Ivanov, N.E. Ryabogina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: hawk_lex@list.ru;

ivassenik@rambler.ru;

nataly.ryabogina@gmail.com

ENVIRONMENTAL CONDITIONS IN THE TRANSITION PERIOD BETWEEN THE BRONZE AND THE IRON AGE IN THE ISHIM RIVER BASIN, WESTERN SIBERIA (according to the on-site paleobotanical data from the settlement of Marai 1)

The paper focuses on the new archaeobotanical data of the environment near the hillfort of Marai 1 and on evaluation of their role in the paleoeconomic changes in the forest-steppe area in the transition period from the Bronze to the Iron Age. Archaeological materials of the cultural layers characterize various paleoeconomic models which existed in the same landscape niche with a four-century interval. We compared the bottom and the roof level of semi-dugouts by the composition of archaeobotanical macro-remains of two habitation phase: the transition period from the Bronze Age to the Iron Age (IX — the beginning of the VIII century BC), and the Early Iron Age (IV–III century BC). Plant macro analysis revealed that the village was surrounded by grass and forbs meadows during the first and the second occupation phases, the local living environment did not change significantly. The economic activity was more intensive in the early Iron Age, which caused an increase in the proportion of weeds near the dwellings. Not many coastal and aquatic plants were discovered at the roof level, which is indicative that the roof was covered the sod, and cane or reed sheaves were not used. The analysis of saturation with fish bones of the cultural layer into dwellings floor showed equal results for both habitation periods. Basing on pollen and spore data of the cultural layers, we can say that the settlement was surrounded by open forest-steppe landscapes during two occupation phases. Meadow and steppe were the main vegetation background, with a significant share of wet meadows in the flood plain. There were only small birch forests in the immediate vicinity of the settlement in the transition period between the Bronze and the Early Iron Age, but the share of forests near the hillfort of Marai 1 began to increase in the Early Iron Age. In general, the reconstruction of local environmental conditions near Marai 1 in the transition period between the Bronze and the Early Iron Ages did not show any signs of an ecological crisis or significant changes in the appearance of landscapes which could cause a return to an appropriating economy. Therefore, reorientation to hunt elk and roe was not synchronized with a widespread appearance of forest along the Ishim River valley. The economy specificity of population of the Krasnoozersk culture, formed as a synthesis among the local pastoralists and groups of taiga fishermen and hunters who came from the North, was not so much determined by natural conditions as by the influence of the newcomers. Later, in the Early Iron Age, there was indeed a slight increase in the proportion of forests in the immediate vicinity of Marai 1 settlement, despite this, livestock breeding was a basis of the hillforts' economy. Fish was unambiguously one of the important components in the diet of the population during both habitation phases, regardless of the basic economic orientation. Thus, there is no reasonable basis yet for indicating that a serious climatic cataclysm dramatically changed the habitat of the population of the Ishim River basin at the boundary between the Bronze and the Early Iron Age.

Key words: environment, macro-remains, palynology, the boundary of the Bronze and the Iron Ages, paleoeconomy, forest-steppe, Western Siberia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-162-175

REFERENCES

Afonin A.S., Ivanov S.N., Tsembaliuk S.I., 2016. Makroostatki gorodishcha Marai 1: Metodika i pervye rezul'taty [Macro-remains of the Marai 1 settlement: Methods and first results]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 5, ch. 1, Tyumen': Izdatel'stvo TiumGU, pp. 80–83.

Bakulin V.V., Kozin V.V., 1996. *Geografiya Tiumenskoj oblasti* [Geography of the Tyumen region], Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 240 p.

Epimakhov A.V., Tairov A.D., 2013. K voprosu o perekhode ot bronzovogo k rannemu zheleznomu veku v Uralo-Irtyshskom mezhdurech'e (step' i lesostep') [On the issue on the transition period from the bronze to the early Iron Age in the Ural-Irtysh interfluvium (steppe and forest-steppe)]. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, no. 3, pp. 212–232.

- Erisman F., 1896. Lebeda, lebednyi khleb [Quinoa, bread from quinoa]. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauz i Efron*, vol. 33.
- Grimm E.C., 1990. TILIA and TILIA GRAPH.PC spreadsheet and graphics software for pollen data. *INQUA*, Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter, vol. 4, pp. 5–7.
- Kosintsev P.A., Stefanov V.I., 1989. Osobennosti khoziaistva naseleniia lesnogo Zaural'ia i priishimskoi lesostepi v perekhodnoe vremia ot bronzovogo veka k zheleznomu [Specific features of paleoeconomy in the forest Trans-Ural and forest-steppe in the Ishim basin during the transition from the Bronze to the Iron Age]. *Stanovlenie i razvitiie proizvodshchego khoziaistva na Urale*, Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 105–119.
- Lebedeva E.Iu., 2009. Rekomendatsii po sboru obraztsov dlia arkhobotanicheskogo analiza [Recommendations for the collection of samples for the archaeobotanical analysis]. *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov*, 1, Moscow: IA RAN, pp. 258–267.
- Molodin V.I., 2010. Ekologicheskii "stress" na rubezhe II–I tys. do n.e. i ego vliianie na etnokul'turnye i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy u narodov Zapadnoi Sibiri [Ecological "stress" at the turn of the II–I millennium BC and its influence on the ethno-cultural and socio-economic processes among the peoples of Western Siberia]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy*, Tomsk: Agraf-Press, pp. 22–24.
- Pokrovskaya I.M., 1950, (ed.). *Pyl'tsevoi analiz* [Pollen analysis], Moscow, 479 p.
- Riabogina N.E., 2010. Sporovo-pyl'tsevye dannye torfov i pochv — kak ob'ektov dlia rekonstruktsii lesostepnoi rastitel'nosti v golotsene [Spore-pollen data of peat and soil — as objects for the reconstruction of forest-steppe vegetation in the Holocene]. *Materialy konferentsii «Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene»*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 101–108.
- Riabogina N.E., Ivanov S.N., Iakimov A.S., 2011. Rekonstruktsiia paleoekologicheskikh uslovii i sredy obitaniia na mnogosloinnoe poselenii Mergen' 6 v Tiimenskom Priishim'e [Reconstruction of the paleoecological environmental and habitat conditions in the multi-layered settlement of Mergen 6 in the Tyumen Ishim Basin]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda*, vol. 2, St. Petersburg; Moscow; Vel. Novgorod, pp. 403–405.
- Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L., 2012. Mid-late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: Vegetation, climate and humans. *Quaternary Science Reviews*, vol. 48, pp. 32–42.
- Rühl L., Herbig C., Stobbe A., 2015. Archaeobotanical analysis of plant use at Kamennyi Ambar, a Bronze Age fortified settlement of the Sintashta culture in the southern Trans-Urals steppe, Russia. *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 24, pp. 413–426.
- Riabogina N.E., Larin S.I., Ivanov S.N., 2008. Landscape and climatic changes on southern border of taiga in Western Siberia on the middle-late holocen. *Man and environment in boreal forest zone: Past, present and future. International Conference, Central Forest State Natural Biosphere Reserve, Russia*, Moscow, pp. 79–82.
- Riabogina N., Ivanov S., Larin S., Larina N., Klimin M., 2014. Diagnostics of ratio of forest and steppe biomes in the second half of the Holocene according to natural archives from Western Siberia. *9th European Palaeobotany-Palynology conference*, Padova: University of Padova, pp. 239–240.
- Riabogina N.E., Ivanov S.N., 2011. Ancient agriculture in Western Siberia: Problems of argumentation, paleoethnobotanic methods, and analysis of data. *Archaeology, ethnology & anthropology of Eurasia*, vol. 39 (4), pp. 96–106.
- Sergusheva E.A., 2013. *Arkhobotanika: Teoriia i praktika* [Archeobotany: Theory and Practice], Vladivostok: Dal'nauka, 82 p.
- Spengler R.N.III, Ryabogina N.E., Tarasov P.E., Wagner M., 2016. The spread of agriculture into northern Central Asia: Timing, pathways, and environmental feedbacks. *The Holocene*, vol. 26, no. 10, pp. 1527–1540.
- Trufanov A.Ia., 1983. Zhertvennoe mesto Khutor Bor 1: (O kul'turno-khronologicheskome svoebrazii pamiatnikov epokhi pozdnei bronzy lesnogo Priirtysh'ia) [Sacrificial place Khutor Bor 1: (About cultural and chronological distinctiveness of the Late Bronze Age archaeological sites in the forest Irtysh Basin)]. *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 63–76.
- Tsembaliuk S.I., 2015. Khoziaistvo i byt naseleniia krasnoozerskoi kul'tury (po materialam poseleniia Marai 1 v Nizhnem Priishim'e) [The economy and living conditions of the Krasnoozersk culture population (based on the materials of the settlement of Maray 1 in the Lower Ishim basin)]. *Rossiiskaia arkhologiya*, no. 3, pp. 43–54.
- Tsembaliuk S.I., 2017. Baitovskaia kul'tura nachala rannego zhelezhnogo veka v lesostepnom i podtaezhnom Pritobol'e [Baitovskaya culture of the beginning of the early Iron Age in the forest-steppe and subtaiga in the Tobol basin]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Novosibirsk, 20 p.
- Tsembaliuk S.I., Berlina S.V., 2014. Kompleks rannego zhelezhnogo veka gorodishcha Likhachevskoe v Priishim'e [Complex of the Early Iron Age of the Likhachevskoye Hillfort in the Ishim basin]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (26), pp. 55–65.
- Tupitsyn S.S., Riabogina N.E., Ivanov S.N., 2015. Poverkhnostnye sporovo-pyl'tsevye spektry na granitse lesa i stepi Zapadnoi Sibiri [Surface pollen spectra at the border of Western Siberia forest and steppes]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 5, available at: www.science-education.ru/128-21689.

Природное окружение населения Приишимья на рубеже бронзового и железного веков...

Zakh V.A., 2012. Periody transformatsii v istorii drevnikh obshchestv Tobolo-Ishim'ia v golotsene [Periods of transformations in the history of ancient societies from Tobol-and-Ishim basin in the Holocene]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (19), pp. 17–26.

Zakh V.A., Zimina O.Iu., 2014. Rannii kompleks krasnoozerskoi kul'tury poseleniia Mergen' 2 v Priishim'e [Early complex of the krasnoozersky culture from the settlement of Mergen 2 in the low Ishim basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (27), pp. 47–57.

Zakh V.A., Zimina O.Iu., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V., 2008. *Landshafty golotsena i vzaimodeistvie kul'tur v Tobolo-ishimskom mezhdurech'e* [Holocene landscapes and cultural interaction in the Tobol-Ishim interfluvium], Novosibirsk: Nauka, 212 p.

Zhilich S., Rudaya N., Krivonogov S., Nazarova L., Pozdnyakov D., 2017. Environmental dynamics of the Baraba forest-steppe (Siberia) over the last 8000 years and their impact on the types of economic life of the population. *Quaternary Science Reviews*, vol. 163, pp. 152–161.

А.Ю. Рассадников

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: iia-history@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ БОЛЬШАЯ БЕРЕЗОВАЯ-2, МАЛАЯ БЕРЕЗОВАЯ-4 И АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ-II В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Вводятся в научный оборот результаты обработки археозоологических коллекций трех поселений позднего бронзового века Южного Зауралья. Особый акцент при исследовании сделан на палеопатологическом анализе и обсуждении явления остеофагии среди домашних копытных. Предложены модели скотоводства для рассматриваемых поселений. Изучение коллекций всех трех памятников показало, что они являются поселениями скотоводов с ведущей ролью животноводства в системе пищеобеспечения. Система и традиции животноводства были относительно едиными на всех поселениях и во все представленные культурно-хронологические периоды. Палеопатологический анализ не выявил неудовлетворительных условий содержания и проблем со здоровьем у домашнего скота. Наличие остеофагии среди домашних копытных косвенно может указывать на молочную эксплуатацию коров и круглогодичное содержание части скота на поселениях.

Ключевые слова: бронзовый век, Южное Зауралье, алакульская культура, археозоология, животноводство, остеофагия копытных, палеопатология.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-176-185

Введение

Почти из трех десятков исследованных поселений классического и финального этапов позднего бронзового века (далее ПБВ) Южного Зауралья опубликованные археозоологические данные есть лишь для поселений Кулевчи III [Косинцев, 1989] и Дружный I [Германов, 1995]. Остеологические спектры упоминаются также при характеристике поселений Мирный II–IV [Стефанов, 1996; Косинцев, 2003]. Анализ и обсуждение археозоологических материалов поселений Большая Березовая-2, Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II позволяет дополнить представления о животноводстве и системе пищеобеспечения ПБВ региона и уменьшить диспропорцию между количеством раскопанных поселений ПБВ Южного Зауралья и степенью их археозоологической изученности.

Главной целью работы являются введение в научный оборот результатов анализа археозоологических коллекций трех указанных поселений и реконструкция животноводства ПБВ Южного Зауралья.

Археологический контекст

Поселения Малая Березовая-4, Большая Березовая-2 и Александро-Невское-II расположены компактной группой в Нагайбакском районе Челябинской области на левом берегу р. Гумбейки в ее среднем течении и входят в археологический микрорайон у горы Березовой [Алаева, 2015, с. 136] в степной зоне Южного Зауралья. Памятники исследовались экспедициями под руководством И.П. Алаевой.

Большая Березовая-2 и Малая Березовая-4 относятся к многослойным поселениям развитого этапа ПБВ Южного Зауралья [Алаева, 2015, с. 84]. Слои поселения Большая Березовая-2 содержат преимущественно керамику алакульской культуры, в комплексе присутствует также керамика срубной культуры и финала ПБВ [Алаева, 2015, с. 30]. На поселении Малая Березовая-4 исследованы две постройки, котлованы которых были сооружены в алакульское время и повторно использовались в финале ПБВ (саргаринско-алексеевская и межовская культуры) [Там же, с. 28]. На поселении Александро-Невское-II рекогносцировочным раскопом изучены зольник срубно-алакульского времени и часть постройки финала ПБВ [Там же, с. 31]. Археозоологические коллекции поселений Малая Березовая-4 и Александро-Невское ввиду невозможно-

Результаты археозоологических исследований на поселениях...

сти точного деления материала на культурно-хронологические периоды имеют характер смешанных комплексов.

Методика

Коллекции обработаны по методике лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН. Возраст забоя домашних копытных определялся по системе прорезания щечных зубов и состоянию эпифизов [Silver, 1969]. Промеры костей осуществлялись по методике А. Дриш [Driesch, 1976]. При реконструкции размеров домашних копытных использовались коэффициенты для таранной кости и метаподий [Цалкин, 1960, 1970; Teichert, 1975].

Количественные объемы археозоологических коллекций поселений Большая Березовая-2 и Малая Березовая-4 являются репрезентативными. Объем коллекции поселения Александровское-II насчитывает 183 кости, что меньше минимального количественного порога для формулировки объективных выводов [Косинцев и др., 1989, с. 139; Антипина и др., 2005, с. 72]. Безусловно, маленький объем выборки Александровского-II может влиять на объективность таких показателей, как спектр возраста забоя домашних копытных.

Тафономические особенности

Большая часть всего костного материала (от 57,9 до 89 %) на всех трех поселениях имеет отличную степень естественной сохранности по шкале К. Behrensmeyer [Behrensmeyer, 1978].

Результаты

Таксономический состав археозоологической коллекции

В табл. 1, представляющую остеологические спектры, включены также определения Л.Л. Гайдученко по материалам поселения Малая Березовая-4 из раскопок 2003 г. Данные приведены без деления на культурно-хронологические комплексы (материал предоставлен И.П. Алаевой). Другие определения по этому году раскопок отсутствуют.

Общими чертами коллекций всех трех поселков являются существенное преобладание определимых костей, преобладание костей домашних копытных среди определимых костей и единичность костей диких видов (табл. 1). Во всех трех комплексах постоянно присутствующими домашними животными являются крупный рогатый скот (*Bos taurus*), мелкий рогатый скот (*Capra et Ovis*) и овца (*Ovis aries*), лошадь (*Equus caballus*) и собака (*Canis familiaris*). Кости свиньи (*Sus scrofa* f. *domestica*) и козы (*Capra hircus*) отсутствуют только на поселении Александровское-II. Дикие виды представлены единичными костями волка (*Canis lupus*) и бобра (*Castor fiber*) на поселении Малая Березовая-4. Среди костей диких видов в определениях Л.Л. Гайдученко наблюдается иное соотношение животных, присутствуют единичные кости кабана (*Sus scrofa ferus* L.) — 6 экз., кулана (*Equus hemionus*) — 8 экз., сайги (*Saiga tatarica*) — 6 экз., лисицы (*Vulpes vulpes*) — 5 экз., корсака (*Vulpes corsac*) — 4 экз. и зайца (*Lepus timidus*) — 6 экз. В определениях Л.Л. Гайдученко также наблюдается совершенно другое соотношение определимых и неопределимых костей (табл. 1).

Таблица 1

Остеологические спектры поселений у горы Березовой

	Большая Березовая-2	Малая Березовая-4	Малая Березовая-4 (2003 г.; определения Л.Л. Гайдученко)	Александровское-II
	Экз./%	Экз./%	Экз./%	Экз./%
Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus</i>	528/47,6	810/43,9	1875/26,4	81/44,2
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	343/30,9	600/32,5	2031/28,6	61/36,0
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	56/5,0	98/5,3	351/4,9	8/3,8
Свинья — <i>Sus scrofa</i> f. <i>domestica</i>	8/0,7	6/0,3	0	0
Собака — <i>Canis familiaris</i>	2/0,2	15/0,8	12/0,16	2/1,1
Дикие виды	0	2/0,1	35/0,5	0
Неопределимые — <i>Mammalia indet.</i>	171/15,4	314/17,0	2791/39,3	22/14,7
Всего, экз.	1108	1845	7095	174

Возраст забоя домашних копытных

Крупный рогатый скот. Соотношение возрастных групп забитых животных на поселениях Большая Березовая-2 и Малая Березовая-4 относительно сходно и характеризуется существ-

венным преобладанием доли взрослых особей. На поселении Александро-Невское-II наблюдается превалирование забоя группы молодых животных (табл. 2).

Таблица 2

Возраст забоя крупного рогатого скота на поселениях у горы Березовой, %

Состояние зубной системы	Возраст, мес.	Большая Березовая-2	Малая Березовая-4	Александро-Невское-II
Есть М3	Более 30	59,4	62,5	40
Есть М2, нет М3	18–30	29,7	29,1	48
Есть М1, нет М2	6–18	10,8	4,1	12
Нет М1	Менее 6	0	4,1	0
Количество костей, экз.		37	24	25

Таблица 3

Возраст забоя мелкого рогатого скота на поселениях у горы Березовой, %

Состояние зубной системы	Возраст, мес.	Большая Березовая-2	Малая Березовая-4	Александро-Невское-II
Есть М3	Более 30	48,7	62,1	66,6
Есть М2, нет М3	18–30	46,1	20,6	33,3
Есть М1, нет М2	6–18	5,1	17,2	0
Нет М1	Менее 6	0	0	0
Количество костей, экз.		39	29	12

Соотношение возрастных групп забитого мелкого рогатого скота демонстрирует довольно существенные различия между некоторыми поселениями. Если на поселении Большая Березовая-2 фиксируется примерно равное соотношение молодых и взрослых животных, то на поселениях Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II существенно выше процент забитых взрослых особей среди овец и коз (табл. 3).

Для всех трех рассматриваемых поселений наблюдается превалирование забоя взрослых особей среди лошадей (табл. 4).

Таблица 4

Возраст забоя лошади на поселениях у горы Березовой, %

Возраст по состоянию зубной системы	Большая Березовая-2	Малая Березовая-4	Александро-Невское-II	
Молодой	19,3	23,1	12,5	
Полумолодой	16,1	15,3	0	
Взрослый	45,1	53,8	50,0	
Старый	19,3	7,6	37,5	
Количество костей, экз.		31	13	8

Данные по прирастанию эпифизов. Среди костей крупного рогатого скота на поселении Большая Березовая-2 единственная представительная серия получена лишь для метаподий (22 экз.). Данные по ним свидетельствуют о преимущественном забое скота после достижения им возраста 2–2,5 года. До этого возраста забоя практически не было. Данные по мелкому рогатому скоту и лошади непредставительны.

Анализ состояния эпифиза для крупного рогатого скота по лучевой, бедренной, берцовой костям и метаподиям на поселении Малая Березовая-4 свидетельствует о преобладании забоя особей в период между возрастом 2–2,5 года и 3,5–4 года.

Для мелкого рогатого скота наиболее представительная серия получена для метаподий (15 экз.). Состояние эпифиза показывает, что примерно половина животных забивалась до наступления ими двухлетнего возраста.

Соотношение отделов скелета домашних копытных

Соотношение отделов скелета крупного рогатого скота демонстрирует относительно единые тенденции для всех трех поселков — превалирование дистального отдела конечностей и головы (табл. 5). Спектры данных по скелету мелкого рогатого скота также сходны для всех трех рассматриваемых памятников. Главным отличием от спектров крупного рогатого скота является превалирование проксимального отдела конечностей и более низкие показатели отдела

Результаты археозоологических исследований на поселениях...

головы (табл. 6). Соотношение отделов скелета лошади определено только для поселений Большая Березовая-2 и Малая Березовая-4 (табл. 7). По ним отмечаются разные тенденции в соотношении отделов (табл. 7).

Таблица 5

Соотношение отделов скелета крупного рогатого скота на поселениях у горы Березовой, %

Отдел скелета	Большая Березовая-2	Малая Березовая-4	Александро-Невское-II
Голова	21,5	17,5	17,2
Зубы	21,7	21,8	22,2
Туловище	14,2	11,9	22,2
Проксимальный отдел	18,5	17,3	17,2
Дистальный отдел	24,1	31,5	20,9
Количество костей, экз.	528	810	81

Таблица 6

Соотношение отделов скелета мелкого рогатого скота на поселениях у горы Березовой, %

Отдел скелета	Большая Березовая-2	Малая Березовая-4	Александро-Невское-II
Голова	15,1	15,6	18,0
Зубы	11,9	15,8	14,7
Туловище	18,9	13,8	11,4
Проксимальный отдел	33,3	27,8	32,8
Дистальный отдел	20,6	26,6	24,5
Количество костей, экз.	343	600	66

Таблица 7

Соотношение отделов скелета лошади на поселениях у горы Березовой, %

Отдел скелета	Большая Березовая-2	Малая Березовая-4
Голова	10,7	5,1
Зубы	41,1	24,4
Туловище	25,0	9,1
Проксимальный отдел	5,3	22,4
Дистальный отдел	17,8	38,7
Количество костей, экз.	56	98

Морфологические особенности домашних копытных

Пригодных для измерения костей немного. Рост в холке крупного рогатого скота по одной пястной кости из поселения Большая Березовая-2 составляет 122,5 см. Реконструкция роста в холке по таранной кости показывает, что средний рост поголовья на поселении Большая Березовая-2 составлял 114 см, на поселениях Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II — 117,5 и 117,8 см соответственно (табл. 8). В целом можно отметить большие пределы изменчивости и большее среднее значение роста в холке у скота на поселении Малая Березовая-4 по сравнению с данными для Большой Березовой-2. Скорее всего, на это повлияло попадание в выборку костей как от относительно мелких коров, так и от крупных быков. Средний рост в холке, реконструируемый по таранной кости, для поголовья овец на поселении Большая Березовая-2 составляет 75,7 см и 71,9 см для Малой Березовой-4. На поселении Александро-Невское-II средний рост овцы составляет 72,5 см (табл. 9). Рост в холке козы составляет 65 см.

Таблица 8

Размеры таранной кости крупного рогатого скота на поселениях у горы Березовой, мм

Поселение	<i>n</i>	<i>Lim</i>	<i>M±m</i>	Высота в холке, см	Высота в холке средняя, см
Большая Березовая-2	7	57,9–65,2	61,3	107,6–121,2	114,0
Малая Березовая-4	16	53,7–70,3	63,2	99,8–130,7	117,5
Александро-Невское-II	2	61,6–65,2	63,4	114,5–121,2	117,8

Размеры таранной кости мелкого рогатого скота на поселениях у горы Березовой, мм

Поселение	<i>n</i>	<i>Lim</i>	<i>M±m</i>	Высота в холке, см	Высота в холке средняя, см
Большая Березовая-2	8	30,2–35,6	33,5	68,2–80,4	75,7
Малая Березовая-4	14	28,0–35,1	31,8	63,2–79,3	71,9
	<i>Коза</i>				
	2	28,6–29,0	28,8	64,6–65,5	65,0
Александро-Невское-II	2	30,9–33,2	32,1	69,8–75,3	72,5

Модификационные изменения костей

Костей с различными видами трансформаций на всех трех поселениях выделено относительно немного — от 3,7 % на Большой Березовой-2 до 18,5 % на Александро-Невском-II (10 % на поселении Малая Березовая-4). На поселении Большая Березовая-2 кости со следами погрыза собаками являются самой многочисленной категорией — 32,0 %. Второй наиболее многочисленный вид модификаций — воздействие огнем (20,7 %). На поселении Малая Березовая-4 кости со следами воздействия огня — самая распространенная категория — 30,6 %. На втором месте находятся кости, которые подверглись погрызу со стороны крупного рогатого скота, — 21,1 %. Кости со следами погрыза собаками составляют только 14,8 %. На поселении Александро-Невское-II в порядке убывания отмечены три самые многочисленные категории модифицированных костей: со следами воздействия огня — 64,7 %, погрыза коровами — 17,6 % и погрыза собаками — 5,8 %.

Косторезное ремесло

Наибольшее количество костяных изделий выявлено на поселении Малая Березовая-4 — 9 экз., шесть из которых являются ложилами из таранных костей овцы и мелкого рогатого скота. Остальные три артефакта являются фрагментами тупиков из нижних челюстей крупного рогатого скота (2 экз.) и лошади (1 экз.). На поселении Большая Березовая-2 выявлено четыре костяных изделия, три из которых являются ложилами из таранных костей мелкого рогатого скота. Оставшийся артефакт — фрагмент тупика из нижней челюсти крупного рогатого скота. На поселении Александро-Невское-II обнаружен шпатель из ребра крупного рогатого скота с заполированным краем [Алаева, 2015, с. 73].

Состояние здоровья поголовья скота и условия его содержания

Большая Березовая-2. Зафиксированы резец особи крупного рогатого скота с клиновидным дефектом [Лукьяновский, 1984, с. 150] и фрагмент верхней челюсти также особи крупного рогатого скота с неправильным прикусом (неправильный износ М³). Клиновидный дефект представляет собой неглубокую насечку от травы между коронкой и корнем зуба. Все три случая отклонений на костях мелкого рогатого скота относятся к зубной системе и представляют собой преждевременный износ первого премоляра нижней (2 экз.) и верхней (1 экз.) челюстей. Среди костей лошади зафиксирован второй нижний моляр с полостью в коронке, образовавшейся из-за разрушения дентина. Единственной выявленной патологией посткраниального скелета является вторая фаланга овцы с депрессией на дистальной суставной поверхности.

На поселении Малая Березовая-4 выявлено больше отклонений. Среди патологий зубной системы крупного рогатого скота зафиксировано воспаление стенки альвеолы D₄ на нижней челюсти теленка. В коллекции костей мелкого рогатого скота зафиксировано два случая воспаления стенок нижней челюсти и две нижние челюсти с повреждениями премоляров. В одном случае на нижней челюсти присутствуют преждевременный износ первого моляра, воспаление стенки альвеолярного ряда моляров и следы прижизненной потери двух первых премоляров в виде зарастания их альвеол. Также зафиксирован один случай депрессии на суставном отростке нижней челюсти особи мелкого рогатого скота.

Среди костей посткраниального скелета крупного рогатого скота выявлена одна карпальная кость с признаками дегенеративного поражения суставной поверхности, одна первая фаланга с расширением и деформацией проксимальной суставной поверхности, а также четыре случая депрессий на проксимальных и дистальных суставных поверхностях первых и вторых фаланг.

Среди костей посткраниального скелета овцы зафиксированы пять вторых фаланг с депрессиями на дистальной суставной поверхности

Результаты археозоологических исследований на поселениях...

На костях лошади отмечена патология в виде оссифицирующего периостита первой фаланги (воспаление надкостницы). Патология представляет собой костные новообразования по всей площади фаланги. Воспалительный процесс также затронул обе суставные поверхности.

Поселение Александро-Невское-II. Среди костей крупного рогатого скота найден резец с клиновидным дефектом и деформированный первый нижний моляр. На фрагменте нижней челюсти особи мелкого рогатого скота обнаружено свидетельство воспаления альвеолы. Единственная патология посткраниального скелета зафиксирована на второй фаланге овцы в виде депрессии на дистальной суставной поверхности.

Выявленные на всех трех поселениях депрессии на суставных поверхностях первых и вторых фаланг крупного и мелкого рогатого скота в палеопатологической литературе принято считать одной из форм проявления остеохондроза. Эти депрессии или небольшие ямки на суставной поверхности являются результатом нарушения эндохондрального окостенения и минерализации суставной ткани [Thomas et al., 2011, p. 52]. Это отклонение может являться результатом физиологического стресса, очень быстрого роста животных ввиду откармливания, условий окружающей среды или наследственных факторов [Ibid., p. 43]. Данная патология, скорее всего, не оказывала негативного влияния на здоровье животных [Ibid.].

Выявленные на поселении Малая Березовая-4 первая фаланга быка с деформацией и расширением проксимальной суставной поверхности и карпальная кость с дегенеративным поражением суставной поверхности могут являться свидетельством использования скота как тягловой силы [De Cupere et al., 2002, с. 305]. К тому же такое изменение не встречается у диких видов копытных [Johanssen, 2006, с. 37]. Однако, для того чтобы можно было с уверенностью говорить о подобном использовании крупного рогатого скота, требуется больше специфичных проявлений.

Выявленные случаи ротовых патологий овец и мелкого рогатого скота на поселениях Большая Березовая-2, Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II можно соотнести с зафиксированным на всех поселениях явлением остеофагии среди домашних копытных. Именно с остеофагией некоторые исследователи связывают воспалительные процессы на нижних челюстях, повреждение премоляров и моляров и их неравномерный износ [Caceres et al., 2013, с. 3107].

Остеофагия домашних копытных

В ходе обработки археозоологических коллекций трех рассматриваемых памятников были обнаружены кости со следами погрыза крупным и мелким рогатым скотом, а также кости со следами желудочных ферментов коровы. Остеофагией называется явление погрыза и поедания костей дикими и домашними копытными [Caceres et al., 2013; Juctus, 1990]. Остеофагия — врожденная особенность копытных всех размерных классов, связанная с травоядной диетой, не способной удовлетворять часть запросов организма животного [Caceres et al., 2013, с. 3115; Hutson et al., 2013, с. 4139]. Считается также, что поедание костей обусловлено в первую очередь дефицитом фосфора в организме и является способом поддержания баланса между кальцием и фосфором [Caceres et al., 2011, с. 2767; Hutson et al., 2013, с. 4139]. В поедании костей замечены как самки в период беременности и после нее, так и самцы в период активного роста рогов [Caceres et al., 2011, с. 2767; 2013, с. 3115].

На поселении Большая Березовая-2 обнаружено семь костей со следами погрыза домашними копытными (0,6 % от всех костей), на поселении Малая Березовая-4 — 40 подобных костей (2,1 % от всей коллекции, или 22 % от всех модифицированных костей), на поселении Александро-Невское-II — шесть костей (3,2 % от общего количества).

Ранее такие же кости были обнаружены на относительно близко расположенных к долине р. Гумбейки поселениях бронзового века Каменный Амбар и Коноплянка и соотнесены с аналогичными костями из современных коровьих и овечьих загонов.

Можно отбросить версию о том, что причиной остеофагии у домашних копытных на всех трех поселениях является особенность минерального состава почвы. Археологический микрорайон у горы Березовой находится довольно близко к биогеохимической провинции, в которую входит Брединский район Челябинской области. В 1950-х гг. в этом районе зафиксирована массовая остеоидиострофия крупного рогатого скота, вызванная особенностями минерального состава почв [Кабыш, 1967]. Остеофагия может являться наиболее ранним симптомом остеоидиострофии. Но относительно высокое количество костей со следами погрыза домашними копытными отмечено только на поселении Малая Березовая-4. Если причиной остеофагии была особен-

ность минерального состава почвы, то свидетельства остеофагии в большом количестве фиксировались бы на всех трех поселениях.

Наличие костей со следами погрыза крупным и мелким рогатым скотом в коллекциях всех трех поселений, вероятно, можно интерпретировать как врожденное неприщипываемое поведение копытных, усиленное молочной эксплуатацией коров (особенно на поселении Малая Березовая-4).

Осмотр современных загонов для крупного и мелкого рогатого скота в долине р. Карагайлы-Аят показал, что кости со следами погрыза коров и овец с козами находятся либо только на площади загона, либо только по его внешнему периметру. Исходя из этого полагаем, что находки таких костей в коллекциях поселений свидетельствуют о содержании скота на поселениях.

Кости со следами погрыза крупным и мелким рогатым скотом также могут косвенно указывать на время года, в которое скот мог находиться на поселениях. По словам пастухов, мелкий рогатый скот поедает кости весной и ранним летом. Проведенный мною в августе 2016 г. эксперимент показал отсутствие интереса копытных к брошенным в загон костям. В ходе же осмотра коровьих загонов в середине лета было обнаружено множество свидетельств погрыза свежих костей. В зарубежной литературе также удалось найти упоминание, что крупные копытные проявляют интерес к поеданию костей в сухой и жаркий период лета [Langman, 1978]. Все эти факты косвенно указывают на то, что скот мог содержаться на рассматриваемых поселениях в летний период. Однако для подтверждения данного предположения требуется дополнительное исследование.

Обсуждение

Судя по основным показателям археозоологических коллекций всех трех рассмотренных поселений, животноводство было единственным источником получения молочной и мясной продукции. Вклад охоты в систему жизнеобеспечения населения поселков был крайне незначительным. Характер разведения домашних копытных был различным. Так, отмечен мясомолочный характер разведения крупного рогатого скота на поселениях Большая Березовая-2 и Малая Березовая-4 и еще более выраженный мясной на поселении Александрово-Невское-II. Разведение мелкого рогатого скота имело мясомолочную направленность на поселениях Большая Березовая-2 и молочно-мясную на поселениях Малая Березовая-4 и Александрово-Невское-II. Вывод о таком характере эксплуатации домашних животных сделан на основании данных историографии вопроса, согласно которым мясомолочное разведение скота реконструируется при забое примерно 40 % молодых животных [Антипина, Лебедева, 2005, с. 72]. О прижизненной эксплуатации основных домашних копытных свидетельствует наличие в коллекциях костей старых особей. Превалирование группы взрослых лошадей среди забитых животных на всех трех поселениях, скорее всего, говорит об использовании физической силы лошадей. Вклад продукции свиньи в мясной рацион был крайне несущественным и, скорее всего, несистемным. По итогам анализа соотношения отделов скелета домашних копытных можно констатировать, что разделка животных происходила на поселениях. Традиции разделки и характер накопления мусорных костных остатков были относительно едиными на всех трех поселениях. Палеопатологический анализ показывает удовлетворительное состояние здоровья поголовья домашнего скота. Большая часть патологий на костях копытных имеют случайный либо воспалительный характер. Костяные изделия, выявленные при обработке остеологических коллекций и состоящие из лошадки из таранных костей мелкого рогатого скота и тупиков из нижних челюстей крупных домашних копытных, представляют собой артефакты, традиционные для поселений ПБВ Южного Зауралья и более широкой территории [Алаева, 2015, с. 73; Стефанов, 1996, с. 48].

Вопрос о форме скотоводства является наиболее сложным, и его решение может быть лишь предположительным. Остеофагия крупного и мелкого рогатого скота косвенно указывает на то, что скот выпасался вблизи поселений при постоянном содержании части животных на них. Такая система позволяла бы ежедневно доить коров и овец. Палеоботанические данные для близкой расположенной долины р. Карагайлы-Аят свидетельствуют об относительно влажном климате между 2400 и 1600 гг. до н.э. и о наличии богатых луговых степей в пойме реки [Stobbe et al., 2016, с. 3]. Вероятно, подобные условия были и в долине р. Гумбеики. Высокая продуктивность степной растительности могла благоприятствовать развитию придомной формы скотоводства, и степная растительность была способна выдерживать круглогодичный выпас скота. На поселении Большая Березовая-2 был найден серп [Алаева, 2015, с. 65], что позволяет говорить о заготовке кормов на зиму для скота. Однако на сегодняшний день нет оснований

для отрицания придомно-отгонной формы скотоводства у населения изучаемых поселков. Для более точных реконструкций формы скотоводства у населения долины р. Гумбейки в бронзовом веке необходимо провести изотопный анализ костей домашних копытных.

Заключение

Анализ археозоологических коллекций показал, что все три рассмотренных памятника являются поселениями скотоводов. Главным способом получения молочной и мясной продукции в алакульское время и более поздний период бронзового века у населения изучаемого микрорайона было животноводство. Система пищеобеспечения и традиции животноводства были относительно едиными на всех трех поселениях. Соотношение костей основных домашних копытных в остеологических спектрах сходно на всех обсуждаемых памятниках и сопоставимо с данными по множеству других поселений ПБВ восточно-европейской степи [Антипина, Моралес, 2005, с. 33]. Разведение крупного и мелкого рогатого скота имело преимущественно мясомолочный характер. Среди крупного и мелкого рогатого скота зафиксировано явление остеофагии — особенность всех копытных и свидетельство молочной эксплуатации скота. Все поголовье или его часть содержали на поселениях не только в зимний период, но и, вероятно, в летний. Скотоводство могло иметь придомную форму. Сравнение трех обсуждаемых поселков с другими ранее изученными поселениями классического этапа ПБВ Южного Зауралья показывает их общность в отношении остеологических спектров и животноводства как главного источника продуктов питания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алаева И.П.* Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. Т. 1, 2. 539 с.
- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: Модели взаимодействия // РА. 2005. С. 70–78.
- Антипина Е.Е., Моралес А.* «Ковбои» восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2005. № 4. С. 29–49.
- Германов П.Г., Косинцев П.А.* Костные остатки из поселения поздней бронзы Дружный I в Южном Зауралье // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: Материалы конф. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. V. Кн. 2. С. 116–118.
- Кабыш А.А.* Эндемическая остео дистрофия крупного рогатого скота на почве недостатка микроэлементов. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. 371 с.
- Косинцев П.А.* Предварительное сообщение о фауне поселения Кулевчи 3 // Использование методов естественных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1989. С. 57–63.
- Косинцев П.А.* Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2003. С. 157–175.
- Косинцев П.А., Стефанов В.И., Труфанов А.Я.* Репрезентативный объем остеологической выборки и устойчивость характеристик типа хозяйства и состава стада // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 138–141.
- Лукьяновский В.А.* Болезни костной системы животных. М.: Колос, 1984. 254 с.
- Стефанов В.И.* Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника «Аркаим». Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 43–64.
- Цалкин В.И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота в древности // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1960. Т. LXV. Вып. 1. С. 109–126.
- Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 279 с.
- Behrensmeyer K.* Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. № 4 (2). P. 150–162.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Fernandez-Jalvo Y.* Was it the deer or the fox? // Journal of Archaeol. Science. 2011. № 38. P. 2767–2774.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Monfort D., Pesquero M.D., Fernandez-Jalvo Y.* Osteophagia and dental wear in herbivores: Actualistic data and archaeological evidence // Journal of Archaeol. Science. 2013. № 40. P. 3105–3116.
- De Cupere B., Waelkens M.* Draught cattle and its osteological indications: The example of Sagalassos // Archaeozoology of the Near East: Proceedings of the Fifth international symposium on the archaeozoology of south-western Asia and adjacent areas. Netherlands, Groningen. 2002. P. 305–316.
- Driesch A.* A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Mus. Bull. 1976. Vol. 1. 137 p.

- Hutson J., Burke C., Haynes G. Osteophagia and bone modifications by giraffe and other large ungulates // *Journal of Archaeol. Science*. 2013. № 40. P. 4139–4149.
- Johanssen N. Draught cattle and the South Scandinavian economies of the 4th millennium BC // *Environmental Archaeology*. 2006. Vol. 11. № 1. P. 35–48.
- Juctus A., Turner E. A forked bone from middle palaeolithic levels in the Wannan Volcano (Rhineland-Palatinate) // *Cranium*. 1990. Vol. 7. № 2. P. 58–62.
- Langman V. Giraffe pica behavior and pathology as indicators of nutritional stress // *The Journal of Wildlife Management*. 1978. Vol. 42. № 1. P. 141–147.
- Silver I., 1969. The ageing of domestic animals // *Science in Archaeology*. 1969. P. 293-302.
- Stobbe A., Gumnior M., Ruhl L., Schneider H. Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia — Evidence from high-resolution palaeobotanical studies // *The Holocene*. 2016. P. 1–16.
- Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widerristhöhe bei Schafen // *Archaeological studies*. Amsterdam, North-Holland Publishing Company/Elsevier, 1975. P. 51–69.
- Thomas R., Johanssen N. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // *Intern. Journal of Paleopathology*. 2011. № 1. P. 43–54.

A.Yu. Rassadnikov

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: ralu87@mail.ru

RESULTS OF ARCHAEOZOOLOGICAL STUDIES IN THE SETTLEMENTS OF BOL'SHAYA BEREZOVAYA-2, MALAYA BEREZOVAYA-4 AND ALEKSANDRO-NEVSKOYE-II IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

The paper presents the results of studying archaeozoological collections from three settlements of the Late Bronze Age of the Southern Trans-Urals. The archaeozoological material comes from layers associated with the Alakul culture, the Srubno-Alakul period and the finale of the Late Bronze Age. A special emphasis is made in the study on paleopathological analysis of the bones of domestic animals and on discussion of the phenomenon of osteophagia among cattle and small cattle. The paper also suggests a cattle breeding model for a group of the settlements under consideration. For this reconstruction, in addition to archaeozoological collections and the osteophagia phenomenon, paleobotanical and ethnozoological parallels are also used. The study of collections showed that the inhabitants of all three settlements were sedentary pastoralists and that their livelihood during all the time of functioning of the settlements was livestock farming. Traditions and features of livestock farming were consistently unified in all settlements and in all periods of their habitat. Cattle and small cattle breeding was predominantly milk and meat oriented. According to the available data, the character and the role of horse breeding are difficult to reconstruct beforehand. Pig breeding was an insignificant direction of livestock breeding in all three settlements. The most probable model of cattle breeding is preliminary reconstructed as a homestead. One of the most important and interesting features of livestock breeding of all three settlements, which was identified processing the collections, is the phenomenon of osteophagia among cattle and small cattle. Osteophagia was revealed at all stages of functioning of the settlements in the Bronze Age. Previously, the main cause of osteophagia among domestic ungulates could be an intensive dairy exploitation of animals. Attraction of ethnozoological data made it possible to find out that osteophagia also indicates that cattle were kept in the settlements. Some evidence shows that detection of osteophagia can indirectly indicate the presence of animals in the summer. Paleopathological analysis did not reveal unsatisfactory conditions of livestock keeping in any of the settlements under consideration. Almost all pathologies found out are the results of accidental injuries and inflammatory processes. Some pathologies on the cattle bones from Malaya Berezovaya-4 settlement can indirectly indicate the use of bulls as working animals.

Key words: the Bronze Age, the Trans-Urals, the Alakul culture, archaeozoology, livestock farming, osteophagia in ungulates, paleopathology.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-176-185

REFERENCES

- Antipina E.E., Lebedeva E.Ju., 2005. Opyt kompleksnykh arkhеobiologicheskikh issledovaniy zemledeliya i skotovodstva: modeli vzaimodeystviya [Experience of complex archaeobiological studies of agriculture and cattle breeding: interaction models]. *RA*, no. 4, pp. 70–78.
- Antipina E.E., Morales A., 2005. «Kovboi» vostochnoevropeyskoy stepi v pozdnem bronzovom veke [«Cowboys» of the Eastern European steppe in the Late Bronze Age]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkhеologii*, no. 4, pp. 29–49.
- Behrensmeyer K., 1978. Taphonomic and ecologic information from bone weathering. *Paleobiology*, 4 (2), pp. 150–162.

Результаты археозоологических исследований на поселениях...

- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Fernandez-Jalvo Y., 2011. Was it the deer or the fox? *Journal of Archaeological Science*, no. 38, pp. 2767–2774.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Monfort D., Pesquero M.D., Fernandez-Jalvo Y., 2013. Osteophagia and dental wear in herbivores: Actualistic data and archaeological evidence. *Journal of Archaeological Science*, no. 40, pp. 3105–3116.
- De Cupere B., Waelkens M., 2002. Draught cattle and its osteological indications: The example of Sagalassos. *Archaeozoology of the Near East: Proceedings of the Fifth international symposium on the archaeozoology of southwestern Asia and adjacent areas*, Netherlands, Groningen, pp. 305–316.
- Driesch A., 1976. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. *Peabody Mus. Bull.*, vol. 1, Cambridge, Massachusetts, 137 p.
- Germanov P.G., Kosintsev P.A., 1995. Kostnyye ostatki iz poseleniya pozdney bronzy Druzhnyi I v Uzhnom Zaural'e [Bone remains from the Late Bronze Age settlement of Druzhnyi I in the Southern Trans-Urals]. *Rossiya i Vostok: Problemy vzaimodeistviya: Materialy konferentsii*, vol. 2, Chelyabinsk: ChelGU, pp. 116–118.
- Hutson J., Burke C., Haynes G., 2013. Osteophagia and bone modifications by giraffe and other large ungulates. *Journal of Archaeological Science*, no. 40, pp. 4139–4149.
- Johanssen N., 2006. Draught cattle and the South Scandinavian economies of the 4th millennium BC. *Environmental Archaeology*, vol. 11, pp. 35–48.
- Juctus A., Turner E., 1990. A forked bone from middle palaeolithic levels in the Wannan Volcano (Rhineland-Palatinate). *Cranium*, vol. 7, no. 2, pp. 58–62.
- Kabysh A.A., 1967. *Endemicheskaya osteodistrofiya krupnogo rogatogo skota na pochve nedostatka mikroelementov* [Endemic osteodystrophy of cattle caused by the lack of microelements], Chelyabinsk: Uzhno-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 371 p.
- Kosintsev P.A., 1989. Predvaritel'noye soobshcheniye o faune poseleniya Kulevchi III [Preliminary information about the fauna of the settlement of Kulevchi III]. *Ispolzovaniye metodov estestvennykh nauk pri izuchenii drevney istorii Zapadnoy Sibiri*, Barnaul, pp. 57–63.
- Kosintsev P.A., 2003. Tipologiya arkheozoologicheskikh kompleksov i modeli zhitovnovodstva u drevnego naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri [Typology of archaeozoological complexes and livestock models of the ancient population of the South of Western Siberia]. *Noveyshiye arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii: K stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina*, Moscow, pp. 157–175.
- Kosintsev P.A., Stefanov V.I., Trufanov A.Ya., 1989. Reprezentativnyy ob'yem osteologicheskoy vyborki i ustoychivost' kharakteristik tipa khozyaystva i sostava stada [A representative volume of the osteological sample and stability of characteristics of the farm type and herd composition]. *Aktual'nyye problemy metodiki zapadnosibirskoy arkheologii*, Novosibirsk, pp. 138–141.
- Langman V., 1978. Giraffe pica behavior and pathology as indicators of nutritional stress. *The Journal of Wildlife Management*, vol. 42, no. 1, pp. 141–147.
- Luk'yanovskiy V.A., 1984. *Bolezni kostnoy sistemy zhitovnykh* [Diseases of the bone system of animals], Moscow: Kolos, 254 p.
- Silver I., 1969. The ageing of domestic animals. *Science in Archaeology*, London: Thames and Hudson, pp. 293–302.
- Stefanov V.I., 1996. Poseleniya alakulskoy kultury Uzhnogo Urala [Settlements of the Alakul culture in the Southern Urals]. *Materialy po arkheologii i etnografii Uzhnogo Urala: Trudy muzeya-zapovednika Arkaim*, Chelyabinsk: Kamennyi Poyas, pp. 43–64.
- Stobbe A., Gumnior M., Ruhl L., Schneider H., 2016. Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia — Evidence from high-resolution palaeobotanical studies. *The Holocene*, pp. 1–16.
- Teichert M., 1975. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widerristhöhe bei Schafen. *Archaeological studies*, Amsterdam: North-Holland Publishing Company/Elsevier, pp. 51–69.
- Thomas R., Johanssen N., 2011. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance. *International Journal of Paleopathology*, no. 1, pp. 43–54.
- Tsalkin V.I., 1960. Izmenchivost' metapodiy I yeye znacheniye dlya izucheniya krupnogo rogatogo skota v drevnosti [Variability of metapodials and its importance for the study of cattle in Antiquity]. *Bull. MOIP. Otdel biol.*, vol. LXV, no. 1, pp. 109–126.
- Tsalkin V.I., 1970. *Drevneyshiye domashniye zhitovnyye Vostochnoy Evropy* [The most ancient livestock of Eastern Europe], Moscow: Nauka, 279 p.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**), на русском языке;

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют на английском языке:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— резюме (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для списка «References») редакция отклоняет статью.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисовочных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисовочных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 40-63-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
БКНИИ СО АН СССР — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр СО РАН
БУ ИсА — Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»
БФ СО АН СССР — Бурятский филиал СО АН СССР
БЮИ МВД России — Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел России
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия
ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП — Московское общество испытателей природы
МСНК — Международный союз немецкой культуры
НТГИА — Нижнетагильский городской исторический архив
ПМА — полевые материалы автора
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник МАЭ АН СССР
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТГИК — Тюменский государственный институт культуры
ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УрО АН СССР (РАН) — Уральское отделение АН СССР (РАН)
ФИЦ — Федеральный исследовательский центр
ЦЕИ — Центр египтологических исследований
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Электронное издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (38)

2017

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Р.О. Поплавский

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 02.10.2017. Уч.-изд. л. 23,8. Объем 7,5 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

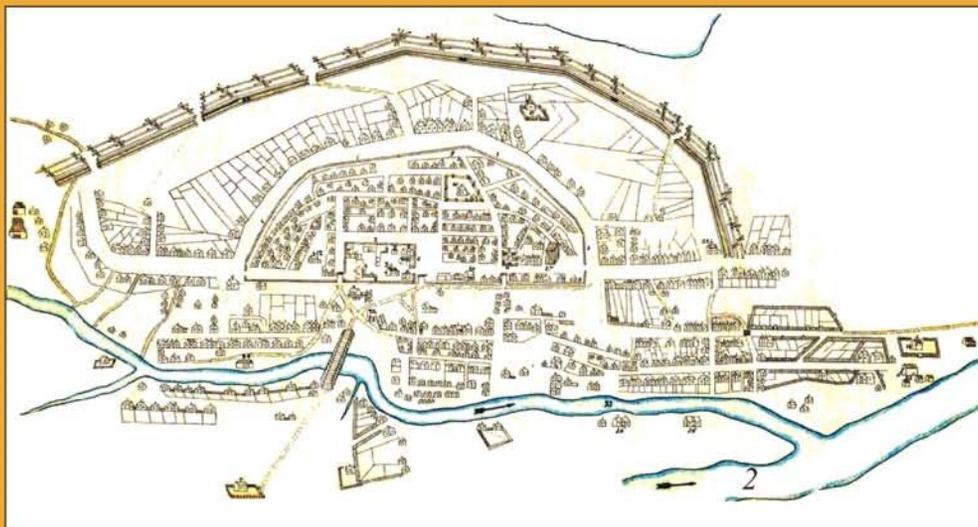
ISSN 2071-0437

9 771811 746005

Чертеж г. Тары С.У. Ремезова, около 1696 г.

План г. Тары 1747 г.